НЕИЗВЕСТНАЯ!
ИСТОРИЯ

Николай Быховцев

ПЕРВЫЕ СОВЕТЫ

Волковысчина: сентябрь 1939 — июнь 1941

Рига
Институт беларуской истории и культуры
2012

Серия «Неизвестная история» основана в 2009 году
Учредитель серии А. Е. Тарас
Оформление серии Б. Г. Клюйко

Быховцев, Н.

Б Первые Советы (Волковысчина: сентябрь 1939 — июнь 1941). / Николай Быховцев. — Рига: Институт беларуской истории и культуры, 2012. — 372 с.: илл. — (Неизвестная история)

ISBN 978-9984-897-01-1

В сентябре 1939 войска Красной армии нанесли удар в спину полякам, отражавшим агрессию нацистской Германии. Вскоре после этого восточные воеводства Польской республики были присоединены к СССР. По сей день продолжаются споры о том, что это было — освобождение западных беларусов и западных украинцев от национального и социально-экономического гнета польских «панов» или же установление оккупационного советского режима. Краевед из Волковыска дает в своей книге исчерпывающий твет на этот вопрос. При этом он опирается на документы партийно-советских органов того времени и на многочисленные воспоминания очевидцев.

ISBN 978-9984-897-01-1

Издатель выражает благодарность
Петру Бураку, уроженцу Волковыска,
за помощь в издании этой книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Первые Советы» — именно так жители западных областей Беларуси и Украины в послевоенное время стали называть период своей истории, длившийся неполные два года — с сентября 1939 по июнь 1941 года. Затем была немецкая оккупация, после которой вернулась советская власть — «Вторые Советы». До сих пор у старых людей в ходу поговорка: «Первые Советы были лучшие за вторые. Те пробыли всего два года и ушли, а вторые остались навсегда». В этой народной поговорке заключается сама суть, та истина, которая характеризует отношение простого народа к советской &ласти.

Термин «освобождение», которым по сей день российские «державники» называют агрессию Красной Армии 17 сентября 1939 года против Польши, вызывает лишь иронию. Не мог Сталин со своими соратниками нести свободу в другие страны, когда в СССР были истреблены миллионы своих граждан, а другие миллионы находились в лагерях рабского труда. Не мог Сталин с его головорезами в униформе НКВД в одно и то же время убивать свободу в своей стране и нести её другим народам. Не мог «отец народов» вдеть и накормить чужой народ, когда граждане своей страны недоедали, когда рабочие и крестьяне не могли свободно купить простого ситца на платье или рубашку. Однако с завидным упорством многие нынешние идеологи и в России, и в Беларуси продолжают внушать нам сказки о выдуманном «освобождении».

Другое дело, что в результате «освобождения» произошло объединение беларуских земель. Как отмечает беларуский историк Юрий Туронок, живущий в Польше, это событие принимали даже те беларуские деятели и политические партии, которые не соглашались с советской системой. Он делает вывод:

«У адрозненж ад беларускага, польси пункт гледжання на падзе1 1939 г. абумоулены перш за усё стратай калян1яльных земляу на усходзе. У гэтых адносшах Рыжею трактат быу для Беларуа ня менш амаральным і злачынным, чым для Польшчы быу пакт Рыбэитропа-Молатава»[1, с. 815-816].

Напомним, что по Рижскому договору, подписанному в марте 1921 года представителями Польши и РСФСР, Беларусь была разделена на две части: западную и восточную. По пакту Риббентропа-Молотова, заключённому в августе 1939 года между нацистской Германией и большевистским Советским Союзом, Польша подлежала разделу между ними и, как государство, должна была прекратить свое существование. Это и было сделано в сентябре 1939 года.

Яркую картину судьбоносного периода нашей истории, помимо воспоминаний очевидцев, дают документы из бывшего Белостокского партийного архива, которые обширно цитируются в данном исследовании. Эти документы во времена советской власти были засекречены. Теперь они заговорили во весь голос, с убийственной правдивостью разрушая миф советской пропаганды о неком «освобождении».

Отметим попутно, что участники заседаний Волковысского районного комитета большевистской партии в предвоенное время оценивали текущую ситуацию более реально, чем послевоенные пропагандисты. Мало того, текущую ситуацию достаточно реально оценивали и в ЦК КП(б) Белоруссии, что показывает письмо этого высшего партийного органа от 21 октября 1940 года под названием «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии». Письмо с грифом «Только для членов партии» было разослано во все райкомы КЛ(б) Западной Беларуси, где на его основе происходило критическое самобичевание представителей новой власти.

Но добиться изменений в лучшую сторону, исправить недостатки редко когда удавалось. Оно и понятно. Новая жизнь на «освобождённых» территориях, как и в остальном СССР, строилась по принципу классового подхода: с ликвидацией частной собственности на землю и средства производства. Данное обстоятельство напрочь лишало прежний управленческий аппарат, бывших предпринимателей и всех зажиточных людей, добившихся материального благосостояния благодаря умной голове, незаурядным способностям и самоотверженному труду, возможности активно включиться в процесс строительства нового государства. Таких граждан

объявляли «врагами народа» и вместе с семьями отправляли в ссылку в «отдаленные районы СССР».

Но в упомянутом письме ЦК КП(б)Б самым главным недостатком в работе местных большевистских властей названа недооценка значения политической работы в массах:

> «Многие партийные и советские работники, решая поставленные перед ними хозяйственно-политические задачи, пренебрегают массово-политической работой, сбиваются на методы администрирования».

«Светлое будущее» насаждалось силою. Пришедшие с востока начальники, не считаясь с местными традициями, обычаями и укладом жизни, насаждали свои законы, порядки и мировоззрение. И если «при поляках» тоже хватало несправедливости, то это были лишь «цветочки» по сравнению с режимом, принесенным с Востока. Да, кое-кто при новой власти стал жить «веселее», но не все, а безусловное меньшинство населения. Несмотря на это, все годы советской власти мощный аппарат советской пропаганды внушал нам, западным беларусам, что без 17 сентября 1939 года мы до сих пор «ходили бы в лаптях» и все поголовно ополячились.

История расставила всё на свои места. Сейчас нетрудно сравнить, кто живёт лучше — мы или Западная Европа, где не ставили преступного эксперимента над людьми в виде коммунизма. Сравнение не в нашу пользу. Что же касается ополячивания, то на самом деле мы оказались русифицированными.

I

ПЕРЕД ПРИХОДОМ СОВЕТОВ

Атмосферу, царившую накануне войны в наших местах, самым лучшим образом передал в статье, опубликованной в декабре 1939 года эмигрантской газете, бывший русский офицер из окрестностей Волковыска. Он пережил вступление советских войск в Западную Беларусь, а спустя некоторое время перешёл границу соседнего государства. Русский офицер попросил редакцию не сообщать ни его фамилии, ни страны, где он находился в тот момент ввиду того, что дал подписку польскому правительству о полном отказе от политической деятельности:

> «Когда началась германо-польская война, мы, небольшая группа русских, стали испытывать смутное беспокойство. Двадцать лет жизни в Польше дали нам самое близкое знакомство с польским государством. Мы испытываем глубокую признательность польским властям, давшим нам приют и в своё время спасшим нас от большевистской расправы. К тому же у нас установились самые близкие отношения с местной польской администрацией. Хотя отношение к нам было вполне приличным, мы все эти двадцать лет не могли отделаться от мысли, что существование Польши непрочно и даже искусственно. С одной стороны совершенно неопределённая внеш-

няя политика и всегда подчёркнутое стремление считать себя великой державой, заменившей бывшую Российскую империю, с другой стороны — большевизм на востоке.

...Последний месяц перед войной с глубоким изумлением мы наблюдали за нашими друзьями поляками. Ещё раз считаю долгом сообщить, что мы так срослись с их жизнью, что до сих пор делили вместе и горе и радость, и общую ненависть к большевикам. Но в эти дни мы перестали понимать друг друга.

У каждого народа есть свои достоинства и недостатки. Мы знали храбрость поляков, их пламенный патриотизм и любовь к своему польскому родному, любовь, которую, к их чести, не могли вытравить ни старые репрессии, ни то, что многие из них получили от России и образование, и чины, и почести. Знали и их недостатки — беспечность и излишнюю самоуверенность. Но мы не предполагали, что эти качества могли дойти до таких пределов.

Весь август месяц 1939 года прошёл в мобилизационной горячке. И пресса, и власти, и рядовые люди совершенно серьёзно обсуждали вопрос о полном разгроме Германии. Вот распространённое мнение: «У немцев режим трешит, революция на носу, голод, в Польшу бегут тысячами (!) германские дезертиры; находились «очевидцы», видевшие «собственными глазами» эти тысячи немецких офицеров и солдат, переходивших германо-польскую границу.

Стоит только польской армии ударить одновременно на восточную Пруссию и на Берлин, как всё полетит. Данциг будет занят в несколько часов, через неделю наша кавалерия будет поить своих коней в древнем польском Кролевце (Кенигсберге), а через две недели мы будем под стенами Берлина. Конечно, война закончится в 2-3 недели, если не обманут французы и англичане, ну а если они и на этот раз не выступят, то справимся и без них. Под угрозой страшной революции немцы вынуждены будут пойти на капитуляцию и Польша сыграет огромную историческую роль, восстановив то положение, которое было до XVII века, когда нащи короли давали из своих рук герцогские титулы тевтонским маркграфам».

Возражать на всё это было совершенно бесполезно. Если вы принимали все эти разговоры скептически, на вас начинали коситься, если же вы их начинали оспаривать, то вы рисковали быть заподозренным в нелояльности. Но всё-таки был один вопрос, который мы могли обсуждать, а именно вопрос о большевиках. «Большевики — всецело в руках англичан и французов. Они всё время предлагают нам свою помошь, но мы от неё отказываемся, как от чумы».

Когда же был заключен германо-советский пакт, поляки не придали этому почти никакого значения. «Большевики боятся Польши, как огня. Нам на востоке в сущности не надо никакой армии. Один КОП (Корпус пограничной стражи, Korpus Ochrony Pogranicza) справится с наблюдением за границей. Единственно чем будут озабочены большевики, это тем, чтобы Польша после разгрома Германии не двинулась бы на большевиков».

...Заманчивы были эти перспективы, но никакого доверия к ним не было. Однако никто из нас всё же не мог предполагать такой развязки событий. Мы готовились к упорным боям на западе, к отступлению поляков за Вислу и к оживлению большевистской подрывной деятельности в приграничном районе. Не сомневаясь в том, что польские войска потерпят жестокое поражение, мы гадали о том, не соблазнятся ли большевики несомненной неприязнью местного населения к польской власти и не подымут ли они коммунистического восстания. Но «мы» — это была кучка русских офицеров и интеллигентов. Об этих вопросах поляки, рассчитывавшие на двухнедельное победное шествие к Берлину, вовсе не думали.

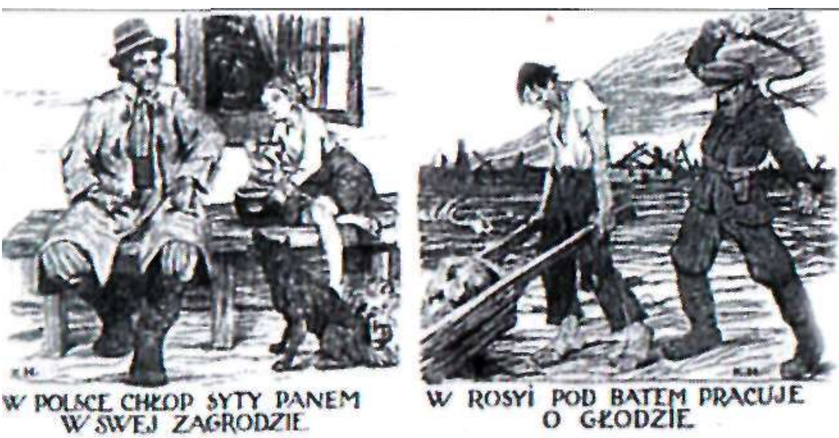
Свершилось свершившееся. Грянула война. В газетах начались победные реляции и статьи: «Польская авиация над Берлином», «Британский флот у Данцига», «Десант англо-французских сил в Восточной Пруссии», «Польская кавалерия победно движется на Кенигсберг», «Линия Зигфрида прорвана. Дорога на Берлин открыта».

Каждый такой заголовок в газетах вызывал новую волну энтузиазма и... признаюсь, что и некоторые из нас заколебались, а вдруг, действительно, мы в глуши проглядели и, зная старую императорскую Германию, сочли, что сильнее кошки зверя нет. Однако уже через несколько дней начались ушаты холодной воды. Всё-таки существовало радио, по которому, кроме неизбежного преувеличения с обеих сторон, можно было, слушая нейтральные станции, узнать истину; пришли рижские газеты. Действительность предъявляла свои права. Но до последних дней поляки не унывали: «Стратегический маневр. Немцы в ловушке», «Немцы будут сброшены в Вислу», «Немецкие танки вязнут на польских дорогах», «Висла — польская линия Мажино».

Однако совершенно неожиданно германские войска подошли к Белостоку. Пафос и энтузиазм сменились страшной растерянностью. В полном беспорядке бежали на восток правительственные учреждения. Действующую армию я лично не видел, мнение было таково — героизм отчаяния. Но в тылу началась паника, живо напомнившая мне период краха Добровольческой армии. У всех была

всё-таки надежда: спасут англичане и французы, не может быть, чтобы они нас бросили. Да и Варшава держится и, говорят, немцы несут огромные потери. Когда союзники дойдут до Берлина, тогда мы голыми руками возьмём немцев в ловушку. Отсидеться на Висле! Правительство будет управлять из Брест-Литовска. И ни слова о большевиках. Как будто бы их не существов&то. И вдруг...» [2].

Ровно за неделю до начала войны, 24 августа 1939 года, получив от рассыльного мобилизационную красную карточку, в Волковыск из Варшавы по железной дороге выехал подпоручик запаса Здислав Янота-Бзовский. Он был приписан к 3-му полку конных стрелков, размещенному в добротных, трёхэтажных кирпичных казармах, построенных ешё при царской власти для солдат артиллерийского полка. Недалеко от Волковыска, возле села Гнезно с костёлом XVI века, находилось имение его отца под названием Холевичи.

Агитационный польский плакат. Надписи гласят: «В панском дворе крестьянин сытый. В России же работает под кнутом и голодный»

После объявления срочной мобилизации, в ночь на 24 августа последовало интенсивное движение военных транспортов. Как вспоминает Здислав Янота-Бзовский, уже 25 августа на проезжающих станциях по пути в Волковыск находилось множество мобилизованных солдат, которые пели песни, кричали, а женщины плакат.

Неожиданная мобилизация вызвала в обществе тревогу и неопределённость. 25 августа через радио и прессу было передано официальное сообщение польского правительства о немедленном

возвращении из отпусков всех государственных служащих. Также известили об отсрочке нового учебного года для школьников и студентов, который должен был начаться 4 сентября. Указывалось о принятии немедленных мер к противовоздушной обороне, созданию санитарных дружин и т.п. Всё это способствовало тому, что жители городов и деревень стали запасаться необходимыми продуктами и товарами на случай войны: солью, сахаром, мукой, консервами, спичками, керосином, мылом. Однако, несмотря на повышенный спрос, товаров в магазинах хватало, так как особой паники не наблюдалось. Наоборот, всё население было охвачено патриотическим подъёмом, чему в немалой степени способствовала и пропаганда. Повсюду были развешены патриотические призывы и плакаты, а народ на железнодорожных станциях с энтузиазмом провожал проезжающие на запад эшелоны с резервистами и техникой.

По прибытии в полк Здислав Янота-Бзовский получил должность второго адъютанта командира полка [3, с. 51—53].

Целый день к месту приписки прибывали мобилизованные из запаса офицеры и солдаты. Часть офицеров выехала за город для отбора коней новому пополнению.

Офицер 3-го полка конных стрелков Здислав Янота-Бзовский с женой

27 августа пополненные эскадроны полка вышли из города и разместились на постой в ближайших деревнях: Яныши, Пекари и на южной окраине города в старом сосновом лесу.

28 августа дежуривший в полковой канцелярии офицер получил приказ по телефону из Гродно о всеобщей мобилизации. Сейчас же выслали гонцов к командирам эскадронов с приказом о боевой готовности, но через ^ часа пришло сообщение об отмене мобилизации.

Пропагандистский польский плакат: «На силу ответим силой». Под портретом главнокомандующего польской армией Э. Рыдз-Смиглы надпись: «В случае войны каждый мужчина без скидки на возраст и каждая женщина станут солдатами»

29 августа в 18 часов вновь получили тот же приказ с задачей расклеить по городу афиши с объявлением о всеобщей мобилизации [3,53].

Почему польское руководство поступило таким странным образом, отменив начатую было мобилизацию? Потому что послы Англии и Франции официально попросили поляков повременить с её объявлением. При этом руководство этих стран прекрасно знало, что германское вторжение начнется утром 1 сентября. Просьба английских и французских дипломатов преследовала лишь одну предательскую цель: облегчить германской армии нанесение первого удара. Цель эта была достигнута. Затягивание польской мобилизации действительно оказало германской армии огромную помощь. Польских мужчин призывали в армию уже под ударами немецкой авиации. Железнодорожные и грунтовые пути заполонили резервисты, двигавшиеся навстречу начавшим отступление войскам. А отступающие польские дивизии в то же самое время оказались лишены пополнения [4, с. 165].

В ночь с 31 августа на 1 сентября было введено ограничение на пассажирское движение по железной дороге и издан приказ о затемнении. Начало войны жители Волковыска восприняли, как и

все нормальные люди, с горечью и тревогой. Вспоминает Станислава Езерская, муж которой являлся предпринимателем в Волковыске, имел здесь собственную котельно-механическую мастерскую, в которой она работала бухгалтером:

> «1 сентября 1939 года по радио услышали печальное известие о войне, развязанной немцами. Этой новостью все были в буквальном смысле ошарашены, в сердцах людей появились тревожные предчувствия, работа не клеилась, работники собирались группами и разговаривали о том, о сём. На следующий день 2 сентября Волковыск стали наведывать немецкие самолёты, но пока не причиняли никакого вреда. Каждое утро они пролетали над городом, наводя страх на жителей, но через несколько дней на город посыпались бомбы. На счастье город особенно не пострадал, было убито около 10 человек, часть военных казарм были повреждены, а 20 коней в военном городке погибли. Ураган войны не останавливался, и с каждым днём по радио приходили плохие известия» [5].

Таким образом 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Вспоминает Здислав Янота-Бзовский:

> «Утром 2 сентября сразу несколько немецких самолётов пролетели над казармами, но бомб не сбросили. Только один из них, обстрелянный из пулемёта, кинул в отместку пару бомб на пустые конюшни. В этот же день через станцию Волковыск без перерыва шли на запад военные эшелоны. В полк всё прибывали новые призывники, поднятые всеобщей мобилизацией, и из которых организовывали ядра новых полков. Время от времени раздавались залпы стрелков, паливших по разлетавшимся немецким самолётам. Известия, приходившие с фронта, не приносили радости и все ходили с помрачневшими лицами» [3, с. 54].

И действительно, было от чего упасть духом. Ведь ближайшие польские союзники — Франция и Англия — имели с Польшей договор, по которому в первый же день войны обещали прийти ей на помощь. Но никакой помощи не последовало. На самом деле их главной задачей было не остановить немецкое вторжение, что могло привести к переговорам, а углубить боевые действия с целью быстрого разгрома Польши немцами и выхода их к границе СССР. Началась гнусная и грязная политическая игра Запада, вошедшая в историю под названием «странная война». По сути дела это было предательство своего союзника, а дальнейшей целью такого предательства являлось развязывание войны между Германией и СССР.

Польша оказалась разменной монетой в стратегических планах Запада.

1 сентября 1939 года стояла пасмурная погода. Утром жители Волковыска услышали далёкие взрывы, похожие на раскаты грома. В семь часов утра командованию 3-го полка конных стрелков сообщили из Гродно, что немецкие самолёты бомбили ряд объектов, а вскоре начали поступать сообщения из полицейских постерунков Волковысского повета о том, что на некоторые деревни самолёты сбросили зажигательные бомбы. В 9 часов утра от звука низко летящего самолёта с чёрными крестами в военном городке все повыскакивали из помещений на улицу. Сделав два круга над взбудораженным военным городком, и не сделав ни единого выстрела, самолёт улетел на северо-восток [3, с. 54].

Казармы в Волковыске, где размещался 3-й полк конных стрелков

А вот свидетельство о тех днях старшего стрелка, пулемётчика 3-го конного полка Юзефа Кропы:

> «Наши пулемёты были наготове для отражения самолётов противника. Немецкие самолёты вскоре появились над Волковыском. Сбросили две бомбы на плац военного городка, но от их разрывов никто не пострадал. Когда налетел очередной самолёт, нам удалось его сбить, за что получили благодарность от командира полка полковника Малысяка».

Сбитый немецкий самолёт упал в Замковом лесу, примыкавшем к северной части Волковыска. Данный факт подтвердил очевидец тех событий Владислав Ухналевич — один из участников гражданской противовоздушной обороны города. Поручик Третьяк вместе со своими подчинёнными тут же на лошадях поскакали на место падения самолёта, обломки которого обнаружили на окраине Замкового леса возле хутора Мосток. Под ними лежал мёртвый лётчик. Второй пилот, как рассказали местные жители, успел выброситься на парашюте и скрыться. В этот день зенитчиками полка был сбит ещё один немецкий самолёт, упавший в Изабелинский лес, расположенный в километре на юг от Волковыска [7].

4 сентября из шкафа, стоявшего в кабинете командира 3-го полка конных стрелков полковника Малысяка, знаменосцы вынесли полковое знамя. Под охраной почётного караула знамя доставили на железнодорожную станцию, где уже наготове стояли составы с прицепленными паровозами. Вскоре к вагонам потянулись обозы, стоявшие до этого замаскированными в недалёком сосновом лесу. В полдень погрузка закончилась, и полк тронулся в сторону Гродно. В этот же день, вечером, проехали Белосток и на станции Червоный Бор разгрузились. Полк влился в оперативную группу «Нарев», оборонявшую границу Польши со стороны Восточной Пруссии на фронте протяженностью 150 километров, от Ружана до Сувалок.

Командир 3-го полка конных стрелков полковник Ян Малысяк

Командир полка Ян Малысяк собрал на станции для совещания офицеров полка: своего заместителя полковника Стефана Платоноффа, квартирмейстера майора Ежи Фларковского, адъютантов — ротмистра Вацлава Богуцкого и поручика Здислава Яноту-Бзовского, оружейного офицера поручика Ежи Высоцкого, командиров эскадронов — ротмистров Мечислава Паенка, Антония Коссаковского, Виктора Госевского, поручика Люциана Левандовского, командира пулемётного эскадрона ротмистра Витольда Васютыньского. На столе лежала карта. Командир полка сообщил о прорыве обороны немцами возле Ружана, где полк должен остановить противника.

8 сентября возле деревень Гродзиск и Дзвонэк полк принял боевое крещение — отбил атаки немецкой кавалерии и моторизованной пехоты, которую поддерживали танки [3, 55—58].

Волковысскии полк с честью выдержал боевое испытание, нанеся врагу немалый урон. В ночь с 3 на 4 октября в районе польского города Копка боевой путь полка был закончен. В историю сентябрьской кампании 1939 года волковысскии полк вошел как последний полк, закончивший эту кампанию. Очутившись в немецком плену, большинство польских солдат и офицеров в 1945 году дождались освобождения. Женевская конвенция, подписанная польским правительством до войны, дала им такую возможность. Командир полка Ян Малысякумер 18 июля 1979 года и был похоронен на Раковецком кладбище в Кракове. Здислав Янота-Бзовский в 1981 году издал книгу воспоминаний под названием «Записная книжка конного стрелка».

Атмосферу, царившую среди местных обывателей, передают отрывки из дневника молодого учителя школы Витольда Карпызы, описывающего события в местечке Россь вблизи Волковыска:

«25 августа 1939 г. Наконец зашевелился призывной пункт. Объявлена частичная мобилизация. В армию призван войт Вербель и руководитель Буссовский. С перерывами в несколько минут на запад через станцию Россь проходят военные эшелоны. Грохот вагонных колёс слышится постоянно. По радио и в газетах ничего не сообщают.

26 августа. Варшавская радиостанция передаёт музыку и песни. Поезда, поезда, поезда... Кто-то пробовал разобрать рельсы. Крестьяне раскупили в магазинах всю соль. Других товаров пока хватает.

27 августа. Посреди Гродненской улицы промчался испуганный конь, волоча за собой воз с бидонами молока. На повороте задел возом звонницу, опрокинул воз и вывалил на землю бидоны. Дёрнулся и, освободившись от воза, с ещё большим страхом понёсся по улице Цементной. Скоро по улице загрохотала фура с мобилизованной полицией, одетой в новые мундиры.

30 августа. На станции приветствуем проезжающих мимо нас военных. Комитет угощает их сигаретами и дарит пакеты с едой. Один молодой солдат едет на открытой платформе возле полевой кухни. Приветствуем его. У нас в глазах стоят слёзы. На стенах домов начали развешивать мобилизационные плакаты.

1 сентября. Утром над цементным заводом пролетели три немецких бомбардировщика. Над деревней Карповцы снизились, а вслед за этим на севере раздались взрывы сброшенных бомб.

3 сентября. Нервы взвинчены. Школа закрылась до 12 сентября. Заводские сирены оглашают тревогу. Все в ожидании газовой атаки. Находился в поле. Ложусь в борозду и горстью земли затыкаю нос. Рядом крестьянин едет на коне и громко смеётся.

5 сентября. Протяжно воют бомбардировщики и голосят женщины. Нет спокойствия и нет желания работать.

12 сентября. Начался учебный год. Школой руководит Тышковский. Через каждые несколько минут завывают сирены. Руководитель выпроваживает детей в сад и приказывает ложиться на землю. Некоторые учителя возмущаются.

13 сентября. Уже несколько дней ходят разговоры, что немцы разбрасывают отравленные конфеты. Купил в магазине леденцы. Одна конфета незаметно выпала из кулька и упала на ступеньки магазина. Сейчас же собралась толпа:

— Смотрите! Польские конфеты немцы разбрасывают! Один ребёнок дотронулся губами до нее и у его вспухли губы. Сейчас лежит в больнице!

Одна женщина с помощью своего мужа осторожно положила конфету на лист лопуха и понесла в полицейский постерунок. Толпа двинулась за ней. Командир полиции Петжак с серьёзным видом принял прибывших к нему людей.

Учитель из местечка Россь Витольд Карпыза

14 сентября. С каждым днём в Росси всё больше появляется беженцев из центральной части Польши. Из Келецкого воеводства приехал дядя Стасевич с Галинкой. Галинка одета в харцерский мундир. За две недели на велосипеде они проехали сотни километров. По дороге потеряли мать. Самолёты сбросили несколько бомб на пути возле цементного завода, хотя военных вблизи не было. Возле деревни Мочулино убили пастушка, а в Новосёлках — женщину, которая выходила из хлева.

15 сентября. Сегодня хоронили жертв немецких лётчиков. Немец-

кие танки находятся уже возле Белостока и Беловсжи. Школу опять закрыли. Мужчинам выплатили трёхмесячное пособие и приказали эвакуироваться за Неман. Полиция покинула местечко» [7].

Воспоминания о первых днях войны оставил ещё один житель местечка Россь — Вацлав Стах:

«Объявление военной мобилизации в последние дни августа стало для многих людей неожиданностью, а когда через нашу железнодорожную станцию Россь начали проходить поезда с военными и военным снаряжением, все сомнения о надвигающейся войне отпали. Однако польская общественность верила пропаганде, что наша армия сильная и победит немцев. Верила и тем сообщениям, что Англия и Франция объявят Германии войну. Многие люди верили и в то, что война с немецким агрессором будет короткой.

Через несколько дней, когда в польском небе были видны только вражеские самолёты с чёрными крестами, когда немецкие лётчики бомбили многие города, а также были сброшены бомбы на близкий цементный завод и на железную дорогу Волковыск-Россь, когда проезжающие поезда перевозили в основном только военных и коней и минимальное количество тяжёлого оружия (проживая возле железнодорожной станции, я один только раз видел несколько бронированных машин на открытых платформах в поездах, двигающихся на запад), в сердца людей закрались сомнения.

После 10 дней войны стали появляться наши солдаты из разбитых частей, измученно бредущие на восток и рассказывающие о тяжёлых боях, о вражеских танках и самолётах и об огромном превосходстве вражеской техники. Когда же по дорогам на восток потянулись гражданские беженцы, то результат войны уже не вызывал сомнений. Несколько семей железнодорожников из Росси тоже приготовились к эвакуации, ожидая, когда им подадут специальный поезд для железнодорожников, на котором думали уехать в Вильнюс. Не дождавшись обещанного поезда, остались на месте» [8, с. 1-2].

А вот что в эти дни происходило в другом городке Волковысского повета — Свислочи. Из воспоминаний Эммануэля Голдберга, бывшего жителя Свислочи:

«Август 1939 года приближался к концу. Тревожные события, происходящие в мире, отразились и в небольшом городке Свислочи. Даже поверхностный наблюдатель замечал, что деловая жизнь в городе упала, что горожане были явно нервные, как будто ждали

плохих новостей. Население было уверено, что Польша будет следующей жертвой агрессии нацистской Германии. Народ начал рыть траншеи во дворах домов на случай воздушного налёта. Первого сентября железнодорожную станцию бомбили немецкие самолёты. Для населения города, это стало первым подтверждением, что война действительно началась. В это воскресное утро я вышел в город. Несмотря на ранний час, маленькие группы людей собирались на улицах, и я мог слышать их волнующие обсуждения по поводу бомбардировки и приближающейся к нашему городу войны. Не встревая в дискуссии, я поспешил домой и разбудил своих родителей и мою сестру. Беспокойство охватило наше семейство. Разрушительное значение приближающихся событий проникло во всеобщее сознание. Голос матери дрожал, когда она вспомнила, что мы не имеем никакого запаса муки или хлеба.

Обычно газеты из Варшавы прибывали поездом к полудню, но с началом войны их доставка нарушилась, а вскоре прекратилась совсем. Радио стало единственным средством связи с внешним миром. В Свислочи радио имели немногие, так как по причине дороговизны не все могли его купить. На нашей улице только одно семейство имело радио. Это была семья начальника полиции: единственное польское семейство на еврейской улице. Полицейский установил радио на подоконнике, чтобы дать возможность соседям слушать новости. Главным образом радио передавало военные марши и патриотические песни, а также патриотические речи и кодовые сигналы. Новости были редки.

Всё это время поезда с мобилизованными солдатами часто проходили через наш город. Моральное состояние польских солдат было высоким: они всё время спрашивали станционных работников, далеко ли до Берлина. Однако с каждым днём новости становились неутешительными» [9].

О событиях того времени вспоминает пробощ свислочской парафии, ксёндз Альбин Горба:

«В городе царила растерянность. Была организована комиссия во главе с бывшим бурмистром Михаилом Виленьцом, начали «мобилизовать» солому, сено, зерно, свиней и коров, никому за это не платя. Люди говорили: «Ещё только день войны, а у людей уже реквизируют». В магазинах на другой день войны полки опустели: евреи всё попрятали. Только в кооперативном магазине распродавали остатки товара. В обиходе стало не хватать мелких денег, а в сберегательных кассах прекратили выдавать наличные.

Вид местечка Свислочь. В центре обелиск с позолоченным шаром, установленный в начале XIX века владельцем местечка графом Тышкевичем. При первых советах памятник был снесён

Немецкие самолёты прилетали каждый день, сбрасывая бомбы на железную дорогу. 5 сентября на железнодорожной станции Свислочь был разбомблен военный эшелон с артиллерией из Вильны. Было много раненых, которых привезли в больницу Свислочи. Всех тяжелораненых исповедали. Часть раненых перевезли в больницу Волковыска. Вскоре 6 человек умерло. Похоронили их в братской могиле на кладбище. Каждый новый день приносил плохие новости. Начали появляться гражданские беженцы и военные дезертиры. Все подавленные» [10|.

Далее приводится отрывок из воспоминаний бывшего жителя Ьо п.варка Жабки Мижеричской гмины, Волковысского повета, Яна Виленьца(1897—1970). Ян Виленецдо 1939 года работал в Волковыске чиновником в службе по чрезвычайным ситуациям. В 1945 Году был арестован и выслан в Сибирь, а после освобождения эмигрировал в Польшу, где написал свои воспоминания. Его цепкий Взгляд на происходящие события зафиксировал мельчайшие подробности происходящего, поэтому воспоминания представляют несомненный интерес. В своём повествовании мы не раз ещё будем к мим возвращаться:

«Над дорогами и полями летали единичные немецкие самолёты, стреляя очередями из пулемётов по всем и по всему, что находилось на них. Был свидетелем, как какой-то немецкий лётчик застрелил семилетнюю девочку и две коровы, которые она пасла на поле неподалёку шоссе с Волковыска до Зельвы. На третий или другой день войны был базарный день, в связи с чем в город приехало много крестьян. Неожиданно налетело несколько самолётов, и сбросили

несколько бомб на сборище людей и коней. Убитыми оказалось 9 коней, из окон вылетело много стекла. У моего двоюродного брата Франтишка Виленьца вылетели все стёкла, рассыпавшись на мелкие кусочки. Ночью жителей обязывали соблюдать полную темноту: не разрешено было зажигать свет в домах и на улице. Машины и мотоциклы должны были иметь фары, закрытые фиолетовой калькой» |11].

Появились жертвы от бомбежек среди мирного населения Волковыска. Вспоминает жительница Волковыска Регина Николаевна Шатиловекая, 1926 года рождения:

«Когда началась война, по улицам города ходила полиция и говорила людям брать лопаты и начать копать рвы с траншеями. Власти хотели подготовиться к обороне города, но вскоре передумали.

Я вышла к калитке и увидела, как над городом появились немецкие самолёты. Насчитала девять штук. Начали бросать бомбы. Тогда на нашей Свислочской улице погибло девять человек. В нашем доме остановилась беженка из Польши, которая во время бомбёжки не успела спрятаться, и осколок попал ей прямо в горло» [6].

В предвоенной Польше армия пользовалась уважением не только у правительства, но и у народа. Но когда в войне с немцами она стала испытывать поражения, к ней начали относиться критически. Вспоминает бывший гражданский осадник деревни Прудно Мстибовской гмины Волковысского повета Юзеф Хустэцкий:

«Для меня начавшаяся война не была такой уж страшной. Узнал её в 1916 году и думал, что столько государств: Франция, Англия и Польша на одну Германию найдут управу. Когда же увидел, что в нашем Волковыске, узловой станции, для защиты от немецких самолётов имеются только пулемёты, а немцы уже бомбят Лодзь, у меня надежда рухнула. Нигде не видно ни одного нашего самолёта. А где же три тысячи наших самолётов? По тылам мечутся отдельные группы военных, но нет сильных подразделений. Газеты врут: «Мы захватили сто танков... Наша кавалерия вошла в Пруссию... Наши самолёты бомбардируют Берлин...». Интересно. Здесь, как на прогулке, свободно летают немецкие самолёты, а там наши их бьют. Одни оплакивают своих сыновей, другие к заготовительным пунктам для армии свозят зерно и свиней.

Интересно — куда так быстро подевались довоенные запасы? Прошла только неделя войны и уже паника: давай и давай так как нужно! А если война протянется целый год, то сколько нам следует дать? А если не хватит? Однако армия наших припасов не получила:

что собрали, всё это злые люди сожгли в складах. Увидел только закопченные каменные стены склада, в котором собрали наш хлеб.

Я состоял членом реквизиционной комиссии, имеющей неограниченную власть в пяти наших обществах. Мне приказали сдать две свиньи. У кого взять? Везу своего весом в 192 кг и от тестя — 175 кг. Взамен получили квитанции: деньги обещали потом. Жду их по сей день. Потерял своё, но зато меня никто не попрекнёт, что кого-то обидел. Бегу к кассе, чтобы хоть немного получить денег и что-то на них купить. Касса пустая, так как войт забрал из неё 36 тысяч злотых и сбежал с ними в Литву. Остался голым» [12, с. 49—50].

Офицеры 3-го полка конных стрелков с призом за победу в конных соревнованиях

Вот отрывки из дневника Вероники Тресенберг, 1920 года рожиц ия, в ту пору молодой патриотки из Волковыска, учащейся 3-го курса гимназии имени Стефана Батория. Вероника вела свой дневник на протяжении 1939—1942 гг., записывая в него события так, Ьк воспринимали её душа и сердце. Нужно было иметь неимоверное мужество, чтобы в годы советской власти, а потом немецкой і [ации доверять сокровенные мысли бумаге, ведь если бы дневник попал в руки репрессивных органов, девушка очутилась бы в гюрьме:

«1 сентября 1939 г. памятный для каждого поляка, первый день Войны с немцами. Все работают, не покладая рук, и у всех сердца с і учат в унисон. На алтарь Отчизны жители жертвуют свои сбере-

жения и драгоценности, сдавая их в банк. Я также работаю изо всех сил. Сначала работала в старостве, а затем в магистрате. Стараюсь вытянуть из евреев деньги, но они на пожертвования скупы.

6 сентября. Нас собрали на площади возле гимназии, а в это время налетели вражеские самолёты. Поступил приказ укрыться. Когда грозные самолёты пронеслись, построение продолжилось. Получили приказ эвакуировать гимназию. Все предыдущие дни «сгорала» на работе и всё это время надеялась, что через пару дней фронт продвинется к Берлину. С фронта доходят хорошие известия.

8 сентября. В старостве печатаем листовки и обращения к сельским жителям, чтобы не верили разным сплетням и слухам, которые распространяют диверсанты и шпионы. Нашей задачей также является убедить городских женщин, что в появившихся слухах нет ни капли правды.

10 сентября. Самолёты неприятеля бомбардировали город. Над городом висит дым. Гибнут дома и имущество, но, прежде всего, гибнут люди» [13].

Ещё одно свидетельство бывшего жителя Волковыска, Зенона Тимошко, ныне проживающего в Польше. Он сообщил автору этих строк о бомбардировке Волковыска в те же дни, но уже советскими самолётами:

«10 сентября, ещё за неделю до вторжения Красной армии, Волковыск подвергся бомбардировке советскими самолётами. В воскресенье утром мы всей семьёй возвращались из костёла и увидели в небе несколько самолётов. Никто не знал, чьи это самолёты. Бомбёжке подверглись военные склады, расположенные по улице Шосовой вдоль железной дороги, а также казармы по улице Кошаровой. Одна бомба на складах не разорвалась, и по надписям на ней люди узнали, что бомба произведена в Советском Союзе» [6].

Зная о том, что большевики не брезговали никакими провокациями и спокойно нарушали нормы международного права, в это нетрудно поверить. Впрочем, провокацию с советской неразорвавшейся бомбой с такой же долей вероятности могли устроить и сами немцы.

Упомянутые Вероникой Тресенберг немецкие диверсанты и шпионы существовали на самом деле. Для борьбы с ними были привлечены местные жители. Вспоминает житель Волковыска Георгий Балейко:

«Военкомат организовал молодёжь дежурить на велосипедах на всех окрестных дорогах. Было приказано немедленно слать гонца в

соседнюю гмину и сообщить по телефону в Волковыск, если немцы сбросят десант, а также обо всех подозрительных личностях. Меня послали под местечко Изабелин следить за хуторами, в которых проживали немецкие семьи. Молодёжь, кроме руководителя, оружием не снабдили. А что забрасывали шпионов, так это без сомнения. Возможно даже и с советской стороны, ведь немцы занимать Волковыск не собирались.

Недалеко от нас по Шоссейной улице жил юноша 17 лет — Атьбин Радзивоник. В первых числах сентября на окраине города он встретил подозрительного человека, ориентирующегося на местности с помощью компаса, и что-то записывающего в блокнот. Незнакомец остановил Альбина и, когда начал его расспрашивать о конном полку, юноша наивно спросил у него: — А вы что, шпион? — мужчина в ответ выхватил пистолет и выстрелил в Альбина. Пуля прошла через левую руку и вошла в тело рядом с сердцем. Посчитав его убитым, незнакомец скрылся. Парня, к счастью, быстро обнаружили и доставили в находившуюся рядом больницу, где его спасли» [6].

Несмотря ни на что, большинство жителей «крэсов Всходних» (Восточных окраин) Польской республики надеялось, что с помощью Англии и Франции удастся остановить немецкое наступление, g потом гнать «германа» до самого Берлина. Никто из них не мог предсказать готовящееся большевистское нашествие с востока. Наоборот, именно сюда устремился основной поток беженцев из западных и центральных областей Польши. Только 17 сентября им овелось узнать, что попали они из огня да в полымя...

2

СОВЕТСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ПОЛЬШИ

^% y~V августа 1939 года вождь Германии (фюрер) Адольф Гит- / I |лер, уже назначивший нападение на Польшу на 1 сен- +tJ \^/тября, послал Сталину телеграмму, в которой настаивал на скорейшем заключении договора о дружбе и ненападении. Потому просил не позднее 23 августа принять рейхсминистра иностранных дел для подписания как пакта о ненападении, так и дополнительного протокола к нему.

По договору, подписанному 23 августа, стороны обязались все споры и конфликты между собой «разрешать исключительно мирным путём в порядке дружеского обмена мнениями». Во второй статье договора говорилось, что «в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Другими словами, СССР не будет помогать возможным жертвам агрессии нацистского рейха.

Договор имел секретный дополнительный протокол о разграничении «сфер влияния» в Восточной и Юго-Восточной Европе. Предусматривалось, что в случае войны Германии с Польшей не-

мецкие войска могут продвинуться до так называемой «линии Керзона», остальная часть Польши, а также Финляндия, Эстония, Латвия и Бессарабия признавались «сферой влияния» СССР. Судьба Польши будет решена «в порядке дружественного обоюдного согласия». Договор был ратифицирован Верховным Советом СССР через неделю после его подписания, причём наличие «секретного дополнительного протокола» Сталин и Молотов скрыли от депутатов.

На другой день после ратификации договора, 1 сентября, Германия напала на Польшу. В соответствии с договоренностями СССР должен был также ввести свои войска в Польшу, однако нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов попросил небольшой отсрочки. 10 сентября, через десять дней после начала войны, Молотов пригласил к себе в Кремль посла Германии графа Вернера фон Шуленбурга и сообщил ему следующее:

> «Советское правительство было застигнуто врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами. Красная армия рассчитывала, что у неё на подготовку есть несколько недель, которые сократились до нескольких дней».

. Дело в том, что 8 сентября Германия объявила о падении Варшавы. Всех ввёл в заблуждение командир немецкой танковой диви)ии генерал Рейпгардт, который оторвавшись от основных сил, достиг немногими танками предместий польской столицы и поспешил доложить наверх о взятии Варшавы. Вскоре его танки были Ьдбиты, но ложная информация пошла гулять по миру.

Илавным аргументом предпринятой против Полыни агрессии Советское правительство объявило необходимость взятия под свою Юш и ту беларуского и украинского населения восточных польских м е л ь перед угрозой оккупации их немцами. А ведь до сентября **193°)** года советское правительство никогда официально не ставило Вопрос о возвращении западных областей Украины и Беларуси. Ьобавок, в 1932 году между Польшей и СССР был заключен догоНор о ненападении, и с этого момента Советский Союз никогда не • иаривал законность и справедливость восточных границ Польши.

Молотов откровенно предупредил немецкого посла о намере- Москвы офипи&чьно предъявить миру в оправдание своей сии версию о защите беларусов и украинцев: «Это даст Советi ому Союзу благовидный предлог и возможность не выглядеть III» ссором». Германское руководство не пришло в восторг от татявления, поэтому была выработана компромиссная форму-

лировка, устраивающая союзников: задача советских и германских войск «состоит в том, чтобы восстановить в Польше порялок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования».

14 сентября Молотов снова пригласил Шуленбурга и сказал о готовности Красной армии перейти польско-советскую границу. Однако, учитывая политическую мотивировку советской операции, Москва не может начать действовать до того, как падёт Варшава [14, с. 263-264].

И всё же не вытерпели, напали еще до падения Варшавы. Акт о капитуляции Варшавы был подписан лишь 28 сентября.

Накануне вторжения, 16 сентября, Военный совет Белорусского фронта, находившийся в это время в Смоленске, издал постановление под № 1 об установлении советской власти на территории Западной Беларуси и Западной Украины. Под грифом «совершенно секретно» постановление, состоявшее из 10 пунктов, предписывало воинским частям Красной армии действовать согласно установленным инструкциям.

Первый пункт предписывал создавать в захваченных польских городах «Временные управления». Что характерно, было подчёркнуто, что называть их надо именно так, а не «ревкомами», как это было летом 1920 года при наступлении Красной армии на Варшаву. Второй пункт приказывал захватывать типографии и незамедлительно начать печатать в них газеты на украинском, беларуском и польском языках. В остальных пунктах говорилось о создании в городах вооружённой рабочей гвардии, а в гминах — крестьянских комитетов, причём указывалось, что «никаких колхозов пока не строить и никаких призывов к устройству колхозов пока не делать». 8-й и 9-й пункты приказывали избегать конфискации фуража и продовольствия у населения, а покупать их за советские рубли, при этом объявив населению, что стоимость одного рубля равняется стоимости одного злотого [15, с. 8—9].

16 сентября в 16.00 в частях Красной армии был зачитан приказ о выступлении в «освободительный» поход на Запад. Приказ подчеркивал освободительную миссию советских войск, которые должны оказать срочную помошь украинскому и беларускому населению, чтобы спасти их от врага. Кто враг — не уточнялось. Бомбить и обстреливать из пушек населённые пункты войскам было запрещено. К польским военнослужащим, не оказывающим сопротивления, предписывалось относиться лояльно.

В 5 часов утра 17 сентября 1939 года войска РККА перешли западную границу СССР, вторгшись на территорию Польши. Этим ССР не только нанёс удар в спину польской армии, истекавшей ровью в сражениях с превосходящими силами Вермахта и Люфтаффе, но и нарушил все мирные договоры с Польшей. Через два эда без малого так же вероломно и подло нападёт на СССР и Герания, вмиг превратившись из верного и лучшего друга Советского оюза в заклятого врага.

«Белорусский фронт» Красной армии состоял из четырёх армий насчитывал в момент вторжения 201 тысячу солдат и офицеров, м противостояло 45 тысяч польских войск, из которых примерно оловина находилась на этапе формирования и фактически без оружия. Наступление Красной армии усугубило и без того трагическую ситуацию Польши, отрицательно сказалось на морально-психологическом состоянии солдат и офицеров. Поляки продолжали сражаться с немцами, но вступление в войну против них Советского **Ьюза** лишило польский народ последней надежды. Маршал Эд-

Сентябрь 1939 года. Солдат Вермахта угощает красноармейцев сигаретами

вард Рыдз-Смиглы, командовавший польской армией, в тот же день отдал войскам приказ:

> «С Советами не воевать, в бой не вступать, за исключением случаев, когда они будут атаковать или пробовать разоружить наши части (...). Войска, к которым подошли Советы, должны вступить с ними в переговоры с целью вывода гарнизонов в Румынию или Венгрию».

Почти десять дней сражался с немецкими войсками Львов, куда переехало польское правительство и Верховное командование армии. Но на следующий день после вступления Советского Союза в Польшу президент Игнацы Мосьтицкий и главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы бежачи в Румынию. 21 сентября Львов взяли немцы.

Приказ Рыдз-Смиглы помог избежать крупных конфликтов. Согласно польским источникам, всего было зафиксировано 40 случаев сопротивления пограничных патрулей, к которым, по всей вероятности, приказ не дошёл. В полосе Белорусского фронта под Кобрином, Гродно, Вильнюсом и Сопотскином польские патриоты сражались с большевиками по собственной инициативе. Самые ожесточённые бои развернулись 20—21 сентября в Гродно, где советские войска потеряли 16 танков и 47 человек убитыми. Польские войска мужественно обороняли Брестскую крепость, захватить которую немцам помогла советская артиллерия. Всего на Белорусском фронте Красная армия потеряла убитыми и ранеными 2599 красноармейцев). В советский плен попали 62 тысячи польских солдат и офицеров, которые, в нарушение международных конвенций, были переданы под юрисдикцию советской политической полиции — НКВД.

22 сентября части 4-й Красной армии вошли в Брест и Белосток. Брест к этому времени уже был занят немецкими войсками генерала Гудериана. После совместного обеда, где прозвучали здравицы в честь Сталина и Гитлера, за вечную дружбу между гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом, командование устроило совместный парад. В этот же день немцы покинули город, переходящий, согласно предыдущей договоренности, советской стороне. Совместный парад произошёл и в городе Гродно. Здесь парад вместе с немецкими генералами принимал будущий советский маршал Василий Чуйков [14, с. 270].

Как ни придумывай сказки про «освобождение», но факты говорят сами за себя — нацисты и коммунисты в разгроме Польши, а

тем самым в развязывании Второй мировой войны действовали сообща, по предварительному тайному сговору. Но в огромном 12- ^^ • юм труде «История Второй мировой войны. 1939—1945 гг.», изданном в СССР в 1970-е годы, об агрессии Красной армии против Польши стыдливо написано всего лишь 7 (семь!) строк:

> «Верное своему интернациональному долгу, правительство СССР отдало приказ Советской Армии 17 сентября 1939 г. перейти государственную границу и предотвратить дальнейшее продвижение гитлеровской агрессии на восток. Советские войска выполнили этот приказ» (16, с. 29].

Сентябрь 1939 года. Брест. Встреча командиров РККА и Вермахта. Советы представляет командир танковой бригады Семён Моисеевич Кривошеий

Большинство бешрусов с радостью и надеждой встречали Красную армию, ожиДвя перемен в лучшую сторону. В то же время большинство патриотически-настроенных поляков встречало новую власть настороженно, а то и враждебио. Рассказывает

i и гель местечка Россь Наплав Стах:

> «17 сентября 1939 года, ближе к Вполудню, со стороны Волковыска низко над железнодорожными путями и Россь влетел самолёт с красными шёздами. Как окаiа юсь, это был сочский самолёт, ыморый разбросал листовки. Я и мои 1рузья бросились I попрать их. Печатный текст на польском и русском языках извещал: «В связи с развалом польского государства и бегством поль-

ского правительства за границу советское правительство берёт под свою опеку жизнь и имущество народа Западной Украины и Западной Беларуси. Красная армия принесёт вам освобождение от власти ясновельможных панов, от польской буржуазной армии, польских осадников».

Народ отнёсся к этим известиям по-разному. Поляки — с грустью и сожалением. Моя мама расстроилась не по поводу ясновельможных панов, а по поводу гибели Польши» [8, с. 3].

Вспоминает бывший житель деревни Тулово Мижеричской гмины, Волковысского повета Ян Гендзель, 1927 года рождения. В его деревне до войны одна половина жителей была католиками, а другая — православными:

> «Известие о начавшейся войне люди в деревне восприняли по-разному, но сразу выявилась любовь к отчизне наших православных побратимов, которая в течение 20 лет перед этим проявлялась не самым лучшим образом. Но наступил день 17 сентября. Хорошо помню, что в этот день наша семья выкапывала картошку, когда наш сосед, едучи на своё поле, во весь голос пел. Отец сказал нам, что, наверное, он пьяный. Вечером, когда мы возвратились с поля домой, вся деревня была в приподнятом настроении и радости. И тут следует отметить, что по поводу гибели Польши и ожидаемого прихода большевиков православные зажиточные крестьяне разделили радость с бедняками. Песни и танцы в каждом православном доме происходили под вывешенными красными флагами, взявшимися неизвестно откуда. Молодёжь, особенно хлопцы, прищепили к рубашкам или пиджакам красные банты, а мы, поляки, этой радости не разделяли. Правда, из 60 польских семей нашей деревни, три семьи, которые слыли бездельниками, тоже радовались» [17, с. 72-73J.

Значительная часть населения, вполне обоснованно испытывая страх перед большевиками, забрав с собою самое ценное из имущества, покидала свой родной кров, направляясь в сторону громыхавшего на западе фронта. Они предпочитали отдаться на милость немецким оккупантам, чем советским. Вспоминает Адам Биспинг, сын помещика Яна Биспинга и владельца нескольких имений в Волковысском и Гродненском поветах, семья которого тоже подалась в беженство 18 сентября:

> «Когда мы доехати до шоссе Волковыск — Большая Берестовица, увидели большое количество повозок и людей, двигающихся с востока на запад. С просёлочных дорог на шоссе всё время в ко-

лонну беженцев вклинивались новые повозки и люди. Под вечер приехали в деревню Бобровники, где перешли реку через мост по узкому настилу. Перед этим мост был разрушен кем-то из местных жителей, ожидающих прихода Красной армии и стремящихся не дать уйти на запад беженцам. Мост восстановили польские солдаты. Деревня была уже украшена красными флагами.

Утром, подъезжая к Гайновке, вблизи моста увидели транспарант: «Гайновка приветствует Красную армию». Через час мы наткнулись на первый немецкий патруль» [18, с. 421.

Весть о наступлении большевиков привела к дезорганизации работы гражданских учреждений. Вспоминает Вацлав Кужемпа, бывший железнодорожный техник со станции Свислочь Волковыс-^кого повета:

«17 сентября, после того, как стало' известно о переходе советско-польской границы Красной армией, все работники железной дороги были в растерянности и не знали, что следует делать дальше. Вскоре получили телеграмму от своего руководства, в которой указывалось сжечь все секретные документы, что немедленно было исполнено в паровозной топке. Вслед за этой телеграммой пришла [следующая, приказывающая не поддаваться панике и соблюдать спокойствие, оставаться на своих рабочих местах и исполнять распоряжения польских властей. Бедные были те из руководителей, кто остался на месте и на которых местные отбросы общества вынес гили свою злость» [5|.

Котя Волковыск в военном отношении не представлял угрозы ли Красной армии, для нагнетания страха и паники среди местных Вгслей, город подвергся бомбардировке краснозвёздными само-||**тими** в первый же день советской агрессии — 17 сентября. Об »|ом советские историки никогда не писали. Из дневника гимна-**Нотки** Вероники Тресенберг:

«17 сентября. Организации в городе не работают. В ожидании па были вынуждены снять свои мундиры. В воскресное утро пошли в костёл. Налетели самолёты, и люди начали прятаться. I выбежала на улицу и спряталась под деревом. Раздался дьяволь-i и и свист от сбрасываемой бомбы, а вслед за тем страшный грохот it >рыва. Смотрю на свой дом, покрывшийся дымом, из-за которого вскоре показалась дымовая труба, и я подумала, что дом остался I" I. Бомбы начали сыпаться без конца, но я бросилась бежать •**мой**. Когда прибежала, увидела лишь выбитые стёкла да сильно повреждённый сад» [13].

В самом городе Волковыске больше всего ожидало прихода большевиков еврейское население. Вспоминает житель Волковыска Ян Карлович Былинский:

> «Когда из города на войну с немцами уехал квартировавший здесь 3-й полк конных стрелков и отмобилизовали полицию, 18 сентября евреи вышли с оружием на улицы и начали бить окна в государственных учреждениях. На почтовых ящиках и административных зданиях посбивали белых орлов с короной — польский герб» [6].

Вспоминает жительница Волковыска Станислава Езерская, бывшая бухгалтером и женой местного предпринимателя:

> «17 сентября, когда люди узнали о пересечении восточной границы Польши Красной армией, в городе установилась зловещая тишина, и неописуемый страх поселился в наши души. Что делать? Бежать? Куда? На следующий день 18 сентября польские военные покинули город и в нём начали хозяйничать вооружённые банды, патрулировавшие улицы.
>
> J 9 сентября к своему великому изумлению на улицах города увидели советские танки, которым не было конца. Мы боялись выйти из дома, а когда услышали приветственные крики людей в честь Красной армии, то нас охватила печаль. Местные коммунисты и евреи встречали нашего врага с цветами. За полчаса до прихода в город советских войск этими бандитами был арестован мой швагер, хозяин единственной христианской аптеки в городе Хугон Тымиинский, большой патриот и общественный деятель. Больше он домой не вернулся» [5].

Что же произошло 18 сентября в городе на самом деле? Из документов следует, что в Волковыске в этот день ещё находился 3-й эскадрон 2-го полка уланов майора Мариана Цынгота. После полудня эскадрон выехал из города в направлении деревни Гринки с целью присоединения к находящемуся там полку [19, с. 31].

В это время вооружённая группа, состоявшая из евреев и руководимая присланными из-за границы советскими диверсантами, организовала нападение на казармы 3-го полка конных стрелков. Казармы со складами охраняло небольшое отделение из мобилизованных местных жителей. В результате нападения казармы частично сгорели, государственное имущество на складах в виде продовольствия и одежды подверглось разграблению. Были также разграблены квартиры польских офицеров, расположенные натер-

ритории военного городка. Добытые карабины из оружейного склада были розданы местным коммунистам, которые организовали отделы милиции. Нападение на казармы послужило причиной мести одной из частей польской армии, движущейся на Гродно. В Волковыске она учинила свой небольшой погром, в результате которого было убито несколько евреев.

На другой день по вступлении в город советских войск в торжественном и пропагандистском оформлении прошли похороны погибших евреев, ставшие первым поводом для демонстрации ненависти к раздавленному государству «помещиков и капиталистов».

***22 сентября** 1939г. Брест. Совместный парад войск Красной армии • рмахта, который принимают Семён Кривошеий и Хайнц Гудериан*

Об этом трагическом эпизоде вспоминает и Вацлав Кужемпа:

«Перед вступлением Красной армии в Волковыск, где я находился в тот момент, в городе был небольшой ночной погром евреев, Осуществлённый отделом польской армии, проходившей здесь в это время в направлении Гродно. Было убито 6 человек из местных торuiiii [ев за их поведение по отношению к полякам. Советские танки пошли в Волковыск рано утром, а потому их никто в это время специально не ждал и не приветствовал. На следующий день были оршнизованы торжественные похороны убитых евреев, гробы которых обили красной материей и поставили перед зданием маги-

страта. Само здание магистрата уже было украшено красными флагами, а также портретами Сталина и Ленина. На балкон магистрата вышел директор начальной школы, учитель, православный, который в своей речи сообщил о первой пролившейся крови «наших братьев» и т.д. Потом кто-то из евреев сказал следующее: «Нас угнетали, но хватит этого, сейчас мы вас будем угнетать!» и так оказалось на самом деле.

> Первоначально наводить порядки стала милиция, если её так можно было назвать, так как была самозваной, и кто хотел, тот и надевал на свой рукав красную повязку. Очень часто можно было встретить такую картину: плюгавенький еврей с винтовкой в руках вёл польского полицейского в тюрьму. Милиция без всякого на то разрешения со стороны власти проводила обыски, грабя то из вещей, что приглянулось. Особенно не давали спокойствия волковысскому ксендзу, наведываясь к нему с обыском несколько раз подряд: видно считали, что у него было припрятано золото, которое всё никак не могли найти. Через пару дней после прихода большевиков ксендза вообще ночью забрали из дома и закрыли в каком-то сарае, из которого утром его с криками освободили женщины. В этот же день толпа женщин явилась в комендатуру к военному начальнику с жалобой на действия милиции. Комендант обещал им, что такое больше не повторится» [5].

А вот как преподносил этот эпизод истории Волковыска местный советский пропагандист, бывший директор военно-исторического музея Алексей Черныш:

> «В страхе перед наступлением Красной армии из города удрала полиция, в спешке отступили кавалерийские части. Передовые слои населения, члены КПЗБ начали вступать в милицию, создали отряд самообороны. Но не спали реакционные силы города.
>
> Один кавалерийский эскадрон, который со страха удрал в лес от одного слуха, что идёт Красная армия, вернулся в город. Трусливые офицеры польской армии вернулись в город, чтобы поднять оружие против своего народа, отомстить народу, который и так терпел от ужасов войны, развязанной незадачливой польской военщиной. Проводники азоновцев, ярые антисемиты Тыминский, Кастеловский, Вежбовский, стали во главе чёрной банды разбойников. Под вечер стая бандитов начала погром. Вооружённые офицеры, осадники, полицейские решили уничтожить мирное население в тылу. Притих город Волковыск. Замерли его оживлённые улицы. Страх смерти и убийств повис над ним. На улицах каждую минуту слышались выстрелы, слышны были причитания, плач, стоны, крики.

Вот озверелая банда подскочила к дому гражданина Александра Макова. Дом был закрыт. Бандиты топорами рассекли двери. Как стадо бешеных зверей, ворвались они в дом. Схватили хозяина. Начали избивать его. Жена Макова кинулась на колени просить их. чтобы не трогали. Один из бандитов выстрелил ей в плечи. Еле живая, упала она на землю...]» — и далее в подобном стиле описываются ужасы погрома |20|.

О том, чего стоит исследование Черныша можно судить по его утверждению «война, развязанная незадачливой польской военщиной». И это написал директор Волковысского музея! А ведь он наиерняка знал, что Польша в этой войне была жертвой, агрессорами, развязавшими войну, являлись Германия и СССР. И то, что, по выражению Черныша, «трусливые офицеры вернулись в город» и наши подавлять организованный большевиками мятеж в тыну воюющей армии, напивается исполнением военными сво-

• го долга.

Вот так работники • илсологического фронта» выдавали беза чёрное, или, Как говорят в народе, •пудрили мозги».

Выступление ев- %|сн против польской и 1,1(4 11 поляки вос- иияли как подлый удир и спину. Красноречиво об этом свиде- ^Жствует запись в МШ'ннпке Вероники епберг:

22 сентября 1939 г. После парада состоялась процедура передачи захваченного немцами Бреста: спуск флага Третьего Рейха и подъём флага СССР

[«18 сентября. В нот лень вечером и Нолковыске госолствовали голыи л >] и коммунисты. і ш наши войска Аыли разоружены,

евреи с нетерпением стали дожидаться с востока проклятых большевиков. В результате возникшей в городе анархии погибло несколько евреев. Поляки никогда не простят им измены. Настроение очень плохое, тем более всё время ревели сирены. Ещё больше настроение портилось от всевозможных неутешительных слухов и фактов. По деревням и городам банды мужиков разоружают польских солдат и убивают их» [13].

Беспорядки в Волковыске, которые пришлось усмирять польским военным, не возникли стихийно, их организовали присланные накануне советские диверсанты «с той стороны». В распоряжении автора имеются интереснейшие воспоминания Николая Васильевича Табакова — бывшего жителя нашего города [6]. Если бы не провозглашённая в 1985 году Михаилом Горбачёвым политика перестройки и гласности, то он, скорее всего, унёс бы свои воспоминания в могилу. Ведь начал их писать в солидном возрасте — в 82 года.

Родился Табаков в 1904 году в Слуцком уезде, в семье крестьянина-батрака, хотя не отрицает, что при царе семья жила неплохо. В 1929 году вступил в большевистскую партию, а в 1932 году уже служил уполномоченным 4-й комендатуры 17-го погранотряда ОГПУ на советско-польской границе. На разных участках границы прослужил до июня 1937 года, когда его арестовали по подозрению как «врага народа». Отсидев в минской тюрьме полгода, в конце декабря со снятыми обвинениями вышел на свободу. Как известно, пограничники непосредственно подчинялись руководству ОГПУ-НКВД, т. е. проще говоря, Табаков являлся сотрудником НКВД.

«Накануне 17 сентября 1939 года, — вспоминает Табаков, — меня срочно вызвали в ЦК КП(б)Б. Приняла секретарь ЦК — женщина, фамилии сейчас толком не помню, кажется, Грекова. Короче говоря, назначался я уполномоченным ЦК КП(б)Б по установлению советской власти в западных областях Белоруссии. Получен обстоятельный инструктаж, указаны время и сектор перехода границы, место назначения — Волковыск. Здесь я встретил старого хорошего друга-сослуживца, бывшего коменданта 4-й Старобинской комендатуры Николая Ивановича Павловиа. Вместе с ним до укомплектования укома — уездного комитета КП(б)Б, а затем райисполкома, мы, в основном, руководили всеми мероприятиями по организации местных властей» [6].

Как видим, оба чекиста, причём из командного состава, ещё до начала вторжения Красной армии, т. е. до 17 сентября, нелегально

перешли границу. К сожалению, Табаков умалчивает, в чём заключался инструктаж, чем они занимались с Павловцом в Волковыске до прихода Красной армии и были ли вместе с ними другие дивер- • анты. Да, именно диверсанты — так называют тех, кто нелегально переходит границу и совершает антигосударственные действия в сопредельной стране. Но если о чекистской службе и пребывании В тюрьме Табаков рассказывает довольно подробно, то о своей дея- |. и.ности в Волковыске до 19 сентября пишет в нескольких скупых строчках. Видимо, было, чго ему скрывать и через много десятков лет.

Польская карикатура на агрессию Красной армии. Надпись гласит: «Удар в спину»

И действительно, диверсии ы были. Из архивного документа о награждении отличившихся сотрудников 11 К ВД на территории Зашой Беларуси следует, ЧТО ещё до прихода Крас- і армии в Волковыск |.| была заслана группа граничных войск НКВД lane со старшим лейте- і ом Александром Семёшчем Соколовым. Группы "И короткое время уста- • рнила революционный ПОрилок» посредством оргаiin и охраны важнейобьектови занятия тюрьмы» [21. с. 84].

| >П •>•[•(м же вспоминает учитель Антон Радзивановский, бывший **Впьсела** Полонка, гмины Свислочь Волковысского повета:

«Много лиц на польской территории, как узнал потом, знали о 1 ен и и Красной армии еще до 17 сентября. Они получили ин- | грум 1ии из СССР как подготовить общественность на случай при- (I) II большевиков, а также необходимые полномочия для создания кшоционных комитетов. Одним из заданий для таких ревкомов приготовление торжественных встреч местным населением » гей Красной армии, обеспечение охраны военных объектов, раз- 1'ние отделов польской армии, коммунистическая пропаганда, дн--кивание контрреволюционных элементов и опека над имеиинми «буржуев».

Ревкомы имели «самоохрану», состоящую преимущественно из бывших узников польских тюрем, и были вооружены винтовками. Наиболее активными были ревкомы в местечках, которые по большей части состояли из евреев. Деятельность ревкомов часто выходила за рамки инструкций, полученных из Москвы. Так у военных забирали не только оружие, но и снимали мундиры, а иногда и лишали их самой жизни» [5].

Большей частью такие революционные комитеты смело вели себя только при встрече с беззащитными обывателями или когда «семеро на одного». При оказании же малейшего сопротивления они трусливо разбегались. Из воспоминаний жителя Росси Вацлава Стаха:

«17 сентября после полудня вместе с друзьями был свидетелем приготовлений почитателей новой власти, нацепившими на рукава красные повязки, а несколько среди них были даже вооружены винтовками. Все они ожидали на рынке в Росси прихода Красной армии. Как же они удивились, когда неожиданно со стороны улицы Дворной появился небольшой, около 10 человек, отряд польских солдат. Во главе отряда шёл сержант,, а за ним посередине улицы ехал пароконная военная повозка, на которой лежал раненый. По бокам повозки шли вооружённые солдаты. Отряд направлялся в сторону полицейского участка, но не застав там никого, двинулся по направлению к деревне Станковцы. Те, кто ожидач прихода другого войска, быстро начали снимать красные повязки и отступили в ближайший парк, где спрятали оружие» [8, с. 3].

Готовившаяся в тайне советская агрессия против Польши свершилась. Последний раз красные звёзды на шапках местное население видело осенью 1920 года, когда голодные завшивленные красноармейцы, бежавшие из-под Варшавы, пытались остановить неудержимый порыв польских войск. И вот через 19 лет красные звёзды появились вновь. За это время выросло новое поколение беларусов, не знавших, что на самом деле представляют собой большевики. Теперь им предстояло узнать это...

3

ПРИХОД КРАСНОЙ АРМИИ В ВОЛКОВЫСК

Для красноармейцев и командиров Красной армии «освободительный поход» оказался полной неожиданностью. Несмотря на усиленную антипольскую агитацию советской пропаганды, среди личного состава советских войск наблюдались отрицательные настроения по поводу развязанной против Польши войны.

Политорганы в своих донесениях отмечали многочисленные критические высказывания. Так красноармеец взвода особого отдела 13-го стрелкового корпуса Кружилин задавайся вопросом: «На нас не напали фашисты, и мы чужой земли ни пяди не хотим брать, так почему же мы выступаем?» Красноармеец в/ч 4474 Ленинградского военного округа Макаров считал, что «Советский Союз стал фактически помогать Гитлеру в захвате Польши. Пишут о мире, а на самом деле стали агрессорами. Население Западной Украины и Белоруссии не нуждается в нашей помощи, а мы её захватываем и

только формально сообшаем, что не воюем, а становимся на их защиту» [22, с. 452-453].

В направлении Волковыска наступала 10-я армия Белорусского фронта. Из воспоминаний бывшего русского офицера, жившего в межвоенный период недалеко от Волковыска:

> «Наступило 17-е сентября. Как сейчас помню, у моих ворот остановился проезжавший на телеге старик-крестьянин, хорошо мне известный, бывший фейерверкер гвардейской артиллерии. Это было в 7 часов вечера. «Ваше Высокородие. Чи слыхали, наши идут!» — «Какие наши, Степан Иванович?» — «Да русские войска». — «Где, кто, какие?» — «Да в Барановичах уже, столбы сбросили, паны бегут, говорят, одним махом до Варшавы дойдём. Сын приехал с поездом из Волковыска, там все уже знают».
>
> Я, несмотря на мрачные предчувствия, оцепенел. «Да Вы, Ваше Высокородие, не печальтесь. Большевики уже не те. Шутка ли сказать, двадцать лет управляют Россией, совсем русская власть. Да и офицеры, сказывают, настоящие. Ещё и Вы послужите! А нам одно спасение, совсем заели нас здесь. Земля-то ведь русская, наша...». Я не мог дальше говорить, что-то подступило к горлу и я, махнув рукой, ушёл к себе. В какие-нибудь полчаса я пережил гамму чувств: с одной стороны русские солдаты, пусть и под красными звёздами, идут по своей же русской земле, с другой — пронеслись годы гражданской войны, весь тот кровавый ужас, который царил в России, казни, интернационал. Нет, сказал я себе, не переменились большевики и не спасают они край этот, а ввергнут его в ещё большие испытания и ужас.
>
> Но что делать?.. Три дня подряд над нашей местностью кружились германские самолёты, немцы в нескольких десятках километров, значит, они сегодня или завтра будут здесь. И чудовищной казалась мысль, что немцы и большевики будут мирно делить несчастную Польшу. Теперь всё это стало ясно, но тогда в белорусской глуши, у нас рождались самые фантастические мечты: немцы ударяют на большевиков, начинается война, в которой погибнет сталинский режим и очистится, и возродится Россия.
>
> И я с моими тремя товарищами — офицерами, у меня в лесном доме, около большого барского имения остался ждать прихода немцев.
>
> В ту же ночь начались крестьянские волнения. Окрестные помещики бежали. Крестьяне — из них многие в польской форме, вооружённые винтовками, выставили караулы. Утром образовалось что-то вроде революционного комитета. Но никаких грабежей не

было. Не было их и вообще в нашем районе. Боялись ли большевики близко стоящих немцев и не посылали своих агитаторов или восторжествовало здоровое чувство у крестьян, но все «эксцессы» ограничились арестом нескольких полицейских и войта (волостной старшина), причём войта вскоре отпустили на поруки, а над полицейскими сжалились, дав им возможность вскоре бежать. Ходили самые противоречивые слухи: одни «видели» в двух километрах немецкие танки, другие — советские войска. Над нами же продолжали на поразительно низкой высоте кружиться германские самолёты. Где-то стрекотали пулемёты.

После обеда прокрались к моему дому два польских офицера, переодетые в крестьянское платье, один из них легкораненый. Я сейчас же накормил их и уложил спать в своей комнате. Польский капитан и поручик, оба артиллеристы, рассказывали о том, как неожиданно быстро подоспели германские моторизованные части, как их отряд оказался отрезанным от всего мира, как растерялось высшее командование. Я поразился силе той ненависти, которую эти два несчастных офицера проявили к своему правительству и главному командованию. В конце разговора офицер зарыдал, и с ним началась истерика... Чтобы их не волновать, я ничего им не сказал о большевиках. Да и сам я был уверен в том, что немцы будут через несколько часов. Силы же моих двух гостей были вконец подорваны, они не ели и не спали двое суток. И куда они могли идти...

Надо вам сказать, что мой дом находился на лесном шоссе, имевшем важное значение в этом крае, не на самом шоссе, а вблизи его, и к нему шла уже просёлочная дорога.

Нас было трое (поляки ещё спали). Мы вышли часов около 5 вечера поговорить с проходившими крестьянами. Крестьяне были убеждены, что немцы придут совсем скоро, строили разные предположения, будет ли стычка с большевиками, выражали уверенность, что не будет, потом ушли. Мы втроём остались курить. В полуверсте вдруг показался конный отряд, шедший рысью. Впереди отряда шёл пеший человек. Мы насчитали примерно два десятка всадников, при двух пулемётах. Я сейчас же послал моего друга разбудить и предупредить польских офицеров. Мы вдвоём стали всматриваться. И вдруг я ясно понял: красные!» [2].

Овладеть городом Волковыском командование Белорусским фронтом приказало моторизованной группе 13-й стрелковой дивизии и 119-му стрелковому полку в срок до исхода дня 18 сентября. Однако поставленная задача выполнена не была. На рассвете 19 сентября, когда моторизованная группа ещё формировалась в

колонну в 7 километрах западнее города Новогрудка, в Волковыск вошли иные части, а именно — подразделения конно-моторизованной группы 6-го конно-механизированного корпуса 3-й армии [23, с. 33—34]. Издонесения командира корпуса Андрея Ивановича Ерёменко, будущего маршала Советского Союза, в штаб главного командования:

> «В 7.00 19 сентября танковыми отделами 28-го и 35-го полков заняли Волковыск. Неприятель сопротивления не оказал. Танковый полк сосредоточен в лесу на северо-западе от Волковыска. Провожу разведку в заданном направлении. Выдан приказ по гарнизону о налаживании порядка в Волковыске, а также установлении власти» [23, с. 58].

А вот как сам А.И. Ерёменко (1892—1970) в своих воспоминаниях описывает вступление Красной армии в Волковыск:

> «В соответствии с обшей задачей, поставленной 6-му корпусу, были объединены все наши танковые полки в одну подвижную группу, с тем, чтобы ускорить продвижение на запад и уже на следующий день овладеть городом Волковыском, а затем городами Гродно и Белостоком. Это решение командования корпуса утвердил командующий конно-механизированной группой Иван Васильевич Болдин.
>
> Всё шло в основном хорошо, однако не без некоторых шероховатостей и неприятностей. Проверяя подготовку танков к дальнейшему походу, я обнаружил, что горючего остаётся мало, хватало только до Волковыска, если танки использовать только как средство передвижения. Но ведь они являются боевыми машинами, должны вести бой и в любую минуту быть готовыми к движению. Служба тыла фронта медленно развёртывала свою деятельность и не успела своевременно подвезти горючее к быстро ушедшим вперёд частям.
>
> Решено было из каждых трёх машин одну оставить совершенно без горючего и передать двум остальным. Таким образом, две трети танков и бронемашин становились полностью боеспособными. Треть же машин оставалась на месте без горючего и должна была дождаться его подвоза, а затем двигаться вслед за передовыми ча-

Командир 6-го конно-механизированного корпуса А. И. Ерёменко

стями. Само собой разумеется, что переливание горючего потребовало известного времени.

Кроме этого, обстановка усложнялась ешё и тем, что в ночь с 18 на 19 сентября были обнаружены шесть колонн польских войск, двигавшихся из Слонима в направлении на Лиду, перерезая в нескольких местах наши маршруты. Возможны были ночные столкновения.

[...] Утром 19 сентября мы подошли к Волковыску. В это время я находился в головном танке.

На окраине города, около низенького домика я заметил человека. Он стоял за изгородью и приветствовал нас энергичными I шахами шляпы. Остановив танк, я подозвал его к себе. Не успел я у него ничего спросить, как он подбежал, весело выкрикнул на чистом русском языке:

— Здравствуйте, товарищ командир!

Мы разговорились. Он оказался русским, железнодорожником По профессии, и заявил, что население городов и сёл, в страхе перед немецкой оккупацией, с надеждой ждёт Красную армию.

— Польские войска есть в городе? — спросил я.

— Вчера вечером были, сейчас — не знаю.

Уже когда я садился в танк, он крикнул мне:

— А что вы скажете, товариш командир, насчёт организации раЛчей милиции?

— Действуйте! — ответил я.

Г Сопротивления в городе мы не встретили. Население, как по• Ки, так и белорусы, несмотря на ранний час, празднично одетые, Всыпали на улицы, запрудили мостовую. Нас приветствовали В д и самых различных профессий, останавливали машины, забраВвали вопросами. Весть о том, что в Западную Белоруссию вступни советские войска и несут освобождение трудовому народу, ле*Ш* впереди нас. Сердце наполнялось гордостью за Советскую Родину, за наш народ, за Красную армию — освободительницу.

11 риятно было наблюдать на улицах Волковыска и других горо- i ак жители обнимали и целовали наших запыленных танки- фтиллеристов. пехотинцев, как повсюду зазвучала белорус - и русская речь и наши песни.

Я с »с гановил танк на площади против здания, на котором красо- |' i IUCl. вывеска «Полицейское управление». Захожу туда. Вижуком- Ш ком набитую жандармами в тёмно-синих мундирах и та- . . . . .i АС цвета конфедератках.

1 Фавствуйте, господа! — сказал я громко, но они молчали.

Не успел я ещё как следует разглядеть полицейских, как входные двери с шумом раскрылись и трое вооружённых в штатском вбежали сюда. Среди них я узнал моего знакомого, которого встретил при въезде в город.

Они набросились на полицейских и не особенно любезно стали их обезоруживать. Я им не мешал. А инициатора этого дела, железнодорожника, назначил командиром рабочей милиции. Не прошло и двух часов, как на улицах города появились патрули с красной повязкой на руках. Рабочий народ, не раздумывая, приступил к установлению своей народной власти.

После освобождения Волковыска мы получили приказ повернуть танковые части и одну кавалерийскую дивизию по направлению к Гродно» [24, с. 52-55].

Непосредственным свидетелем данного события был житель Волковыска Чеслав Петрович Ружанский:

«Полицейский постеруиок находился напротив гарнизонного костёла (сейчас церковь по улице Ленина) в двухэтажном кирпичном здании, которое полиция арендовала у предпринимателя-мясника католика Соколовского (здание сохранилось до сих пор). Мы жили тут же рядом с костёлом. Когда рано утром 19 сентября мать вышла на улицу, то услышала, как полицейские между собой говорили о том, что скоро здесь будут Советы. Наш отец находился на ночном дежурстве по охране казарм, покинутых польскими кавалеристами. Мать испугалась за него и побежала предупредить.

Вскоре возле постерунка остановилась грузовая машина с вооружёнными евреями. Они начали задерживать проходящих мимо польских военных и обезоруживать их — заставляли снимать с себя воинскую амуницию и складывать её в кузов машины. Наверху с пистолетом в руке стоял еврей по фамилии Эльяш.

Находившиеся в постерунке полицейские вели себя нейтрально и не вмешивались. Когда машина заполнилась наполовину, один из разоружаемых солдат залез на подножку машины, выхватил из ножен кинжал и всадил его в живот Эльяшу. Под крики всполошившихся дружков Эльяша солдат юркнул во двор и скрылся. Ещё через полчаса на улице показались советские танки. За ними ехала кавалерия с оголенными саблями. Танки остановились возле постерунка. Танкисты спрыгивали на мощеную улицу и первым делом подходили к расположенной рядом колонке напиться воды. Мой друг Ян Тимошко обратился к ним:

— Товарищи! Покажите советские деньги! — они вынимали монеты и дарили пацанам. Нам это понравилось и мы стали просить у

других, хотя собравшиеся здесь местные жители ругали нас, чтобы мы не попрошайничали.

Но дети есть дети. Ради забавы тот же Тимошко незаметно поставил на броне одного из танков небольшую печать в виде польского орла. Самое интересное, что потом мы ещё раз видели этот танк с фиолетовой чернильной печатью, проходящий в том же направлении и по той самой улице. Советы гоняли свои танки по кругу, чтобы их казалось больше» [61].

Волковыск. Слева — сохранившееся двухэтажное здание Чапсрунка. Здесь генерал Ерёменко разоружал польских полицейских.

In, что с самого начата большевики старались, что называется, 111. пыль в глава, подтверждает жительница Волковыска Янина limiioBiia Курбатова (Маковецкая), 1927 года рождения:

«Наша семья жила на улице Широкой, как раз напротив гарнизонного костела. Папа смотрел, как советы проходили через Вол-Коныск. Рассказывал дома, что обратил внимание, как одни и те же ишки с одинаковыми номерами ходили по кругу, чтобы создать видимое гь о многочисленных танках Красной армии» [6].

i красноармейцы-«освободители» прекрасно понимали, что i i юда большевистская власть. Вспоминает жительница Вол-1Ска Регина Николаевна Шатиловская, 1926 года рождения:

• Когда в город вступили первые Советы, я с подружкой побеi.i на улицу Широкую. Там шли танки. Нам было очень инте-

ресно. Недалеко от гарнизонного костёла стояли еврейские домики и,как раз возле них задержался танк. Из люка вылез танкист. Очень толстая еврейка подошла к нему:

— Ох! Товарищ! Как хорошо, что вы пришли! Паны так нас замучили! Освободите нас! — на что танкист грубо оттолкнул её, сказал какие-то непонятные нам слова и заметил:

— По тебе видно, как вас здесь мучили!

А я всю дорогу домой про себя повторяла незнакомые слова, чтобы не забыть. Пришла и спрашиваю:

— Бабушка! Что значат такие слова! — и повторила, что слышала от танкистов.

— Это, дитя, очень плохие слова! Не говори их! — так я впервые услышала русский мат» [6].

О том, что в Волковыске власть поначалу оказалась в руках милиции, состоявшей из местных обывателей, вспоминает бывший житель Волковыска, рабочий мясокомбината Владислав Коловский:

«В тот момент, когда входила Красная армия уже была организована милиция, также состоящая из евреев и коммунистов. Во главе милиции был еврей по фамилии Койгив. Отдельные группы милиции разоружали польских солдат и срывали с них головные уборы. Государственных чиновников арестовывали. После оккупации города Красной армией во всех учреждениях стали командовать те же евреи и коммунисты. Выдали распоряжение сдать всякое оружие» [5].

О том, что среди жителей Волковыска, вышедших на улицы приветствовать «освободителей», больше всего было еврейской молодёжи, еврейских бедняков и еврейских беженцев из Польши, вспоминают многие. Рассказывает жительница Волковыска Анна Ивановна Жабицкая, 1924 года рождения:

«Когда в город вошла Красная армия, евреи, взявшись за руки и став в колонну, пошли её встречать, при этом пели песню «Расцветали яблони и груши». На груди у многих были прицеплены красные банты» |6].

Вот ещё одно свидетельство. Вспоминает житель Волковыска. врач по профессии, Эдуард Викторович Олешкевич:

«Красная армия появилась рано утром со стороны Песок на Виленской улице. Я с отцом, держащим меня на руках, встречал приход войск. Шли танки, а на них сидели грязные бойцы. Жители

встречали их с цветами, бросали им коробки с конфетами. Большей частью, как говорил потом отец, это было еврейское население» [6|.

О приходе Красной армии в местечко Россь вспоминает Вацлав

«Пехота и артиллерия шла через Россь в направлении деревни "туденцы. Прежде всего бросалось в глаза разнородное обмунди-эвание, в которое были одеты разные отряды. Рядом с солдатами, одетыми в старые шинели, шли солдаты в тёмно-синих мундирах. По тому, как выглядели солдаты, можно было догадаться, что большинство из них являлись резервистами. Кавалеристы ехали на [малых лошадях, а пушки тянули тракторы, предназначенные для Вельского хозяйства и ехавшие с максимальной скоростью 8 км в

I 00c */некий бронеавтомобиль в Волковыске (сентябрь 1939 г.)*

час. Нам, молодым парням, кроме тяжёлых трёхосных машин, остальная техника не была интересна. Некоторые отряды останавливались на короткий отдых, во время которого солдаты завязывали с крестьянами разговоры и угощали их махоркой. Следует подчеркнуть, что в первые дни красноармейцы относились к местным жителям доброжелательно» [8, с. 4].

В городке Свислочь Волковысского повета Красная армия, как и в Волковыске, появилась 19 сентября, о чём пишет в своих воспоминаниях Станислав Бабиньский, бывший житель деревни Ятвеск, тогда учашийся Свислочской гимназии, переселившийся после войны в Польшу:

«19 сентября польский кавалерийский отдел расположился возле костёла со стороны улицы Крашевского. В это время со стороны местечка Мстибово по улице Сенкевича появился советский бронированный автомобиль и остановился возле киоска. Из автомобиля вылез красноармеец и повесил на киоске красный флаг. Одновременно прозвучала команда командира польских уланов: «Кавалерия на коня!». Уланы сбежались к лошадям и через минуту построились в боевой порядок — фронтом к советскому броневику. Советский солдат крикнул: «Поляк, сдавайся!», после чего из броневика раздалась пулемётная очередь. Кавалеристы рассредоточились по дворам и плебании и затем быстро отступили. Почему кавалеристы не атаковали броневик, хотя имели фанаты? Потому что имели приказ не встревать с советами в бой. Раненых уланов задержали местные беларусы и передали красноармейцам» [25, с. 29].

Восторженно встречали Красную армию в тех деревнях, где жило православное население. Вспоминает бывший житель деревни Дубровники Волковысского района, ныне житель Волковыска Адольф Брониславович Урбанович, 1929 года рождения:

«В Подороске Красную армию встречали с радостью, даже демонстрацию устроили. Кричали: «Свобода! Свобода!» А потом увидели, что это за свобода. Бывало, по двое суток в каталажке держали, чтобы на государственный денежный заём подписались» [6].

Свидетелем встречи Красной армии в деревне Зиловичи, что находится вдоль дороги между селом Подороск и местечком Ружаны, был житель деревни Зеленевичи Иван Александрович Вишневеи-КИЙ, 1922 года рождения:

«В деревне Зеленевичи до 1939 года насчитывалось 42 хозяйства. На всю деревню приходился всего один поляк по фамилии По-

лайбо, служивший в **полиции,** да **и** тот **был** женатый на беларуске. Остальные все беларусы **и говорили** на **беларуском** языке. **Земли** не **богато имели:** от «участка», состоящего **из** 9 га, **до** «полшестухи», **что приблизительно** 2 га. «Участок» **имел только один хозяин. Однако коней** держали во всех хозяйствах, кроме двух, **где** не **было взрослого** хозяина. **Жили бедно, поэтому** все **ожидали лучшей доли,** связывая это **ожидание с присоединением к советской** Беларуси.

16 сентября я **с мужиками пошёл** на **ночь** охранять **проходящую вдоль** дороги Ружаны — Волковыск **линию** связи. Начали охранять **,сё по приказу** властей **с самого** начала войны. **В** качестве **оружия с Ьвобой имел топор, заткнутый за пояс, да бело-красную повязку на рукаве под цвет польского флага. Меня оставили в соседней деревне | Зиновичи на перекрёстке двух дорог, а остальные мужики разоЬлись дальше вдоль** дороги. Здесь на оживленном перекрёстке •**Юяла** единственная на несколько Окрестных сёл лавВ| Статкевича. Я Мб рал с я в сто! еоIOMU, стоявший в >роде Юрки ШиМоновича. и стал [**оттуда** наблюдать за Дорогой.

•**he**-то среди **но**||и щ стороны По**йороска** поелышалшум двигаюi 1слсги скоро laiiKC подъехал i ii.inoii обоз с iniKiicKHMH. Они и in в лавку и i in некоторое продолжили ‖ 1l\ II. и сторону **ДОТСчка** Ружаны. тко под утро • **i** потратился , Потом узнал, 1 утром обоз заи мужики с

Пропагандистский советский плакат. Надпись гласит: «Наша армия есть армия освобождения трудящихся. И. Сталин»

Подороска. В телегах находилось оружие. Полицейские не стали стрелять и бросили обоз.

Утром 17 сентября мужики, что охраняли связь, собрались на перекрёстке. Тут с соседней деревни Ярошевичи к нам подкатили на телеге трое вооружённых винтовками крестьян и сообшили новость:

— Хлопцы! Большевики к нам пришли!

Они сняли у нас повязки, оторвали белый лоскут, а оставшуюся красную полоску материи вновь повесили на наши рукава. Послали на три стороны разведку с заданием наблюдать появление Красной армии. Тем временем под их руководством начали сооружать праздничную браму, украсив её хвоей и красными флагами. Притащили из какой-то хаты стол, кто-то испёк каравай. В общем, приготовились к встрече освободителей.

Только Красная армия всё никак не ехала. Народу со всех окрестных деревень собралось, может несколько тысяч: от детей до стариков. У всех праздничное настроение. Прождали напрасно до самого вечера, и расстроенные разошлись по домам.

На следующий день опять с самого утра толпа запрудила перекрёсток — и опять всё впустую. Наконец на третий день утром 19 сентября на лошади примчался дозорный и закричал: «Едут!». Через какое-то время со стороны местечка Ружаны появился один единственный танк. Впереди на броне танка был прикреплён большой портрет человека с усами. Так большинство из нас впервые увидели изображение вождя советского народа Иосифа Сталина.

Возле стола с караваем в руке стоял мужик по фамилии Гратовский. От имени встречающих он приготовился сказать приветствие освободителям, так как был единственным из всех в округе, кто умел говорить по-русски. Танк на небольшой скорости приблизился к браме и, не останавливаясь, въехал в неё. Длинный орудийный ствол уже навис над столом и стоящая вокруг толпа, издав крик изумления, готова была броситься врассыпную. Однако в самый последний момент танк резко затормозил и стал как вкопанный. Открылся башенный люк, и из него показалась голова в танкистском шлеме. На землю один за другим соскочили три танкиста и по русскому обычаю попробовали хлебный каравай.

Немцы поблизости есть? — спросили они у людей. Немцев никто не видел.

Вскоре показалась колонна, состоявшая из танков вперемешку с машинами, на которых сидели красноармейцы.

— Ура! — кричали стоящие на обочинах дороги люди, и приветливо махали солдатам руками. Иногда колонна останавливалась, и

крестьяне обступали спрыгнувших на землю бойцов. Мужики менялись с ними махоркою и с интересом разглядывали советские деньги.

— Ура! Ура! — до самого вечера крестьяне приветствовали Красную армию. Многие охрипли от крика, но продолжали кричать осипшими голосами.

Через трое суток колонны советских войск потянулись в обратном направлении — из Волковыска на Ружаны. Люди подумали, что Советов разбили немцы, и они начали отступление. Однако это была передислокация войск.

Надежды на лучшую жизнь стали сбываться незамедлительно. Комиссия, созданная из местных мужиков, раздала бед - I Някам имущество единственного в • круге помещика Романовского. Кто Получил лошадь, Кто корову, кто свиЪю, кто сельхоз-Инвентарь. Ближе к йссне 1940 года попилили помещичью Вмлю. Больше деВггь было нечего.

Командующий Белорусским фронтом Михаил Прокопьевич Ковалёв

| А вскоре у тех же Мужи ков новая власть начала выколачивать хлеб. Вначале крестьяне ми ткнулись на призыв власти и добровольно сдали государству Небные излишки: кто пуд, кто два. Но этого оказалось мало, и u pin) принялись забирать нахально. Забирали всё подчистую, не ^ • Гавляя даже на семена. И тогда крестьяне стали прятать хлеб. ОсеНю того же года после уборки урожая на крестьян наложили огромные налоги, которых при Польше никогда не платили. И тогда люди поняли, что представляют собою большевики» [6].

Между тем в Волковыск прибывали все новые подразделения I. ной армии, которые днём и ночью, сплошным потоком шли и i на запад. Из донесения штаба 3-й армии верховному коман-пно:

•На основании донесения комдива Ерёменко из Волковыска ГЙНКОВЫЙ отряд 15-го танкового корпуса прибыл в Волковыск в

10.00 19 сентября, а моторизованный отряд 5-го стрелкового корпуса в 9.00 19 сентября.

К утру 20 сентября 15-й танковый корпус своими главными силами без топлива находится в 10-12 километрах на запад от Слонима, в том самом районе, который занял ещё 18 сентября. Один танковый батальон, разведывательный батальон и моторизованный отряд 2-й танковой бригады до 7.30 20 сентября находился в Волковыске» [23, с. 60].

20 сентября в 4.00 мотогруппа 119-го стрелкового полка прибыла в Волковыск, где была подчинена 15-му танковому корпусу конно-механизированной группы. В 3-х километрах западнее города она столкнулась с двумя эскадронами поляков и, потеряв одного человека убитым, взяла в плен 150 человек [27].

В этот же день танковые отряды советских войск к концу дня 20.09.39, достигнув рубежа на линии Кузница, Городок, восточный берег реки Нарва и станция Жабинка, вошли в контакт с разведывательными подразделениями немецкой армии, избежав столкновения. После установления контакта в Волковыск и Кобрин прибыли офицеры немецкого Генерального штаба с целью встречи с командованием группировки РККА и обмена информацией по месту нахождения частей обеих армий [28, с. 134].

Вскоре в Волковыск начали прибывать армейские и фронтовые штабы. Так 21 сентября в 23.00 сюда из Негорелого прибыл 1-й транспорт штаба 10-й армии [23, с. 97].

В этот же день 21 сентября в Волковыске встретились командиры двух армий-агрессоров. В результате переговоров представителей германского командования из Генерального штаба и 6-го кавалерийского корпуса была согласована процедура отвода Вермахта из захваченного ими Белостока. В это время соединения советского 6-го кавалерийского корпуса находились на линии Большая Берестовица, Свислочь [27].

22 сентября в Волковыск из Минска прибыл первый транспорт штаба Белорусского фронта. Штаб же 10-й армии перебазиров&чся дальше на запад — в город Белосток. Штаб Белорусского фронта находился в Волковыске до 30 сентября [28, с. 115, 168, 210].

Белорусским фронтом, «освобождавшим» Западную Беларусь, командовал командарм 2-го ранга Михаил Прокофьевич Ковалёв (1897—1967). После занятия Волковыска на постой разместился в деревне Яныши, расположенной у самого Белостокского шоссе, в

пяти километрах западнее города. Рассказывает житель деревни Яныши Виктор Юрьевич Пивоварчик, 1922 года рождения:

«Тогда, в сентябре 1939, вокруг Янышей расположились различ-11 ые службы Красной армии. Передвижная пекарня в огромной палатке выпекала хлеб, который забирали подъезжающие машины. Нед&теко расположилась медицинская часть, из которой в нашем **номе** на постой определились пять женщин — медицинских работников.

Вечером к дому подъехала легковая машина с каким-то важным командиром. Я спросил у шофёра, кто это к нам пожаловал, на что он ответил: «Скоро сам узнаешь!» В дом внесли походную кровать Лсомандира, а вскоре выяснилось, что у нас остановился сам командующий фронтом генерал Михаил Ковалёв. Пробыл он здесь около • сдели и появлялся только по вечерам, на ночёвку. Тогда наш дом охраняли часовые с винтовками.

Иногда командарм вёл разговоры с моим отцом, расспрашивая *Щ*том, как наша семья во время Первой мировой войны была в бе-• бнетве в России, и о жизни при Польше. Однажды ему принесли 01 ре і материала, купленного у еврея в Волковыске. Это оказался ^Ькновенный качественный материал байка, которого, судя по **кму,** у «освободителей» в своих магазинах не было. Мы целый день проводили в поле, а в это время в нашем доме распоряжались женщин і,і -врачи. От неумелого и чрезмерного пользования плитой она ^ • опалась, за что моя мачеха была очень сердита на них» [6].

Через полгода, когда началась война с Финляндией, Ковалёва Шравили командовать 15-й армией. Вторгнуться в обессиленную • оказавшую сопротивления Советам Польшу у него получи-*л* !•, а когда перед ним оказался более сильный противник, с Ко-**НIМ** вышел конфуз, выяснилось, что воевать он не умеет. Не • едавшего доверие командарма Сталин направил командовать Уральским военным округом, где Ковалев просидел всю после-Ш войну с немцами.

4

ПЕРВЫЕ ДНИ «ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Первые впечатления местных жителей о новой власти складывались по действиям военных, которые, надо отдать должное, были в своем большинстве корректными.

Вспоминает Антон Радзивановский, учитель, бывший житель поселения Полонка, гмины Свислочь Волковысского повета:

> «Войска Красной армии имели приказ относиться к местным жителям «культурно и вежливо». Я не видел со стороны военных ни одного случая грабежа или издевательств. Первые из военных, особенно танкисты, были особенно приветливыми: раздавали детям конфеты, мужикам табак, и всем листовки. Более крупные военные подразделения передвигались преимущественно ночью и с местными жителями в контакт не вступали» [5].

Корректное отношение военных к местным жителям отмечал и бывший русский офицер, проживавший недалеко от Волковыска:

> «На следующий день пришли вести. Красная армия ведет себя вполне миролюбиво по отношению к местным жителям. Никаких бесчинств, всюду порядок, даже отношение к пленным полякам вполне приличное. Но власть в городах передаётся в руки самых худших элементов: политические преступники, неблагонадёжные при польской власти, озлобленные молодые еврейчики-подмастерья. В городах начались издевательства над интеллигенцией. Из

> Новогрудка пришли уже достоверные вести о том, что вслед за прошедшими через город частями Красной армии прибыли политические комиссары, начавшие вылавливание всех «подозрительных».
>
> Всё это вместе взятое заставило нас принять решение немедленно покинуть наше насиженное место. Под Белостоком нас задержала красноармейская застава, которая не пропустила нас к немцам и заявила, что без проходного свидетельства, выданного советским комендантом, никого не пропускают. Было бы долго рассказывать эпопею наших блужданий в течение нескольких дней, стремление пробраться к немцам, полную неудачу этой попытки. Приходилось сталкиваться с красноармейскими отрядами: исполнительные дисциплинированные русские парни, любезные всегда командиры, но полный отказ нас пропустить. Оказались мы в Белостоке уже после окончательного занятия города красными и после отхода германских войск, что для нас было совершенно неожиданно» [2].

Однако в народной памяти остались и отрицательные моменты Поведения «освободителей». Некоторые из них уже в первые дни «освобождения» при случае занимались «экспроприацией». Вспоминает бывший пробош Свислочского костёла ксёндз Альбин • орба:

> «В плебанию в сопровождении учителя Владимира Волынчика пришёл какой-то местный мужчина с красной повязкой на рукаве и карабином в руках, приказав мне сдать револьвер. Пригрозил, что если местные поляки организуют нападение на красных, то за это своими головами ответит польская интеллигенция. Револьвер отдал. Через несколько часов в сопровождении местных жителей с красными повязками приехали военные, забрав из хлева двух самых больших кабанов по 250 кг каждый, а также молодую двухлетнюю корову. После полудня к плебании подъехало два грузовика. Несколько военных во главе с командиром вошли в плебанию и забрали из неё все продукты питания, не исключая повидла. Второй грузовик въехал в огород, где срезали и загрузили в машину капусту.
>
> Весь день через Свислочь ехала Красная армия, больше всего танки и артиллерия. Вечером ко мне в плебанию зашёл советский солдат и попросил стакан чая. Выпив чай, попросил сигарету. Дат. Зажёг серебряную зажигалку и поднёс ему прикурить. На руке у меня имелись золотые часы. Без слова благодарности солдат вышел.
>
> Когда стемнело, кто-то сильно застучал в дверь. Подхожу к двери и спрашиваю: «Кто?» Отвечает: «Открывай, здесь военные!» Открыл. Входит советский командир в звании лейтенанта. Сел за

стол, вынул из кармана помятый лист бумаги и начал спрашивать: «Фамилия, имя, отчество, год рождения. Ты ведёшь антисоветскую агитацию. Кто к тебе приходил? Ну, ладно. Ты имеешь золотые часы. Давай! Тебе не полагается носить золотые часы». Сам снял с моей руки часы и положил себе в карман. Дальше: «Ты имеешь зажигалку, давай». Забрал. «Веди в свою комнату!» В спальне на бюро лежал перочинный ножик — забрал. Открыл в бюро все ящики и всё переворошил. В кабинете на стене висел барометр. Не знал, что это такое. Повертел в руках, осмотрел и положил. На другой день. когда я был в костёле, вернулся снова и забрал барометр. В комнате, где жил ксёндз Станислав Сорока, стоял будильник — забрал» [10|.

О том, что такие случаи были далеко не единичными, говорилось в приказе по войскам Белорусского фронта от 1 октября 1939 г.. написанным в Волковыске:

«В лице бойцов и командиров трудящееся население освобождённой Западной Белоруссии видело представителя новой революционной армии — освободительницу и друга трудящегося населения. Трудящееся население освобождённой Западной Белоруссии окружило заслуженной любовью и заботой героические части Белорусского фронта.

Однако среди нас есть отдельные выродки, которые своим недостойным поведением позорят в глазах трудящегося населения Западной Белоруссии почётное звание воинов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Эти лица своими позорными поступками компрометируют освободительные задачи РККА, чем объективно льют воду на мельницу злейших врагов нашей страны.

За период действий частей Белорусского фронта на территории бывшей Польши отмечены позорнейшие факты самоуправства, мародёрства, самочинной расправы, реквизиции, допускаемые со сто-! роны отдельных командиров и красноармейцев. Эти позорные! факты не только своевременно не были пресекаемы командирами) и комиссарами частей, но даже в отдельных случаях были санкции*] нированы ими».

Далее приказ требовал от командиров немедленно прекратить самовольные аресты, реквизиции, самочинные расправы, обыски и т.д. За все взятые у крестьян продукты, скот и фураж требовалось! расплачиваться наличными деньгами, а в помещичьих имениях скот и фураж брать только через Временные управления, оставляя последним расписки за подписью командира и комиссара част, скреплённые печатью части.

Отмечались и многочисленные примеры .массовых закупок военными различных товаров в магазинах, что тоже требовалось пресекать, а виновных привлекать к дисциплинарной ответственности (30, с. 73-74].

Монумент Свободы с бронзовым орлом.
Вок)вигнут волковысскими ***железнодорожниками в 1926 г.***
Низвергнут большевиками в сентябре 1939 г.

• И власть с первых же дней стремилась навести пошатнув-
4 порядок, для чего все жители должны были выйти на работу.
i.u'i Антон Радзивановский:

11 иным распоряжением новой власти было сдать населению кИl i i а кже приступить к работе каждому на своих рабочих ме- Было приказано открыть магазины и торговать в них по пред- i [енам. Польский злотый приравняли к советскому рублю. пне на работе трактовалось как контрреволюция, и та- им нтерссовывалось НКВД» [5].

i и i первых мероприятий «освободителей» стало уничто- I им иолов прежней польской власти. В первую очередь это к памятникам. Из воспоминаний Станислава Бабинь-

^

«Местные коммунисты образовали революционный комитет и уже на следующий день после прихода Красной армии начали уничтожение польских символов в городе. Прежде всего, двинулись к памятнику Ромуальду Траугутту. Приставили лестницу и пробовали разбить орла, венчающего памятник. Однако из этого ничего не вышло. Тогда сорвали табличку с барельефа, надписи и цифры с пьедестала, после чего отправились уничтожать эмблемы и надписи на административных зданиях. В этот день убили заместителя коменданта полиции Костюкевича и старшего полицейского Станьчика. Коммунисты установили в конце улицы Сенкевича триумфальную браму с приветственными надписями и портретом Сталина. Красную армию встречали хлебом-солью члены КПЗБ.

Памятник Траугутту в покое не оставили. В начале октября видел, как уничтожали мемориальную плиту и сам памятник с орлом. На лицах людей, собравшихся поглядеть на варварство, я не увидел радости, хотя среди них стояли беларусы и евреи. К этому времени многие из них на собственной шкуре начали ощущать прелесть «освобождения от панского ига». В городе ощущалась напряжённость, царили неуверенность и печаль» [25, с. 29].

Удивляет ненависть местных беларуских и пришлых коммунистов к памяти одного из руководителей восстания против царской России — Траугутта, который был казнён царскими властями. Может быть потому, что его уважали польские власти? А вот чужих немецких революционеров, вроде Карла Либкнехта и Клары Цеткин, они почему-то возносили и называли в их честь улицы в городах.

В той же Свислочи на следующий год на рыночной площади был снесён и обелиск с позолоченным шаром на вершине, установленный в начале XIX века владельцем Свислочи Тышкевичем. На его месте установили сразу два памятника — Ленину и Сталину Оба памятника не простояли и года — с началом немецкой оккупации их снесли новые оккупанты.

Польские символы уничтожали и в Волковыске. Здесь прежде всего убрали символ независимой Польши — памятник Вольности (Свободы). 16-тиметровый обелиск стоял возле городского железнодорожного вокзала, примерно на том месте, где сейчас памятник-пушка. Воздвигнут он был в октябре 1926 года по инициативе и на средства волковыеских железнодорожников. Высокий обелиск венчал бронзовый орёл с раскинутыми крыльями. В знаменательные для польско-беларуской истории дни возле памятника собира-

ЛИсь жители города и I мужественной обстановке произнонли речи.

В первые же дни •реле прихода Красной армии рядом с монументом вы кони'ш длинный ров, ВрШ и закопали низНершутую Свободу. •обода останется ороненной на 1м и не десятилетия — М прямом и переносмим смысле. По вскипаниям бывшей illlivii.пипы Волкоі 1алины Кавепill і Колосовской) орла с памятника сумел спасти её брат Ежи и при мл в пруду у костёльной плебании.

Памятник маршалу Юзефу Пилсудскому в Волковыске. В торжественные дни возле памятника несли почётный караул солдаты 3-го полка конных стрелков

tin 1ст Пилсудского, стоявший по улице Костюшко, ночью перед 11ом советов тайно сняли патриоты, спрятав в надежде на лучК времена. Возможно, бюст где-то лежит до сих пор.

Вместо старых вывесок с белым орлом в короне, на администрации,!\ маниях теперь развевались красные флаги. Поляки, состав||| пи- половину населения довоенного Волковыска, не могли глякна по без огорчения. Из дневника гимназистки Вероники Тре-

1*6 октября 1939 г. Преобладает плохое настроение. В городе везде рп шешаны красные тряпки, а на верху магистрата вывесили звезду. Нв магазин, как можно скорее прошла улицу, чтобы не видеть і К'ний и оскорблений со стороны советских поработителей. ила нескольких знакомых, в глазах которых стояли слёзы. них был грустный, так как догадывались, что их ожидает. жертвы, терпящие за Отчизну. Когда возвращалась из школы. і юрьмы повстречала около двадцати человек, которых гнал [1] и. Я сказала своему товарищу, что если бы сейчас у меня была ia, оросила её в охранников. Подобное видишь на улице чуть і аждый раз. Жалостное зрелище. Когда всё это закончится?»

ИЧ

L—

Некоторые местные активисты являлись необразованными, без всякой культуры людьми, или, как тогда говорили — «хамами». Вспоминает житель деревни Безводное, что возле деревни Мижеричи Волковысского повета (сейчас ЗельвенскиЙ район), Василий Степанович Семеняков, 1920 года рождения:

> «Хочется остановиться на одном случае, который по моему разумению, много о чём свидетельствует. Возле Мижерич размешалось поместье Скирмунта — Мештавичи. Кучером у помещика служил муж моей сестры А. Чопкевич. После прихода Советов я заехал на несколько дней к ним и стал свидетелем следующего. Скирмунт оставил большую библиотеку, которая большей частью состояла из книг на польском и французском языках. В основном это была художественная и познавательная литература. В бывшее поместье заявился вчерашний узник лагеря в Берёзе-Картузской, чтобы уничтожить «крамольные» книги. Его действия свидетельствовали о личной безграмотности и неподготовленности до такого дела, так как большинство полезных и нужных книг он покидал в огонь. Увиденное возмутило не только молодёжь, но и малообразованных батраков» [31, с. 146].

Дорвавшись до власти, некоторые крестьяне не упустили возможность воспользоваться ею с целью личного обогащения. Вспоминает Антон Радзивановский:

> «Двор имения Вердомичи Волковысского повета был взят под охрану местным ревкомом. Ночью охрана сама начала грабёж наиболее ценных вещей: часы, посуду, ковры, при этом пригласив поживиться свою родню и товарищей, которые под их опекой вывезли мебель. Между ними не обошлось без выяснения отношений и драки. Когда «охрана» покинула двор, то все дома в нём остались не только без вещей, но и без дверей, окон и даже печей.
>
> Однако жизнь ревкомов была короткой — вскоре их сменила «твёрдая» власть». В районных центрах — исполкомы, а на местах сельские советы. Образовалась милиция, которую обмундировали. Прибыло НКВД. Образовались райкомы с «политруками», агитаторами и активистами. Создались различные институты: «горсобесы», «земотделы», «заготскот», «заготзерно». Руководить стали начальники, прибывшие из России, а часто и местные евреи» [5|.

Но в целом, антипольские эксцессы в поведении беларуского и еврейского населения Западной Беларуси были немногочисленны. Подавляющая часть беларуского населения смену атасти встречала

осторожно. Во всяком случае, стихийно не возникали ни встречи с хлебом-солью, ни братание с красноармейцами.

Церемонии встречи красноармейцев везде были одинаковы — с триумфальными арками, что свидетельствует о заранее подготовленном сценарии, постановщиками которого я&тялись ячейки коммунистов в Западной Беларуси. Правда, были эти «триумфальные арки», или как называли по-местному — «брамы», всего лишь сбитыми из трёх жердей, убранных цветами да хвоей. Иногда на арку вешали приветственный лозунг с портретом Сталина.

Гимназистка
Вероника Тресенбергв 1939 г.

Стихийно возникали лишь группы грабителей. Особенно подверглись разграблению покинутые хозяевами усадьбы. Деревенская беднота резала свиней, растаскивала добро, много чего по неосторожности сожгли. Бывшие батраки не спешили стать новыми хозяевами, поэтому коровы стояли недоеные, кони — некормленые, овечки бродили по окрестностям без пастухов. Книги из библиотек и архивы растаскивали для растопки печей и иных нужд.

Сразу после прихода Красной армии стали проявлять активность освобождённые из тюрем коммунисты и другие активисты. Были созданы временные управления на местах. Не дожидаясь соответствующих законодательных актов, активисты начали реквизировать и делить помещичьи земли, коней, коров. Рассказывает бывшая жительница деревни Озериско Волковысского района, ныне жительница Волковыска, Софья Ивановна Бердик (Рутковская), 1925 года рождения:

«Наша семья имела 18 гектаров земли и жила в деревне Озериско. Как жилось при первых Советах? О Боже! Это истинное пекло было! В соседней деревне Малая Лапеница жило много бедняков. Как только туда вошли советские танки, бежали встречать их, кричали от радости, думали, что лучше станет жить. Из Шукайлов в Озериске кулаков сделали. У них была жатка и молотилка. Ездили осенью по домам и просили людей помочь убрать с поля уро-

жай. Рассчитывались мукой, крупой, картошкой. При Советах многие в Лапениие сделались начальниками — нацепят красную повязку на рукав и идут в Озериско Шукайлов раскулачивать — коров и свиней забирать. Из хлева выгоняли коней и овечек, каждый себе в свой хлев забирал. А Шукайлы, чтобы всё.это нажить, работали от темна до темна, горбом своим добро наживали. Раньше, когда к ним из Лапеницы крестьяне приходили огород полоть, то понабирают с собой ешё не выросшей морковки, свеклы. Спрашиваю у них:

— Почему у себя не посеете в огороде?

— А у нас если кто посеет, то другие придут и вырвут — своруют. Мы и решили, что лучше у Шукайлов накрасть.

Тогда, при Советах, лапеницкие крестьяне у Шукайлов даже картошку выкапывали себе. Даже дрались из-за лучших картофельных полосок — не уступали друг другу. Шукайлы картошки много сажали.

Был у нас жеребец такой красивый, тёмный, как вишня, а на лбу звёздочка беленькая. Ешё раньше отец купил его в Свислочи. Забрали коня в Лапеницулюди с красными повязками. Упир&чся, бедный, не хотел уходить, чувствовал, что разлучают с хозяевами навсегда» [6].

Красноречивей о том, кто и как становился хозяином положения в первые дни прихода новой власти, и не скажешь.

Некоторые хозяева, видя, как отнимают нажитое добро, поступали иначе. Вспоминает бывший житель деревни Войтковичи Волковысского повета Казимир Степанович Дуда, 1919 года рождения:

«В Войтковичах жила богатая хозяйка Миниха. Муж её ешё раньше умер, а жила она с сыном и дочерью. Сорок пар коней держала. В просторное гумно, где хранилось жито, согнала коров с конями и подожгла, чтобы не досталось большевикам. Ничего не спасли. Сама ушла» [6].

Многие крестьяне, воспользовавшись моментом безвластия, принялись рубить лес для строительства и отопления. Рассказывает Ян Карлович Былинский:

«В деревнях многие хозяева бросились в лес валить сосны. Нагружают подводы и везут домой. Вскоре их стали задерживать представители новой атасти:

— Что такое?! Почему самовольно вывозишь лес?

— Буду строить новую хату!

— А кто тебе разрешил?

— Так это же помещичий лес!

— Да! Помещичий, но не твой! — и заставляли разгружаться».

Впрочем, грабили не только древесину, которую вывозили из леса и днём и ночью. Вывозили с лугов стога чужого сена, спускали ставы, чтобы полакомиться рыбой, опустошали чужие сады, огороды и поля» |6].

Волковыск и повет наводнили различные части Красной армии. Жили красноармейцы в палатках либо в постройках помещичьих усадеб. Местные жители обращали внимание на то, что «освободи-

Подать руку помощи Братским народам Западной Украины и Западной Белоруссии - наша священная обязанность!

эпагандистский советский плакат об «освобождении угнетенных трудящихся Западной Беларуси и Украины»

тели» обмундированы хуже солдат и офицеров польской армии. Вспоминает Ян Карлович Былинский:

> «Мне запомнился вид командира, пришедшим к соседям проситься на постой. Фуражка с огромным квадратным козырьком, зелёная хлопчатобумажная гимнастёрка по самые колени, диагоналевые широкие тёмно-синие брюки. Редко у кого из них были хромовые сапоги, а у большинства — из брезента, начищенные чёрным гуталином и собранные гармошкой. Опоясан портупеей, а вместо часов на левой руке — огромный компас» |6).

Когда той же осенью 1939 года под угрозой оккупации прибалтийским республикам пришлось подписать со Сталиным пакты о взаимной помощи, Советский Союз получил право разместить на территории Эстонии и Латвии по 25 тысяч своих солдат, в Литве — 20 тысяч. Туда передислоцировались многие войска из уже «освобождённой» Западной Беларуси. Советский военный атташе в Латвии полковник Константин Павлович Васильев докладывал в Наркомат обороны, какое неважное впечатление произвели на местное население красноармейцы;

> «Внешний вид бойца и командира выправкой и общей подтянутостью и опрятностью одежды в значительной степени отстаёт от латвийской армии. Как правило, наш командный состав, появляясь в общественных местах или просто в городе, под шинелью имеет револьвер и полевую сумку, отчего до комизма раздуваются бока, выходят в город в старых шинелях и небритые. Красноармейцы в старом засаленном обмундировании и плохо подогнанных шинелях и тоже небритые. Всё это производит неблагоприятное впечатление» [14, с. 397].

Многие местные жители вспоминают, что советские военные выглядели грязно и неряшливо, пушки тянули худые кони, а солдаты чаше всего передвигались пешком. Не лучше выглядели и гражданские люди, хлынувшие в Западную Беларусь вслед за армией. В октябре 1939 года заместитель наркома внутренних дел БССР Решетников докладывал:

> «27 сентября в Волковыске выступила бригада артистов Белорусской государственной филармонии. Большинство из них специально оделось плохо, чтобы в Западной Белоруссии приобрести новую одежду. Это среди местных жителей вызвало удивление, что артисты Советского Союза очень плохо одеваются» [31, с. 61].

Не верится, что артисты специально оделись плохо. Вряд ли это пособствовало приобретению новой одежды. Скорее всего, им действительно не было чего надеть по причине бедности гардероба.

Об обстановке в Западной Беларуси на 25 сентября доложил Сталину первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Кондратович Пономаренко:

Главный партийный начальник БССР П. К. Пономаренко

«По всем городам созданы Временные управления, которые приступили к работе. Приступило к работе 30 редакций газет. Засылаются каждый день 100 тысяч экземпляров центральных и белорусских газет.

Повсеместно организованы крестьянские комитеты, приступившие к разделу помещичьей земли. Многих осадников и помещиков крестьяне истребляют (вешают, расстреливают, убивают) или приводят и сдают Временным управлениям.

Так как первые эшелоны наших войск действовали главным образом рейдовым порядком и нигде не задерживались, а старые эшелоны также движутся не широким фронтом, а по магистралям, поэтому есть громадное количество сёл и деревень, где ещё красноармейцы и политработники не побывали. Благодаря этому обстоятельству от крестьянских комитетов и от крестьян у Временных управлений в городах каждый день громадное количество ходоков с самыми разнообразными вопросами: как делить помещичью землю, как организовать комитет, что делать с хлебом, который имеется в помещичьем имении, с имуществом, со скотом, что делать с хлебом, лежащим по складам и мельницам, который был поляками изъят у населения для армии по расчёту 8 килограмм с гектара.

...Появляется и регистрируется большое количество людей, объявляющих себя коммунистами-подпольшиками и партийными работниками. В деревне Подстаринка Барановичского уезда собралось 12 человек таких коммунистов, объявили себя комитетом деревни, не советуясь с крестьянами, и стали командовать. (...) Заявляют представителю Временного управления, что представи-

тели Красной армии либеральничают с чхозяйчиками, мало забирают, даже некоторых выпускают. Требуют больших репрессий. Создаётся впечатление о том, что они или хотят мстить, или провокаторы.

Хочу поделиться некоторыми впечатлениями от своих поездок в Западную Белоруссию. Мне пришлось посетить Столбцы, Мир, Кореличи, Новогрудок, Несвиж, Слоним. Барановичи, Волковыск и много сёл и деревень. Белорусский крестьянин-бедняк, часто и середняк, гол и раздет. Сахара в деревнях никогда не покупали, несмотря на кажущуюся дешевизну — полтора злотых килограмм. Белорусское крестьянство настроено прекрасно, поддерживает всем, чем может Красную армию. Во всех этих городах, в которых пришлось побывать, я не встретил ни одного человека, который бы не владел русским языком. Прекрасно все говорят по-русски, даже молодёжь. Крестьяне говорят на настоящем белорусском языке...» [33, с. 17-19J.

2 октября Бюро ЦК КП(б)Б постановило собрать 4 октября в Волковыске совещание, на котором должны были присутствовать руководители временных управлений всех городов Западной Беларуси. Почти все они вскоре будут назначены на местах первыми секретарями горкомов КП(б)Б. В совещании принимали участие члены Бюро ЦК КП(б)Б и члены Совнаркома БССР во главе с Пантелеймоном Пономаренко. На совещании присутствовал командующий Белорусским фронтом Михаил Ковалёв.

Было принято решение об утверждении созданных ранее Временных управлений в границах бывших воеводств: Белостокского, Виленского, Полесского (позже разделенного на Пинский и Брестский) и Новогрудского (позже Барановичский). Пономаренко выступил с докладом на тему об очередных задачах Временных комитетов. После совещания все руководители разъехались по своим городам и районам.

Политработники Красной армии по заданию областного партийного руководства исследовали ряд населённых пунктов Белостокского воеводства. Занимался этим политический отдел 6-го кавалерийского корпуса под руководством полкового комиссара Моссовского. 30 декабря 1939 года под грифом «секретно» он предоставил Белостокскому обкому на 34 страницах политико-экономическую информацию обследованных деревень и местечек. Взгляд «освободителей» на деревенскую жизнь местного населения представляет несомненный интерес. Ниже приводится информа-

ция о местечке Мстибово, деревнях Шустики и Малая Лапеница Волковысского района:

«Мстибово. Дворов — 217, на хуторах — 12. Население в местечке — 1138 человек и на хуторах — 38 человек. По национальному составу: поляков — 828 человек, белорусов — 43 человека, а остальное население — еврейское. Рабочих — 18—20 хозяйств, торговцев — 18—20. Из организаций ранее существовали: Союз Стрельцов и молодёжная католическая организация «Страж пожарная» и фашистская «Страж-обывательская охрана», руководитель Владимир Окулинский, который сбежал. В настоящее время эти организации, по словам председателя сельсовета, не существуют. Клуба в местечке нет. Библиотека есть польская. Имеется школа-семилетка. Партийной и комсомольской организации нет. Организуются кружки молодёжи.

Местечко Мстибово в Волковысском повете

В местечке имеются костёл и церковь. Ксёндз Марк Бурак — организатор католической молодёжи. Попа нет. В последнее время ксёндз свою работу удвоил. Население, в том числе молодёжь, особенно много ходит в костёл. Политико-массовой работы со стороны руководящих органов почти не проводится. За контрреволюционную работу в НКВД сдали Александра Койдана.

Шустики. Дворов — 62, хозяйств — 67. Из них: белорусских — 60 хозяйств, польских — 7. Население — 294 человека. Рабочих, работающих стрелочниками на железной дороге, — 3 человека. Бед-

/

няков — 10 хозяйств, середняков — 52 и более зажиточных — 5 хозяйств. Контрреволюционных и религиозных организаций не было. Церкви и попов нет. Школы и библиотеки нет. Клуб есть. В нём собирается молодёжь для прослушивания бесед. Партийных и комсомольских организаций нет. Актив состоит из четырёх человек: Степан Дубай, Остап Нестер, Юлий Напоровский, Михаил Якимец. Временный комитет состоит из пяти человек. Председатель — Иван Донеда, секретарь — Владимир Каляда.

Лолковыск и предвоенный. Улица вокзальная

Малая Лапеница. 150 домов. Состоит из местечка Лапеница и фольварка Озериско. Население — 1100 человек. Белорусов — 1020, поляков — 45, евреев — 35. Бедняков — 60 дворов, середняков — 48, кулаков — 7, осадников — 9. Торговцев — 4. Это: Шварц, Давид Чеворк, Рахиля Воконовецкая и Петр Лепко. Портных — 8. Существовала организация стрельцов, которой руководил Осип Карась из деревни Каменица. Религиозных организаций — нет. Церкви — нет. Клуба и библиотеки — нет. Имеется школа и два учителя. Учительница Дубровская учительствует 8 лет. Её муж арестован. Партийных и комсомольских организаций — нет. Комитет состоит из пяти человек. Председатель — Георгий Щукайло, заместитель — Иван Шукайло, секретарь — Михаил Мопронов. Актив — Владимир Немец, Пётр Буфан» [33, с. 426).

Об учителе из Малой Лапеницы Дубровском вспоминает бывший его ученик, житель Малой Лапеницы и учитель по профессии, краевед Григорий Семёнович Окуневский, 1926 года рождения:

«Директор школы Бронислав Дубровский был очень хорошим и душевным человеком. За ним из Волковыска приехали и забрали прямо из школы. Успел только сказать: «До свидания, дети!». За что его арестовали — неизвестно. Скорее всего, за то, что являлся авторитетом для местных жителей. А может, не понравился бывшему здесь некоторое время политруку по фамилии Томаль. Во всяком

случае, посодействовал аресту Дубровского именно он. Его жену и сына не тронули. Жена Алина Даниловна получила от него письмо из Архангельской области. Потом прошёл слух, будто бы он там, в лагере и погиб» [61.

Между тем прибывшие воинские подразделения начали обустраиваться на зимние квартиры. В Волковыске воинские части заняли воинские казармы военных бывшего 3-го полка конных стрелков, из помещений которых ещё не успел выветриться дух прежних жильцов, сражавшихся в это время с немецкими войсками. Практически все поместья Волковысского повета тоже были заняты под постой войск. В соседнем с Волковысском местечке Россь военные сразу же приступили к строительству аэродрома. Вспоминает житель Росси Вацлав Стах:

«В помещениях помещичьего двора разместился кавалерийский отряд. До этого спокойное местечко начало жить иным ритмом. Для командиров не хватало квартир, особенно когда к женатым начали прибывать их семьи. По этой причине вдоль Липовой аллеи началось строительство больших деревянных домов. Многие командирские семьи снимали комнаты у местных жителей» [8, с. 5].

Как известно, по одежде встречают, по делам судят. Одежда «освободителей» оставляла желать много лучшего. Польские солдаты и офицеры были обмундированы куда лучше красноармейцев. Вся польская армия носила кожаные сапоги, а не керзовые, да и кормили в ней намного лучше, чем в советской. Однако на первых порах беларуские крестьяне, испытывавшие эйфорию в связи с «освобождением» от польских панов, не придавали значения внешнему виду советских солдат и командиров. Об одёжке они вспомнили лишь тогда, когда началось тесное знакомство с делами новой власти.

5

В ХОД ИДЁТ ПРОПАГАНДА

Насаждение новых порядков обеспечивалось мощнейшей поддержкой большевистской пропаганды и идеологии. На жителей Западной Беларуси вместе с приходом Красной армии обрушилась вся мощь армейской и партийной пропаганды, центральное место в которой занимала печать. Выпуск новых армейских газет, специально рассчитанных на местное население, начался ещё на Больших учебных сборах, когда нарком обороны СССР приказом от 9 сентября 1939 года обязал политуправление Белорусского фронта организовать в поездах-типографиях издание фронтовых газет: «Красноармейская правда» на русском языке тиражом 100 тысяч экземпляров, «Беларуская звязда» на беларуском языке тиражом 30 тысяч и «Голос солдата» на польском языке тиражом 15 тысяч [29, с. 48].

В целом в действующих частях Белорусского фронта после 17 сентября выпускалось 48 дивизионных и бригадных газет, 8 армейских, 3 фронтовых, не считая тысяч боевых листков, миллионов экземпляров листовок. В частности, типографии Белорусского фронта в ходе военной кампании выпустили 13 листовок и брошюр общим тиражом 6 млн 610 тысяч экземпляров исключительно для

местного населения. Кроме того, ежедневно из Минска в Западную Беларусь отправлялось свыше 100 тысяч экземпляров московских и беларуских газет.

В итоге именно с помощью армейской печати удавалось восполнить нехватку агитационных материалов. К тому же армейские газеты оказались более оперативными информаторами, публикуя обширные сводки ТАСС, поскольку центральные газеты запаздывали на 4-5 дней [34, с. 201-202].

Кроме газет было послано около 100 библиотек политической и художественной литературы, а также 850 тысяч экземпляров книг для продажи. Как отмечал П. К. Пономаренко, это стало только началом широко организованной планомерной помоши [36, с. 180].

В то же время были запрещены все «старые» газеты и журналы. Например, если до сентября 1939 года в Ви'льне из национальной периодики насчитывалось 221 издание, то с приходом большевиков на их дальнейшей судьбе был поставлен крест [37, с. 107].

Вторым после газет пропагандистским мероприятием являлись митинги. На них выступали как прибывшие вместе с Красной армией советские штатные агитаторы, так и местные активисты. Чтобы подчеркнуть видимость национального равноправия, в соответствии с предписанием на митингах пели Интернационал (в 1918—1943 гг. гимн СССР. — *Ред.)* на четырёх языках: русском, беларуском, польском, идиш. Рассказывает житель Волковыска Ян Карлович Былинский:

> «В самое ближайшее время представителями новой советской власти был организован митинг среди рабочих паровозного депо — наиболее многочисленной организации рабочих Волковыска. Для такого торжественного случая рабочие приоделись в выходные костюмы, члены социалистических рабочих партий на лацканы своих пиджаков нацепили партийные значки, ведь освобождение от эксплуататоров было и их праздником, ради которого они вместе с коммунистами Западной Беларуси боролись против только что рухнувшей власти. Воодушевлённые, как им казалось, пришедшей с востока свободой, представители партий взбирались на импровизированную трибуну из досок, перекинутых между двумя токар- ^ н ы м и станками и. окрылённые надеждой па лучшую жизнь, произносили пламенные речи:
>
> — Наконец-то, Панове, мы дождались свободы! Пришла наша народная власть! Рабочая власть!
>
> Наступила очередь и представителя советской власти Николая Павловца, прибывшего из Минска: «Товарищи! Советская власть

пришла на белорусскую землю и освободила вас от панского ига! — и ещё добавил нечто в подобном духе. И тут Павловец прошёлся по местным борцам за свободу:

— А эти, только что выступавшие «пэпээсовцы» и им подобные — это продажные шкуры! — бывший НКВДист и диверсант с беспощадностью вылил на ошарашенных социалистов поток словесной грязи. В деле мнимого освобождения от эксплуататоров рабочего класса и крестьян большевики не терпели никакой конкуренции и сотрудничества, поэтому все другие социалистические партии считались вражескими. Опешившие от такой бесцеремонной ругани и беспардонности, партийцы побоялись что-то возразить. Тут же незаметно начали снимать с груди свои партийные значки» [6].

«Пэпээсовцы» — это члены легальной Польской Социалистической партии, которые боролись за предоставление широких прав профсоюзам, проведение на селе земельной реформы с передачей крестьянам части помещичьих земель. В их легальной партийной газете «Robotnik» под заголовком печатался лозунг: «Да здравствует власть рабочих и крестьян, да здравствует социализм!». В этой газете они также сообщали и правдивые сведения о жизни в СССР: о принудительной коллективизации, о голодающих колхозниках, о массовой высылке крестьян в северные районы.

Люди сразу поняли, что новая власть не терпит конкуренции, правды и инакомыслия, и что надежды на свободу придётся похоронить. Рассказывает житель Волковыска Иосиф Павлович Зайко, 1921 года рождения:

«Вскоре наш сосед, один из активистов волковысских коммунистов из КПЗБ и слесарь паровозного депо Адольф Клинцевич имел неосторожность сказать при свидетелях: «Это не освободители, а оккупанты!». В ближайшую ночь за ним пришли, но он предусмотрительно успел скрыться. В собственном доме на углу Колеёвой и Замостянской улиц у него остались трое сыновей, дочь и жена. К ним ещё несколько раз наведывались НКВДисты в поисках врага, а через некоторое время Адольф Клинцевич с семьёй нелегально пересёк границу, перебравшись из долгожданного им советского рая в оккупированную немцами Польшу» [6].

Однако надо признать, что примитивная, не рассчитанная на дискуссии, однообразная агитация, построенная на двух главных тезисах (тяжёлая мрачная жизнь в Польше и светлое будущее в СССР) более или менее соответствовала общему духу момента. Аги-

тационные лозунги падали на благоприятную почву, особенно в лице бедных и малограмотных крестьян, готовых идти за каждым, кто обешал им хлеба и земли. П.К. Пономаренко так вспоминал о тех временах:

> «Был такой начальный период, когда мы пришли туда, в Западную Белоруссию, и каждый красноармеец казался профессором, его жадно слушали рабочие, крестьяне и интеллигенция, потому что на первоначальном этапе неважно было, как он рассказывает, что он рассказывает — важно, что это советский человек, и он говорит новое. Он рассказывал, там прислушивались» [34, с. 207—208].

Агитаторы часто использовали такие примитивные приёмы как обман и подлог. Перед вступлением в Западную Беларусь советские солдаты и командиры получили подробные инструкции как себя вести. На все вопросы местного населения следовало отвечать «у нас всё есть!», «у нас этого много!», «мы это изготавливаем на фабриках!». Иногда доходило до смешного. Вспоминает житель Волковыска, строитель по профессии, Евгений Степанович Крук, 1919 года рождения:

> «Возвращаясь в Волковыск из польской армии, в 20-х числах сентября сел в Барановичах на поезд. В купе набилось много народу. Среди них сидели два командира Красной армии — один молодой, а второй — постарше, с седыми усами. Молодой командир сразу же занялся «брехаловкой», восхваляя всё советское. Один еврей возьми да и спроси:
>
> — У вас и апельсинов много?
>
> — О! Апельсинов?! Завались! У нас такие комбинаты, что работают в три смены и апельсинов выпускают, сколько хочешь! — все засмеялись, только седой командир молчал. Бедный юноша даже не знал, что такое апельсин, но врать уже научился» [6].

Житет Волковыска R с. Крук, встретивший сентябрь 1939 г. в польской армии

Чтобы избегать подобных казусов, а также правдивых рассказов о жизни в СССР, командова-

ние Красной армии приказало ограничить общение красноармейцев с местным населением. Для общения подготовили специальные бригады политически проверенных агитаторов. Вспоминает Антон Радзивановский:

«Для встреч с населением применялись специально подготовленные отделы во главе с политруками. Они первыми приезжали в местечки и деревни, были торжественно встречаемы жителями, организованными ревкомами, которые засыпали этих военных цветами. Режиссёры и исполнители торжественных встреч после пребывания военных в одной деревне, провожали красноармейцев в другую деревню, где тем временем другие ревкомовцы собирали для «оваций» крестьян декорируя их дома красными флагами, не спрашивая на то согласия хозяина.

Агитаторы много рассказывали о счастливой жизни в СССР, одновременно «оплакивали» жизнь в Польше трудового народа, созданную польскими «фашистами и кровопийцами». Утверждали, что и тут вскоре образуется такая жизнь, как в СССР, только следует перевоспитаться. Бедные получат коней и коров из панских имений, а также малоземельных наделят землей- Обещали прислать такие машины, что человек сам не будет работать. Машины даже будут доить коров, выпекать хлеб, с чего особенно были довольные женщины» [5].

Вспоминает Казимир Степанович Дуда из деревни Войтковичи Волковысского повета:

«В Войтковичах расположилась кавалерийская часть. Кони у них были маленькие, монгольской породы, не чета польской кавалерии. Вели себя нормально, не грабили. Жили в палатках. В них и на зиму остались. Военным не разрешали общаться с жителями, даже в дома запрещалось заходить. Один раз молоденький лейтенант обморозил себе ноги, так ему вначале не позволили зайти в дом, отогреться в тепле. Потом видят, что дело плохо, разрешили. Зашёл в наш дом. Мать принялась оказывать ему помощь. Разговорились:

— У вас нет бедных! Все помещики! — заявил он нам.

А в нашей деревне действительно люди одевались неплохо. В каждом хозяйстве держали коней и другую живность. У них там, в колхозах, давно такого не было» [6].

Вспоминает житель местечка Россь Вацлав Стах:

«Местечки и посёлки тонули в море красных транспарантов так называемых лозунгов. Митинги стали неотъемлемой частью жизни

каждого нового дня. Политруки и приезжие с востока агитаторы восхваляли прекрасную жизнь в СССР, одновременно критикуя и высмеивая всё польское. Доходило до примитивного обмана. Говорили, например, что в Польше с голоду люди ели кору с деревьев. Когда нашёлся один смелый человек и возразил политруку, что это неправда, так как сам бедняк, но никогда такого блюда не ел, политрук в ответ добродушно согласился с тем, что может быть оно и не правда, но так положено говорить: «это не правильно, но политически — правильно!» [8].

*Пролетарии *с*х стран, сЪгданяйтесы*

ПРОПАГАНДИСТ И АГИТАТОР РККА

№ 19
ОКТЯКРЬ
"*'●

ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКИГО УПРАВЛЕНИЯ РККА

Одно из множества пропагандистских изданий «освободителей»

Комиссары Красной армии, не имевшие ни малейшего представления о действительной жизни в Польше, были твёрдо уверены в том, что несут освобождение от рабства обездоленному народу, поэтому часто оказывались в дурацком положении. Об одном из таких эпизодов рассказывает в своих воспоминаниях «На службе Отечества» бывший подполковник царской армии Шайдицкий, в то время управляющий небольшого кирпичного заводика в деревне Плетяничи возле Зельвы:

«Я радовался «русскому» войску. Я с первого взгляда готов был прослезиться при виде родной солдатской шинели и не мог удержаться, чтобы не выйти на шоссе. Ко мне собралась кучка моих рабочих. Танковая колонна остановилась. Вышел комиссар и красноармейцы.

— Чей это завод? — спрашивает он.

Рабочие указывают на меня.

— А! Это ты, мерзавец, кровопийца рабочего!

— Почему кровопийца? Я работаю физически не меньше чем они. Я своими руками ставлю каждый кирпич в печь для обжига. Я с помощником веду обжиг каждой черепицы и каждого кирпича,

к тому же веду всю письменную работу. Я своими руками засеваю свои поля.

— А сколько ты платишь ей? — указывает комиссар на стоящую возле меня работницу-крестьянку из деревни Плетяничи.

— Два польских злотых (имеется в виду за один день — *Н.Б.),* а формовщик получает от каждой тысячи 6 злотых.

— Как тебе не стыдно, кровопийца, так обижать рабочих!?

Тут я не вытерпел, зная, что в СССР один кг сала стоит 25 рублей, масло — 35 и черный хлеб — 3 рубля, спрашиваю:

— А сколько у вас получает рабочий в день?

— У нас зарабатывает 15 рублей!

— А сколько он может купить на эти деньги хлеба, сала? Цены в Польше тогда были: 1 кг чёрного хлеба — 0,2 злотых, ситного — 0,25, сала — 1,4, говядины — 0,7, масла — 2-3, молока — 0,1 злотых.

Тут мой комиссар послал всех красноармейцев по местам и обратился ко мне:

— Твои документы! — я показал.

Колонна двинулась дальше, а я с гнетущей тоской и с разочарованным чувством к «родной, милой русской шинели» ушёл к себе» [37, с. 510].

Перед «освободительным походом» советское руководство заранее приравняло советский рубль к польскому злотому. Но, как видно из данного сравнения, покупательная способность рубля в СССР была гораздо меньше, чем злотого в Польше. Действительно, советский рабочий мог купить за дневной заработок 5 кг хлеба и чуть больше полкило сала. Самый низкооплачиваемый польский рабочий мог купить 10 кг хлеба и более килограмма сала. Комиссар мигом это сообразил и потому отослал своих бойцов, чтобы не слушали крамолы. Так что Красная армия пришла не освобождать рабочего и крестьянина, а порабощать.

1 октября 1939 года UK ВКП(б) принял решение, озаглавленное «Вопросы Западной Беларуси», один из пунктов которого сообщал: «приступить к созданию коммунистических организаций в Западной Украине и Западной Беларуси», для чего уже до 7 октября в Западную Беларусь было направлено свыше 100 газетных и 800 партийных и комсомольских работников [35, с. 180].

Из воспоминаний одного из бывших идеологических назначенцев Степана Евстафьевича Свиридовича, в августе 1940 года ставшего первым секретарём Волковысского райкома комсомола:

КРАСНО АР МЕ иск да
ПРАВДА

Л VI I Т'

Частями Красной Армии заняты юрой Калинин. Высоком. Ною - Петровское я Волово. Десятка населенных пунктов очищены от гитлеровских орд*

Бойцы, командиры я политработники, Развивайте наступление, не давайте врагу на мянуты передышки. По труппм фашистских псов идите к новым победам.

Удесятерим наступательный порыв!
Вперед и вперед—танов приназ Родины!

Начатый нашими доблестными войсками разгром немецких оккупантов доведем до победного конца

На лыжж!

Протгакхх бежит от Тудм

ЦЦЕ УДАР ПО ВОЙСКАМ ВРАГА

Газета «Красноармейская правда» за декабрь 1941 г.

«Прежде чем оправиться в освобождённые области Западной Белоруссии, нас, коммунистов и комсомольцев, пригласили в ЦК КП(б)Б, где с нами провёл беседу первый секретарь компартии Беларуси Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Я в то время учился на третьем курсе Минской политпросветшколы имени Крупской. Через несколько часов мы были обмундированы в военную форму без знаков различия.

В Волковыск приехали на грузовике ночью. Ночевали во Временном управлении, кто на полу, кто на стульях. Управление находилось в здании бывшего магистрата. На следующий день нас по двое — коммунист и комсомолец — направили в волости (гмины) с целью оказания помоши на местах по установлению народной власти. Я с членами КП(б)Б Гершенком и Коконовым проводил такую работу-в Верейках, Песках, Шиловичах, Росси, Свислочи» [38].

О работе комсомольских агитаторов рассказала секретарь Волковысского укома комсомола П.И. Андросова в областной газете «Вольная праиа» (№ 15 от 18 января 1940 г.):

«HiKxwii моладзь Ваукавыскага павета не жыла таим радасным і поунакроуным жыццём, як цяпер. Прайшло усято тры з паловай месяцы з дня вызвалення працоуных з-пад панскага прыгнёту, а з асяроддзя моладз1 за гэты час выраоп актыуныя аптатары, масавш. Аргашзатарам1 усёй масава-палпычнай і культурна-выхавачай работы сярод моладз1 з'яуляюцца камсамольцы, прысланыя ЦК ЛКСМБ для работы *у* заходшх абласцях. Па Ваукавыскаму павету cuiaMi камсамольцау аргашзавана 57 гурткоу па вывучэнню даклада

таварыша Сталша на 8-ым з'ездe Саветау, Канстытуцып СССР, статута і праграмы ВЛКСМ. Гурткам1 ахоплены 1511 чалавек.

Щкавасць да заняткау у моладз1 вельм1 вялжая. Па павету арган!завана 15 хат-чыталень і 36 чырвоных куткоу. Выключны штарэс моладзь праяуляе да мастацкай самадзейнасш. Па павету аргашзавана 43 гурти з ахопам 789 чалавек. Драматычны гурток у Поразаускай воласш нал!чвае 32 чалавею. Гэта драмгурток падрыхтавау і паказау насельнщтву Поразаускай воласщ 3 пастаноуи. Толью у адной Вярэйкаускай воласш аргашзавана 4 клубы: у Вярэйках, Дзевяткауцах, Цярэшках і Шншаве.

Сшам1 камсамольцау для моладз1 горада і вёсю прачытаны 47 дакладау на тэмы: Стал1нская Канстытуцыя і савецкая моладзь, аб падзеях у Фшляндып, аб Чкалаве, аб жыщд1 і дзейнасц11.В. Стал1на. Некаторыя аптатары і дакладчьна карыстаюииа вял1к1м аутарытэтам сярод моладз1. Напрыклад, таварышы Рахл1н, Паборцау, Альтэров1ч.

Усяго па павету аргашзавана 6 камсамольсюх арган1заиый. Выключную увагу павятовы кам1тэт камсамола зварачвае на вырашчванне і вывучэнне мясиовых кадрау. Тав. Хананов1ч вылучаны наменсжам загадчыка камунальнага аддзела выканкама, тав. Ражанская вылучана адказным сакратаром аддзела працы, тав. Цалюк дырэктарам буйнага млына у мястэчку Ялаука, тав. Руб1нов1ч Хана пасланы на курсы гаспадарнжау у Днепрапятроуск. Усяго вылучана на адказную работу з моладз1 54 чалавек1. Акрамя гэтага 47 чалавек займаецш на курсах савецкага актыва».

На первых порах пропаганде верили. Верили, что Красная армия действительно принесла с собой равенство и справедливость. Об этом свидетельствует документ, написанный на польском языке и поданный 7 ноября 1939 года в Подоросский волостной комитет от семьи польского учителя из деревни Конюхи:

«Гминному комитету в Подороскс. Мы, нижеподписавшиеся обращаемся с ласковой просьбой к гминному комитету о выделении нам земли.

Все мы находимся исключительно на иждевении брата, учителя в Конюхах. Его месячная заработная плата не может обеспечить содержание такой большой семьи из 9 человек. Живём мы с большой бережливостью, граничащей с бедностью. Единственным нашим спасением является небольшой участок земли при школе, который позволено нам обрабатывать.

Войска рабоче-крестьянской Красной армии, вступившие на территорию Западной Беларуси, принесли свободу и равноправие

всем гражданам без каких либо исключений. А потому надеемся, что гминный комитет и нас, нижеподписавшихся, не оставит без опеки и хлеба, и наравне с другими выделит нам землю с имения Конюхи.

Подписались Кухарские: Гелена, Софья, Галина, Казимира, ешё одна Гелена и Тадеуш Кухарский» [39].

Неизвестно, выделили им землю или нет. Однако обратим внимание на тот факт, что хоть и с трудом, на учительскую зарплату в Польше могли прожить 9 человек. С приходом Советов такое стало невозможным. Да и в наше время невозможно. А насчёт ожидаемой справедливости и равноправия семью Кухарских, как и большинство остальных граждан, вскоре постигло глубокое разочарование.

Пропагандистская машина продолжала работать на всю мощь.' Прежде всего, восхвалялась мудрость великого вождя народов Сталина, непобедимость Красной армии, нерушимость единства партии и всего народа, могущество социалистической экономики и колхозов. Всё это словоблудие выплеснулось со страниц районной газеты под названием «Заря», начавшей выходить сразу с приходом Советов под руководством редактора Г.Ф. Калеко. С первых номеров газета вдалбливала в головы читателям идеологический заряд. Рассказы местных жителей о трудной жизни при «панской Польше» обязательно заканчивапись благодарностью в адрес Красной армии и отдельно товарищу Сталину, «протянувшему руку братской помощи изнывающему от гнёта населению Западной Белоруссии» [41, с. 6].

Об истории создания этой газеты рассказал журналист Валерий Задаля в своей небольшой книге «Ваукавысю варыянт», вышедшей в 2001 году:

«Першы нумар пабачыу свет у канцы верасня ui у пачатку кастрычшка. Газета праводзига шэалапчную лшно, распрацаваную у Маскве, падхопленую у М1нску і даведзеную да «шзоу». Мясцовыя умовы да увап не брал!ся. Староню запаунялюя выступлениям! правадыроу рознага рангу, артыкуламц прысвечаным1 датам жыцця рэвалюцыйных дзеячау. Бракавала мясцовых фактау, наступальнай прынцыповай ттазщы!. У гэтым газета моцна прайгравала давераснёусым выданням Заходняй Беларусь

...Партрэты таварыша Сталша не сыходзш з першай староню. Было месца і для яго верных паплечнжау Крытычныя стрэлы мясцовых журналктау заусёды ляцел1 у адз1ным наюрунку: недахопы у рабоце грамадзкага харчавання, дрэнна аргашзаваную службу аховы

здароуя. Шкала, што Рыгор Фёдарав1ч Калека не асмельвауся друкаваць матэрыялы з паседжанняу бюро, партыйных раённых сходау. Вшаиь, было строга забаронена раскрываць змест тых пратаколау i рашэнняу» [41, с. 4, 15].

Но если при Польше простой народ газеты уважал и зачитывал до дыр, то при Советах, как вспоминал гродненский писатель Алексей Ничипорович Карпюк (1920—1992), часто можно было наблюдать следующую картину:

«Дзяучынка з акенца юёска пыталася шшага байца, якую яму даць газету. Той са здзгуленнем адказва^ ей:

— Вядома якую — курыцельную!

Непрыемна гаварыць пра усё гэта, але ж — з пест слоу не выкьнеш: менав1та з прыходам Чырвонай Армп да нас, памятую, людз1 Заходняй Беларуа са здз1уленнем даведал1ся, што газеты могуць служыць i для такой мэты» [41, с. 85].

Писатель А. Н. Карпюк, уроженец деревни Страшево Белостокского воеводства

Понятно, что для насаждения новой идеологии требовалось уничтожить старую. Поэтому все библиотеки подверглись ревизии с целью выявления и уничтожения «крамольных» книг. 9 ноября 1939 года на заседании Бюро ЦК КП(б)Б, Пономаренко, докладывая о ситуации в Западной Беларуси, коснулся и проблемы библиотек. Он сказал, что польские патриотические повести являются макулатурой, эту «макулатуру» надо отдать в переработку, а на новой бумаге напечатать советских авторов в переводе на польский и еврейский языки. В результате указаний Пономаренко из библиотек изъяли большинство «вражеских» книг, а сами библиотеки закрыли. Причём уничтожили не только книги польских авторов, но и иностранных авторов в переводе на польский язык, включая русских классиков. Та же судьба постигла еврейскую литературу на языке идиш, богато издаваемую в Польше в межвоенный период [42, с. 68].

В самом Волковыске единственная работающая общественная библиотека к июлю 1940 года всё ещё не была приведена в порядок. 15 июля на бюро райкома партии отмечалось:

«Городская библиотека до сего времени не приведена библиотекарем в надлежащий порядок. Русская и белорусская литература библиотекарем игнорируется, находится в хаотическом состоянии, часть её не разобрана и не заинвентаризирована — лежит на полу в свалке. Старая польская литература не проверена и не очищена от идеологически вредной» [43, с. 2261 •

Одним из распространённых методов агитации и пропаганды являлись лекции и доклады. Так на одной из лекций в Волковыске присутствовали 450 человек. Одновременно лекции служили для представителей власти средством выявления настроений в обществе. Все вопросы, задаваемые слушателями, старательно записывались. Жители, привыкшие безбоязненно ругать польское правительство, на первых порах не боялись высказываться. Характерными были следующие вопросы:

«Почему у вас люди плохо одеваются? Какая разница между купцом и спекулянтом? Какая разница между кулаком и трудящимся крестьянином? Почему у нас экономическая нужда? Нас вероятно ждёт голод? Почему все докладчики держат руки в карманах? Вы говорите, что в капиталистических странах нет свободы. Почему тогда во Франции, Англии и США есть компартии? Кто просил Красную армию, чтобы она пришла? Почему дорогие продукты в лавках и нет промтоваров? Почему вы нас обманываете, у вас же армия разута и раздета?». |45, с. 139].

Из воспоминаний Яна Виленьца:

«По улицам Волковыска и местечек ходили агитаторы в военной форме, возле которых собирались группы обывателей. Агитаторы рассказывали разные глупости о хорошей жизни населения в Советском Союзе. В гмине организовывали разные собрания и манифестации, где местным людям рассказывали о достоинствах советской власти, руководящей с помощью самой лучшей на свете конституции, которая гарантирует всем равные права и подчёркивает обязанности граждан. На собраниях и других принудительных сборищах выступали исключительно советские командиры. Из местных агитаторов при мне никто не выступал, но в других местах случалось, что появлялись и местные большевистские агитаторы, которые ещё перед войной проводили в наших краях конспиративную работу.

Жил в Волковыске Теушко, считавшийся бедняком, и нигде не работал. При Польше просил подаяние, но когда пришли Советы, положение его резко ухудшилось: меньше стал получать от людей

еды и денег, ходил оборванный и обросший. И вот этот Теушко в Волковыске протиснулся к трибуне, но толпа стала ему в этом препятствовать. Стоящие на трибуне агитаторы приказали пропустить его: «Пропустите этого бедняка. Он, наверное, хочет рассказать правду о советской власти!».

Теушко взобрался на трибуну. Все затаили дыхание: что сейчас он скажет? Как профессиональный оратор Теушко пару раз кашлянул и начал свою речь. По-русски говорил хорошо, восхвалял под самые небеса справедливость и свободу, которые принесла новая власть, но в один момент обернулся задом к толпе, задрал плащ на спину, и показал голый зад: «Теперь даже моя задница увидит, какая это свобода!». Раздался громкий смех людей. Агитаторы сначала остолбенели, но, опомнившись, схватили Теушку. Однако толпа хором протестовала: «Оставьте его в покое, это сумасшедший!». Забрали его в НКВД, но через пару дней выпустили. Слух об этом политическом инциденте быстро разнёсся по всему Волковысскому повету» [11).

Вскоре агитация, не подкреплённая делами, стала вызывать у людей разочарование, а потом и иронию. Из воспоминаний Яна Виден ьца:

«Люди делали много разных насмешек, за которые, если ловили, советская власть сурово карала. Недалеко от Зельвы в местечке Деречин осенью проходил базар, на котором торговали конями и куда съезжались хозяева со всей округи. Осенью дни короткие, а потому в местечко приезжали ранним утром, когда ещё было темно. На въезде в Деречин Советы поставили высокую деревянную статую Сталина с вытянутой в сторону дороги рукой. Когда рассвело, проезжающие мимо заметили, что на руке Сталина висел какой-то ящик с надписью. Текст на беларуском языке в стихотворной форме извещал: «Сталшку! Сталшку! На табе хлеба і слашнку, бо ты 20 лет гаспадарыу" і Ні разу не засквары у».

В то же время в Зельве по базару ходила ворона с подрезанными крыльями, а на плечах у неё была прикреплена бумага с надписью: «Буду ходить от воза до воза, но не пойду до колхоза!» 111].

Прибывающие с востока люди советской формации с их обычаями и культурой лучше всякой агитации показывали местным жителям, что представляет собой жизнь в Советском Союзе. Из воспоминаний гродненского писателя Алексея Карпюка:

«Вызвалщел1 бьш лшше недаверл1выш1 і размаулял1 лозунгам!. У кожным адчувалася пыхлтвая сама^пэуненасць у сваей выключ-

насщ. Яны усюды бьш гатовы бачыць агентау замежнай разведи і на кожным кроку падкрэсл1ват, што савеша чалавек СТaiub на галаву вышэй за любога выхадиа з буржуазнага грамадства.

Усё iM не падабалася. I наша мова. I тое, што бабул1 ходзяць да касцёла, иарквы, а некаторыя мужчыны, сустракаючыся, здымаюць адзш перад друпм шапп. I канф1гурацыя шапак была не такая. 1 кспска было, што званы сярод белага дня трызвонш. Што пасля смерш бл1зкага чалавека чорную павязку на рукаве носяиь иэлы год...

Менавгга непрыняццё тысячы падобных фактау як бы і давала JM права л1чыиь сябе на цэлую галаву вышэйшым! за нас.

А усе яны бьин вялдая мастап да ляни ды ахеоТНiKi да гарэлю. У нашага народа самым ходим словам, каб выказаиь свае адмоуныя адносшы да чаго-небудзь, служыла «халера». Назву гэтай хваробы вар'1равал1 на розныя лады. I п'янщы у нашых людзей не бьш у пашанс. Kani ж выдарауся таи селянш, яго кляймш ганебным словам — лайдак, і дзяцей iM палохаль

Прыезджыя напоунш адразу крамы скрыням1 з таннай гарэлкай, прывезл1 звычку niub шклянкам1 ды у любы дзень, як і у кожную пару года, а за сталом у таих выпадках гучау' мат-перамат, ад якога вушы вяну.п.

Раздача газет жителям Западной Беларуси красноармейскими агитаторами

...Забаранш праводзщь Купалле, калядю і батлейю, хадзщь з «зоркай» на Каляды. Забаранш спяваиь «Ад веку мы спалЬ, «Люблю я край, старонку тэту»...» [41, с. 82, 88].

Прибывшие с востока военные не знали даже таких простых вещей как форма обращения у местного населения — «пан», «пани», «паненка». Им казалось, что этие слова крамольные, что слово «товарищ» должно звучать на всех языках и повсюду. Рассказывает житель Волковыска Ян Карлович Былинский:

«Однажды моему отцу вместе с работником депо Стахельчиком поручили осмотреть военную танкетку, из поддона которой вытекало масло. Отец лежал под днищем машины, а Стахельчик поинтересовался:

— Пан Былинский! Ну, як там? — стоявший рядом советский командир удивлённо переспросил:

— Как вы сказали? Пан?

— А что такое?

— Вы что? — в руках командир держал польский журнал и показал на портрет какого-то артиста кино в модной шляпе. — Вот это паны! А вы рабочий класс!»

Приехавшие «освободители» даже не удосужились узнать, что слово «пан» подразумевает обращение ко всем мужчинам. Вернувшись домой, отец сказал:

— С сегодняшнего дня я уже не пан, а товарищ! — и добавил, — какой же я товарищ начальнику депо? На этот счёт у русских есть хорошая пословица: «Гусь свинье не товарищ!» [6].

О бедности и низком уровне культуры «освободителей» вспоминает и бывший житель фольварка Жабки Ян Виленец:

«У нашего знакомого еврея Абрахама Пайковича снимал комнату советский школьный инспектор. Однажды вечером перед сном попросил хозяйку постирать ему рубашку. Хозяйка рубашку постирала и повесила сушиться, но к утру она не высохла, и под утюгом также не удалось её высушить. Разыгралась трагедия: нужно было идти на работу, а рубашка мокрая. Сын Абрахама предложил инспектору свою чистую рубашку. Инспектор очень удивился и спросил имеет ли он ещё рубашку. Тот ответил ему, что имеет несколько рубашек. «Наверное, ты торгуешь рубашками?» — изумился инспектор, услышав в ответ, что здесь каждый имеет не только рубашки на смену, но и по нескольку комплектов белья.

У моего коллеги Сороки снимал квартиру начальник «финотдела» товарищ Лихачёв с женой. Один раз жена Лихачёва начала

смотреть гардероб пани Сороки и не могла скрыть удивления как модно и элегантно та одевается. Спросила разрешения примерить на себя некоторые одежды. Когда глянула на себя в зеркало, то на неё глядела артистка театра, — так она сказала хозяйке.

У нас в доме в Жабках также квартировали три командирские семьи. Командиры всё время пропадали в своих подразделениях, а их жёны с детьми чаше всего находились дома. Как и все советские женщины, они были одеты безвкусно, но когда увидели, как наряжаются польки, тоже захотели одеваться по-европейски. Моя жена Тося оказалась для них хорошей советчицей, и даже шила им кофточки и платья, так как в молодости обучалась шитью. Продавала им свои красиво вышитые салфетки и скатерти. Вернее не продавала, а меняла на сахар, которого не было в продаже. Во время разговоров Тося несколько раз говорила командирским жёнам, что перед войной в Польше можно было купить всё без каких-либо проблем и по недорогой цене. Всего было в достатке, а некоторых товаров даже излишки. Также легко можно было выехать за границу, даже в Америку.

Однажды ко мне подошёл один из командиров и сказал, чтобы я запретил своей жене говорить на такие темы, так как можем быстро выехать туда, откуда наша Польша не будет видна. Командиры, которые жили у нас, служили в танковом полку, расположившемся в Мештовичах» [11].

Раздача газеты «Правда» жителям Западной Беларуси

Насаждение новой идеологии проявилось и в замене всех польских государственных и религиоз-

ных праздников на советские. Новый политический календарь требовал отмечать следующие даты:

1 января — Новый Год;

21 января — годовщина смерти В.И. Ленина, а также память 1905 года;

23 февраля — день Красной армии;

8 марта — международный коммунистический день женщин;

18 марта — день Парижской коммуны, а также день МОПра (международной организации помощи рабочим);

I мая — день солидарности международного пролетариата;

5 мая — день труда;

II июля — всесоюзный день физической культуры;

24 июля — день военно-морского флота СССР;

30 июля — всесоюзный день железнодорожника;

1 августа — международный день мира;

28 августа — всесоюзный день лётчика;

1 сентября — международный день молодёжи;

17 сентября — день освобождения Западной Беларуси и Западной Украины от ярма польских панов и капиталистов;

7 ноября — день Великой Октябрьской Социалистической Революции;

5 декабря — день Конституции;

21 декабря — день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина.

Одним из методов пропаганды по замыслу руководства должны были стать избы-читальни, открытые в большинстве деревень. Однако для эффективного их использования не хватало средств, чтобы оснастить такие избы книгами, радиоприёмниками и самими культработниками. Так, 15 июля 1940 года на заседании бюро Волковысского райкома партии было отмечено:

> «Избы-читальни до сих пор не укомплектованы подготовленными работниками, не созданы при избах-читальнях культсоветы, библиотеки не укомплектованы, радиоустановок не имеется, помещения изб-читален не оборудованы и не снабжены культинвентарём. Содержание работы изб-читален оторвано от основной задачи коммунистического воспитания масс. В проведении хозяйственно-политических мероприятий на селе избы-читальни учавствуют совершенно слабо, оборонной работы не ведут, не занимаются агротехникой и антирелигиозной работой» [43, с. 226].

Самым надёжным средством пропаганды оказалось кино. До прихода Советов большинство крестьян никогда не видели живую

картинку на белом экране, так как если они и приезжали в Волковыск, где имелся кинотеатр, то у них не было времени на его посещение. Частный кинотеатр еврея Ботвинского «Полония» на 403 места коммунисты национализировали сразу после 17 сентября, поменяв название на «Аврора». В отдалённые от города деревни приезжали передвижные киноустановки. Только за первый квартал 1940 года передвижные киноустановки в Волковысском районе побывали в 21 населенном пункте, организовали 36 сеансов, которые посетили 4200 человек. Однако многие поляки сознательно бойкотировали пропагандистское кино.

Сеансы фильмов в городах демонстрировались ежедневно по 2—4 раза, в отличие от довоенного времени, когда кино работало только 2—3 раза в неделю. Репертуар фильмов был подобран с расчётом пропаганды советского образа жизни. Наибольшей популярностью пользовались художественные фильмы «Ленин в октябре», «Ленин в 1918 году», «Трилогия о Максиме», «Яков Свердлов», «Мы из Кронштадта», «Чапаев», «Цирк», «Волга, Волга», «Мир смеётся».

Вместе с тем документальные фильмы рекламировали достижения СССР как одной из наиболее развитых промышленных мировых стран, стараясь убедить зрителей в преимуществах социализма над капитализмом. И это в то время, когда в советских лагерях и тюрьмах находились в неволе, умирали от непосильного рабского труда и голода миллионы людей. В то время, когда после принудительной коллективизации крестьянства свободный труд на российской земле канул в небытие, а миллионы крестьян умерли от голода.

Единственным средством получения альтернативной информации на «освобождённых» территориях являлось радио, дававшее возможность слушать передачи на польском языке из Франции и Англии, а также немецкое радио из Варшавы. После «освобождения» советская власть не решилась конфисковать у жителей радиоприёмники, объявив только об их регистрации до 1 декабря 1939 года. Но процесс регистрации не закончился к указанному сроку, а тянулся до 22 июня 1941 года. Большинство владельцев радиоприемников, заподозрив в этом провокацию, не спешило с регистрацией, поэтому власть в течение 1940 года ещё 10 раз об этом напоминала. Было даже объявлено, что тот, кто донесёт о незарегистрированном радиоприемнике, получит 20 % от суммы штрафа, который заплатит виновный.

Хотя власти и знали о том, что слушание заграничных передач — массовое явление, поделать ничего не могли. Особой популярностью у местного населения пользовались передачи для оккупи-

рованных Советами областей под названием «Не верьте — это неправда» и «Алло, советская оккупация». В то же время передачи московской, минской и барановичской радиостанций обрушивали на слушателей поток советской пропаганды на белорусском, польском и еврейском языках [45, с. 311—322].

Даже исторический музей, открывшийся в Волковыске осенью 1940 года, был призван служить делу советской пропаганды и идеологии. Рядом с чисто историческими экспозициями, такими как «Кремневые изделия эпохи неолита», «Предметы материальной культуры Волковысского замка XI—XIII веков», «Оружие и военное снаряжение XIV—XIX веков», «Бронзовые римские монеты I—IV столетий и серебряные монеты времён Ивана Грозного» разместились чисто пропагандистские: «Западная Беларусь под ярмом польских оккупантов», «Революционное движение в Западной Беларуси», «Освобождение и присоединение Западной Беларуси», «Обширные перемены, наступившие в Волковысском районе и Белостокской области в течение года советской власти». По официальным данным, ежедневно музей посещало до 300 человек [45, с. 346].

Но огромная пропагандистская машина была бессильна противостоять действительности, она не смогла заставить «освобождённый народ» поверить в своё призрачное счастье. У большинства обывателей стало возникать неприятие лживой советской системы, а их души не могли смириться с фальшивой советской идеологией. Из донесения начальника УНКВД по Белостокской области:

> «Учитель деревни Рожки Свислочского района — Ржевский, 7 декабря 1940 г. В беседе с нашим источником заявил: «Нам предложено разработать с учениками письмо от имени белорусского народа тов. Сталину. И вот, когда читаешь строки, где сказано, что белорусы при бывшем польском правительстве жили под ярмом панов, в нищете и голоде, а сейчас при Советской власти народ живёт весело и счастливо, то эти слова у ребят вызывают смех. Они знают, что раньше при польском правительстве жили радостно и хорошо, а сейчас при Советах — в нищете и голоде. Так как сейчас ничего нет, поэтому я не могу рассказывать ребятам о Советах такое, совести не хватает». Ржевский взят в разработку» [46, с. 276].

, О том же пишет в своей книге «Записки западного белоруса» Иван Данилов:

> «Уже в 1940 году всем стало очевидно, в том числе и моему отцу, что эта власть не народная (отец был членом КПЗБ. — *Н.Б.)*. Вместо

экономической помощи населению повсеместно проводились собрания, митинги и распространялся различного рода идеологический мусор о преимуществе советского социализма перед польским капитализмом.

...К агитационной работе привлекались военные, работники организованных райкомов партии и райисполкомов, а также другие советские специалисты. И все они твердили одно и то же, то есть о счастливой жизни в СССР. Но в действительности никакого социализма, никакого преимущества в быту рабочих и крестьян не появилось. Все почувствовали, что реатьная власть принадлежит не диктатуре рабочих и крестьян, а диктатуре НКВД, основанной на терроре» [47, с. 75].

Одним из главных показушных мероприятий новой власти являлось празднование годовщины ноябрьской революции 1917 года На заседании партийного бюро 23 октября 1940 года был разработан план подготовки празднования. Приведём его полностью, так как на долгие годы после войны подобные мероприятия стали обязательными атрибутами советской власти:

«1. С 20 октября по 5 ноября всем предприятиям, учреждениям и сельсоветам провести беседы и доклады, посвященные празднику.

Боец РККА рассказывает евреям из Западной Беларуси о «счастливой жизни» в СССР

2. 6 ноября в 7 часов вечера провести торжественное заседание горсовета совместно с партийно-комсомольскими, советскими и профсоюзными организациями, а также представителями воинских частей, посвященное празднику.

3. 6 ноября по всем предприятиям, учреждениям и сельсоветам провести торжественные собрания и заседания совместно с активом.

4. После торжественного заседания 6 и 7 ноября по всем предприятиям, учреждениям, сельсоветам и школам провести вечера самодеятельности.

5. 8 ноября по предприятиям, учреждениям и школам провести детские утренники.

6. 7 ноября в городе и во всех сельсоветах организовать демонстрации трудящихся и митинги, посвященные празднику.

7. Все рабочие и служащие предприятий и учреждений города собираются к 10 часам утра к своим предприятиям и учреждениям, школьники собираются в своих школах. Отсюда организованным порядком к 11 часам идут на ипподром, где состоится парад воинских частей и прохождение колонн демонстрантов*. По окончании парада все колонны организованным порядком направляются по маршруту: Вокзальная, Ленинская, К. Маркса, Советская, Татарская, где расходятся по своим предприятиям и учреждениям.

Порядок построения колонн: осоавиахимовцы и штаб МПВО, санитарная дружина и Красный крест, железнодорожники, учащиеся школ и курсов, мясокомбинат, рабочие и служащие литейного, механического, кирпичного и лесозавода, швейная фабрика, медработники, служащие советских учреждений, торгующие организации, артель кустпромсоюза.

Тематика оформления колонн:

1. Железнодорожники — портреты членов политбюро, отражение силы и мощи транспорта в стране социализма, дружба народов СССР и лозунги, мобилизующие на успешное проведение выборов в местные советы депутатов.

2. Мясокомбинат — портреты членов политбюро, лозунги сталинской конституции и мобилизующие массы на успешное проведение выборов.

3. Кирпичный — портреты вождей, отражение подъёма промышленности в СССР и лозунги об овладении большевизмом.

* Ипподром находился напротив нынешней 5-й школы. Колонны отсюда направлялись по улицам Жёлудева, Ленина, К. Маркса, Советская, Первомайская. — *Н.Б.*

4. Школы — счастливое детство в стране советов, портреты вождей, овладение ленинско-сталинской теорией, лозунги сталинской конституции» [43, с. 377].

И все же высшая партийная власть в Минске вынуждена была признать недостаточную эффективность пропаганды. Подтверждением этому факту может служить полное критики многостраничное письмо ЦК КП(б)Б от 21 октября 1940 года под заглавием «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии»:

«Огромная политическая, агитационно-пропагандистская работа, развёрнутая во время выборов в Верховные Советы СССР и БССР, в ряде мест ослаблена. Ценные местные кадры агитаторов и пропагандистов, выросшие из местного населения — растеряны. Во многих случаях агитколлективы существуют формально и особой роли в агитации и пропаганде не играют. В некоторых районах вся агитационная работа сводится только к проведению митингов. Партийные организации не перешли к более сложным дифференцированным методам пропаганды и агитации, рассчитанным на то, чтобы охватить своим влиянием каждого трудящегося.

...Сила большевистского руководства в связях с массами. Однако, некоторые наши товарищи вместо того, чтобы укреплять

Советский танк в западнобеларуском местечке

связи с населением, проявляют своего рода самостраховку, прямо чуждаются местного населения, связаны только со своими товарищами, приехавшими из восточных областей.

Следует обратить внимание на тот факт, что в поле зрения работников райкомов КП(б)Б обычно находятся большие деревни и близлежащие к районному центру населённые пункты. В отдалённых же деревнях и посёлках у крестьян, проживающих на отдалённых хуторах, никто не бывает.

Избы-читальни, которые должны быть превращены в очаги культурно-массовой политической работы, во многих случаях бездействуют: обставлены малокультурно, неуютно, кадры зачастую подобраны неудачно, а в некоторых случаях на работу заведующими избами-читальнями пробрались классово-враждебные элементы...

Надо помнить, что чем лучше будет поставлено политическое воспитание трудящихся западных областей Белоруссии, тем скорее они приобщатся к активному строительству социализма, в более короткий срок пройдут тот путь, который прошли все трудящиеся Советского Союза».

Пусть читателя не вводят в заблуждение фразы «в ряде мест», «в некоторых случаях», «отдельные недостатки». Это обычный «эзопов язык» советских чиновников и пропагандистов, призванный сгладить всеобщие негативные явления советской действительности. Указанные выражения означают «во всех местах», «во всех случаях».

Скучная и фальшивая большевистская пропаганда быстро надоедала всем, кто с ней соприкасался. В первую очередь она набивала оскомину у самих коммунистов, не говоря уже о местных жителях. На это 15 апреля 1940 года на партконференции волковысских коммунистов жаловался с трибуны заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды райкома партии Волников:

«Я хочу остановиться на том, что в работе нашей районной партийной организации недостаточно уделялось внимания на организацию марксистско-ленинского воспитания членов партии. Лекции читаются не по строго продуманному плану, а вообще, лекции посещают неопределённый состав слушателей, а зачастую бывают просто случайные люди. Мы уже имели случаи, когда в кружке по изучению краткого курса истории КП(б)Б состояло 96 человек работников просвещения, а после проведения одного занятия в кружке осталось пять человек» [48, с. 30].

Изучению насквозь фальсифицированной сталинской истории ВКП(б) придавалось огромное значение*. Становится смешно, когда читаешь протоколы партийных собраний, где коммунисты оправдываются друг перед другом в том, что никак не могут прочитать до конца эту сравнительно небольшую книгу. У многих из коммунистов и комсомольцев работа по изучению истории партии не продвинулась дальше Октябрьского периода, т.е. 1917 года. Из выступления на общепартийном собрании 26 октября 1940 года секретаря первичной организации волковысского депо Карпаченко:

Участники одного из многочисленных митингов, организуемых «освободителями»

«В нашей парторганизации 35 человек, все приехавшие из восточных областей — часть давно, а часть недавно. Несмотря на меры, принимаемые парторганизацией, всё же далеко не ушли — сидят над изучением 3—4 главы» [48, с. 121].

В рамках борьбы с «проклятым прошлым» в русле новой идеологии не могли оставаться без изменений и названия улиц. Советская власть переименовывала всё, что по мнению большевиков

* Имеется в виду книга «История ВКП(б). Краткий курс», изданная в 1939 г. Ее написал коллектив авторов иод обшей редакцией и при участии И.В. Сталина. Книга множество раз переиздавалась, ее общий тираж составил 17 млн экземпляров. — *Прим. ред.*

было связано с Польшей. 25 января 1940 года Волковысское бюро укома КП(б)Б решило:

«Предложить уездному исполкому переименовать улицы Волковыска, носящие имена врагов народа» [48, с. 23J.

Вместе с тем, партийный диктат в обязательном порядке прикрывался мифическим волеизъявлением самого народа. В номере от 4 февраля 1940 года газета «Заря» сообшила о переименовании улиц «в связи с пожеланиями трудящихся». Всего из 75 улиц переименованию подлежало 25. Не оставили даже названия в честь национальных героев Беларуси. В число «врагов народа» попали борцы с царизмом, боровшиеся за освобождение этого самого народа — Костюшко и Траугутт. «Врагами народа» посчитали также польских писателей Юзефа Крашевского, Стефана Жеромского, Марию Конопницкую*.

Именно тогда городу навязали безликие названия улиц: Советская (бывшая Костюшки), Интернациональная (Магистратская), Мопровская (Корщизна), (Мопровская — от аббревиатуры МОПР), Социалистическая (Войтовская), Комсомольская (Яна Собесского), Коммун&ньная (Крашевского), Красноармейская (Кошаровая) и т.п. Из 25 переименованных улиц ни одна не получила названия, связанного с беларуской историей или культурой. Этот факт наглядно свидетельствует об истинных намерениях большевистской власти — лишить беларусов исторической памяти.

После оккупации Волковыска немцами в 1941 году старые названия улиц были возвращены, но ненадолго — до Вторых Советов.

* Ю. Крашевский (1812-1887) — ролом из Пружан. За участие в антиправительственном заговоре в 1830-32 гг. находился в тюрьме. Участник восстания 1863-64 гг., после его подавления до конца жизни находился в эмиграции. Автор 223 романов и повестей, многие из которых посвящены прошлому Беларуси, Литвы и Украины.

С. Жеромский (1864-1925) писал о национально-освободительной борьбе польского народа, резко критиковал социальный уклад польского общества после 1918 г.

М. Конопницкая (1842-1910) — поэтесса и новеллистка, родом из Сувалок. Ее творчество было посвящено жизни деревенской и городской бедноты, а также полякам-эмигрантам в Америке. — *Прим. ред.*

6

ПЕРЕМЕНЫ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Система образования на «освобождённых» территориях, как одна из частей польской государственности, требовала незамедлительных перемен, а точнее полной ее перестройки под советские стандарты. Сделать это сразу не представлялось возможным по ряду объективных причин, прежде всего из-за нехватки новых учительских кадров, знающих польский, беларускии и еврейский языки. Поэтому до конца 1939 года в школах кардинальных изменений не произошло: запретили лишь некоторые предметы. Вспоминает Антон Радзивановский, учитель, бывший житель селения Полонка гмины Свислочь Волковысского повета:

> «Язык и форма работы в таких учреждениях, как почта, школа и железная дорога, а также на других предприятиях в первые недели после прихода большевиков мало в чём изменились. В школе какое-то время продолжали учиться по прежней школьной программе и по старым учебникам, исключив только предметы религию и польские историю с географией. К руководителям учреждений и предприятий, которые остались, власть приставила соглядатаев, сначала из местных жителей, а потом прибывших из России. Такое положение сохранялось до официального включения Западной Беларуси в состав СССР, после чего вся работа была организована по советскому образцу» [5].

Для западных областей Беларуси в Минске разработали специальные программы с учетом знаний, приобретенных учащимися в школах Польши, по выражению П.К. Пономаренко, «в сторону (...) идейного и академического оздоровления». Отныне преподавание предметов подчинялось в каждом своём моменте господствующей идеологии. Природоведение, например, основывалось на трудах И. В. Мичурина и Т.Д. Лысенко*. А наиболее политизированным предметом стала история, развитие которой объяснялось через призму марксизма-ленинизма с акцентом на освободительную роль Страны Советов и мировую революцию. Практическим материалом даже при преподавании точных дисциплин должны были служить примеры из социалистического строительства и противостояния социалистического строя с капиталистическим, где социализм имел наивысшие показатели. Не допускались примеры, в которых советская власть могла каким-то образом дискредитироваться, что угрожало последствиями вплоть до ареста. Неудовлетворительным признавалось обучение, в котором «учитель недостаточно связывает преподаваемый материал с интернациональным и антирелигиозным воспитанием учеников».

Сознательное игнорирование гуманитарных предметов, уменьшение количества часов, отводимых на их изучение, в ходе изменения учебных программ происходило примерно пропорционально увеличению внимания естественным дисциплинам. Это делалось в соответствии с указанием В.И. Ленина о необходимости «приблизить теорию к практике, увязав вопросы теории с жизнью, техникой» [49, с. 97-98].

Перестройку системы школьного образования регулировало постановление ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР», принятое 2 декабря 1939 года. Постановление состояло из 12 пунктов. По нему все школы объявлялись государственными, вводилось всеобщее обязательное бесплатное образование: в городах 7 классов средней школы, в деревнях — начальная школа. Вводилось также совместное обучение учащихся, разделение школ на мужские и женские ликвидировалось [35, с. 200—202].

* Иван Мичурин (1855-1935) — российский селекционер-практик, создатель многих сортов плодово-ягодных культур. Трофим Лысенко (1898—1976) — создатель псевдонаучной концепции наследственности, изменчивости и видообразования, которую он назвал «мичуринским учением». — *Прим. ред.*

Преобразования в системе образования были отмечены 13 декабря 1939 года на заседании бюро Белостокского обкома КП(б)Б постановлении под № 13 «О реорганизации школ»:

«Со времени освобождения Белостокской области от фашистского гнёта капиталистов и помещиков бывшей Польши имеется большой приток учащихся в школы, значительный рост школьной сети и учителей. Но до сего времени сохраняется порочная структура школ, установленная фашистским правительством бывшей Польши (школы начальные, гимназии, лицей) с раздельным обучением мальчиков и девочек. Преподавание религии, хотя формально и ликвидировано, но ещё в значительном количестве школ сохранились кресты, иконы и школа ещё далеко не стала свободной от всяких религиозных влияний.

Польские учителя из средней школы Волковыска, находившейся на улице имени Жвирки и Вигуры

Программы и учебники в польских, еврейских и других национальных школах проникнуты идеологией фашизма и требуют немедленной их замены советскими учебниками. Перевод школ на родной язык преподавания, а также введение белорусского и русского языков проходит медленными темпами. По области 217 школ белорусских, 196 русских, 967 польских, 70 еврейских, 15 литовских и одна школа немецкая».

Для исправления указанных замечаний следовал ряд указаний, включавший 8 пунктов [15, с. 25—27].

Формирование новых учительских кадров происходило прежде всего за счёт привлечения местной интеллигенции, лояльной Советам. Учителя, присланные из СССР, должны были играть в учительских коллективах роль «авангарда». Из их числа в основном назначались управленческие кадры в отделах образования и школьный директорат. Небольшую часть учителей составили беженцы с оккупированных немцами польских территорий, в основном евреи. По мере прибытия учительских кадров с востока, местные учителя, попавшие под подозрение, подлеж&аи увольнению, особенно выходцы из буржуазных и помещичьих семей.

В декабре 1939 — январе 1940 годов во всех западных областях Беларуси были проведены уездные и городские учительские конференции (совещания) по вопросу реорганизации школ. Её национальный аспект был изложен в упомянутом постановлении ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР» от 2 декабря 1939 года:

Волковысскую гимназию им. Стефана Батория „

большевики превратили в среднюю школу

основная масса школ в западных областях БССР должна быть белорусской. Переход на белорусские школы не затягивать, однако осуществлять его постепенно, по мере снабжения школ учебниками и квалифицированными преподавателями-белорусами. Обязать партийные, советские органы и отделы народного образования развернуть пропагандистскую и агитационную работу по ликвидации пренебрежительного отношения к белорусскому языку, прививавшегося правящими кругами и националистическими элементами в бывшей Польше. Осудить неправильные действия некоторых работников отделов народного образования, переводящих школы на белорусский язык без предварительной подготовки» 150, с. 303].

На первых порах школы создавались с тем языком обучения, который соответствовал национальному составу населения в данной местности, в то время как на территории Восточной Беларуси ассимиляция шла полным ходом, и образование на русском языке перевешивало. Но в Западной Беларуси на первых порах большевики стремились показать защиту ими национальных интересов.

Как проходило становление советских школ в Волковысском повете, хорошо видно из воспоминаний Эммануэля Голдберга, бывшего жителя Свислочи:

> «Спустя несколько дней вакуум власти, который образовался в результате падения Польши, был заполнен. Председателем городского совета стал Пинхас Винер. Винер в середине 1930-х годов за политическую деятельность был приговорён польской властью к смертной каре, заменённой на пожизненное заключение. Начавшаяся война освободила его из тюрьмы.
>
> Свислочь входила в состав Волковысского повета, но уже в начале 1940 г. административное деление изменилось, и Свислочь стала административным центром образованного Свислочского района. Здание городского Совета находилось рядом с гимназией. Я имел педагогическое образование и было естественным, что меня назначили в комиссию по созданию новой образовательной системы. Белорус по фамилии Волыньчик, известный своими антисемитскими взглядами, был назначен председателем этой комиссии. Рекомендации комиссии должны были быть представлены городскому Совету в тот же самый день. Волыньчик открыл заседание комиссии на белорусском языке. Хотя я слабо говорил на белорусском, но неплохо понимал этот язык. Он объявил, что согласно распоряжению отдела образования польская средняя школа должна стать белорусской. Другая польская начальная школа в центре города, в которой и происходило наше собрание, также должна стать белорусской начальной школой. Третья начальная школа, расположенная в предместьях города останется польской, при условии, что в ней наберётся необходимое число учеников. Религиозная еврейская школа должна стать светским еврейским учреждением и останется в том же здании и при том же руководстве. Все школы будут открыты немедленно, и все прежние преподаватели будут повторно наняты.
>
> Последовало обсуждение. Представитель местных польских преподавателей воздержался от дискуссии. Тогда взял слово я и на польском языке потребовал сохранить польскую школу, основываясь на основном социалистическом принципе равенства для всех

национальных групп. Против моего предложения выступил единственный человек, однако мои соображения были приняты. Решение собрания было запротоколировано, поставлены подписи присутствующих, и протокол был отдан в местный Совет.

В начале октября открылась светская еврейская школа, носившая ранее название «Тарбут». Она получила статус неполной средней школы. В ней я был назначен преподавателем еврейского языка, литературы и истории. В этой школе я был учеником в течение семи лет, и мой отец после Первой мировой войны преподавал в ней еврейский язык и литературу. Классы были полностью укомплектованы. Дети стремились учиться, и были дисциплинированными. Новых учебников не было вовсе. Не было тетрадок, не хватало даже мела. Председателем районного отдела образования был назначен Резник из Минска, который заверил, что книги и тетради в ближайшее время прибудут из Минска» [9].

Рассказ о переменах в школьном образовании в Свислочи продолжает Станислав Бабиньский:

«Для гимназической молодёжи наступили трудные и печальные времена. Гимназия была ликвидирована и вместо неё открылась средняя белорусская школа. Её директором стал Владимир Волыньчик, выпускник бывшей учительской семинарии в Свислочи. Наши учителя гимназии, оставшиеся в Свислочи, вышли на работу, так как ничего другого им не оставалось. Бывшего директора гимназии Золиха на работу не приняли. Были трудоустроены и бывшие работники отдела образования: Шунейко, М. Золихова, Ярмоцувна, Кардис, а также вернувшиеся из польской армии А. Адамонис, Чайко и Врочиньский. Все бывшие учителя, прежде всего, должны были пройти двухнедельные курсы белорусского языка в Волковыске.

Уже в первые дни работы новой школы произошёл инцидент, вызвавший определённые волнения. В конце какого-то торжества в актовом зале бывшей гимназии запели Интернационал — в то время гимн СССР, но несколько учеников при этом не встали, что вызвало возмущение партийного куратора школы. После чего один из этих учеников, а именно Мечислав Виленец, перешёл советско-германскую границу и добрался во Францию. Другим это не удалось, так как к этому времени граница надёжно охранялась. Иные ученики бросили школу, а другие переехали в Брест и Белосток. Я со своим братом решили продолжать учёбу, учитывая то, что наука на любом языке пойдёт на пользу, а разницу в программе обучения можно наверстать потом.

Наши учителя после двухнедельных курсов удивили нас своим знанием белорусского языка. Особенно преуспел в это Шунейко. На уроках, которые проводил вместе с восточной, белорусской учительницей, он даже поправлял её ошибки. Для нас это был наглядный пример русификации восточных белорусов, так как эта учительница лучше владела русским языком, чем своим родным. Обучение польскому, французскому и латинскому языкам, которые мы проходили в гимназии, белорусская школа не предусматривала. После трёх лет изучения французского языка я вынужден был в 8-м классе новой белорусской школы, соответствующем 4-му классу бывшей гимназии, начинать изучение немецкого языка. Новый язык давался с трудом, так как новый учитель с востока Л. Скурат разъяснял нам особенности немецкого языка по-русски, который мы также только начали изучать. Директор школы Волыньчик проводил уроки русского языка и конституции СССР, но вскоре на должность директора был прислан новый человек из Минска. Вместе с ним прибыло несколько новых учителей, а также воспитатель, которого мы называли «Комсомольцем».

Комсомолец еженедельно проводил политинформации, но перед ней читал лекцию один из военных политруков. На вопросы учеников отвечали оба. Один раз прозвучат вопрос, где сейчас находится польское правительство, на что Комсомолец ответил: «В Париже на чердаке!». Другой раз кто-то спросил: «Что будет с Польшей?» Комсомолец ответил со злостью: «Польши нет, и не будет!» Пережили мы такой ответ молча. Зато отыгрались, когда началась война СССР с Финляндией, на каждой политинформации задавая вопрос: «Как с Финляндией?», что за неимением хороших новостей с фронта вводило политрука в злость. Однажды он не выдержал и ответил: «Есть много других интересных вопросов, а вы всё лезете с Финляндией» [25, с. 30—31].

Многие ученики не воспринимали новых порядков и открыто высказывали своё возмущение. Вспоминает жительница деревни Бискупцы Волковысского района Ольга Петровна Козлова (Шарук), 1923 года рождения:

«В то время я училась в гимназии имени Стефана Батория в Волковыске, а при Советах гимназию закрыли. В этом же здании сделали начальную школу, куда я вновь пошла в седьмой класс. Ученики сговорились и решили не учить русский язык. Своё неприятие высказывали тем, что открывали окна и во весь голос пели: «Еше Полска не згинэла!» [6].

С самого начала преобразование польской школы в советскую означало для учеников потерю одного года, так как они повторно шли в тот же класс, что недавно окончили. Вспоминает жительница Волковыска Тамара Антоновна Калиновская (Бжазковская):

«В 1939 г. я закончила шесть классов начальной школы и поступила в купеческую гимназию, расположенную по улице Воля. Но мою дальнейшую учёбу изменила новая власть. Вновь пришлось идти в начальную школу в шестой класс, но уже с русским языком обучения. Размешалась она по улице Жвирки и Вигуры в бывшей начальной польской школе. Изучали и белорусский язык, который преподавал Иван Андреевич Ховлянцев» [6].

Волковысские гимназистки

Совмещение работы старых и новых учителей было повсеместной практикой. Вспоминает жительница деревни Шамбелин Волковысского повета Станислава Пархута:

«При Польше я успела окончить 3 класса, а когда пришли Советы нас всех перевели на класс ниже: надо было переучивать детей на русский язык. Меня же оставили в третьем классе, так как я умела хорошо говорить по-русски. Прежняя учительница Пайзер обучала одну смену, а присланный с востока учитель — другую. Пробыл он недолго — забрали в армию, а потому Пайзер учила нас до начала войны 1941 г» |6|.

Несладко приходилось и учителям, вынужденным перестраи- »аться «на ходу». Из воспоминаний бывшего учителя деревни Гуменники Слонимского района Яна Вобера:

«Я, как учитель, зарегистрировался в отделе образования и вскоре получил направление в одну из сельских школ с белорусским языком обучения. Не владея хорошо этим языком, с местным населением объяснялся на польском. Трудностей в обучении детей имел много, путая польский, белорусский и русский языки. Единственной помощью при этом стал старый белорусский букварь «Зярнята» вместе с грамматикой Тарашкевича. Одновременно учился сам на вечерних курсах русского языка, которые проводил молодой человек, окончивший сельскохозяйственную школу в Жировицах. Потом, во время зимних каникул, образовали новые курсы для учителей, где оказалось, что большинство из них русского языка не знали.

Состав преподавателей в школе был разнородный. Вместе со старыми польскими кадрами работали и такие, которые закончили по два класса царской школы. Преподавали в школах и бывшие инженеры, которые не могли найти работу по своей непосредственной специальности.

В школьной избе произошла смена декораций. Вместо президента Мостицкого, маршалка Пилсудского и Рыдз-Смиглого появились портреты Сталина, маршала Ворошилова, Молотова, Ленина и Маркса.

Классы были переполнены. Я имел перед войной в Гуменниках 70 учеников, при Советах — 110, которых не мог разместить никаким способом. Поэтому получил на собрании нагоняй, мол, государство столько денег тратит на образование, а в то же время много детей находится вне школы. Молодёжь страшно распустилась, так как невозможно было применять наказания. Олухи говорили мне прямо в глаза: «Мы, наконец, дождались свободы!» |7].

Упомянутые Яном Вобером учительские курсы проводились несколько раз. С ноября по декабрь 1939 года в Белостокской области одномесячные курсы прошли 700 человек и трёхмесячные — 550 человек. Во время каникул с 1 по 15 января 1940 года курсы прошли 3040 человек.

Очередные курсы были организованы летом 1940 года. В период с 20 июня по 20 августа на курсах обучалось 4038 учителей всех типов школ. Обучение происходило с упором на изучение марксистско-ленинской идеологии. Так, для учителей физики и мате-

матики на изучение истории ВКП(б) отводилось 30 часов, педагогики — 15, русского языка — 24, белорусского языка — 24 [51, с. 83].

Для обеспечения школ кадрами, преданными советской власти, в 1940 году новые власти открыли педагогический институт в Белостоке, учительские институты в Барановичах, Гродно и Пинске, шесть педагогических училищ (в Белостоке, Бресте, Гродно, Молодечно, Новогрудке, Пинске) и два дошкольных педагогических училища — в Волковыске и Лиде.

Белорусские дети, ранее не имеющие возможности учиться на беларуском языке, охотно и с удовольствием воспринимали свой родной язык. Вспоминает житель Волковыска Георгий Владимирович Балейко, до прихода Советов учившийся в Вильне в электромеханическом лицее, но после начала войны вынужденный оставить учёбу и вернуться в Волковыск:

> «Чтобы не сидеть без дела, пошёл учиться в 10-й класс средней школы, разместившейся в здании бывшей торговой гимназии. Учились на польском языке, но с декабря 1939 г. нам начали преподавать белорусский язык. Помню, как первый раз к нам в класс пришёл учитель, что раньше вёл польский язык, и говорит:
>
> — Я окончил в Виленском университете факультет польской литературы, где нам преподавали дополнительно белорусский, русский и, кто хотел, чешский языки.
>
> Каб вам было щкава, прачытаю >'рывак з беларускай паэмы «Тарас на Парнасе»:
>
> *Щзнаухто, братцы, з вас Тараса,*
> *Упалясоушныкахштобыу?*
> *На пуцявшчы у Панаса*
> *Ён там ля лазт бл'\зка жыу...»*
>
> Все ученики были заворожены красотой белорусского языка и, когда он закончил, восторг превзошёл все ожидания — класс разразился долгими аплодисментами» [6].

В конце ноября 1939 года полномочный представитель ЦК ЛКСМБ в Белостокском воеводстве докладывал о подготовке к проведению празднования 22-й годовщины революции и о массовой политической работе среди молодёжи:

> «Необходимо отметить, что морально-политическое состояние части студенческой молодёжи, в большинстве польской, есть нездоровое, а в некоторых случаях имеются явно контрреволюционные выступления. В польской государственной гимназии города

Волковыска гимназист Бордаикий перед демонстрацией 7-го ноября агитировал за то, чтобы не отвечать на приветствия на демонстрации и выразить неудовольствие Советской властью молчанием. Гимназисты этой же гимназии Разводовский и Кирилло произнесли контрреволюционные речи перед уходом на демонстрацию, а гимназистки Щенок, Роговская и Дырыда на утреннике 8-го ноября 1939 г. отказались петь Интернационал, заявив, что "Еще Польска не згинэла!".

В торговом лицее в Волковыске студенты не вышли на учёбу и устроили забастовку за то, что два студента были исключены из лицея за хулиганство.

В школе на станции Волковыск Центральный появился лист с карикатурой на товарища Сталина. Отдельные учащиеся этой гимназии 10-го ноября заявили: "Мы являемся патриотами Польши. Об этом нам говорили 18 лет подряд, а поэтому мы всё равно не явимся на учёбу 11 -го ноября" (в этот день праздновался государственный праздник приобретения независимости Польши. — *Я.Б.).*

В Волковыске кто-то бросил гранату во внутрь клуба красноармейской части, в котором шла кинокартина. Граната не взорвалась. Возле клуба задержаны трое гимназистов» [52, с. 170].

Студенты Новогрудского педагогического училища (1940 г.). Справа стоит будущий писатель Алексей Карпюк

Для повсеместного надзора, в том числе в учебных заведениях, новая власть вербовала доносчиков. Из дневника гимназистки Вероники Тресенберг:

> «10 декабря 1939 г. Митингам не видно конца. Нас заставляют разучивать песни, которые мы не хотим петь. Например, «Москва моя кипучая». Зачем мне их кипучая Москва, когда мы имеем культурную Варшаву. В который день мы с подругами взбунтовались и отказались петь, за что наши фамилии были занесены в журнал (...).
>
> 16 декабря. Наш класс был бы единым, если бы не Б. и М., которые шпионят и делают подлости. Когда Польша восстанет, они ешё пожалеют. С их подачи я на примете в НКВД. По этой причине в моей сумке произвели обыск, и я всё время чувствую на себе их взгляды. Верю, что для них наступит Божий суд» [13].

Так что не часть бывших гимназистов была враждебна советской власти, как отмечал в своём донесении комсомольский функционер, а подавляющее большинство. Образованная молодёжь не хотела принимать новую идеологию, построенную на отрицании Бога, нелюбви к своей Отчизне и её многовековой истории. «Недостатки» в перевоспитании местной молодёжи отмечались 15 января 1940 года на заседании бюро Волковысского укома КП(б)Б:

> «Наряду с проделанной работой отдельными комсомольцами и в целом комсомольской организацией, бюро укома КП(б)Б отмечает наличие серьёзных недостатков в работе комсомольской организации уезда. Совершенно неудовлетворительно поставлена работа комсомола среди рабоче-крестьянской и учащейся молодёжи, особенно девушек. Ряд комсомольских организаций пренебрежительно относится к будничной повседневной работе среди молодёжи, не использует имеющиеся возможности для организации актива из лучшей части молодёжи на предприятиях, деревнях и школах.
>
> Значительная часть учащейся молодёжи находится вне влияния комсомольских организаций, что дало возможность контрреволюционным молодёжным организациям, таким как «млодопольска», «стрелец», «харцэры», «зухи» проводить в школах враждебную деятельность, и в результате которой имел место случай появления контрреволюционных листовок, призывавших к борьбе с Советской властью» [48, с. 16].

О том, что школьная молодёжь не смирилась с советской оккупацией, свидетельствует и бывший ученик Свислочской гимназии

Станислав Бабиньский, который продолжил учёбу в стенах бывшей гимназии, преобразованной в среднюю советскую школу:

«В начале декабря 1939 г. я с братом вынуждены были покинуть комнату в гостеприимном доме пана Чайки, в которой стал квартировать прибывший с Минска агроном. Принял нас к себе на квартиру пан Леонард Жевуский, где мы чувствовали себя как в семье. Вскоре он привёл к присяге четырёх учеников из нашей школы, включённых в тайную польскую военную организацию: своего сына Лонка, Вацлава Шершуна, Витольда Третьяка и меня. Каждый из нас подобрал и привёл к присяге двоих коллег, создав так называемые тройки. Я завербовал Бориса Гоховича и Яна Крышана. Нашим заданием стали поиск и складирование оружия и амуниции, оставленных польской армией, сбор информации о репрессивных акциях советских органов безопасности, спасение польских культурных ценностей от уничтожения, а также исполнение разных поручений.

Первой акцией, выполненной мною с Лонком Жевуским с помощью моего брата Юзефа, было спасение ценных книг из нашей гимназической библиотеки. Новая школьная власть опорожнила библиотечные шкафы от книжек и снесла их в пустое помещение, откуда по ночам вывозили книги для уничтожения. Однако остались стеклянные шкафы с наиболее ценными книгами, которые пока не трогали. Нам удалось некоторое количество книг вынести и спрятать у Ричарда Пародовского. Пропажу книг быстро обнаружили, но дело замяли. Может потому, что произошёл новый инцидент, ошеломивший школьную власть. Кто-то выколол глаза на портрете Сталина. Был скандал, собрание, громы возмущения, но расследование установило виновника: им оказался прилежный ученик младшего класса и к тому же из бедной крестьянской семьи. Не помню, какое он понёс наказание, но дело скоро утихло» [25, с. 32].

Промежуточный итог преобразований в системе образования отмечался 15 апреля 1940 года на партийной районной конференции в Волковыске:

«До установления советской власти по Волковысскому уезду насчитывалась всего 51 школа. Учёбой в них было охвачено 9291 человек учащейся молодёжи, преимущественно детей помещиков, чиновников, осадников и польской шляхты.

В этих школах работало 228 учителей, значительная часть которых была специально прислана из центральных областей бывшей Польши. Во всех школах, за исключением четырёх еврейских частных, преподавание велось исключительно на польском языке. Ос-

новными воспитателями являлись поп и ксёндз. Обучение было платное.

В настоящее время по району дополнительно открыто 32 школы и увеличено число учащихся на 5121 человек. Таким образом, в районе мы имеем 83 школы и в них 14362 учащихся. Преподавательский состав увеличился на 97 человек, а всего по району 325 преподавателей. Начальных школ — 63, неполных средних — 16, средних — 4, вечерних — 1. Из них: белорусских — 74, русских — 1, польских — 4, еврейских — 4. Вечерних школ по району — 55. В них обучается 1781 человек, из них неграмотных — 601 человек, малограмотных — 1130. (Число учащихся недостоверно. Фактически посещаемость школ была ниже. — *Н.Б.)*

К существенному недостатку следует отнести.большую засоренность преподавательского состава классово-чуждым элементом. Так, по имеющимся данным, социальный состав преподавателей распределился следующим образом: рабочих — 53, крестьян — 87, служащих — 109, кустарей — 30, торговцев — 31, офицер — 1, арендаторов — 2, духовного культа — 2. Задача состоит в том, чтобы как можно быстрее освободиться от классово чуждых людей и дело подрастающего поколения передать в надёжные руки. Серьёзным недостатком также является и отсутствие учебников на русском и белорусском языках» [48, с. 301.

В докладе много вранья. Посещение школы при Польше было обязательным для всех детей. Другое дело, что начальные школы в сельской местности в основном были одно, двух или трёхклассными. Подобные подтасовки фактов о жизни в Польше со стороны новой власти стали повсеместными.

В начальных школах города и деревни при Польше образование являлось бесплатным. Платить надо было при получении специального образования. Но образование было платным для многих и в СССР. А с 3 октября 1940 года в Советском Союзе обучение в высших учебных заведениях и старших классах обыкновенных школ (8, 9 и 10 классы) стало платным повсеместно. Ученики старших классов должны были ежегодно платить 150 рублей, студенты — 400. Вводилась эта дискриминационная мера, как писали тогда газеты, в связи с тем, что благосостояние трудящихся якобы невероятно повысилось. И, конечно же, платное обучение было введено якобы по просьбе самих трудящихся. Школы в Советском Союзе мгновенно опустели, так как на самом деле народ в стране был нищим.

Всё это было задумано для введения системы эксплуатации детского труда. Тогда же, в октябре 1940 года, был опубликован указ «О государственных трудовых резервах». С этого времени создавалось Главное управление трудовых резервов, в ведение которого в СССР передавалось 1551 учебное заведение. В эти заведения, именуемые ремесленными и фабрично-заводскими училищами, производился принудительный набор подростков мужского и женского пола в возрасте 14 лет. Таким образом, вместо учёбы в старших классах школ детей отправляли в училища при заводах, не спрашивая их желания и лишая права выбора профессии.

Ученицы старших классов школы в местечке Порозово Волковысского повета

«Обучение» велось в сочетании с выполнением производственных норм, причем подростки работали бесплатно. Потом за такое «обучение» следовало отработать четыре года на данном заводе — без права выбора места, профессии и условий работы. За уклонение от набора и побег из таких училищ вводилась уголовная ответственность. Для обеспечения таких училищ учениками брали и молодёжь из Западной Беларуси. Чтобы спасти своих детей от принудительного труда, родители с помощью фиктивных справок стали исправлять их год рождения на более поздний*.

* Таким же способом они спасали своих детей во время немецкой оккупации от вывоза на работу в Германию. — *Н.Б.*

Тогда же многим студентам институтов и техникумов пришлось оставить учёбу из-за того, что их лишили государственной поддержки — стипендий.

Бесплатное образование в СССР восстановили только через 10 лет — в 1950 году.

Таким образом, после года оккупации западных областей Беларуси и Украины один из немногих аргументов, свидетельствовавших о преимуществе советского строя (бесплатное образование) подлежал ликвидации. Правда, советская власть вскоре осознала эту ошибку, поэтому для западных областей решение о платном образовании временно отменили: «до уравнения жизненного уровня людей присоединённых земель с остальной частью СССР». Платное образование сохранилось только для некоторых лиц, имевших доходы не за счёт собственного труда или вовсе не работающих.

Попутно следует отметить, что в результате Гражданской войны и дальнейших репрессий в СССР царила массовая безграмотность, которую официальная статистика скрывала от общественности. В январе 1937 года проводилась Всесоюзная перепись населения. Результаты её были засекречены, впервые их опубликовали полностью только в 1996 году, уже после развала Советского Союза. Было что скрывать. Оказалось, что 59 % населения страны в возрасте от 16 лет не имели образования вообще, хотя считались грамотными, т. е. умели читать по складам и расписаться. Среднее образование имели только 4,3 %, высшее — 0,6 % граждан. Что касается начальства, то лишь пятая часть руководящих партийных, советских и хозяйственных работников могла похвастать высшим образованием, а 20,7 % не имели даже среднего и в момент переписи нигде не учились. На самом деле грамотность была ещё ниже, потому что многие при устном опросе завышали свой образовательный уровень. Страна в массе своей оставалась тёмной и нищей [53 J.

На волковысской конференции 15 апреля 1940 года было обращено внимание и на «засоренность» преподавательских кадров. Заведующий педагогическими курсами Букинич отметил:

> «На этом участке работы положение у нас, надо сказать, не совсем благополучное. Учительские кадры засорены классово-чуждым элементом, и поручать им воспитание нашей молодёжи ни в коем случае не можем. Однако, несмотря на это, районо работу по очистке преподавательского состава проводит нерешительно. До сегодняшнего дня в еврейской школе работает преподавателем бывший ревизионист, который при проведении выборов в Народное

собрание открыто выступал против советской власти. В Волпенской школе работает директором бывший офицер, а в Ятвези — бывший дьячок, который с приходом Красной армии перестроился на учителя и теперь работает в школе. Таких фактов мы имеем много. Работа среди молодёжи, особенно со стороны комсомольских организаций, поставлена плохо. Имеются факты, когда комсомольцы вместо деловой работы занимаются пьянством, устраивают вечеринки» [48, с. 30].

Средняя школа в деревне Гнезно Волковысского повета. Построена польскими властями задолго до «освобождения»

А ведь пьянство, как и сами комсомольцы, пришло сюда вместе с советской властью. В Польше с пьянством довольно успешно боролись. Во многом этому способствовали церковники. При Советах, наоборот, повели борьбу с религией.

Система образования испытывала нехватку в учительских кадрах. Так, по состоянию на май 1940 года в Белостокском воеводстве в начальных школах не хватало 732 учителя в школах с польским языком обучения, 385 — с беларуским, 19 — с еврейским, 14 — с русским, 13 — с литовским. Всего 1163 человека. Подобная ситуация наблюдалась и в средних школах. В старших классах средних школ одних только учителей-историков недоставало: в польских школах — 85, беларуских — 47, еврейских — 10, русских — 7, а всего 149 [54, с. 130].

Борьба же с «засоренностью» педагогических кадров продолжалась и далее, о чём свидетельствует докладная записка наркома про-

свещения БССР Е.И. Ураловой секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко о политико-моральном состоянии учительства западных областей республики Беларусь, написанной 18 апреля 1941 года. В ней прямо сказано:

> «Наиболее враждебная часть польских учителей была изолирована органами государственной безопасности, а всё остальное учительство приступило к работе в школе» [32, с. 246].

С нового учебного 1940/1941 года большевистская власть отбросила заигрывание в национальном вопросе, взяв курс на русификацию образования. В польских и еврейских школах обязательное изучение беларуского языка заменяли русским. А в русских школах беларуский язык вообще отменили. Имели место и принудительные преобразования польских школ в русские или беларуские, о чём сообщало письмо ЦК КП(б)Б «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии» от 21 октября 1940 года. В частности, в нем упоминалась Свислочь. Заведующий районо Свислочского района Холод на родительском собрании в польской школе 27 августа 1940 года выступил со следующим заявлением:

> «Польские школы не имеют перспектив, так как в Советском Союзе нет институтов на польском языке. Кроме того, польский язык — это плохой язык, потому что он не имеет своих классиков, поэтому пока не поздно подавайте заявления в русскую школу» [32, с. 196].

Заместитель заведующего Свислочским РОНО Степанов сделал замечание в учительской преподавателям, что они говорят там по-польски:

> «Раз среди вас присутствует русский, то вы разговаривайте по-русски или переводите о чём говорите» [55, с. 160].

Подобные слова из уст чиновников от образования в первую очередь характеризуют безграмотность и некультурность самих чиновников. И вот такие, с позволения сказать, «кадры» как Холод и Степанов, присланы были в Западную Беларусь руководить образованием. Такие случаи далеко не единичны, так как «руководить,» польскими и беларускими школами зачастую присылали русских, не владевших ни польским, ни беларуским языками. Ведь директора школ и чиновники системы образования прежде всего должны были проводить в жизнь советскую политику и идеологию, а для

такой работы требовались «проверенные» кадры. Поэтому не удивительного, что и документацию в таких школах вели на русском языке. Какже могли эти руководители находить обший язык с учениками и учителями?!

В цитируемом выше письме были отмечены факты дискриминации польского языка:

> «Многие партийные и советские руководители, работающие в районах с преобладающим польским населением, имея к тому возможность, не изучают польский язык, не разговаривают с населением на их родном языке. Даже в некоторых случаях от докладчиков, собирающихся сделать доклад на польском языке, требуют, чтобы они делали доклад на русском языке, так как в противном случае, дескать, нельзя обеспечить контроль.
>
> Очищая библиотечную и книготорговую сеть от контрреволюционной националистической литературы, в некоторых случаях изъяли из обращения литературу, представляющую художественную и историческую ценность: произведения Мицкевича, Ожешко и переведённые на польский язык книги западноевропейских и русских классиков.
>
> Такими неправильными действиями эти работники не только не устраняют и не изживают националистических настроений среди части польского населения, а, наоборот, хотят они этого или не хотят, усугубляют эти настроения» [32, с. 196—197].

Как и во многих других случаях, выводы сделаны правильные, но исправить положение на местах, добиться справедливости при несправедливом и недемократичном советском строе — это удавалось редко. Ведь и сталинская конституция того времени формально быша одной из самых демократических в мире, а на самом деле никакой демократии не было в помине, советские власти творили чудовищные преступление против своего народа.

В 1940/1941 учебном году повсеместно стали сокращать школы и с беларуским языком обучения. Началось увольнение местных преподавательских кадров, их спешно заменяли присланными с востока. Однако вскоре спохватились. Оказалось, что часть из них в учителя никак не годится. Секретарь волковысской первичной парторганизации районо Семёнов 16 ноября 1940 года на собрании партактива остро критиковал работу с кадрами:

> «В нашем районе, как и в других районах, очень много искривлений в школьном вопросе. Ошибки исходили из директив облоно, который дал распоряжение заменить местных учителей прислан-

ными из восточных областей. Часто к нам присылали учителей непроверенных, малограмотных и морально неустойчивых. Например, в Верейках работает самый ярый пьяница. В деревне Шауличи комсомолец сказал учительнице, по национальности еврейке, пусть лучше уходит из школы, потому что здесь евреев не любят. Хотели перевести этого зарвавшегося самодура в другую школу, чтобы создать здоровую обстановку вокруг его и перевести в другой учительский коллектив, но прокурор нам этого не разрешил. В местечке Россь учительница, член ВКП(б)Б, ведёт аморальный образ жизни и занимается пьянством» [56, с. 20].

И все же в школах больше всего было польских учителей. Так, в конце 1940 года в Белостокской области имелось 371 средних и неполных средних школ. Их директорами были: русские — 48, евреи — 56, беларусы — 112, поляки — 140 (37,7 %), других национальностей — 15. По партийной принадлежности: коммунистов — 46, комсомольцев — 49, беспартийных — 276. По образованию: с высшим — 83, с неполным высшим — 34, со средним — 219, с неполным средним — 35. По месту жительства: местные кадры — 144, присланные с востока — 227 [57, с. 14].

А вот как выглядел состав учителей в начале 1941 года в Волковысском районе: всего учителей — 386 человек. Из них: поляков — 155 (45,5 %), беларусов — 113, евреев — 97, русских — 17, других на-

Средняя школа в Волковыске на улице им. Жвирки и Вигуры. Построена польскими властями с помощью родителей учеников

циональностей — 4 человека. Состояло в партии — 5 учителей, в комсомоле — 65, беспартийных — 310.

В Свислочском районе: всего учителей — 226. Из них: поляков — 61, беларусов — 126, русских — 13, евреев — 24, других — 3. [54, с. 131].

В 1940/1941 учебном голу появились и русские школы. Связано это было с ростом русского военного и административного персонала. В русские школы записывали и местных детей, родители которых хотели, чтобы их дети получили образование на русском языке.

Открылась такая школа и в Волковыске. Разместилась она на улице, ранее носившей имя польских лётчиков-рекордсменов Жвирки и Вигуры, переименованной к тому времени в честь советской лётчицы Полины Осипенко. На пленуме райкома партии 10 ноября 1940 года директор школы Корней обратил внимание присутствующих на такой факт:

> «К нашему большому недостатку нужно отнести то, что дети наших коммунистов учатся хуже и ведут себя недостаточно хорошо. Наши товарищи забыли, что за воспитание детей отвечает не только школа, но и родители. Отдельные командиры РККА просто портят своих детей, воспитывая у них пренебрежение к физическому труду. Один полковник каждый день привозит в школу и отвозит своего ребёнка на машине. Этот барчонок пренебрегает занятиями физкультурой и не посещает эти уроки» |58, с. 34).

Как и большинство населения, по истечении полутора лет со дня установления советской власти, бывшие польские учителя тоже разочаровались в новых порядках. В упомянутой докладной записке наркома просвещения БССР Е.И. Ураловой от 18 апреля 1941 года, обращено внимание на охватившую учителей апатию. Но чиновница прикинулась, будто не понимает причин этого явления:

> «Изучая работу учительства в школах в период времени с октября 1939 г. по ноябрь-декабрь 1940 г., сразу видно, что почти всё учительство, за очень редким исключением, быстро овладело методами обучения в советской школе, принялось за организацию пионерских отрядов, включилось в активную внешкольную работу с детьми, принимало очень деятельное участие в общественной работе среди населения. Но прошло некоторое время, и этот «энтузиазм» остыл. Изучая некоторые вопросы работы школы, сейчас бросается в глаза совершенно иная картина. Объяснение этому найти пока трудно: то ли это связано с международной обстановкой, или

просто потому, что правильное исправление ошибок в области национальной политики реакционные элементы польского учительства использовали в своих интересах» [32, с. 2461.

«Правильным исправлением ошибок в области национальной политики» Уралова посчитала массовые репрессии против польского населения и его депортацию!

Учителя, как и учащиеся, внутренне не воспринимали большевистскую идеологию и постоянное вранье о том, что жизнь в СССР былалучше, чем в Польше. В своей замечательной книге «Записки западного белоруса» Иван Данилов вспоминает:

«Польские учителя любую ситуацию экономической или политической жизни государства объясняли правдиво без всяких идеологических натяжек и никогда не говорили, что польские граждане живут лучше всех в мире, как это было свойственно советским учителям, подчёркивавшим экономическое превосходство СССР.

...Какими свободными и раскованными были наши польские учителя в выборе и обсуждении любой литературной и исторической темы. Какими правдивыми и объективными были их суждения без каких-либо идеологических прикрас. (...) Какими стальными (а точнее сталинскими) обручами была скована советская школьная программа, особенно по истории и литературе» [47, с. 40, 51J.

Еврейская учащаяся молодёжь из местечка Свислочъ

О том же вспоминал писатель Алексей Карпюк, который после войны сам работал школьным учителем и даже одно время был директором Бискупицкой средней школы в Волковысском районе:

«Людзь яюя прыйпш з усхолу, аказашся штэлектуальна як бы абмежаванымь Справа у тым, што у Заходняй Беларуа' пры Польшчы сярэдняя школа давала веды асноу Б1блп, сусветных шэдэурау

лггаратуры, валоданне замежнаи і лащнскаи мовалн гэтак, што выпускнш сваболна на іх размауляль Побач з матэматыкай, ф1зкай дасканала вучыш нотнай грамаце, маляванню, розным гумаштарным прадметам. Усё гэта адпаведна фарм1равала nсіхіху маладога чалавека, ён быу усебакова разв1ты і меу уласны светапогляд.

У бедных жа саветах школах, напрыклад, замежную мову толыа «праходзш». Да людзей высокаадукаваных выхоувалася чамусьщ знявага, варожая нядобразьпиивасць, а слова «штэл1гент» з дабауленнем «гншы» служыла лаянкай. 1ншых прадметау там увогуле не ведал1 ш выкладал1 усё наадварот. Адным словам, выпускнш таюх школ выхаванне атрымл1вал1 недастатковае і як бы перакошаннае, што адразу кшалася у вочы на прышэльцах» [41, с. 81].

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод. Успехи в распространении грамотности при «первых Советах» несомненно были. Но это касалось в основном сельской местности. А вот качество советского образования было гораздо ниже польского.

7

КАДРЫ РЕШАЮТ НЕ ВСЁ

Если Ленин говорил, что даже «кухарка» может научиться «управлять государством», то Сталин выдвинул лозунг «кадры решают всё». Казалось бы, явное противоречие вождей в одном из самых главных вопросов большевистской власти — кого назначать на ответственные должности во всех сферах деятельности, ведь под «кухаркой» подразумевалось дилетантство, а под «кадрами» профессионализм.

Так что же на самом деле должны были решать сталинские кадры? Если свои профессиональные вопросы, то их следовало подбирать по профессиональным качествам. Если же они должны были решать идеологические вопросы, то это совсем другое. В таком случае руководителя следовало назначать в соответствии с его лояльностью и угодничеством к вышестоящей власти. В первом случае выигрывает дело, во втором — власть.

Было бы, конечно, замечательно, если бы в одном человеке сочеталось и то и другое. Однако при диктатуре, каковой являлась власть большевиков, такого не может быть по самой природе человека, ибо высокий профессионализм в принципе исключает угодничество. Истинный профессионал прежде всего отстаивает интересы своего дела и занятых этим делом людей. Бывают, конечно исключения, как и во всех правилах, но редко.

Сталинским руководителям разных рангов отводилась роль простых исполнителей указаний, поступающих сверху, т.е. роль «кухарок». Но, как показала практика, столь примитивная схема часто давала сбои. Многие «кухарки», т.е. «ответственные работники-коммунисты» не имели не только соответствующего профильного, но зачастую и среднего образования, и не справлялись со своими обязанностями. Атак как «хлебные должности» давали им немалую материальную выгоду, приходилось выкручиваться, искать себе помощников, без которых прежние царские специалисты (и польские тоже) прекрасно обходились. Штаты учреждений раздувались, но на качестве работы это не отражалось. В результате эти бюрократические механизмы работачи вхолостую, выдавая «наверх» горы ненужных бумаг. В случае же очевидного провала работы, свой непрофессионализм ответственные начальники сваливали на происки мнимых «врагов народа». Так было на производстве, так было и в партийно-советском аппарате.

«Ответственные коммунисты», или по-другому номенклатура, возвели между собой и народом непробиваемую стену. Секретность жизни номенклатуры стала одной из наиболее охраняемых государственных тайн. Простое человеческое любопытство по поводу того, как живут, едят и работают «вожди» в большинстве случаев заканчивалось для любопытного арестом. Под фальшивым названием «диктатура пролетариата» скрывалась диктатура номенклатуры над своим народом. Сам же пролетариат был лишен права собственности на средства производства, он работал по усмотрению нового коллективного хозяина (номенклатуры) и получал за неё ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Да вдобавок к тому власть заставляла своих рабов петь песни, прославляющие вождей и их режим, вроде знаменитой «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»

Резолюция IX партконференции РКП(б) еше в 1922 году установила перовоначальную группу номенклатуры — 15325 человек. Их разделели на 6 разрядов, по которым они получали деньги и спецпайки. С течением времени много раз изменялась численность номенклатуры (всегда — в сторону увеличения), способы и размеры её денежного содержания (тоже исключительно в сторону увеличения), границы между разрядами. Неизменным оставался сам принцип. К1991 году народами СССР правили около миллиона «номенклатурщиков»!

Судьба каждого такого функционера всецело зависела от воли вышестоящей номенклатуры, но с другой стороны это был очень

привилегированный класс. Помимо зарплаты, функционеры получали продукты питания и различные веши из закрытых специальных «распределителей», отдыхали в специальных санаториях и на курортах, лечились в специальных лечебницах, жили в специальных домах. На положение функционеров не влияли ни война, ни голод, ни ситуация в экономике.

Любопытно отметить тот факт, что завеса тайны над жизнью бывшей номенклатуры сохраняется поныне. Например, в архиве общественных организаций Гродненской области исследователям до сих пор не разрешают знакомиться с ведомостями о зарплате партийных и советских работников того времени, а личные дела коммунистов разного уровня вообще «тайна за семью печатями».

7 октября 1939 года член военного совета Белорусского фронта, первый секретарь ЦК КПБ Пантелеймон Пономаренко рассказал корреспонденту газеты «Правда» о той «помощи», какую оказывают трудящиеся советской Беларуси населению Беларуси Западной:

> «Мы считаем своим долгом помочь создавшимся в Западной Белоруссии крестьянским комитетам, фабрично-заводским комитетам, отрядам рабочей гвардии в новой для них созидательной государственной работе. Помощь эта, прежде всего, должна выразиться в передаче богатейшего творческого опыта, накопленного нашими кадрами. С этой целью ЦК КП(б)Б и правительство БССР решили послать в Западную Белоруссию значительное число работников различных специальностей.
>
> Уже послано свыше 100 газетных работников, около 300 работников народного образования, здравоохранения, финансов и торговли, 800 партийных и комсомольских работников. В ближайшее время на места направляются ещё группы работников. Эти кадры, безусловно, окажут огромную помощь трудящимся Западной Белоруссии» [35, с. 180].

Как видим, основной упор в помощи «освобождённым» беларусам делался на организацию общественной жизни по образцу и подобию БССР. И организовывать её должны были проверенные кадры с востока. В то же время местных коммунистов из КПЗБ на высокие партийные посты не допускали. Так, в Волковысском районе бывшие члены КПЗБ А.М. Сорока и И.И. Веретило стали всего лишь председателями Росского и Красносельского волостных советов, а М.С. Лавик и Я.А. Бушик нашли работу в уездном отделе милиции простыми милиционерами. С.П. Кузьма возглавил Подо-

российский спиртзавод. Начальник Волковысского райотдела НКВД Вячеслав Гриднёв прямо заявил:

> «Необходимо будет очень осторожно подходить к использованию бывших членов КПЗБ. Этих людей надо очень тщательно проверять».

В то же время члены КПЗБ как никто другой знали специфику местной жизни, но их важный опыт новая власть игнорировала. Им даже отказали в том, чтобы стать советскими коммунистами. Вскоре многие из них подверглись репрессиям и окончили свой жизненный путь в безымянных братских могилах.

Волковысские чиновники польской власти

Большинство поляков, которые до того находились на государственной службе, новой властью были отвергнуты и уволены. На их места из БССР постоянно приезжали всё новые и новые партийные руководители и административные работники.

Западная Беларусь, по сравнению с центральными областями Польши считалась бедной окраиной, но в целом ее население жило куда богаче, чем в соседней БССР. Поэтому после «освобождения» сюда из восточных областей желало приехать много людей. Но осу-

ществить свое желание удавалось далеко не каждому, так как присылали людей только по разнарядке и политически надёжных. Иначе они могли «неправильно понять» тот факт, что они живут в Советском Союзе хуже «бедных, эксплуатируемых крестьян и рабочих панской Польши». В то же время часто присылали далеко не лучших специалистов, от которых таким образом избавлялись на прежних местах их работы.

Уже в октябре 1939 года в Волковысский повет прибыли 62 члена партии и кандидата в члены партии, среди которых только 27 человек были из БССР, а остальные из России. Уполномоченным по партийной работе, т.е. ответственным за расстановку кадров прислали Спиридона Марковича Беляева, русского, до этого работавшего директором Института народного хозяйства в Минске. Силовые должности заняли только русские. Распоряжаться жизнями и судьбами беларусам в своей стране не доверяли. Прислали испытанные кадры: начальником Волковысской тюрьмы — Павла Ивановича Скоморохова, до того работавшего в Москве в Бутырской тюрьме; начальником поветового управления милиции — Павла Яковлевича Бабкина, ранее работавшего в Москве в школе милиции; начальником городского отдела НКВД — Прохора Андреевича Дегтерева, прежнего сотрудника органов НКВД города Сулинска.

Правда, председателем Волковысского райисполкома назначили беларуса, Ивана Степановича Дашука, сменившего на этом посту русского Ермака. Однако вся реальная власть в СССР была сосредоточена в ЦК, обкомах и райкомах партии, тогда как органы советской власти лишь исполняли их указания.

На 1 апреля 1940 года, когда Волковысский повет уже преобразовали в Волковысский район с гораздо меньшей территорией чем бывший повет, на учёте в районной партийной организации состояли 112 членов и 54 кандидата в члены партии. Среди них беларусов — 45 человек, но ни одного из Западной Беларуси. В органах НКВД, где на партучёте состояли 19 человек, числился всего один беларус. Первым секретарём районного комитета партии, т. е. самым главным большевистским функционером города и района стал беларус Игнатий Акимович Банцырев, 1903 года рождения. Зато вторым секретарём — русский Михаил Михайлович Смирнов.

В мае 1941 года парторганизация района насчитывала 27 первичных организаций, где на учёте состояли 247 членов партии и 107 кандидатов в члены. За все эти неполные два предвоенных года большевистской власти районная парторганизация приняла в свои ряды 26 человек, среди них всего лишь одного местного жителя,

уроженца деревни Андреевичи — Павла Антоновича Севко [59, с. 171]. Это означает лишь одно: все политические и хозяйственные дела в районе решались без участия местного населения в лице его представителей. Иными словами, править стал не исконно живущий здесь народ, а пришельцы. Причём в своем большинстве пришельцы из России. Именно они теперь решали, кто из местных может остаться в своем жилище, а кого следует лишить жизни или выслать с семьей в Сибирь. Это всё называется одним словом — оккупация!

Прибывшие партийные кадры заняли все ключевые должности в органах управления и на производстве, внедряя и силой насаждая большевистские методы руководства. Не ожидавшие беспардонного насилия со стороны, как казалось некоторое время жителям, народной власти, люди массово стали искать справедливости в Минске и Москве.

Уже через три месяца такого правления в результате многочисленных жалоб с мест в Минске вынуждены были заняться обсуждением критической ситуации в Западной Беларуси. В ответ на критику из Минска 3 января 1940 года в Волковыске было созвано общее партийное собрание уездной парторганизации, на котором присутствовали 72 партийца. На повестке дня стоял лишь один вопрос: «О решении Бюро ЦК КП(б)Б от 27.12.39 г. о грубых ошибках волковысского уисполкома и о предстоящих задачах партийной организации» [48, с. 102—115]. В прениях высказались 14 человек. Критиковали, поднимали острые вопросы, предлагали пути их решения, однако чаще всего голословно, в чисто пропагандистском духе. Но многое исправить так никогда и не удалось.

Система партийной власти и хозяйственного устройства в стране, искусственно разделившая народ по классовому принципу, объективно не позволяла наладить удобную жизнь для простых людей. Порушить старые и во многом неплохие порядки порушили, а вот создать лучшие не могли, хотя советских чиновников стало в несколько раз больше, чем при польской власти.

Больше всего упрёков досталось секретарю укома партии (уездного комитета, позже райкома), бывшего чекиста, а теперь 3-го секретаря укома и главного идеолога уезда Николая Ивановича Павловца, хотя тот же Банцырев, его непосредственный начальник, не мог не видеть раньше методов работы своих подчинённых. Однако критиковать первого секретаря было опасно. После вступительного доклада Банцырева начались прения (в архивных делах почему-то отсутствуют доклады первых секретарей укома и рай-

кома. В них подшиты лишь речи выступивших в прениях и постановления собраний. Куда подевались выступления главных большевиков района — непонятно. — *Н.Б.)*

Из выступления заведующего районным отделом труда Скорохода:

> «Многие из нас присланы в Западную Белоруссию на партийную, комсомольскую и пионерскую работу, а нас используют неверно. Товарищ Павловец, как секретарь укома, плохо руководил: не было указаний в работе, грубо относился к коммунистам, а поэтому некоторые коммунисты даже не заходили к нему. Товарищ Павловец занимался самоснабжением. Мне, как завотделом труда, в работе не помогали. Когда я обращался в уком и уисполком, чтобы предоставили мне помещение для организации артелей, то помощь мне не была оказана. Уисполком плохо руководит своими отделами. Аппарат отделов засорен чужими людьми».

Очень часто партработники свои промахи в работе, в духе политической истерии того времени, старались списать на вражеский элемент. Из выступления некоего Потаповича:

> «Мы работаем по 2-3 месяца в Западной Белоруссии, но нами никто не руководил, а ведь было кому руководить, были уполномоченные ЦК КП(б)Б, которые отвечали за работу в уезде. Третий секретарь укома партии товарищ Павловец груб. Если к нему заходили коммунисты, приехавшие из волости за 25-30 километров поделиться мнениями, получить указания в работе, то он был невнимателен и, вместо того чтобы выслушать, говорил: «Кто тебя сюда звал? Когда нужно будет, тогда и вызовем!» и выгонял из кабинета (...). Мы работали без руководства и допускали отсебятину и ошибки в работе».

Из выступления коммуниста Шаптуренко:

> «Решение Бюро ЦК КП(б)Б вполне правильное. В нём со всей глубиной вскрыты грубейшие ошибки и извращения политики партии, которые были допущены руководящими работниками в нашем уезде. До сегодняшнего дня у нас не было партийного собрания (...). Павловец и другие работники занимались самоснабжением, шили кожаные пальто на меху и другие веши...».

«Занимались самоснабжением». Это значит, что при пустых полках в магазинах отоваривались благодаря своему служебному положению. Это не удивительно. Такое самоснабжение возникло сразу

после прихода большевиков к власти в 1917 году и продолжалось вплоть до развала Советского Союза.

Из выступления районного прокурора Жаркевича:

> «Наши организации и отдельные работники допустили очень много ошибок в работе, и мы их должны в короткий срок исправить. Были моменты, когда у крестьян отнимали дрова, привозимые ими в город для продажи. У нас в школе работают жёны офицеров и осадников, от которых нужно избавляться. Есть у меня материал. что крестьяне четырёх деревень подписались за освобождение помещика, а посему это нужно учесть — враждебные элементы проводят свою работу».

Почтовые служащие из Волковыска

Тит Фёдорович Жаркевич, 1897 года рождения, беларус, член партии с 1919 года. Переехал в Волковыск из Витебской области. По логике прокурора заступничество за арестованного есть враждебная деятельность. Впрочем, арестованный был виноват перед советской властью уже только тем, что судьба уготовила ему стать помещиком.

Из выступления заведующего хлебопекарнями Шевченко:

> «Товарищ Шлякшинский, возглавляющий заготзерно, заготовками хлеба не занимался и за месяц своей работы только оборудовал

себе кабинет. ...Хлебопекарни приходят в негодность, требуют ремонта, а средств не отпускают. На хлебопекарнях работают враждебные элементы. От них нужно избавляться, потому что этот участок работы очень важен».

По обычаю партийных собраний их участники в заключительном постановлении признали свои ошибки в работе и клятвенно обещали высшему руководству исправить эти ошибки:

«Уездное партийное собрание целиком и полностью одобряет решение бюро ЦК КП(б)Б, которое со свойственной партии Ленина-Сталина глубиной вскрывает наличие грубейших ошибок в работе уездных организаций и в первую очередь в работе уисполкома, переходящие в ряде случаев в прямые провокационные антисоветские действия и помогает парторганизации немедленно и решительно исправить имевшие место ошибки и извращения политики партии.

Со стороны начальника уездной милиции тов. Бабкина было даио незаконное указание волостным отделениям милиции об изъятии через крестьянские комитеты у крестьян лошадей, оставленных им частями Красной армии, и передачи их для нужд милиции. В результате этого под видом «трофейных» у крестьян было изъято 28 лошадей, в том числе у крестьян, имевших единственную лошадь. Милицией у населения по самым незначительным, часто совершенно незаконным поводам, без разрешения соответствующих органов и контроля, производились обыски с различного рода незаконными изъятиями (дрова, товар у мелкоторговцев и т.д.), и только после вмешательства укома КП(б)Б эти незаконные действия были прекращены и незаконно изъятые лошади были возвращены крестьянам.

...Как уисполкомом, так и другими советскими и хозяйственными организациями, вместо привлечения на работу в аппарат наиболее преданных и проверенных в деле установления революционного порядка местных кадров, принимали на работу враждебных Советской власти элементов. Ненавидя Советскую власть, они саботировали её мероприятия и старались своей контрреволюционной практикой вызвать недовольство трудового населения к ней.

Со стороны уисполкома и леспромхоза совершенно не были приняты меры по обеспечению топливом местной промышленности, школ, больниц, а также населения города. В результате предприятия из-за отсутствия топлива, а также сырья, которого в уезде имеется в достаточном количестве, находятся под угрозой оста-

новки (лесозаводы, кирпичные заводы и т.д.)- Отдельные школы не отапливаются до настоящего времени.

В уезде существовала незаконная, недопустимая антипартийная практика самоснабжения, организация закрытого распределения, и только для своих работников. Такая практика дошла до того, что на получение водки были составлены списки сотрудников уисполкома, подписанные коммунистом Денискевичем и комсомольцами Тычыно и Матиевским».

Уездное партсобрание наметило меры (13 пунктов) по устранению недостатков. Среди конкретных мер, таких как «очистить аппараты организаций от враждебного элемента, организовать отпуск древесины», были чисто формальные, бюрократические: обязать улучшить торговлю, наметить планы и т.д. Были чисто идеологические — 7 пунктов из 13, например, организовать изучение краткого курса истории партии и биографии Сталина, принять меры к улучшению качества районной газеты «Заря».

Приведенный пример наглядно показывает, что партийное руководство в области хозяйственно-организаторской деятельности расписалось в своём собственном бессилии. Оно не смогло даже обеспечить город дровами, которых в окрестных лесах хватало с избытком.

Понятно без лишних слов, что принятые постановления не могли коренным образом исправить положение, поэтому ко многим проблемам постоянно возвращались. Взять того же бывшего чекиста Павловца, перековавшегося в главного идеолога района. Хотя ему досталось больше всего критики, он остался на своём посту, хотя все знали, что в его партийном деле уже было два выговора. В 1930 году ЦК КП(б)Б объявил ему выговор за нетактичность, а в 1934 — за неправильное понимание идеи шефства. Но свои своих не сдавали, а пересаживали из одного руководящего кресла в другое. Крайним нашли председателя исполкома Ермака, который являлся депутатом Верховного Совета СССР. На его место посадили Дашука.

5 января 1940 года в Западной Беларуси произошёл административный передел. Было организовано пять областей — Барановичская, Белостокская, Брестская, Пинская и Вилейская. Волковыск вошёл в Белостокскую область. Волковысскии повет распался на районы — Волковысскии, Зельвенский, Мостовский, Свислочский, Порозовский. Гмины ликвидировали, а вместо них образовали сельские советы. Уместно привести характеристику вновь об-

разованного Волковысского района, составленную в начале 1940 года:

«В состав района входят шесть волостей бывшего Волковысского уезда: Бискупицкая, Шиловичская, Верейковская, Росская, Волпянская, Гудевичская и частично: Мстибовская, Изабелинская и Песковская. Территория района составляет 1103,5 км кв. Максимальное расстояние между границами района с севера на юг — 45 км, с запада на восток — 41 км. Территория района пересекается железными дорогами: Белосток — Минск, Волковыск — Лида, Волковыск — Свислочь — Брест; шоссейными дорогами: Белосток — Минск, Волковыск — Изабелин. В районе имеются грунтовые дороги протяжением 49 км, булыжные — 14 км.

Население в районе — 71677 человек, включая население города Волковыска. Большинство населения (70 %) белорусы, остальное население — поляки и евреи.

Населённых пунктов в районе — 293, крестьянских хозяйств — 12334, в том числе хуторских — 1998.

Промышленность района: цементный завод с производственной мощностью 210 тысяч тонн в год (рабочих 790 человек); 6 кирпичных и черепичных заводов с производственной мощностью 6 млн кирпичей и 50 тысяч штук черепицы; 2 лесопильных завода по 2 рамы (147 рабочих); 4 винокуренных завода; 3 электростанции, из них 2 в городе Волковыске, мощностью 500 квт, и одна в местечке Россь при цементном заводе, мощностью 54 квт; 3 чугунно-литейных мастерских (45 человек); 14 мельниц с количеством рабочих 168 человек; мясокомбинат (192 рабочих); мелкие кустарные предприятия по выработке колёсной и сапожной мази, шорных изделий и т. п.

Сельское хозяйство района: земли в районе имеется 96036 га, в том числе пахотной — 6857 га, сенокосных угодий — 6984 га, пастбищ — 6520 га, лесов — 5052 га, усадебной — 4048 га, торфоболот — 287 га, неудобной — 4587 га.

Основные сельхозкультуры: рожь, ячмень, овёс, пшеница, картофель. В районе было 34 помещичьих имения. В настоящее время имеется 10 колхозов с количеством 531 хозяйство, совхоз и МТС.

Культурно и специально-бытовые учреждения района. Школьная сеть: начальных школ — 63, неполных средних — 16, средних — 4. Учреждений здравоохранения: больниц — 6, амбулаторий — 6, аптеки — 3, тубдиспансер, детская консультация, станция скорой помощи, клиническая лаборатория, 2 фельдшерско-акушерских пункта. Имеется кинотеатр в Волковыске на 400 мест, библиотека,

стадион, 4 почтово-телеграфных и 8 почтовых контор. Торговых точек — 215, в том числе 109 частных.

Данные о райцентре. Население — 20 тысяч человек, жилых домов — 2513. Волковыск крупный железнодорожный узел с 2 станциями, расположен в 92 км от Белостока. Имеется крупное железнодорожное депо (700 рабочих) и большие паровозный и вагонный парки.

Промышленность города: мясокомбинат — 192 рабочих, 2 лесопильных завода — рабочих 142 человека, 2 электростанции мощностью 500 квт, чугунно-литейный завод (25 рабочих), 2 мастерские по изготовлению запасных частей для сельхозмашин с количеством рабочих 20 человек, типография, мелкие предприятия и кустарные артели (200 рабочих).

В городе имеется почта, телеграф, телефон, кинотеатр на 400 мест, 12 школ, в том числе 6 начальных и 6 средних, 2 больницы на 200 коек, 3 амбулатории, санстанция, гостиница и баня.

В районе образован 1 городской Совет районного подчинения и 21 сельский Совет» [60, с. 21-23].

Новые партийные и управленческие кадры прибывали в образованный Волковысский район постоянно. Если раньше поветом управлял один чиновничий аппарат, то сейчас на ту же территорию требовалось несоизмеримо большее число чиновников. На некоторые административные должности принимали и местных, особенно имевших образование. В процентном соотношении поляков и евреев среди административных работников было больше чем беларусов. Объяснялось это меньшей грамотностью беларусов, большинство из которых жило в сельской местности. 3 января 1940 года на общем партийном собрании волковысской уездной парторганизации отмечалось:

«Проведено выдвижение местных, проявивших себя с положительной стороны граждан на руководящую работу в разные учреждения и предприятия, где они неплохо справляются с работой. Всего выдвинуто 79 человек. В районе организован 21 сельский совет, куда выдвинуты кадры из числа местного населения. После всестороннего и тщательного изучения собранных материалов, личных бесед с каждым из намеченных кандидатур, выдвинуто председателями сельских советов 21 человек, в том числе одна женщина. Секретарями сельских советов выдвинуто 21 человек, в том числе одна женщина. Членами сельских советов выдвинуто 105 человек, в том числе 20 женщин. Всего выдвинуто 147 человек» [48, с. 30].

Однако «выдвинутые кадры» самостоятельно решать ничего не могли, а лишь исполняли волю и требования районного партийно-советского начальства. В первую очередь от них требовали выбивать из крестьянских хозяйств начисленные поставки продовольствия и налоги.

На 10 октября 1940 года в Волковысский район с востока всего прибыло 752 человека. Из них на работу в промышленность — 96 человек, по медицинской части — 36, связь — 5, образование — 10, продуктовую промышленность — 420, транспорт — 2, лесное хозяйство — 8. По национальному составу прибывшие руководящие работники и специалисты были: русские — 387 человек (51,5 %), беларусы — 215, евреи — 51, поляки — 6, других национальностей — 93. По образованию: с высшим образованием — 49 человек, средним — 238, неполным средним — 60, начальным — 405 [61, с. 189].

Как видно из этих цифр, в «отсталую» Польшу большевики прислали большей частью «специалистов» с начальным образованием — 53,8 % (!). Получается, что более половины управленцев имели элементарное образование, т.е. умели читать, писать и выполнять простые арифметические действия. Ладно, если бы такие кадры ставили на низшие должности, но их как раз назначали руководить туда, где требовались грамотные специалисты.

Например, 25 января 1940 года волковысское бюро укома КП(б)Б утвердило в должности заведующим районным отделом здравоохранения Александра Фроловича Гончарика, кандидата в члены партии, беларуса, с начальным образованием. Последнее место работы — директор Волковысского хлебокомбината [48, с. 23]. Как мог человек с низшим

Типичный «руководящий кадр» с Востока

образованием руководить системой здравоохранения целого района? Здравомыслящему человеку этого не понять. Но у большевиков была своя логика. Кто из подобных людей оказывался специалистом, это для них дело второстепенное. Главное, чтобы они были «политически подкованы» и «преданными делу партии». Не справился тот же Гончарик с руководством хлебокомбинатом, пусть поруководит медициной.

На заседании бюро райкома партии 11 марта 1940 года были утверждены новые кадры:

> — управляющим конторой заготзерно — Беляев Николай Егорович, член партии с 1931 г., русский, из крестьянской семьи, образование низшее;
>
> — директором Росского совхоза — Поздняков Михаил Филиппович, член партии с 1938 г., 1899 г. рождения, беларус, из крестьянской семьи, образование низшее;
>
> — заведующим районной сберегательной кассой — Стельмах Николай Васильевич, кандидат в члены КП(б) с 1939 г., 1914 г. рождения, беларус, из крестьянской семьи, образование низшее;
>
> — начачьником районной милиции — Чегодаев Павел Андреевич, член партии с 1931 г., 1901 г. рождения, русский, из крестьянской семьи, образование низшее;
>
> — директором мясокомбината — Хайденко Арон Исаакович, член партии с 1928 г., 1902 г. рождения, еврей, из семьи рабочих, образование низшее;
>
> — управляющим районной конторой плодовощ — Хмелевский Михаил Андреевич, член партии с 1931 г., 1907 г. рождения, беларус, из крестьянской семьи, образование низшее;
>
> — народным судьёй — Лобсрсв Владимир Петрович, комсомолец с 1937 г., 1914 г. рождения, беларус, из крестьянской семьи, образование низшее [48, с. 86-88].

Как видим, среди этих семи «ответственных работников» ни у одного не было даже среднего образования!

Более половины присланных работников определили на работу, так или иначе связанную с продовольствием, ибо большевики в первую очередь стремились взять под контроль результаты труда крестьянского населения района.

Среди специалистов-восточников не все приехали налаживать новую жизнь. Были и такие, кто старался награбить побольше, погулять послаше. Да и отпускали на работу в западные области начальники в СССР со своих предприятий в основном тех, от кого хо-

тели избавиться, т.е. далеко не лучших специалистов. Поэтому среди приезжих было много некультурных, необразованных и морально неустойчивых людей. Вот пример. 5 января 1940 года состоялось специальное заседание Волковысского бюро укома КП(б)Б, на котором обсуждали антипартийное поведение своего товарища Гогонова:

> «Бюро укома отмечает, что тов. Гогонов за время своего пребывания в Волковысском уезде к выполнению возлагавшихся на него обязанностей относился с недопустимой халатностью, граничащей с прямым преступлением. Будучи назначенным на должность заместителя коммунальным отделом Волковысского уисполкома, вместо организации чёткой работы и надлежащего учёта, дела коммунального хозяйства привёл к критическому состоянию, особенно в части учёта имущества бывших помещичьих имений. Имели место случаи, когда товарищ Гогонов, пользуясь своим служебным положением, присваивал лично для себя некоторые из вещей, вывезенных из бывших имений.
>
> 29.12.1939 г. товарищ Гогонов, будучи направлен в Подоросскую волость для выполнения важнейшего партийного задания, вместо непосредственного исполнения, передоверил эту работу другим лицам, не имеющим к этому совершенно никакого отношения. Сам в это время занялся пьянством, втянув в пьянку своих помощников Яроцкого и Шантуренко. Будучи в нетрезвом состоянии, среди социально чуждых лиц разглашал суть выполняемого им поручения и утерял имевшийся у него револьвер.
>
> Подобные поступки со стороны тов. Гогонова могли иметь место только в результате притупления бдительности и морального его разложения, потери чувства партийной ответственности.
>
> Бюро укома КП(б)Б постановляет:
>
> За антипартийное поведение на работе и моральное разложение, присвоение государственного имущества и систематическое пьянство тов. Гогонова с работы заместителя промышленного отдела снять и объявить строгий выговор. Просить Белостокский обком КП(б)Б об отзыве тов. Гогонова из Западной Белоруссии как скомпрометировавшего себя и не оправдавшего на работе» [48, с. 5].

Впрочем, если бы Гогонов не потерял казённого оружия, то всё бы обошлось.

Когда приезжих «специалистов» селили в покинутых помещениях бывших состоятельных людей, бежавших из Волковыска, то новые жильцы пользовались вещами и мебелью бывших хозяев. А по закону веши подлежали оприходованию райфинотделом, после

чего полагалось взимать плату за пользование ими. И здесь сказалась алчность новых хозяев, многие из них не желали платить. Особенно это касалось военных, которые, видимо, считали всё имущество своими трофеями. В других случаях имущество без оплаты брали прямо со складов. Поэтому на заседании бюро райкома партии 10 апреля 1940 года было принято постановление:

> «Райфинотделом до настоящего времени ещё не учтено госфондовское имущество, находящееся в воинских частях и на квартирах военнослужащих. Также не полностью взысканы суммы за оценённое госфондовское имущество, находящееся в квартирах отдельных работников. Такое состояние с учётом, хранением и реализацией госфондовского имущества бюро РК КП(б)Б считает в дальнейшем недопустимым, так как оно способствует его разбазариванию и расхищению.
>
> Считать недопустимым, когда со стороны горкомхоза и отдельными работниками, без ведома райфинотдела, раздавалось и бралось себе в квартиры госфондовское имущество: мебель и предметы домашнего обихода» [48, с. 129].

Однако спустя три месяца партбюро снова вернулось к этому вопросу. На заседании 25 июля 1940 года отмечалось:

> «Допускалась продажа госфондовского имущества по заниженным ценам заведующим горхозом Бураком, которое со складов раздавалось по квартирам. До сих пор не принято надлежащих мер по обеспечению учёта и реализации госфондовского имущества. Это имущество, как и хлебопродукты, скот, фураж и сельхозинвентарь в результате отсутствия полного учёта райфинотделом на местах растранжируется» [48, с. 234].

На вопиющие недостатки в кадровой политике в западных областях БССР вынужден был обратить внимание и ЦК КП(б)Б, который в своём циркулярном письме от 21 октября 1940 года указал:

> «Серьёзным недостатком в работе партийных и советских органов западных областей является то, что они во многих случаях стремятся всюду, даже на незначительные, второстепенные должности расставить работников, приехавших из восточных областей. На должности заведующих столовыми, ресторанами, руководителей местных коммунальных предприятий, кустарных артелей стали назначать присланных товарищей, иногда смещая с этой работы без всяких к тому оснований местных жителей.

> Не давая себе труда заняться подбором, расстановкой и большевистским воспитанием кадров, многие работники продолжают требовать присылки людей из восточных областей, даже для замещения второстепенных и мелких должностей. Некоторые наши наркоматы и республиканские учреждения продолжают легко удовлетворять эти требования, иногда направляя на работу непроверенных и случайных людей, стремящихся использовать в личных целях своеобразную обстановку западных областей» [32, с. 197—198].

То же письмо предлагало выдвигать в советские, хозяйственные и иные организации кадры из рабочих, крестьян, представителей трудящейся интеллигенции, знающих быт, нравы, обычаи, язык местных жителей. Отмечалось и то, что сельскими советами, которыми руководят местные «товарищи», помыкают все, кому не лень: инструкторы, налоговые агенты, работники леспромхозов, представители воинских частей и т.д.

Судьба посланных в Западную Беларусь кадров сложится трагически. В первые же дни после нападения Германии на Советский Союз многочисленные «кадры» вместе со своими семьями и нажитым добром запрудят все основные дороги, ведущие на восток. Бесконечные толпы беженцев, перемешанных с военными, с воздуха будут бомбить и обстреливать немецкие лётчики. Многие «восточники» так и не добрались домой, навсегда оставшись лежать по обочинам дорог от Ломжи до Волковыска и далее.

8

ВЫБОРЫ

За два года при первых Советах в Западной Беларуси выборные кампании, сопровождавшиеся мощными пропагандистскими мероприятиями, прошли три раза. И все три раза на население обрушивалась такая массированная агитация и пропаганда, с какой ранее никогда не приходилось сталкиваться.

Первый раз агитационная атака на население произошла во время выборов в так называемое Народное собрание, на котором предполагалось юридически оформить положение, созданное на занятых Красной армией землях. Само собрание было запланировано ещё до начала агрессии против Польши и утверждено в директиве № 1 Военного Совета Белорусского Фронта. Сейчас же требовалось показать всему миру, что политика Кремля есть осуществление воли «освобождённого» народа.

Однако «воля народа» являлась фикцией. Кого назначить «представителями народа» в Народное собрание, решали приезжие коммунисты. Уже в конце сентября — октябре в Белостокскую, Вилейскую, Полесскую и Новогрудскую области из восточных областей БССР были командированы около 3 тысяч партработников, в том числе более тысячи комсомольцев. Главная задача, которую поста-

вили перед ними, — организация выборов в Народное собрание Западной Беларуси. Новоприбывшие активисты составили костяк окружных и участковых избирательных комиссий во всех областях.

Николай Васильевич Табаков, ставший к этому времени руководителем отдела партийного комитета в Волковысском райкоме партии, вспоминал:

> «В первую очередь, надо было подобрать и обеспечить избрание депутатов в Народное собрание, а затем часть из них отправить в Москву, где решался вопрос о воссоединении западных областей Белоруссии и Украины [6].

Откровеннее ни скажешь! Заметьте — «надо было подобрать и обеспечить». Не выявить волю народа, который бы сам выдвинул своих представителей в Народное собрание, а именно «подобрать и обеспечить». Чувствуете разницу? Вот так у нас «подбирают и обеспечивают» до сих пор, превращая выборы в фарс, цинично действуя сталинскими методами: «неважно как проголосовали, важно то, кто подсчитывает голоса».

Власти хотели обеспечить в составе Народного собрания определённую национальную и тендерную репрезентативность — не менее 70% депутатов-беларусов и не менее 30% женщин. Партийные активисты из восточных областей республики помогали в подборе нужных и отсеве нежелательных кандидатов, проверке их оперативно-чекистскими группами НКВД.

Выборы в Народное собрание происходили 22 октября 1939 г. Спектакль сопровождался показным энтузиазмом на организованных властью собраниях, митингах и демонстрациях. Все польские, еврейские и беларуские пока ещё не разогнанные оганизации не смели даже заявить о своём участии в выборах. Ни о каких политических дискуссиях не могло быть и речи. Большевикам требовалось показное единодушие. Свобода выбора закончилась для местного населения на долгие времена.

Газета «Правда» от 17 октября 1939 года (№ 228) писала:

> «Вчера и сегодня окружные выборные комиссии регистрировали кандидатов в депутаты Народного собрания Западной Белоруссии. Характерен состав кандидатов, выдвигаемых в депутаты. В Волковысском уезде из 36 кандидатов — 34 белорусы. Среди кандидатов — 30 крестьян, 3 рабочих, 2 служащих, 1 учитель. В числе кандидатов по Волковысскому уезду — батрак Браневский, рабочий-железнодорожник Севко».

Дворец Браницких в Белостоке,
где 28-30 октября 1939 г. заседаю Народное собрание

Всё хорошо, только «Правда» как всегда не сказала всю правду — не сообщила, каков процентный состав в уезде беларусов, поляков и евреев. Иначе бы читатель логично задался вопросом: «Почему в западных областях, где население состоит из трёх основных национальностей — беларусов, поляков и евреев почти все кандидаты в Народное собрание — беларусы?». В итоге все 36 кандидатов, превратившись в результате безальтернативных выборов в депутаты, поехали на спектакль в Белосток не как представители народа, а как представители большевистской оккупационной власти.

Всего в Западной Беларуси в выборах приняли участие 96,91 % выборщиков. За народных депутатов проголосовали 90,67 % участников выборов. Национальный состав 926 депутатов был таков: 621 беларус (67,06 %), 127 поляков (13,71 %), 72 еврея (7,77 %), 53 украинца (5,72 %), 43 русских (4,64 %) и 10 представителей других национальностей. Среди них: 563 крестьянина, 197 рабочих, 12 представителей интеллигенции, 29 служащих, 25 ремесленников. Все 926 депутатов прошли строгую проверку на лояльность.

«Народное собрание» начало работу 28 октября 1939 года в Белостоке, в конфискованном советской властью дворце графов Браницких. Чуть более месяца назад, 23 сентября здесь проходила встреча немецких и советских офицеров, в ходе которой немцы официально передали захваченный ими Белосток в советскую зону оккупации. На ближайшей улице Липовой в честь такого события устроили небольшой совместный парад, а в соседнем отеле «Риц» водкой на банкете офицеры закрепили своё братство по оружию.

Народное собрание заседало под строжайшим контролем и было предельно «заорганизовано». Даже тексты выступлений депутатов заранее написали в отделе пропаганды ЦК КП(б)Б. Так что «народным избранникам» не дали возможности хоть что-то сказать от себя и своими словами [62, с. 457].

Заседание открыл самый старый из депутатов — 68-летний крестьянин из деревни Моисеевичи Волковысского повета С.Ф. Струг. С докладом о форме государственной власти выступил бывший террорист депутат С.О. Притыцкий. По его докладу Народное собрание приняло декларацию, в которой было заявлено:

> «Белорусское Народное собрание, выражая нерушимую волю и желание народов Западной Белоруссии, провозглашает на всей территории Западной Белоруссии установление Советской власти. С этого времени вся власть на территории Западной Белоруссии принадлежит рабочим города и деревни в лице Советов депутатов рабочих».

Вот таким образом абсолютно подконтрольное большевикам «Народное собрание проголосовало за установление советской власти на всей территории Западной Беларуси и за присоединение её к БССР. Задним числом узаконили свершившиеся факты — приняли декларации о конфискации помещичьих земель, национализации банков, крупной и средней промышленности. День 17 сентября объявили днем освобождения населения Западной Беларуси от польской буржуазии и помещиков. На последнем заседании 30 октября Народное собрание избрало полномочную комиссию из 66 человек для отправки в Москву, чтобы передать его решение относительно вступления Западной Беларуси в состав СССР.

За все решения депутаты голосовали единогласно. С учетом всего сказанного выше, иначе и быть не могло.

Зато в ноябре 1940 года, когда Кремль по живому отрезал от БССР Виленский край и вместе с Вильней передал буржуазной Летуве, то даже формально большевистская власть не соизволила посоветоваться с беларуским народом. Захотели — присоединили, захотели — отняли. В этом произволе вся суть «народной» большевистской политики.

В 1940 году жителям западных областей пришлось голосовать еще дважды: 24 марта при выборах депутатов в Верховные Советы СССР и БССР, и 15 декабря при выборах в местные Советы. О подготовке к мартовским выборам по Волковыску и району оповещала в своем 27-м номере от 2 февраля областная газета «Вольная праиа»:

«Разгортванне выбарчай KaMiraHii у заходшх абласцях Беларускай ССР камсамольсюя аргашзацып дапо Ваукавыск сустракаюиь вытворчым уздымам. 31 студзеня камсамольска-маладзёжная змена на чале з брыгадырам тав. Арловым вынусцша з сярэдняга гадавога рамонта два вагоны за тры гадзшы, пры норме 12 гадз1н; вытварьш зрэзку 6 вагонных рам, пры норме 4 рамы. Лепшыя людз1 брыгады камсамольцы таварышы Арлоу, Маляр, Анянш, Вел1чко, Лукянсю, Мароз заусёды паказваюиь балылавщюя узоры сацыялютычнай праиы».

«У самым иэнтры мястэчка Мсшбава знаходз1иил хата-чытальня. Кожны вечар саб1раюцца у зале 10-15 чалавек моладз1 і старыкоу. Яны тут слухаюиь радыё, irpaioub у дамшо, чытаюць газеты, журналы і розную лггаратуру па выбарах. За час юнавання хаты-чытальш наведальнш праслухагп даклады аб жыцш і дзейнасш вялшх правадыроу працоуных JliHiHa і Сталша, аб зладзейсюм забойстве Юрава і Куйбышава і даклады аб м1жнародным станов1шчы. Зараз, у сувяз1 з выбарам1 у Вярхоуныя Саветы СССР і БССР створаны гуртю па вывучэнню Канстытуцьн і Палажэння аб выбарах. Занятк! у хаце-чытальн1 праводзяшга кожны дзень».

На партийном собрании волковысских коммунистов 7 февраля 1940 года с повесткой дня «О ходе подготовки к выборам в Верховные Советы Союза ССР и Белорусской ССР и задачах парторганизации» редактор районной газеты «Заря» Калеко выступил со следующей речью:

«Агитацию за выдвинутых кандидатов блока коммунистов и беспартийных нам необходимо поставить на должную высоту. Следует при этом учесть, что выборы будут происходить в первый день Пасхи и отсюда необходимо поставить массово-разъяснительную работу таким образом, чтобы избиратели пошли к избирательным урнам, а не в костёл, как это мы имели при выборах в Народное собрание. Не следует забывать, что классовый враг не спит, и будет стараться всеми доступными ему методами и средствами подорвать ход выборов. Обеспечить стопроцентную явку избирателей в избирательные участки и единодушное голосование за кандидатов блока коммунистов и беспартийных — вот наша задача» [48, с. 13].

Почему Калеко приплёл костёл к выборам — непонятно. Ведь одно другому не мешает: утром сходил в костёл, а в обед на выборы. Или наоборот. Видимо, он не хотел в день выборов пускать в костёл и церковь людей потому, что собравшись там, они могли критически обсуждать кандидатов и сам ход выборов.

Предвыборная агитация была поставлена на такую высоту, что рабочие в честь выборов стали перевыполнять производственные планы в несколько раз! Из докладной записки Волковысского райкома партии «О ходе подготовительной работы к выборам в Верховный Совет СССР и БССР по району на 22 февраля 1940 г.» в Белостокский обком партии:

> «Проводимая подготовительная работа по выборам подняла волну политического и производственного подъёма среди рабочих предприятий, железнодорожников и трудящегося крестьянства. Грузчик завода «Россь» Станислав Енчар при норме загрузки двух вагонов за 8 часов, за это же время стал загружать три вагона. Токарь депо станции Волковыск Центральный Крук Степан, выставленный кандидатом в депутаты Верховного Совета БССР, норму производительности систематически повышает на 120 %. Слесарь паровозного депо Василенко Владимир перевыполняет свою норму на 150 %. Рабочие столярной артели «Прогресс» в честь избирательной кампании на своём собрании приняли решение по-большевистски выполнить производственный план и вызвали на соревнование сапожную артель «Вперёд». Производственная проверка показала, что бригада Капульского Яна за 6 дней выпускает 20 штук письменных столов при ранее существовавшей норме 12 штук за 15 дней. Бригада Рабиновича выпускает 10 столов за 6 дней и т.д. Столяр артели Лашевич систематически перевыполняет норму на 200 % и вызвал на соцсоревнование своих товарищей по цеху» [63, с. 1].

Как видим, бригада Капульского перевыполнила норму на 410 %! Вот как столяры «Прогресса» оправдали название своей артели! Но по каким показателям могли соревноваться между собой столяры и сапожники? Разве что в том, кто скорее из них «напьётся как сапожник»! И вот такую откровенную чушь партийные идеологи не стеснялись приводить в своих отчётах. А в результате подобных соревнований продукция столярной артели, как следует из других документов, лежала мёртвым грузом на складе, так как из-за плохого качества её никто не хотел покупать.

Далее в отчёте говорилось:

> «С особым подъёмом и единодушием прошли собрания по предприятиям, деревням и окружные совещания представителей общественных организаций и обществ трудящихся по выдвижению и поддержанию кандидатур в депутаты. На собраниях и окружных совещаниях первым депутатом в Верховный Совет СССР трудящимися выдвинуты кандидатуры вождя народов товарища Сталина и

его ближайших соратников: Молотова, Ворошилова, Кагановича и Калинина. С большим единодушием и при всеобщем одобрении поддержаны кандидатуры в депутаты Совета Национальностей СССР — Притыцкого, в Верховный Совет СССР — Севко и в Верховный Совет БССР — Крук, Баниырева и Сморшко. Участники окружных совещаний взяли на себя обязательства поставить дело агитации так, чтобы в день выборов явка избирателей к избирательным урнам была 100 % и голосование за выдвинутых кандидатов — единодушным.

Необходимо отметить, что наряду с этим имеют место отдельные случаи контрреволюционной агитации и высказывания антисоветских настроений со стороны враждебного элемента, пытающегося помешать проведению выборов. Так житель деревни Улезлы Изабелинской волости, кулак Прохор Антон, используя временные затруднения (наблюдались очереди у хлебных магазинов и недостаток некоторых промтоваров) среди местного населения проводит антисоветскую агитацию, говоря: «советская власть для рабочих и крестьян Советского Союза ничего хорошего не дата. Крестьяне

28 октября 1939 г. Народное собрание в Белостоке

живут впроголодь, ходят раздетые и босые. Если здесь будет существовать советская власть, то скоро в таких же условиях окажутся и крестьяне Западной Белоруссии». Подобного характера клеветническую антисоветскую агитацию проводят жители деревни Рупейки Бискупишсой волости Зыбко, житель местечка Изабелин, член организации ОЗН — Шестакович, служащая конторы связи станции Волковыск Центральный — Калиш и др.

Имеют место случаи попыток истолковать конституцию СССР в обратном свете. Так, работающий на кирпичном заводе Канонек, говорил: "В советской конституции только записано, что в СССР все якобы имеют равные права и свободу, а на самом деле этого ничего нет. Какое может быть равенство и свобода, когда советские командиры получают по 2 тысячи рублей в месяц, а рабочий — 300 рублей. Такие права и свободы раньше были и в буржуазной Польше".

Всего по району выделено 396 агитаторов, организовано 232 кружка по изучению предвыборного материала с охватом 9260 человек избирателей. Планируется их число довести до 400» [63, с. 4-51.

2 марта бюро Волковысского райкома приняло обращение к Белостокскому обкому об утверждении определённых кандидатур в депутаты Верховного Совета БССР:

1. По Волковысскому городскому избирательному округу № 378 — Крука Степана Леонтьевича, 1889 г. рождения, беларуса, беспартийного, рабочего токаря железнодорожного депо станции Волковыск Центральной. Вторым кандидатом стал Банцырев Игнатий Акимович, 1903 г. рождения, беларус, член ВКП(б) с 1926 г., секретарь Волковысского районного комитета КП(б)Б.

2. По Волковысскому сельскому избирательному округу № 379 — Севко Павла Антоновича, 1907 г. рождения, беларуса, беспартийного, крестьянина бедняка, работающего председателем Мстибовского волостного крестьянского комитета.

3. По Росскому избирательному округу № 380 — Сморшко Нину Викентьевну, 1915 г. рождения, беларуску, комсомолку, работницу цементного завода «Россь». Вторым кандидатом стал Веретило Иосиф Иванович, 1894 г. рождения, беларус, беспартийный, рабочий цементного завода «Россь».

В Белостокском обкоме утвердили следующих кандидатов: по городскому избирательному округу — Крук, по сельскому — Севко, по Росскому — Сморшко [48, с. 40].

Разумеется, не могли оставаться в стороне от подготовки к выборам и репрессивные органы. На этом же собрании начальник НКВД Гриднёв дал свои указания:

«Проводя работу к предстоящим выборам, необходимо учесть опыт выборов в Народное собрание, чтобы не допустить повторения прошлых ошибок. Имели место и такие случаи, когда фашистские элементы в момент голосования приписывали в бюллетени фамилии своих кандидатур, вычеркивая наши кандидатуры» [48,

Тем не менее, в кандидаты иногда попадали и вполне достойные люди. Одним из таких был токарь паровозного депо Степан Леонтьевич Крук. Как рассказал его сын Евгений Степанович, кандидатуру отца подобрал уполномоченный райкома партии Н.В. Табаков. Получив задание найти кандидата в депутаты среди рабочих, Табаков посетил литейный завод и паровозное депо. Зайдя в токарный цех депо, он невольно залюбовался профессиональной работой С.Л. Крука, обратив внимание на то, в какой чистоте содержит токарь своё рабочее место. Выбор оказался удачным, так как среди товарищей по работе Крук пользовался авторитетом и уважением.

Правда, судьба Степана Крука из-за этих выборов сложилась трагически. Во время немецкой оккупации он остался жить и работать в родном Волковыске, за что при вторых Советах был приговорен советским судом к 5 годам лишения свободы и умер в заключении в 1946 году.

О выборах в местечке Свислочь вспоминает Эммануэль Голдберг:

«На массовых митингах белорусские кандидаты читали свои выступления по заготовленным для них бумажкам. Было видно, что делают они это неохотно, выполняя нежелательный, но необходимый ритуал, часто читая речь дрожащим голосом от страха перед аудиторией. Аудитория механическим подыманием рук голосовала за навязанных им кандидатов. Никто не смел возражать. Преобладало людское безразличие. Людям не дали достаточно времени, чтобы приспособиться к фактам советской политической жизни.

Для осознания происходящей несправедливости и фарса требовался подходящий случай. И такой случай представился. Когда один из кандидатов в местные советы, молодая и незнакомая белорусская женщина закончила рассказывать свою биографию, Авраам Равич попросил слова. Многие здесь знали его, и ждали, что он скажет. На белорусском языке он объявил собравшейся аудитории, что

знает женщину-кандидата как профессиональную проститутку, которая до сентября 1939 г. обслуживала специальную клиентуру — местную польскую полицию. Часто, когда его, Равича, вызывали в полицейский постерунок Свислочи для допроса, он видел её там. Биография, которую она прочитала, была для неё составлена, поскольку она не может так гладко излагать свои мысли на бумаге. Было бы позором выбрать такого человека депутатом, и предложил исключить её из списков кандидатов. Когда он сошёл с трибуны, зал охватило оцепенение. Его храбрость и честность взволновали всех. Председатель собрания после короткой паузы объявил, что данные факты будут проверены, но даже не решился спросить подтверждения словам Равича у женщины, которая всё это время молчала.

На следующий день Авраама вызвали к Шершневу, первому секретарю районного комитета коммунистической партии. Шершнев, бывший рабочий из Витебска, был высоким, спортивным мужчиной. Он попросил Авраама объяснять его вчерашнее поведение на встрече с кандидатом. Результатом этой встречи стало выдвижение в кандидаты депутатом другой белорусской женщины, фабричной рабочей. Возникал неизбежный вопрос, почему люди типа Авраама Равича, сына бедного фабричного рабочего, интеллектуального и честного коммуниста, проведшего годы в польской тюрьме, не выдвигались местной большевистской властью вдепутаты?» [9].

Попытаемся ответить на риторический вопрос Голдберга. Ответ прост: идейные борцы за свои права, закалившиеся в борьбе против польских властей, большевикам были не нужны и даже опасны, ведь они привыкли бороться за справедливость при любых обстоятельствах, и не станут плясать под дудку «освободителей». Людей такого сорта в своей стране к этому времени большевистская власть ликвидировала или упрятала в концлагеря. Так же в скором будущем она поступит с подобными борцами за справедливость и в Западной Беларуси. Поэтому требовалось провести в депутаты людей управляемых, предсказуемых, желательно малограмотных рабочих и крестьян, ранее не замеченных в политике. В результате такого искусственного подбора образовывался послушный депутатский корпус, который голосовал и одобрял единогласно все решения партии и правительства в течение всех десятилетий существования советской власти. Это были послушные марионетки.

Ход подготовки к выборам в Верховные Советы постоянно держался на контроле в Волковысском райкоме. Из постановления партийного собрания райкома от 14 марта 1940 года:

«За период подготовки к выборам в районе на избирательных участках организовано 560 (!) кружков по изучению конституции и положения о выборах в Верховные Советы СССР и БССР. ...Районное партийное собрание одновременно отмечает существенные недостатки в работе по подготовке к выборам. Отдельные товарищи, несмотря на то, что закреплены за избирательными участками в качестве агитаторов, редко бывают на участках среди изби-

Плакат на улице Белостока в честь Народного собрания

рателей. ...Отмечается недостаточный разворот агитационно-массовой работы и агитации за кандидатов блока коммунистов и беспартийных по Волковысскому и Росскому сельскому избирательным округам, вследствие чего имеются наглые вылазки со стороны враждебных элементов в Росском и Мстибовском избирательных участках против кандидатов блока коммунистов и беспартийных» [48, с. 112].

14 марта первый секретарь райкома партии Банцырев направил отчёт о подготовке к выборам в Белостокский обком. В нём приведены высказывания рабочих цементного завода по поводу выдвигаемых кандидатов. Некто Телешко говорил:

«Приехавшие из восточных областей БССР представители советской власти соберут 10—15 неграмотных женщин и выдвигают кандидатами тех, которые им нужны, а не тех, которых желает

народ. Счетовод со склада Прончик Мария: Что мы за польской властью подчинялись и нас угнетали, так и сейчас нас не спрашивают и выдвигают кого им нужно. Бывший технический работник волковысского суда Иван Карпович: Советская власть имеет 20-летнюю практику держать народ за морду, так что выборы пройдут по плану, указанному сверху. Рабочий цемзавода Баритинский: У большевиков ничего нет, купить ничего нельзя, всё стало дорого. Потерпите немного, скоро весна, а там дело изменится — Франция и Англия не допустят, чтобы забрали Финляндию. Они добьются и восстановления Польши. Жена рабочего цемзавода Мария Кутузова говорила матери Нины Сморшко: Мы не должны подчиняться советской власти, ибо мы не знаем, какая власть будет весной, и какая будет конституция» [63, с. 16].

Из отчёта того же Банцырева следует, что к 14 марта, за 10 дней начала выборов, были проведены следующие мероприятия:

1 .По городу и деревням проведены 104 митинга, на которых присутствовало 17250 человек.

2.Коммунисты и комсомольцы, присланные из города, распределены по избирательным участкам. Всего на участках работают 109 коммунистов и 76 комсомольцев, а также 39 человек беспартийного актива.

3.Через 5-дневный семинар подготовлено 256 человек агитаторов, а всего в агитаторы выдвинуто 560 человек, из них 430 человек местное население. Членов избирательной комиссии — 306 человек.

4.0рганизовано кружков по изучению конституции и положения о выборах — 560, в которых занимается 19600 человек. В этих кружках проведено по 4—5 занятий в каждом, а в отдельных кружках до 8.

5.По району организован 51 агитколлектив, в которых 46 коммунистов и 6 комсомольцев.

6.Проведено 12 предвыборных собраний, на которых присутствовало 4335 человек. Кроме того, почти на каждом выборном участке были проведены предвыборные собрания избирателей по поддержке выдвинутых кандидатов.

7. Проведены встречи кандидатов в депутаты по всем избирательным округам. По городскому избирательному округу кандидат Крук **имел** 13 встреч, на которых присутствовало 6265 человек. По сельскому округу Севко имел 16 встреч, на которых присутствовало 4400 человек. По Росскому избирательному округу Сморшко Нина имела 15 встреч, на которых присутствовало 4065 человек [63, с. 26].

Как выглядел Волковыск перед выборами, сообщил в в областей газете «Вольная праца» от 23 марта 1940 года секретарь Волковысской окружной выборной комиссии № 378 О. Карпей:

«НаблЪкэнне дня выбарау у нашым горадзе адчуваеииа па незвычайнаму ажыуленню. Вулщы горада упрыгожаны флагам^ выбарчым1 лозунгам!, плакатами Праз галоуную вулщу працягнута некалью транспарантау. На балконах, у вокнах мнопх дамоу выстаулены партрэты таварышау Сталша, Молатава, Варашылава. 3 лесу прывезены зялёныя ёлк1, яюм1 упрыгожаны фасады дамоу і уваходы у вабарчыя участи».

О ходе проведения самих выборов первый секретарь Волковысского райкома партии Баниырев сообщил в обком партии в новой докладной записке:

«24 марта с 4-х часов утра избиратели организованным порядком, с песнями и музыкой проходили на избирательные участки. В 6 часов утра на всех избирательных участках начались выборы депутатов. К 12 часам дня уже некоторые избирательные участки, как, например, № 41 в деревне Дзеньковцы и другие полностью закончили голосование, а к 17 часам подавляющее большинство избирательных участков закончило голосование 100 %.

По Волковысскому избирательному округу приняло участие в голосовании 99,5 % всех избирателей, из них за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных проголосовали 99,7 %. По Волковысскому сельскому избирательному округу соответственно 99, 5 % и 99,5 %. По Росскому сельскому избирательному округу - 99,98 % и 99,6 %. Всего по району - 94,77 % и 99,5 %. Такие же результаты по выборам в Совет Национальностей» [63, с. 13].

Вот что писал о выборах некий г. Майский в областной газете «Вольная праца» от 26 марта:

«Рассвет яшчэ не настушу, а на вулщах горада Ваукавыска ужо адчуваецца наступление вялжага святочнага дня. То тут, то там пачынае гучаць вясёлая, бадзёрая песня, peраюнкваюцца гармотю. СОТHJ людзей спяшаюцца першым1 прыйсш на выбарчы участак.

Перад уваходам у 4 выбарчы участак устанау1пваецца чарга. Усе хвалююцца, зайздросцяць тым, хто стащь наперадзе. 5 гадзш 45 хеілш. Да памяшкання выбарчага участка аргашзавана надыйшла група выбаршчыкау у 150 чалавек з гармошкам! і песнямь Яны нести партрэты КірауНiКоу партыi і урада, партрэты люб1мага Сталша,

партрэты кандыдатау у Вярхоуныя Саветы СССР і БССР таварышау Прытыцкага, Ся^ко і Крука. Выбаршчык Фуксман з'яв1уся на участак велыш рана і думау бьщь першым. Але, убачыушы у паКоі выбарчай КаМісіі людзей, усхвалявауся. Але хутка усе высветлится. У пахоі был) толью члены участковай выбарчай КаМісіі.

6 гадзш ранты. Старшыня выбарчай КаМісіі тав. Дзешсев!ч запрашае выбаршчыкау прыстутць да галасавання. Выбары пачамся.

У кшатэатр, дзе знаходзшца 6 выбарчы участак, многа выбаршчыкау так сама з'явшася да 6 гадзш. У чаканш пачатку выбарау людз1 гавораць аб сабе, дзеляцца радасным! думам!. Мне, — гаворыць Лейба Квят, — споуншася 18 год. Я перажываю сёння вялжую раласиь і гордасць за сябе, за весь вызвалены народ. Мой голас я аддаю партьй JleHiHa — Сталша.

Трэш выбарчы участак. Выбаршчыца з Кароткай вулшы Марыя Коуш прышла сюды у тры гадзшы. Пры уладзе катталютау у былой панскай Польшчы яе за чалавека не л1чыл1. Нцгзе не прымал! на работу. Два года была яна беспрацо^най, галадала з малым дзщё'м. Савецкая улада дала ей работу. Мне цяпер, — гаворыць з радасцю Марыя, — не страшны заутрашш дзень. Савецкая упада дала работу, дала мне шчасце. Я сёння галасую за савецкую уладу.

На избирательном участке в Западной Беларуси (1940 г.)

Атрымау бюлетэш 66-гадовы стары Штэйнвакс. Ён з хваляваннем расказвае: "66 год пражыу, але такога радаснага дня у ма1м жышш не было. Гэта было не жыццё, а мучэнне. Жыццё у мяне сапрауднае пачалося з таго часу, як над нашай зямлёй зяззял1 праменш Сталшскай Канстытуцьй, як вызвагпу нас вялш Сталш. Яму я і аддаю свш голас".

1дзе усенароднае галасаванне. Вулшы горада поуны людэьмь над горадам льюцца гую музыш і радасныя песНі. Мы на выбарчым участку № 1. Галасуюць старые, СТарухі, моладзь, рабочыя, служачыя. Вось заходзщь 73-гадовая выбаршчыиа Аляксандра Мкалаеуна Тарэс. Яна хвалюючыся перадае свае думк1, свае пачуцщ: «Не спалася мне сёння. Усё думала, каб не зпазншца галасаваць». Выходз!м на цэнтральную вулщу — Савецкую. Вулщы усё больш запауняюцца народам. Лкита ншн да выбарчых урнау. Iiimi радасныя, гордыя за вял1кую радз1му, за партыю бальшав1коу, за люб1мага Сталша. Кожны быу горды свядомасию выканнага грамадзянскага абавязка — ён аддау ceift голас за кандыдата Стал1нскага блока камунь стау і беспартыйных. Да 10 гадзш вечара па гораду прагаласавала 99 прапэнтау выбаршчыкау».

Однако далеко не все были «гордыя за вялжую радз1му». В докладной записке Банцырева приведены тексты записок, найденных в избирательных урнах. Банцырев охарактеризовал их как «контрреволюционные лозунги»:

«Прочь с коммунизмом и жидовством! Мразь, злодеи! Да здравствует Польша! За такое голосование пусть вас холера возьмёт! Большевиков нам не надо!», «Прочь с коммунизмом и жидовством! Пугаете нас красной тряпкой, но польский орёл свистел на это! Да здравствует польский дух, польский народ! Свиньи, злодеи! Это бардак, а не голосование!», «Да здравствует польский народ! Да здравствует польская армия! Прочь с жидо-коммуной! Прочь с польской земли красный бандитизм!», «Да здравствует Польша! Да здравствует Франция и Англия! Прочь Советы! Прочь с жидовством и коммунизмом! Прочь с бандитской трусливой армией!» — все эти записки были изъяты в деревне Зубовщизна.

«Коммунизм и Советская власть — прочь! Мы все её не желаем, а она нам насаждена насильно! Долой коммунизм! Весь мир кричит — долой коммунизм!». «Ещё польска не згинула и не должна згинуть! Не будут пановать коммунисты на нашей Белой Руси! Прочь коммунизм, а Польшей мы будем управлять сами!»

Все вышеприведенные записки были написаны по-польски.

Две записки были написаны по-белорусски: «Я хоть и белорус, но скажу, что вы сволочи! Познал я вас и ваш счастливый рай добро!», «У вас всегда до свободного голосования тянут за карк?». Одна короткая из записок была написана на русском языке: «Мы хотим кушать» [63, с. 15].

Несомненно, подобных записок было бы гораздо больше, но установленная система голосования, когда входящего в кабину для голосования брали на заметку присутствующие представители власти, заставляла избирателей сразу бросать выданные им бюллетени в урну для голосования, обходя кабину стороной.

Местные жители, увидев советские методы голосования, изумлялись. Из воспоминаний Яна Виленца:

«Первый раз в жизни видел такой фарс с выборами. Офици&пьно приходить на выборы не являлось обязательным, но беда тому, кто не пошёл голосовать — оказался бы первым кандидатом для высылки в Сибирь.

Каждый из голосующих получил на руки одну бумажку с фамилиями кандидатов в Верховный Совет БССР и СССР. Можно было вычеркнуть не понравившегося кандидата, однако для этого необходимо было зайти в кабину. Каждый, кто заходил в кабину становился политически подозрительным и попадал в разряд врагов советской власти, а потому брался на заметку. Люди уже поняли страшную систему власти, поэтому обходили ту кабину-ловушку стороной и без оглядки. Так как никто в ту кабину не заходил, то голосование оказалось очень успешным, а проголосовало, согласно авторам фарса, 100 %. Кроме того списка, предложенного властью, нельзя было проголосовать за другого человека. Таким образом, из нашего района была выбрана Мария Чижик из деревни Задворье, и командир Пономаренко» [11].

Здесь следует уточнить, что Ян Виленец рассказывает о выборах в Зельвенском районе. К этому времени Зельва стала центром нового Зельвенского района.

Следующая волна агитации обрушилась в связи с выборами в местные советы. Областная газета «Вольная праца» в номере 242 от 18 октября 1940 года писала по этому поводу:

«Працоуныя Ваукавыскага раёна з вялшм задавальненнем суСТраш Указ Прэзщыума Вярхо^нага Савета БССР аб выбарах у мясцовыя Саветы дэнутатау праиоуных. Увечары 15 кастрычшка на прадпрыемствах, у калгасах і вёсках адбыипся многалюдныя мгыпп і сходы, прысвечаныя пачатку выбарчай кампанп. На Мітынгу ра-

бочых мясакамбшата начальное цэха тав. Хшко заяв1у: "Урадам рэспублш аб'яулены першыя выбары у мясиовыя органы савецкай улады. Выбары будут» праводзщца на аснове Сталшскай Канстытуцьй, пад сониам якой мы зажый шчасл1вым і радасным жыццём. Наш рабочы калектыу сустракае дзень выбарау як усенароднае свята. Мы абязуемся выканаш» гадавы вытворчы план да 15 снежня".

3 вялшм уздымам прайшоу сход к&тгаса «Ударнйс» Роскага сельсавета. Пасля даклада аб пачатку выбарчай кампани выступу" калгасшкСияпан Кухта: "Наш калгас паспяховазаканчвае гаспадарчы год. Калектыуная праца дала вышатныя рэзультаты. На працадзень мы атрымал1 не менш 3 кг зернавых і па 8 кг бульбы. На выбары мы пойдзем у адзшым блоку камутстау і беспартийных, выберам у мясцовыя Саветы лепшых прадстауюкоу народа"».

Но годовой план, как обещал начальник цеха Хилко, волковысский мясокомбинат не выполнил, а в декабре 1940 года вобше не работал по причине отсутствия сырья. Что касается расчёта в колхозах по трудодням, то его производили в конце года после сдачи положенного количества сельхозпродукции государству. Выдача 3 кг зерна за один трудодень — это из области фантастики.

Подготовке к выборам в местные Советы 26 октября 1940 года было посвяшено общее волковысское районное партсобрание, на котором прозвучали разные предложения. Начальник политотдела дороги Детский заметил:

«Усиление агитационно-массовой работы поможет нам разоблачить тех врагов, которые попытаются провести в Советы своих кандидатов».

Начальник городского отдела НКВД Виноградов:

«В ходе подготовки к выборам каждый коммунист должен утроить свою бдительность, потому что классовый враг попытается сорвать нам выборы».

Секретарь райкома КП(б)Б Павловец:

«При подборе людей в окружные, участковые избирательные комиссии мы должны будем проверить каждого человека с таким расчётом, чтобы в комиссию не пробрались классово чуждые элементы».

Из постановления собрания:

«Выборы в местные Советы депутатов трудящихся окончательно завершат построение органов Советской власти в западных областях Белоруссии на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции» [48, с. 130-137].

Из докладной записки, в которой дата не обозначена, о ходе подготовки к проведению выборов в местные советы Волковысского района:

«По предстоящим выборам в районе проведено 260 собраний и митингов, на которых было 30 тысяч человек. Всего в районе зарегистрировано 653 избирательных комиссий, в которые вошло 2536 человек, из них 392 женщины. Партийный состав избирательных комиссий: 74 коммуниста, 78 комсомольцев, 2391 — беспартийных. Национальный состав: 1906 белорусов, 309 поляков, 162 еврея, 157 русских и 12 прочих.

В районный совет выдвинуто 60 человек: 45 мужчин и 15 женщин. По национальности: 40 белорусов, 8 русских, 6 поляков, 5 евреев, 1 украинец. По партийности: 26 человек члены и кандидаты большевистской партии, 2 комсомольца, 8 бывших членов КПЗБ, 24 человек беспартийных. По занимаемым должностям: 6 рабочих, 8 крестьян, 42 служащих, из которых 3 учителя, 4 колхозника, 2 врача. Всего из местного населения 31 человек.

В городской совет выдвинуто 61 человек: 48 мужчин и 13 женшин. По национальности: 23 белорусов, 12 русских, 10 поляков, 12 евреев, 4 украинца. По партийности: 20 коммунистов, 4 комсомольца, 36 беспартийных. По занимаемым должностям: 19 рабочих, 35 служащих.

В сельские депутаты выдвинуто 453 человек: 357 мужчин и 96 женщин. По национальности: 307 белорусов, 79 белорусов католиков, 53 поляка, 5 русских, 7 евреев и 2 других. По партийности: 6 коммунистов, 9 комсомольцев, 19 бывших членов КПЗБ, 419 беспартийных. По занимаемым должностям: 18 рабочих, 327 крестьян, 63 служащих, из которых 18 учителей, 20 колхозников, 2 кустаря, 1 врач.

Проведено 25 собраний по выдвижению и поддержке кандидатов в депутаты областного совета, на которых присутствовало 3750 человек. 170 собраний проведено по выдвижению кандидатов в депутаты в районные советы, на которых присутствовало 20 тысяч человек. 231 собрание проведено по выдвижению кандидатов в депутаты в городские и сельские советы, на которых присутствовало 14 тысяч человек. Проведено 5 окружных собраний по выдвижению

в областные и районные советы, на которых присутствовало 1900 человек.

Организован 51 агитколлектив с 461 агитатором. Организовано 545 кружков по изучению Конституции и организации выборов, в которых занималось 13700 человек» [63, с. 26-28].

К концу 1940 года народ уже прекрасно разобрался в том, какими методами и как проводит выборы советская власть. «Наглыми вылазками» большевики считали любое критическое высказывание в адрес советской власти или в отношении выдвигаемых властью кандидатов в депутаты. Кандидат не от власти — это враг, а в участковых избирательных комиссиях должны быть надёжные для власти люди. От народа требовали даже думать так, как того хотела власть. Инакомыслие считалось преступлением. Из докладной записки в Белостокский обком о подготовке к выборам в местные советы и отрицательных проявленияхы в связи с этим (на декабрь 1940 года):

«Житель деревни Шауличи Волковысского района Куликовский, агитируя против кандидатов, заявил: «За этих кандидатов голосовать не надо. Их выдвинул не народ, а райисполком. Советская власть в принудительном порядке заставляет народ участвовать в голосовании». Дано указание РО НКВД расследовать и Куликовского арестовать» [64, с. 228].

Вот вам и «самая демократическая в мире» сталинская Конституция.

Хотя кандидатами в депутаты выдвигали простых рабочих и крестьян, но и они должны были быть абсолютно «чистыми» перед советской властью. Хватало малейшего подозрения, чтобы не доверять человеку. Вспоминает Мария Иосифовна Стельмашенок, 1918 года рождения, жительница деревни Субочи Волковысского района, в то время работавшая на цемзаводе в Красном Селе:

«При первых Советах меня сделали стахановкой, мою фотокарточку повесили в красном уголке. На премию давали калоши или ещё что-нибудь такое. Когда проходили выборы в местные Советы, то меня на собрании выдвинули кандидатом в депутаты. Встаёт один хлопец, которого я до этого обидела тем, что сказала про него нехорошее своей подруге, с которой он встречался:

— Её нельзя! Она наших людей предавала! — каких людей, я не поняла, и все не поняли. Ошарашенная клеветой, поднялась и смогла сказать в ответ только одно слово: «Спасибо!». И села.

За меня даже не стали голосовать, ведь сразу тень подозрения пала. А тогда одного слова достаточно было, чтобы человеку не поверили. Боялись потому, что уже советская власть многих пересажала. Всю ночь после этого не могла уснуть. Сама написала объяснительную о том, что никого не предавала и отнесла на завод. Однако меня больше никто не вызывал. В депутаты выбрали другую дивчину — Веру, ту самую, с кем хлопец, оклеветавший меня, ходил. Но это, видно, судьба такая. Когда через год пришли немцы, эту Веру расстреляли как депутатку, а её хлопец пропал без вести. Я же вот до сих пор живу» [6|.

Вспоминает Франтишек Смолинский, бывший крестьянин и осадник из поселения Стахово гмины Свислочь Волковысского попета:

«Перед выборами каждую субботу организовывали митинги, на которые нас сгоняли в принудительном порядке. На митингах хвалились хорошей жизнью в СССР, а также страшили тех, кто не пойдёт голосовать. Во время голосования пришли ко мне домой, и проводили до самого места голосования, где заставили расписаться, дали карточку с именами кандидатов и под присмотром велели вбросить ее в урну» [5].

Вспоминает Антон Мелешко, крестьянин, бывший житель деревни Бобровники той же гмины Свислочь:

«На собрания собирали принудительно. На них агитаторы, приехавшие из России, агитировали за присоединение Западной Беларуси к Советам. Кандидатов на выборы власть назначала сама. Голосование происходило посредством бросания бланка в урну. Избирательная комиссия состояла из самих партийных. Голосовали также под принуждением, даже старые люди должны были донести бланк к урне» [5].

Вспоминает бывший машинист паровоза волковысского депо Казимир Дрозд:

«Предвыборная агитация происходила под террором оккупационных властей. Нередко в квартире избирателя появлялись вооружённые люди, приказывая явиться на выборы. Ко мне такие посетители приходили четыре раза. Списки избирателей составляли в здании бывшего магистрата специально подобранные люди, преимущественно не местные, никому неизвестные. Порядок внутри и снаружи магистрата, регулируя поток просителей, поддерживала милиция, если так можно назвать евреев, вооружённых карабинами.

Само голосование происходило на участках, на которые был поделен город. В избирательных комиссиях заседали незнакомые люди, большей частью евреи. Я голосовал в зале железнодорожного вокзала, на входе которого стояли НКВДисты и милиция. Комиссия вручала листок с именами кандидатов, назначенных советской властью. Урна в форме ящика стояла тут же на столе при комиссии. Если голосующий соглашался с кандидатурами, то сразу бросал бюллетень в урну, если нет — требовалось идти в открытую кабину, где под пристальным вниманием комиссии мог вписать своих кандидатов. Таким образом, голосование являлось большим обманом, произведённое с помощью террора над беззащитными людьми» [5].

Улица в Гродно в день выборов.
Надпись на плакате: «Няхай жыве вяя М правадыр, тварэц чапавечага шчасця, друг і настаушк, родны Сталт»

Вспоминает Мария-Элеонора Гардей, бывшая крестьянка и жена осадника из поселения Михайловка гмины Изабелин Волковысского повета:

«На предвыборные собрания и митинги заставляли являться принудительно. То же самое было и во время выборов. Тех, кто не хотел принимать участие в выборах, приводили туда посредством применения силы. К жене моего брата, которая по причине малого ребёнка не могла придти на выборы, да и сама не хотела голосовать, в 11 часов ночи пришла милиция и проводила её к урне для голосо-

вания. К старым родителям милиция приехала на подводе и привезла их на выборный участок» [5].

Вспоминает Антон Сыновей, бывший крестьянин деревни Масюки Волковысского повета:

«Перед выборами часто стали проводить собрания, на которые крестьян заставляли являться под разными угрозами. Ходили просто по домам и кого застанут на месте, в сопровождении представителей сельсовета доставляли на собрание. На собрании зачитывали фамилии кандидатов и их биографии. Почти всегда это были бывшие криминальные элементы. На собраниях всякий раз напоминали, что тот, кто не за советскую власть, тот против неё и является контрреволюционером. В каждый орган советской власти на одно место выдвигался только один кандидат. На собраниях, будь то избрание членов выборной комиссии, членов сельского правления или других каких-либо членов, голосование происходило поднятием рук. В тех случаях, когда «за» кандидат получал меньше голосов чем «против», к голосам «за» присоединялись те, кто воздерживался и кандидат получал требуемые голоса.

Голосование в день выборов происходило следующим способом. За одним столом выдавали бюллетени, а рядом возле того же стола стояла урна, куда их следовало опускать. Правда, была одна закрытая кабина в противоположном конце комнаты. Тот, кто решился пройти мимо урны для голосования и пойти с бюллетенем в кабину, сейчас же брался на заметку и в скором времени арестовывался или вывезен в ссылку. То же самое стало и с теми крестьянами, кто до выборов категорически отказывался посещать предвыборные собрания или что-то сказал на тех собраниях против кандидатов» [5].

Вспоминает Владислав Коловский, бывший работник мясокомбината в Волковыске:

«Когда были выборы в Верховный Совет, то в Волковыске организовали 7 выборных участков. От Волковыска был выдвинут кандидатом Крук. При голосовании каждому давали бюллетень, вложенный в конверт, который должен был тут же опустить в урну. Я спросил у члена комиссии: «Что там в конверте?». Мне ответили." «Всё в порядке!». Посмотрели, что я долго раздумываю, взяли у меня из рук конверт и сами вбросили в урну. Возле урны сидел НКВДист. Кто не приходил голосовать, за теми являлись домой, и приводили к месту голосования силою» [5].

Вспоминает Чеслав Дудко, бывший унтер-офицер, некоторое время после прихода Красной армии проживавший в Волковыске:

«В митингах больше всего принимали участие местные евреи. Позже стали организовывать три раза на неделю собрания, на которые заставляли приходить в принудительном порядке. Председательствовали на таких собраниях большей частью бывшие криминальные элементы, которые при Польше сидели за кражу, разбой и другие преступления. Советским органам они представлялись как пострадавшие за коммунистические взгляды и агитацию. На улице Згоды, на которой я проживал, поселился один из таких агитаторов, который отсидел за кражу коней в местечке Ружаны. Сам он родом из деревни Зеленевичи Волковысского повета. На собраниях рассказывал нам о сталинской конституции, о которой сам не имел ни малейшего понятия, тем самым показывая себя и советскую власть в клоунском виде. И таких «агитаторов» было много, а большинство из них к тому же были малограмотными.

Все голосующие заранее были разбиты на группы, за каждую из которых отвечал назначенный человек. В день голосования наш «агитатор» стал будить людей с нашей улицы в 2 часа ночи и отправлять на выборный участок, который размешался в Доме железнодорожников. Здесь под охраной НКВДистов и милиции был организован митинг, после которого в 6 часов утра началось голосование. После уточнения личности, выборщику давался бюллетень и тот проходил в другую комнату, где стояла урна. Весь путь от получения бюллетеня до его вбрасывания в урну прослеживался членами выборной комиссии, чтобы он в целости попал в урну. После голосования проходил в третью по счёту комнату, где были организованы танцы. Нашлись и такие, кто танцевал. Таким образом, голосование закончилось ещё утром» [5].

Когда выборные кампании закончились, народ вздохнул немного свободнее. Прекратилась лживая, лицемерная и осточертевшая всем агитация с принудительными митингами, собраниями, кружками. Предназначалась эта показуха с фальшивыми выборами прежде всего для западных стран. Демократией и свободным волеизъявлением народа Западной Беларуси здесь и не пахло. Да и избранные депутаты всех уровней фактически ничего в советах не могли решить, а только создавали декоративное оформление, так как ничего от воли депутатов при сталинском режиме не зависело.

С тех пор прошло много лет, но, как и тогда в депутаты в подавляющем большинстве случаев проходят только назначенцы от власти, а в избирательные комиссии всех уровней нынешняя «вертикаль» в Беларуси не допускает инакомыслящих. Разве что не арестовывают за критические высказывания.

9

ЛЕСОЗАГОТОВКИ

В дополнение к налогам советская власть навесила на крестьян различные трудовые повинности. Как при крепостном праве. Одной из таких повинностей в зимний сезон являлась заготовка и вывоз деловой древесины.

Леспромхоз в лице своего директора допустил в этом деле ряд ошибок, о чём 3 января 1940 года было сказано на обшем собрании волковысской уездной парторганизации:

«Имеют место факты произвола и вопиющей безответственности со стороны ряда руководящих товарищей нашей парторганизации, как то: председателя уисполкома тов. Ермака и директора леспромхоза тов. Шкирманкова. Надо было запретить порубку лесонасаждений, имеющих парниковый характер, порубку леса в местах водоохранного значения, порубку ценных пород деревьев. Надо было организовать снабжение населения лесом таким образом, чтобы выделить в соответствующих местах лесорубочные фонды, в которых можно было бы рубить крестьянам дрова и поделочный лес для своих нужд по разрешениям крестьянских комитетов. Вместо этого леспромхоз вообще запретил вырубку леса, где бы то ни было

и кому бы то ни было, лишив тем самым бедноту, середняка и батраков и даже погорельцев возможности приобрести лес.

Официальным распоряжением тов. Ермака, составленным тов. Шкирманковым, без согласования с уездным комитетом партии, было предложено немедленно изъять нарубленный лес у крестьян, составив протоколы, и продать этот лес, но только не тем, у кого он был изъят. Это провокационное головотяпское распоряжение было отменено только после вмешательства ЦК КП(б)Б и укома партии» [48, с. 102-115].

В результате директора леспромхоза Шкирманкова сместили с должности и заменили Тайбелем. Но это не помогло. 15 января 1940 года бюро укома КП(б)Б снова обсуждало вопрос «О ходе лесозаготовок и лесовывозке» и приняло следующее постановление:

«Бюро укома КП(б)Б отмечает совершенно нетерпимое состояние плана лесозаготовок и лесовывозки. На 15.01.40 г. квартальный план лесозаготовок выполнен всего лишь на 4,8 %, а лесовывозок — на 2,3 %. Создавшаяся угроза срыва выполнения плана усугубляется ещё и тем, что со стороны руководства леспромхоза до последнего времени не проявлено необходимой заботы и инициативы в деле вербовки лесорубов и возчиков. Они не снабжены необходимыми инструментами и техническими материалами. Отсутствует связь с крестьянскими комитетами, не мобилизован на выполнение плана аппарат леспромхоза, не до конца ликвидирован саботаж государственных лесозаготовок и лесовывозки со стороны находящихся в лесных организациях уезда враждебных элементов» [48, с. 16].

Однако улучшения в деле заготовки леса не наступили, поэтому 25 февраля Волковысское бюро РК КП(б)Б приняло очередное постановление:

«Бюро отмечает, что январский и февральский планы лесозаготовок и лесовывозки сорваны вследствие абсолютной неповоротливости леспромхоза и безобразного отношения руководства леспромхоза к организации лесовывозок и лесозаготовок. В целях организации массового выезда в лес лесорубов и возчиков и обеспечения выполнения плана командировать в сельсоветы партийно-комсомольский советский актив. Обязать директора леспромхоза Тайбеля в однодневный срок установить за каждым населённым пунктом лесосеки, командировать работников в леспромхоз для организации труда в лесу лесорубов и возчиков, ежедневно информировать райком о ходе лесозаготовок и лесовывозке» [48, с. 69].

К 5 марта план заготовки леса леспромхоз выполнил на 33 %, а весь Волковысский район только на 12 %. К тому же на складах, куда доставляли лес (Андреевичи, Россь и др.) создавались огромные очереди. Это приводило к тому, что крестьяне не сдавали лес на склады, а сбрасывали его где попало без всякого учёта со стороны приёмщиков, не получая никаких документов для оплаты за вывезенный лесоматериал.

10 марта на заседании бюро снова рассматривали данную проблему, а редактор районной газеты «Заря» Калеко обвинил директора лесхоза Яновича в саботаже:

> «Райком партии мобилизует буквально все силы на выполнение лесозаготовок и лесовывозки, с населением проведена и проводится огромнейшая работа на выполнение поставленной задачи, а лесоохрана по указанию Яновича сотни крестьянских подвод выгоняет из леса. Даже больше того, лесники отнимают у приехавших на лесозаготовки крестьян топоры и пилы. Допущенная Яновичем практика является, безусловно, антипартийной, создала у населения целый ряд недовольств и отрицательных настроений. За допущенные безобразия Янович подлежит серьёзному партийному взысканию».

Председатель райисполкома Дашук также прошёлся по Яновичу:

> «Поступок директора лесхоза Яновича граничит с прямым преступлением. Яновичу были даны указания самому выехать на участок и отменить установку, данную им на совещании лесников. Однако и этого Янович не выполнил» [48, с. 80].

Наконец дали слово в своё оправдание и самому Яновичу:

> «Здесь говорили, что на совещании работников лесоохраны я дал установку лесникам гнать крестьян из леса. Это неверно. На совещании я проработал вопросы, касающиеся лесхоза, а по части недопущения самовольных порубок действительно разбирали присланную из областного управления лесоохраны и лесонасаждений инструкцию, в которой прямо сказано: «При неимении лесорубочного билета к рубке лесов не допускать кого бы то ни было. Что же касается отнятия у крестьян топоров и пил, то такой установки я не давал, однако факты изъятия топоров и пил были, но как только мне об этом стало известно, я распорядился всё возвратить» [48, с. 82].

Бюро постановило объявить Тайбелю выговор. Рассматривая действия Яновича и подчинённой ему лесоохраны как явно антигосударственные, искажающие и порочащие политику партии и советской власти в Западной Беларуси, поручить районному прокурору произвести следствие по фактам задержки отвода лесосек и издевательского отношения к крестьянам, после чего решить вопрос в бюро РК КП(б)Б [48, с. 83].

Крестьяне на лесозаготовке

Как видим, вопросу заготовки леса придавалось серьезное значение. Почему большевики ухватились за беларуские леса, если в России на лесоповалах трудились сотни тысяч заключённых — бесплатной рабочей силы? Так-то оно так, но доставка леса к месту назначения обходилась «в копеечку». А здесь рядом Украина — туда в шахты лес для крепления угольных забоев ой как нужен! Рядом и граница — в Западную Европу деловой лес тоже требуется, в обмен на валюту. Это потом главным источником поступления валюты в СССР станут продажа нефти и газа, а тогда это был лес. Вот и начался самый настоящий грабёж лесного богатства. Так поступать могли только оккупанты. Видно и лесникам, во главе с директором лесхоза Яновичем, видеть столь варварское отношение клесу было невыносимо, а потому через соблюдение своих профессиональных инструкций они всячески препятствовали уничтожению леса.

Вспоминает житель Волковыска Ян Карлович Былинский:

«Сколько советы спилили за два предвоенных года нашего леса — уму непостижимо. Вся территория напротив городского топливного склада и до самого литейного завода была завалена отборной древесиной, которую круглыми сутками грузили здесь же в вагоны. Лесом были завалены все станции вокруг — Свислочь, Россь, Мосты. Брёвна лежали в десять накатов — сосны, ели, дубы. Никогда до этого лес не вывозили таким варварским способом, как при первых Советах. Когда немцы начали бомбить Волковыск, то те из жителей, кто имел силу и коня, бросились вывозить заготовленный к отправке лес со станции к себе домой, особенно те, у кого погорели дома.

По дороге на деревню Кремяница, не доезжая деревни Пасеки, росли огромные многовековые дубы, считавшиеся памятником природы. Во время оккупации, в Первую мировую войну, их даже немцы пожалели трогать. Советы вырезали дубы под корень до единого дерева. На оставшихся пнях можно было танцевать трём парам. Все эти два года через Волковыск днём и ночью на Германию шли эшелоны с добром — листовая сталь, железные прутья, медь и алюминий в болванках, чугунные чушки, уголь, доски и бруски разных размеров. Стройматериалы из дерева в торце покрывались слоем замазки, чтобы не рассыхались и не трескались. Гнали эшелоны с мукой, зерном. В цистернах везли спирт и патоку с сахарных заводов. Когда немец напал, то многие эшелоны с добром остались стоять на станции» [6].

Брёвна вывозили не только по железной дороге, но и сплавляли по реке Россь и далее по Неману. С началом войны жители деревень, расположенных вдоль рек, тоже смогли обеспечить себя строительным лесом. Дикое, грабительское отношение к природным ресурсам помнят многие старожилы. Вспоминает бывший житель Волковысского района, ныне гражданин Польши, Павел Сезеневский:

«На новых территориях советская власть принялась за настоящий грабёж. Вырезались и вывозились государственные и бывшие частные леса. К работе в лесу принуждали местное население без оглядки на то, имел ли кто чем работать. Нормы страшно завышались. На такой каторжной работе люди гробили своё здоровье, коней и инвентарь. Надо было ездить по 20—30 км в леса в районе Росси, Волковыска и другие места» |7].

Вспоминает житель деревни Бердики, Волковысского района Генрик Михайлович Бовжик, 1915 года рождения:

«На вывозку леса гоняли даже в «свято». В декабре 1940 г. я две недели уже отработал в лесу, ночуя всё это время в Волковыске. 24 декабря приехали с соседями домой в деревню, чтобы отпраздновать Рождество, а вслед за нами из Волковыска примчался представитель из райисполкома по фамилии Сорокин. Тут же согнал всех жителей деревни на собрание, на котором потребовал с завтрашнего утра продолжить заготовку леса. Мы давай проситься, мол, сегодня только приехали с тяжёлых работ, дайте отдохнуть людям и коням. Никакого послабления, пришлось ехать.

Лес вывозили исключительно на крестьянских лошадях

Лес вывозили из пуши на станцию Свислочь, из Замкового и Изабелинского леса на станцию Волковыск. Дневную норму вывозки назначали, смотря по коню: у кого хороший конь, то требовалось вывезти 15—20 кубов. Для отчёта начальству на месте сдачи леса давали квитанцию. Лес мы вывозили в зимний сезон, а летом Советы назначали другую повинность: работу на строительстве дорог. За летний сезон я должен был отработать 18 дней, из них 6 дней начислялись за коня и по шесть дней на трудоспособных членов семьи. А ведь у меня дома работы по хозяйству хватало, но это советских панов мало волновало. Тем не менее, налог с единоличного сельского хозяйства брали сполна и скидки не давали» [6].

За невыполнение плана по вывозке леса крестьянину грозила судебная расправа. Вспоминает жительница деревни Хоружево Гриневецкая (Юшкевич) Станислава Вацловна, 1925 года рождения:

«При первых Советах давали план в кубометрах по вывозке леса. Мужчинам в лесу помогали и женщины, ведь кто не выполнял план, то грозили отдать под суд. И это были не пустые угрозы — одного мужчину с соседней деревни Дубровники по фамилии Ягельницкий арестовали и выслали в Сибирь, откуда он домой уже не возвратился» [6].

Из воспоминаний Яна Виленца:

«Те, кто не имели коней, работали в лесу. Те, кто имел коней, должны были вывозить брёвна и толстые сучья на железнодорожную станцию в Зельву. Каждый хозяин получал в сельсовете задание. Я должен был вывезти 42 кубических метра. За один раз мог уложить на сани только около одного кубического метра, так что выполнить всё задание мог за 50 «днёвок». Причём грузить на сани брёвна должен был сам. В лес выезжал затемно и приезжал домой в темноте.

Каждый работник имел своего опекуна, который каждый день следил за выполнением нормы. Зима стояла очень морозная, а в феврале мороз достигал 30 градусов. Наш опекун приходил к каждому в дом и выгонял на работу, не однажды угрожая наганом. Сердце болело, глядя, как сталинские рабы уничтожали наш красивый лес. Такой ценный пиломатериал целыми колонами саней и подвод вывозили на станцию, где складывали в большие штабеля. Целое поле вокруг станции было завалено лесом. Кому и для чего он был нужен? Наверное, для того, чтобы уничтожить наше народное богатство, так как Советы на наших территориях чувствовали себя неуверенно.

Брёвна от коры не очищали, а когда пришла весна, то дерево начало париться и гнить. Так лес и остался лежать до прихода немцев в июне 1941 г. Не знаю, что Советы хотели сделать с тем лесом, но их намерениям помешали немцы. Материальные потери, людской труд и потраченное здоровье оказались напрасными. Хотя людям за этот рабский труд платили очень мало, но всё равно это были деньги, выброшенные на ветер» [11].

Вопрос о ходе лесозаготовок партийные органы держали на постоянном контроле. Из резолюции собрания Волковысскои парторганизации 8 февраля 1941 года:

«Заслушав доклад директора леспромхоза тов. Тайбеля о ходе лесозаготовок и лесовывозке по району за 1-й квартал 1941 г., бюро РК КП(б)Б отмечает, что Волковысский и Росский лесоучастки к выполнению плана 1 -го квартала не подготовились. С начала введения платного трудгужа (трудовая гужевая повинность — *Н.Б.)* населением с 28.1.41 по 5.2.41 заготовлено лесоматериала 7197 куб. м, что составляет 11,9 % при плане 60 тысяч» (651.

Факт вопиющей бесхозяйственности в отношении срубленного леса привёл 13 марта 1941 года на собрании Волковысского партактива новый директор леспромхоза Сыпов:

«В 1940 г. мы недодали государству сотни тысяч кубов леса. Это говорит за то, что мы не контролировали свои указания. Я возьму такой пример. У нас 8 тысяч кубов сплава засохло на маленькой речушке Колонке Свислочского района» [66, с. 2).

А ещё Советы обязали крестьян строить многочисленные аэродромы. Вспоминает Ян Виленеи:

Крестьяне на заготовке леса

«Зима закончилась, настала весна 1941 г. С трудом выполнил назначенную к вывозке норму леса, а тут получил новое задание: собирать и вывозить камни на строительство аэродрома на поле возле деревни Горно. Такое же задание получили все хозяева, "кто имел коня. Каждый возница имел над собой «ангела-сторожа», который следил за ним. Надо мной стоял какой-то сморкач из комсомола, каждый день утром приходящий за мной из деревни Каролино. Вёл себя по-хамски и грубым матом приказывал выезжать на работу.

Ещё в старые времена собранные с полей камни укладывали в кучи, прозванные в народе «крушнями», и которых возле наших полей набралось довольно много. Сейчас же они тайным образом исчезли. Оказалось, что крестьяне из-за реки Зельвянка приезжали ранним утром и крали камни, так как с их полей было далеко везти. Зато аэродром оголил окрестные поля от камней, и теперь надо было собирать камни по лесам, иначе за неисполнение нормы вывозки камней грозило наказание. (...) Весна уже была в разгаре, и надо было начинать полевые работы по хозяйству, а я должен был свозить проклятые камни. Выезжал на своё поле ещё ночью и работал до утра» [11].

РАЗВАЛ ТОРГОВЛИ

Сразу после вступления войск Красной армии в Западную Беларусь сюда к многочисленным советским командирам начали прибывать их семьи. Командиров с семьями подселяли в дома местных жителей. Иных, не дожидаясь официальной реквизиции, заселяли в дома, отобранные у богатых людей или в отобранные комнаты («излишки жилплощади»).

Новые хозяева не ожидали увидеть полные товаров магазины и лавки, богатые базары, мощеные дороги в местечках и деревнях. Образ нищего края, который внушала им советская пропаганда, мгновенно улетучился. Первым делом, что предприняли в Волковыске «освободители» и их жёны, стали походы в богатые товарами частные магазины. В это время в стране Советов, где, как внушала советская пропаганда, «всё для человека и ради человека», малочисленные по ассортименту товары народного потребления отпускались по карточкам. О том, что товаров повседневного спроса не хватало даже в самой Москве, жаловался в своём письме 19 декабря 1939 года председателю Совета народных комиссаров В.М. Молотову житель Москвы некий С. Абуладзе:

«Уважаемый Вячеслав Михайлович! Опять чья-то преступная лапа расстроила снабжение Москвы. Снова очереди с ночи за жирами, пропал картофель, совсем нет рыбы. На рынке все есть, но тоже мало и по четверной иене. Что касается ширпотреба, то в бесконечных очередях стоят все больше неработающие люди, какие-то кремневые дяди и дворники, ранние уборщицы или незанятые. Сейчас — колхозники, которые часто складывают купленое в сундуки как валюту. Как быть служащему человеку? У нас нет времени часами стоять в очередях или платить бешеные цены на рынке. Вячеслав Михайлович! Неужели нельзя урегулировать снабжение продовольствием и ширпотребом? Просим Вас как нашего депутата содействовать ликвидации всяких махинаций и бескультурья в снабжении, ведь очереди развивают в людях самые плохие качества: зависть, злобу, грубость, и изматывают людям душу» [67].

Даже в Москве не хватало основных видов продуктов питания, но советская пресса твердила о голодающих западных беларусах. Из воспоминаний Яна Виленца:

«Проживал у нас на квартире старший командир, который вызвал из Москвы к себе жену. Когда она должна была приехать, то попросил меня поехать на бричке вместе с ним на станцию в Зельву. Однако ни в этот день, ни на другой она не приехала. Встретили её только на третий день. Муж сделал ей нагоняй, на что жена объяснила причину своего опоздания. В их район завезли на продажу картофель, и ей пришлось два раза становиться за ним в очередь. Этот картофель она привезла с собою, чтобы было чем питаться. Он обругал жену: «Глупая ты баба! Столько времени потеряла в очереди за картошкой, а здесь больше яиц, чем твоей картошки! Когда тебя в деревне люди увидят с этой картошкой, то будут смеяться!». По-русски выругался, схватил обе сетки с картошкой и высыпал за забор. Сели мы на мою бричку и вместе поехали домой» [11J.

В Западной Беларуси «освободителей» поразило изобилие товаров в магазинах, и потому они скупали всё подряд. Солдаты и командиры перед «освободительным походом» получили жалованье за три месяца вперёд, а новая власть приравняла рубль к злотому. Так что покупать товары в магазинах было за что. Рассказывает Ян Карлович Был и некий:

«Денег у командиров хватало. Там, в Восточной Беларуси, купить особо было нечего, всё распределялось по талонам, а здесь всё свободно. Евреи в магазинах почему-то при расчёте предпочитали советские деньги только крупными купюрами с портретом Ленина.

Мелочь брать не хотели. Мой отец зашёл к еврею в обувной магазин, где стал свидетелем следующей картины. Заходят два красных командира купить сапоги. Кроме сапог, выбрали и кожу с подмётками для пошива. Спрашивают: «Сколько?» Услышав цену, очень удивились, что так дёшево.

— А вы не могли бы ешё по паре нам продать? — попросили у продавца.

— Да хоть всё берите, товарищи командиры! — в свою очередь удивился еврей.

Вскоре прилавки магазинов начали пустеть. Товару уже неоткуда было пополняться, да и евреи поняли: что-то здесь не то. Стали набавлять цену, а потом и вовсе товар припрятывать. Военные же сами набрались всего для личных нужд, а потом давай посылками вещи отсылать на родину своей родне. Агентура начала ходить по домам и искать, где можно купить спрятанный товар. Поэтому, чтобы купить стоящий товар, стал внедряться блат и протеже, чего раньше при поляках никогда не было» |6].

Из воспоминаний Яна Виленца:

«Большевики, как только заняли Волковыск, вели себя пристойно. Велели открыть магазины, рестораны и даже некоторые учреждения. (...) Между тем евреи открыли свои «гешефты», в которых 90 % покупателей были клиенты с востока. Покупали всё, что было в магазинах. Евреи, и не только они, очистили свои магазины от залежалых товаров, которые находились у них ещё с Первой мировой войны. Некоторые командиры очень заинтересовались бюстгальтерами и спрашивали у продавца, что это такое. Когда узнавали, для чего они служат, то покупали этот товар дюжинами и отсылали в Россию. Вообще, всё, что годами лежало в магазине, теперь перекочевало в мешки красноармейцев.

После занятия наших территорий большевики объявили, что злотый приравнивается к рублю, хотя перед войной за российский рубль давали 7-8 грошей. Евреи продавали свои товары советским солдатам по двойной и даже по тройной цене в сравнении с предвоенными ценами. Но даже и в этом случае они были гораздо ниже рыночных цен в Советском Союзе. Но военные имели много рублей и покупали не торгуясь.

Все рестораны были переполнены русскими командирами. Когда к моему столику в ресторане Кротовича подсело несколько русских командиров, то, увидев на стене рекламу пивных заводов, спросили у меня что это за картинки. Когда растолковал им, то все

они сделали удивлённые лица, ответив, что у нас странные обычаи: у них бы и так всё пиво было бы выпито, только бы было» [11].

Вспоминает Иосиф Петрович Пивоварчик из деревни Ятвезь Волковысского района:

Торговые ряды в виде буквы «П» в центре Волковыска. Здесь было 76 лавок. Сгорели в июне 1941 г. во время бомбардировок города

«Командирские жёны, многие из которых были из крестьянских семей и, конечно же, не могли знать элементарных вещей, покупали ночные сорочки и ходили в них днём по городу. Часто в таком убранстве: в кирзовых сапогах, красном берете и новой сорочке. Местные жители смеялись с такой моды, но вскоре приезжие приспособились к новой культуре. Одна восточница откровенно рассказывала свои впечатления об увиденной жизни в Западной Беларуси: «Нам в Советском Союзе говорили, что у вас паны на мужиках пашут, а когда в городе увидели хорошо одетых и под шляпами простых жителей, то удивились — оказывается, у вас все паны. Дурили нам головы, сволочи!» [6].

То же самое происходило и в местечке Свислочь. Из воспоминаний бывшего учащегося Свислочской гимназии Станислава Бабиньского:

«По приказанию ревкома все магазины должны были быть открыты. Злотый сравняли с рублём, и в магазинах были обязаны принимать обе валюты. Такой высокий курс рубля был очень выгоден для владельцев рублей, среди которых большую часть составляли

военные и прибывающие советские и партийные функционеры. Вскоре в магазинах всё раскупили, и они закрылись. Милиция обыскивала дома владельцев магазинов в поисках укрытых товаров. Через некоторое время открылось два так называемых магазина — один торговал керосином и солью, а второй — другими материалами. Керосин с солью появлялись лишь иногда, что видно было по возникшим длинным очередям. Другие товары появлялись так же редко и ограничивались табаком, спичками, папиросами и мылом. Но и их всегда не хватало для всех стоящих в очередях» [25, с. 301.

Ещё одно подобное свидетельство Иосифа Петровича Пивоварчика:

> «Как только в Волковыске восточники принялись сметать всё с магазинных полок, евреи подняли цену на товары на 25 %. Местные люди не привыкли к таким скачкам цен. Вначале при Советах ещё ходили польские злотые, но евреи брали злотовки в основном в серебряных монетах.
>
> — Купи! — предлагали клиенту товар продавцы. — Завтра этого не будет!
>
> — Что ты ерунду говоришь! — возражали некоторые из жителей, ожидавшие с приходом Советов улучшения жизни. — Говно твой товар! Скоро из Москвы лучший привезут!» [6].

Однако из Москвы товары для населения не поступали, а пока государственные магазины обеспечивались товарами из польских запасов, захваченных Красной армией. Вспоминает житель Волковыска Евгений Степанович Крук:

> «Через отдел труда меня отправили сортировать трофейные вещи, которые привозили с польских складов в Волковыск советские военные. На станции разгружали из вагонов и доставляли на территорию воинской части различную одежду, в том числе и польское военное обмундирование. Отсюда полные повозки с одеждой развозили по деревням. Когда я пришёл, на складе всё было перевёрнуто вверх дном. Даже пару ботинок трудно стало скомплектовать. Комком берёшь одежду и закидываешь в повозку. Никакого порядка» |61.

Из сохранившегося документа Подоросского волостного комитета следует, что для получения такого товара на местах составляли списки бедняков, кому следовало выдать дармовые вещи. Список так и назывался: «Списки бедных для раздачи одежды». В списке

из Подоросской волости значилось 40 фамилий [39]. Следует сказать, что на всю волость это совсем немного.

Но буквально через пару месяцев, когда истощились запасы польских складов, в сельских магазинах, как и в городских, появились очереди, о которых местное население давно забыло. Товары перестали быть постоянными, их теперь «выбрасывали» в редкие дни. Вспоминает житель деревни Ятвезь Волковысского района, бывший железнодорожник Чеслав Викентьевич Подгурский, 1925 года рождения:

> «При первых Советах товар с магазинных прилавков исчез. За мануфактурой среди ночи в очередь надо было становиться. Даже за водкой и той образовались очереди. Выходит иной раз продавец и предлагает:
>
> — Кто выпьет пол-литра сразу из горлышка, отпущу без очереди! — это ради развлечения. Находились желающие, выпивали.
>
> Возле очередей шныряли «стукачи» и слушали разговоры. Если кто-то возмущался или критиковал новую власть — брали под руку и предлагали:
>
> — Пройдёмте со мной! — и отводили в НКВД. Там за «клевету» на советскую власть отправляли к «белым медведям». Сам наблюдал такую картину, когда стоял в очереди за солью. На базаре один мужчина продавал часы. Покупатель спрашивает:
>
> — Какие?
>
> — Советские!
>
> — Говно значит! — тут же к нему подошёл переодетый в гражданское НКВДист.
>
> — Пройдёмте! — парень оказался не робкого десятка, двинул шпику кулаком по морде, да и был таков» [6].

Из воспоминаний Яна Виленца:

> «Когда в 1939 г. были раскуплены все товары, а еврейские магазины оказались закрытыми, то только в советских магазинах можно было иногда что-то купить. Когда в них появлялся товар, то сразу создавались очереди из желающих купить хоть что-нибудь. Отстоявши в очереди, можно было купить столько товара, сколько давали, а не сколько нужно: одну пачку сигарет, две селёдки и т.д. Если нужно было больше, то следовало опять становиться в очередь. Однажды увидел в очереди женщин, приехавших с мужьями с востока. Стояли с пустыми горшками в руках. Спросил, что будут продавать.
>
> — Горчицу! — ответили они.
>
> — А для чего у вас такая большая тара?

— Чтобы взять про запас, а то следующий раз её будут продавать неизвестно когда.

Это у них из опыта жизни в Советском Союзе.

Часто люди даже не знали, какой товар будут продавать. Обычно спрашивали про это у стоявших в очереди. Мой коллега Яхимович очень любил подшутить над кем-либо. В один из дней перед ещё закрытым магазином он встал в очередь и попросил меня и другого коллегу по фамилии Сорока, чтобы стали за ним. Через минуту какой-то прохожий спросил, что будут давать. Яхимович быстро ответил: «Кожу на подмётки!» и тот стал за Сорокой. Очередь всё росла. Вскоре Яхимович обернулся ко мне и сказал, что на минуту отойдёт. За ним ушли и мы с Сорокою. Каждый из нас стал в стороне и стал ожидать развития событий.

Очередь росла как на дрожжах, и собралось около 80 человек. К очереди подошёл милиционер и спросил за чем она стоит. Когда узнал о коже, то ответил: «Вы глупцы! Здесь никто не будет продавать кожу для подошвы!». Толпа в ответ загудела: «Ты обманщик, будут продавать, мы хорошо знаем!». Милиционер разозлился и крикнул: «Разойтись!» и снял с плеча винтовку со штыком с намерением применить оружие. Люди неохотно начали расходиться. Как только страж порядка отошёл, очередь снова собралась. Смешное и вместе с тем грустное было зрелище» 111].

Дефицит товаров вызывал злоупотребления новой власти в области торговли. Так 18 ноября 1939 года интендант 3-го ранга одной из воинских частей, расположенных в Барановичах, написал докладную записку об искажении политики партии в Западной Беларуси, которую отправил в ЦК ВКП(б):

«Принимая участие в освобождении Западной Белоруссии от панского ига, и как лучший оставленный в кадрах РККА, я прошу, во-первых, верить мне в том, что я пишу.

В Западной Белоруссии врагами революции искажается политика нашей партии. Необходимо принять срочные меры. В частности, нужно использовать партийных и непартийных большевиков армейских частей, расположенных в Западной Белоруссии.

1. Крестьяне поголовно вырезывают скот, что напоминает момент начала коллективизации и кулацкого разгула.

2. Местные власти творят безобразия: выселяют из квартир, насильно уплотняют даже тех, которых вообще по нормам не следует уплотнять.

3. Местное управление в Слониме проводит повальные обыски и забирает различные товары.

4. Агитация среди мелкой буржуазии проводится путём запугивания и угроз.

5. Некто Иоффе (выдаёт себя за торгового комиссара) набирает в магазинах полные машины товара, заявляя, что ему ещё дано право реквизиции, но он всё же «милосердно» соглашается платить по своим ценам.

...7. Все заняты куплей вещей. От этого всюду только и разговоров как бы чего достать.

8. Местное управление устраивает кооператив для своих сотрудников, которые форменным образом за бесценок приобретают имущество, принадлежащее государству (от бежавшей буржуазии).

9. Обложение местных торговцев бессистемно и требует немедленного вмешательства компетентных лиц.

10. Из маленьких лавчонок выселяют бедняков, имевших на 3 копейки товара, а работы пока предоставить не могут» [32, с. 60].

Центральная улица Волковыска.
До Советов здесь в каждом доме был магазин, полный товаров

Исчезновение с прилавков товаров породило спекуляцию, для ликвидации которой 25 ноября 1939 года Временное Управление по Белостокской области издало постановление № 8 «О мерах борьбы со спекуляцией», состоявшее из 10 пунктов. Предписывалось запретить ведение торговли на улицах и в квартирах, отвести при этом для торговли с рук специальные места. В каждом магазине должен

был вывешен прейскурант и ценник товаров. При установлении факта сокрытия товаров, товары конфисковать, а виновных привлекать к суду. Все торгующие организации и владельцы магазинов должны иметь свидетельства-патенты, а торгующие с рук — регистрационные свидетельства, выдаваемые финансовыми органами [15, с. 17-18].

Между тем 8 декабря 1939 года появилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О переходе на советскую валюту на территории Западной Украины и Западной Белоруссии». Из постановления вытекало, что с 11 декабря все выплаты следует производить только советскими деньгами, а с 21 декабря хождение польского злотого прекращается вовсе. Перерасчёт злотых на советские рубли производился по ранее установленному курсу — 1 злотый равнялся 1 рублю. Постановление также указывало произвести обмен денежных вкладов, содержащихся до этого в банках и сберегательных кассах в злотых, причём обмену подлежала сумма, не превышающая 300 злотых [32, с. 88].

Задачу снабжения населения товарами первой необходимости решить советской власти никак не удавалось. И когда люди начали получать заработную плату, оказалось, что её не на что тратить. К началу 1940 года стало ясно, что советская торговая система окончательно потерпела крах. И вот 25 января 1940 года острый вопрос выносится на заседание Волковысского партбюро:

> «Бюро укома КП(б)Б отмечает, что потребсоюз в лице тов. Мисюли и горпищепромторг в лице тов. Альперовича не выполнили решение уездного партийного собрания от 3 января 1940 г. по вопросу развёртывания и улучшения торговли по уезду и городу. До сего времени не оборудованы имеющиеся магазины и ларьки, не созданы в них условия для культурной советской торговли. Магазины не обеспечены нужным ассортиментом товаров, имеющихся в недостаточном количестве. Особенно плохо поставлена торговля хлебобулочными изделиями и не организована мясная и мучная торговля. Ряд магазинов торгует с перебоями из-за нераспорядительности и отсутствия контроля за их работой. Многие магазины находятся в антисанитарном состоянии и не отапливаются. Существует дальнейшая практика отпуска товаров частным лицам по запискам из баз и магазинов.
>
> Штаты торговой сети горпищепромторга и потребкооперации засорены классово-чуждым элементом. Товарищи Альперович и Мисюля, вместо того, чтобы выполнить решения укома партии об очистке торгового аппарата от классово-чуждых элементов, про-

должают его засорять. Они принимают на работу без ведома отдела труда разных непроверенных лиц. В результате в штате горпищепромторга и кооперации имеются бывшие хозяева крупных магазинов, крупные предприниматели, кулаки и руководители местных националистических организаций, буржуазных и контрреволюционных партий.

До сего времени в ресторане и столовой горпищепромторга обслуживающий персонал не переведён на сдельную работу и раздут их штат, что удорожает себестоимость обедов. Не наведён порядок в общественном питании. В столовых царит бескультурье, как по горпищепромторгу, так и по потребкооперации, исключительно плохо организованы заготовки продуктов, особенно овощей» |48, с. 23].

Впрочем, такие рвачи, как председатель райпотребсоюза Мисюля, в первую очередь заботились о своём благополучии. Из анализа обстановки на территории Западной Беларуси, в качестве оперативной сводки № 56 направленной главой НКВД БССР Л. Цанавой в Москву 11 ноября 1939 года:

«Члены временной администрации: Юшпе, заместитель отдела торговли Мисюля и другие рядовые сотрудники посвящают очень много времени обеспечению самих себя разными товарами. Стараются при этом, чтобы всё выглядело пристойно и не бросалось в глаза. Мисюля договорился с солидным купцом из Волковыска Замостянским о поставке товаров для сотрудников временной администрации. Легкомысленно воспользовавшись оказанным ему доверием и пользуясь списком, составленным Мисюлей, купец собирал эти товары почти у всех купцов в городе. Согласно этому списку, указанные в нём сотрудники временной администрации приходили за товарами не в магазин, а на дом к Замостянскому. Из 14 человек, взявших товар, заплатил только один, так как якобы заплатить должен за всех Мисюля со средств временной администрации, а потом высчитать с их зарплаты».

(Ай да Мисюля! Как читатель думает? Неужели советские бюрократы отдали долги польскому торговцу? Очень сомнительно! Тем более, что дни частной торговли были уже сочтены. — *Н.Б.)*

Далее сводка сообщает:

«В связи с бросающейся в глаза закупкой товаров сотрудниками временной администрации, на адрес одного из них — Юшпе, пришло анонимное письмо следующего содержания: «Товарищ Юшпе! Если вы не наведёте порядки в текстильных магазинах, то опубли-

кую, «раструблю», что брали взятку от П. Шура в виде материала на три костюма и потому молчите, а он наживает миллионы». Подпись — «Работник». П. Шур — известный торговец в Волковыске» [28, с. 350].

Представители новой власти спешно обогащались. О таких говорят: прилетела саранча из голодного края. Так оно и было на самом деле. Но что примечательно. Несмотря на то, что Мисюля, воспользовавшись моментом и своим положением, в первую очередь набивал добром закрома себе и своим друзьям, наказания не последовало. Видимо, в этом списке состояла вся новая власть, и на самом «верху» отнеслись к ситуации с пониманием. Снимут его с работы только в 1941 году, да и то за развал торговли. Так ведь развалили сначала польскую торговлю, а советскую до начала войны так и не наладили.

Пустые прилавки в магазине были типичны для советской торговли

Опять на районном партийном собрании принимается постановление из 11 пунктов. Но по-прежнему не смотрят в корень. Сто раз нрав был небезызвестный профессор Преображенский из булгаковского «Собачьего сердца» — разруха сидит не в клозетах, а в головах. Только благодаря большевистскому правлению в Западной Беларуси появились пустые прилавки. А власть всё искала виновных среди «классово-чуждых элементов». Уж чего, а хлеба при Польше хватало, но при новой власти даже с хлебом возникли острые проблемы. Вспоминает житель местечка Россь Вацлав Стах:

«Первые месяцы 1940 г. стали для жителей трудными не только из-за начавшихся депортаций, но и в связи с пропажей в магазинах основных продуктов питания. Не хватало не только продуктов животноводства, но самого необходимого — хлеба. Часто с друзьями

ездили поездом из Росси в Волковыск по хлеб, где с вещевыми мешками за плечами ходили от магазина к магазину, выстаивая длинные очереди. Продавали на руки только по одной буханке на человека. Загруженные 8-10 хлебами, вечером возвращались назад в Россь» [8].

К автору данной книги попал любопытный документ, убедительно показывающий несостоятельность советской торговли. Это справка от 23 марта 1940 года, выданная заместителем директора средней польской школы в Волковыске Я. Блюменфельдом, в коэрой сказано:

«Сим удостоверяю, что Даукша Ядвига является ученицей польской средней школы и прошу продать ей новые ботинки» [39].

Если для покупки простой обуви требовалось ходатайство директора школы, нетрудно представить нищету ассортимента советской торговли.

Несколько подобных документов сохранилось в архиве Подоросского волостного комитета. Так, председатель крестьянского комитета (подпись неразборчива) вместе с членами этого комитета М. Блажевичем, О. Давыдиком и Дубровским 24 ноября 1939 г. составили список из 36 человек, озаглавленный «Список людей деревни Голышки, которые нуждаются в брючном материале разного качества» [39].

Второй список из 10 человек на получение соли составлен в деревне Конюхи.

Керосин вообще стал недоступен простым людям, а выдавался только в качестве вознаграждения:

«Товарищу председателю волостного комитета. Седельницкий комитет просит отпустить обещанный керосин для людей, которые ездили в Волковыск с красным обозом. Список людей товарищ Предко составил в Волковыске на 13 человек, поэтому следует выдать 13 литров. Ещё комитет просит выдать 3 литра керосина для комитета. Секретарь Седельниикого комитета П. Бриш» [39].

Керосин, как известно, в деревнях использовался для заправки осветительных ламп. Так что крестьянам с приходом Советов вновь, как в старые времена, пришлось освещать своё жильё лучинами.

Подобная ситуация с дефицитом товаров народного потребления сложилась и в ближайшем городке бывшего Волковысского повета — Свислочи. Из воспоминаний бывшего жителя Свислочи Эммануэля Голдберга:

«Во время собрания рабочих местных кожевенных заводов, я был заочно избран общественным контролёром от них. Я должен был контролировать законное распределение всех товаров, отгружаемых из складов города. Это было важное и ответственное задание, поскольку товаров было крайне недостаточно. Я отнёсся к назначению серьёзно, прилагая все усилия оправдать доверие тех, кто выбирал меня. Я взял с собой профессионального бухгалтера и отправился вместе с ним, чтобы осмотреть главный склад, куда поступала галантерея и откуда она распределялась по магазинам. Здесь я увидел, что прежде чем отгрузить на магазин товары, в них рылись разные должностные лица, включая и сотрудников райкома партии. Они брали понравившиеся им товары и только после этого остатки отправлялись по магазинам. Складской работник, местный человек, не мог запретить им делать это, и закрыть двери склада для партийных вельмож. Я понял следующее: если я не вмешаюсь в это безобразие, то стану таким, как они. С другой стороны я понимал, что никакие мои действия не переломят сложившуюся систему, и если я вмешаюсь, то они сотрут меня в порошок. Единственным выходом в данной ситуации было уйти в отставку. Написав заявление об освобождении меня от должности контролёра, я пошёл в райком партии. Секретарь пробовал отговорить меня от отставки, но напрасно. Тогда он отказался принять моё заявление, сказав, что отстранить меня от должности имеют право только те, кто избрал меня на эту работу. Я оставил своё заявление на столе и ушел» [9].

На создавшемся продуктовом дефиците грели руки многие местные дельцы. Из докладной записки первому секретарю Белостокского обкома КП(б)Б Игаеву о состоянии торговли по городу Белостоку и Белостокской области на 25 августа 1940 г.:

«В Волковысском районе арестованы Соловицкий Моисей Абрамович, 1909 г. рождения, уроженец и житель города Волковыска, бывший торговец, ныне завскладом горпищепромторга; Бельвильский Ельяш Оронович, 1913 г. рождения, уроженец и житель города Волковыска, бывший торговец, ныне завскладом горпищепромторга; Гофан Арон, работник склада, которые установили связь с владельцем частной лавки Рубиновичем. Перечисленные лица занимались хищением со склада горпищепромторга остродефицитных продуктов: сахара, жиров, круп, чая, мыла и др. предметов. Передавали их Рубиновичу, а последний через свою лавку продавал по высоко спекулятивным ценам. При обыске у него изъято 4 пуда разных жиров, 82 пачки грузинского чая, около 5 пудов крупы и такое же количество сахара, муки и других продуктов» [64, с. 77].

Из данного документа следует, что дефицитом являлись все жизненно необходимые продукты питания. Не хватало даже обыкновенного мыла. Житель местечка Порозова Кобыляк Михаил 1921 г. рождения в своём дневнике за 1 августа 1940 г. записал:

> «Проснулся в 7 часов утра и после завтрака, запрягши лошадь, поехал на возу к Васюкевичу, которого не застал дома. Проезжая через рынок видел большую очередь, в которой было не менее 800 человек, стоящих за мылом» [39].

Дорогие читатели, представьте себе очередь в 800 человек! Это более половины километра!

Зато на страницах районной газеты «Заря» этих проблем в упор не замечали, а наоборот, убеждали читателей в изобилии товаров:
В

> «На территории Росской волости открылись шесть новых сельских магазинов. В магазинах есть разные и в достаточном количестве товары и продукты первой необходимости» [68, с. 27].

В этом же январском номере газеты:

> «Показательно организован труд в новом магазине при Бискупицкой волости. В магазине много завезенных продуктов и товаров первой необходимости. Авторитет кооперации на деревне растёт с каждым днём. Как результат этого рост пайщиков неуклонно возрастает. На сегодняшний день он достиг больше тысячи членов».

Впрочем, в день открытия магазинов в них наверняка завезли товар. И в самом деле — не открывать же новый магазин со сверкающими пустыми полками.

Григорий Федорович Калеко, белорус, 1903 года рождения, член партии с 1929 г., редактор газеты «Заря», работник идеологического фронта. У него на страницах газеты не только достаточно товаров, но и постоянное внушение читателям мысли о прекрасной жизни **при** новой советской власти. Первый номер за 1940 г. так и пестрит оптимистическими заголовками: «Сердечное спасибо товарищу Сталину» — письмо читательницы, «Счастливая молодость», «Фрида — комсомолка», «С честью выполним обязательства», «Освобождение» [40, с. 11].

И как бы в насмешку над Калеко, у которого на газетных страницах полное изобилие и порядок, на партийном собрании выступил председатель исполкома Дашук:

> «Следует отметить, что торгующие организации работают чрезвычайно плохо и сама торговля вследствие этого оставляет желать

много лучшего. Есть факты, прямо позорящие нашу советскую торговлю. Так, например, за стойкой буфета на станции Волковыск стоят несколько продавцов, а на полках лежат только три засохших яблока. Не лучше обстоит дело и с общественным питанием. Столовые национализированы давно, но до сих пор некоторые из них не открыты» [69, с. 28].

Интересно — покраснел ли в этот момент Калеко, присутствовавший на собрании?

Через три месяца после этого собрания в торговой системе остаётся всё по-прежнему. Как и следовало ожидать, намеченные мероприятия по улучшению торговли ничего не дали. В своем фундаментальном докладе на первой районной партконференции 15 апреля 1940 г. на проблемы торговли обратил внимание сам первый секретарь Банцырев:

«Необходимо отметить слишком большой недостаток нашей торговой организации — это неповоротливость, а подчас и неумение полно использовать местные ресурсы и возможности, которые в условиях нашего района имеются в значительных количествах. [...]К недостаткам общественного питания следует отнести однообразие приготовляемой пищи. Приготовляемое меню необходимо разнообразить. Вкусовые качества приготовляемых блюд также оставляют желать лучшего. Большая засоренность аппарата классово-чуждыми элементами. Несмотря на указания райкома партии по очистке аппарата, это мероприятие руководящими работниками
5 горпищепромторга до сих пор не выполнено» [69, с.ЗО].

Ян Виленец

Из воспоминаний Яна Виленца:

«Приехал я с женой в Волковыск и зашли с ней в буфет поесть. Как этот буфет выглядел, трудно описать: везде была грязь, воняло алкоголем, столики и пол неубранные. За стойкой буфета стояла толстая русская баба, а меню состояло из миски супа и хлеба. После увиденного кушать расхотелось» [11].

Проблемы со снабжением товарами первой необходимости возникли на всей территории Западной Беларуси. Это хорошо видно из докладной записки партийного работника Протопо-

вича секретарю ЦК КП(б)Б Кулагину о результатах инспекции, проведенной в соседнем с Волковысским повете — Пружанском. Инспекция проводилась в период с 6 по 18 декабря 1939 года. Нет сомнения, что такая же обстановка царила и во всем Волковысском повете:

> «Надо констатировать, что обеспечение народа предметами первой необходимости очень плохо организовано. Народ требует — дайте соли. В повет доставлено 56 тонн соли, но это очень мало. Сейчас крестьяне проводят убой откормленных свиней, и для засолки мяса требуется очень много соли. Первый вопрос, который задают в деревне это: «Когда будет соль?» Раздача доставленной соли производится следующим способом. В центре повета или в местечках соль продают через очередь. Возле продовольственных магазинов многотысячные очереди. Очередь стоит с самого утра до позднего вечера. Большая часть жителей соли не получили и остались без неё. В деревнях соль делится через крестьянские комитеты, которые продавали её по 2 килограмма на каждое хозяйство. Этого количества явно недостаточно, и крестьяне очень требуют соли.
>
> ...В деревнях также не хватает керосина. На каждый двор отпускается по два литра керосина. Когда ночью едешь через деревню, видно, что в домах жгут лучины. Не хватает также других предметов первой необходимости. Нет мыла, нет сахара. ...Нет нигде обуви, текстильных изделий, махорки.
>
> Частные магазины закрыты. Сказал бы, что торговля перестала существовать. Купцы продают свой товар «из-под прилавка» по завышенным ценам» [28, с. 440).

Вскоре частную торговлю ликвидировали окончательно. На её место пришла государственная и кооперативная. Национализировали частные предприятия. Вспоминает житель Волковыска Евгений Степанович Крук:

> «При первых Советах меня назначили в комиссию по национализации. Евреи по своим каналам об этой акции узнали заранее, быстро сообщили друг другу и многое успели припрятать. Комиссия работала несколько дней, переписывая имущество богатых жителей. Имущество переписывали не только в магазинах, кафе, ресторанах, гостиницах, предприятиях, но и по частным квартирам. В комиссии состояли и евреи, присланные из Минска. Как что-нибудь, сразу переходили на свой язык, а ты стоишь рядом и ничего не понимаешь, о чём они между собой договариваются. В кассах конфисковали все деньги. В кафе и ресторанах описывали всю посуду,

продукты, мебель, инвентарь. Замеряли рулеткой жилую площадь, чтобы отобрать излишки. Была и муниципализация. Это когда хозяин оставался владельцем своего дома, но платил за свою же квартиру государству» [6].

Ликвидация частной торговли не прибавила товаров в магазинах. Вспоминает житель деревни Бердики Шиловичского сельсовета Бовжик Генрик Михайлович:

> «В соседней деревне Шиловичи, центре сельсовета, открыли сельский магазин. Свободно в продаже практически ничего не было. Ситец продавали только тем, у кого родился ребёнок. Даже водки и той не было, и продавали её по талонам. Когда что-то привезут в магазин, то люди выстраивались в большую очередь» [6].

Вот такая безрадостная картина. Защитники советской власти, как всегда, найдут оправдание трудностям, которые советская власть сама же и создавала. Самое что ни есть унижение для народа — это долгое стояние в многолюдных очередях за самыми необходимыми товарами. При польской власти в магазинах имелись любые товары. Там, наоборот, продавец упрашивал покупателя купить его товар. С приходом советской власти очереди не прекращались никогда. Всегда ощущался товарный голод и всегда за чем-то люди стояли в очередях.

11

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

Нетерпимость большевистской власти к конкуренции во всех сферах жизнедеятельности общества не могла не сказаться и в отношении к религии. Однако сразу закрыть костёлы и церкви советская власть не решилась, так как костёл и духовенство в Польше были той силой, с которой новой власти пришлось считаться*.

Поэтому первым делом новая власть запретила преподавание религии в школе. Большинству духовенства запретили пользоваться приходскими домами, которые передавались под государственные учреждения. Были ликвидированы все религиозные организации, запрещено издание религиозных газет, брошюр и листовок. Запретили даже колокольный звон.

Следующим шагом в подчинении церкви явилась смена руководства православной церкви и лишение её автокефалии. Руковод-

* По советским данным в Белостокском воеводстве было 144 костёла и 210 ксендзов, 34 церкви и 55 священников, а также 112 синагог и 54 раввина [45, с. 266).

Костёл св. Вацлава в Волковыске (1937г.)

ство переняли те архиереи, которые не признавали автокефалию и при Польше были за штатом, считая только Московский синод своей церковной властью. В Вильню из Ковно (Каунаса) прибыл епископ Элеферий, получивший от Московского синода титул митрополита, и возглавил Виленскую епархию. После смерти Элеферия в 1940 году его место занял присланный из Москвы архимандрит Сергей Воскресенский. В том же 1940 году московская патриархия прислала из Москвы митрополита Николая Ярошевича с титулом экзарха Западной Беларуси и Западной Украины.

Присланные из Москвы митрополиты не встали на защиту местного духовенства и населения во время арестов и депортаций. Они выполняли свои пастырские обязанности формально, как функционеры советского правительства [70, с. 253].

Об изменении власти среди православного духовенства писал в летописи Хорошевичской церкви Волковысского повета священник Александр Петельский:

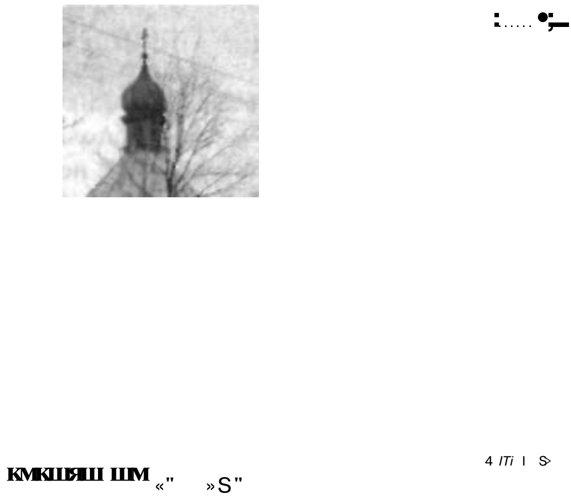
> «...17 сентября. Границу Польши перешли войска СССР. В районе Хорошевичского прихода вся власть перешла в руки правительства СССР.
>
> 20 сентября. ...Епископ Савва, Гродненский и Новогрудский, бежал в Финляндию. Его примеру последовали члены Гродненской Духовной Консистории протоирей Пётр Родкевич и священник Леонид Касперский. Духовная власть нашей епархии перешла в руки Высокопреосвященного архиепископа Пантелеймона, раньше пребывавшего на покое в Жировицком монастыре.
>
> В декабре месяце синодом Русской православной церкви Высокопреосвященный архиепископ Пантелеймон утверждён в должности экзарха Западной Беларуси...» [71].

Если до осени 1939 года православная церковь всячески оберегала население Западной Беларуси от влияния большевистской идеологии, то теперь эта идеология ворвалась во все сферы челове-

ческого бытия, развращая души христиан ложными словами и насильственными действиями. Под страхом репрессий священники не могли открыто противостоять сатанинской власти и даже критически осмыслять новую обстановку в приходах. Об этом ярко свидетельствует летопись Хорошевичской церкви. Если раньше в ней отмечались все наиболее замечательные события в жизни её прихожан, то за 1940 год в летописи записаны только события советско-финской войны, взятые из передовиц газеты «Правда»!

Но для смены иерархии власти в католическом костёле руки советской власти оказались коротки: верховная власть католиков находилась в Риме. Зато большевики запретили ксендзам проводить религиозные требы. Так, последний раз перед войной первое в своей жизни причастие и исповедь дети-католики организованно прошли 29 июня 1939 года на праздник святых Петра и Павла. При «первых Советах» детей католиков, готовившихся к первой исповеди, тайно учили по домам, но в костёл вести не могли. Когда пришли немцы, сразу несколько сотен детей повели к причастию и костёл заполнился до отказа.

В тюрьме Волковысска имелся алтарь, где заключённые могли молиться. С приходом Красной армии алтарь немедленно ликвидировали, а священникам запретили общаться с узниками.

Православная Петропавловская церковь в центре Волковыска. Сгорела в июне 1941 г. во время бомбардировок города

Служителей церкви новая власть однозначно зачислила в категорию скрытых, маскирующихся врагов. Их обвиняли в распускании антисоветских слухов, подстрекательстве кулаков к террористическим актам, обработке населения против кандидатов в депутаты. Контрреволюционной деятельностью духовенства объясняли все действия населения, направленные на сохранение религиозных обрядов церквей и костёлов. При этом никакой разницы в отношении к католическим, православным и иудейским священникам не было. Подчёркивалось их единство. И костёлы, и церкви, и синагоги объявлялись «рассадниками самой беспардонной, грязной клеветы о Советском Союзе» [34, с. 231].

Не обходилось и без провокаций. Так, православные отобрали у католиков костёл в Великой Лапенице. Скорее всего, эту акцию санкционировало местное большевистское руководство. Ещё в 1839 году греко-униатская церковь в Великой Лапенице была переделана в православную и была таковой до 1915 года, когда с приближением войны большая часть православных верующих подались в Россию в беженство. В 1919 году церковь освятили под костёл. Из воспоминаний Станиславы Пархуты из деревни Шамбелин:

> «При Польше и до осени 1940 г. мы ходили в Великолапеницкий костёл. В ноябре 1940 г. в польский религиозный праздник Три Короля утром перед мшой в костёл нагрянули мужики православного вероисповедания, отобрали у ксендза ключи от костёла, поставили посреди него стол с православной иконой, одни из них пели молитвы, а другие снимали со стен католические иконы. Вскоре к костёлу начали подходить католики и не верили своим глазам — костёл был захвачен, а ксёндз, боясь расправы, скрылся. Выяснить отношения мирным путём не удалось, между православными и католиками началась драка, в которой из-за численного превосходства победили православные.
>
> Но и православные недолго пользовались святыней: новая власть забрала её под клуб, в котором стали показывать кино. Вскоре католики начали ходить на молитву в деревню Коревичи, так как там проживал ксёндз, и где под костёл приспособили обыкновенный дом. Через некоторое время были собраны деньги на кирпич, из которого там же в Коревичах построили небольшой костёл» [6].

Духовенство при новой власти постоянно находилось в «подвешенном состоянии», опасаясь за свой приход, церковные святыни

и собственную жизнь. О своих злоключениях вспоминает ксёндз Ян Мяновский из Рогозницкого костёла:

«Перед первой массовой вывозкой людей в феврале 1940 г. мне донесли, что собираются арестовать и меня. Около пяти недель скрывался в деревне Леоновичи у Алеся Гринчука и неделю у Олешкевичей в деревне Войдевичи. В это время у меня из плебании советская власть забрала мебель, домашний скот, запасы зерна. Мне так надоело прятаться, что решил поехать в Белосток за советом к декану. Там мне выписали фальшивую медицинскую справку, что я проходил курс лечения заболевших глаз и поехал обратно в Рогозницу. Сразу вызвали меня в сельсовет, к следователю, который спросил, почему я скрывался. «Ничего подобного!» — ответил я и показал справку о своём лечении. Обещали даже вернуть мне имущество, но ничего не вернули.

Православные прихожане села Подороск Волковысского повета со своим пастырем

Весной не оказалось семян для посева, а мне грозят: «Засевай поле или заберём землю!» Упросил крестьянина Черницу с Большой Рогозницы, чтобы вспахал своей лошадью моё поле. У него была лошадь двухлетнего возраста, которую не посылали для вывозки леса. Но как только власть увидела, что он вспахивает моё поле, то забрала коня на работу в лес: если может работать у ксендза, то

может работать и на государство. Пришлось искать другого коня. Осенью весь урожай зерна забрало государство, но налог за землю приказали заплатить.

До начала войны сидел как зверь в клетке, пока за мной не приехал на машине политрук с двумя солдатами, однако сбежавшиеся люди не позволили меня забрать.

В один из первых дней войны сидел в плебании на кухне, когда на улице раздался топот множества ног. Кухарка успела только закрыть на замок дверь из сеней на коридор. В двери начали стучать и кричать:

— Открывай!

— Для чего? — спрашивает кухарка Марыня.

— Проверить радио! — отвечают снаружи.

— Приходите завтра! — говорю им.

— Нет! Сейчас! — и стали ломать дверь.

Смотрим через окно на улицу и видим, что окна кухни караулят солдаты с винтовками. Тогда говорю Броне Чернец и органисту, которые со мной находились на кухне, чтобы защищались, кто чем может. Органист взял в руки топор и говорит:

— Если пойдём на тот свет, то заберём с собой хоть одного большевика!

Сам же бегу в свою комнату и через открытую в окне форточку кричу на улицу: «Ратунку!» На мой крик к колодцу сбежались все военные и начали спрашивать друг у друга, что значит «ратунку». Кто-то разъяснил: «Спасите!» Тем временем увидев, что возле кухонного окна никого нет, выскакиваю через него в растущий рядом ячмень. За забором огорода натыкаюсь на наших хлопцев из Большой Рогозницы, засевших с винтовками в руках. Они приготовились отбить меня у военных. Вместе пошли в Малую Рогозницу, где ощутил себя в безопасности» [7].

Ксёндз Ян Мяновский

Волковысская районная газета «Заря» занималась антирелигиозной пропагандой. Однако перековать верующих людей в атеистов за два года советского правления оказалось не под силу большевикам. Большевистского идола Ленина, которым советские идео-

логи стремились подменить Бога, народ не воспринимал. Характерен в этом отношении пример времен немецкой оккупации.

Костёл в селе Великая Лапеница

«До воины на месте теперешнего главпочтамта стоял красивый поповский дом. При Советах попа выкинули из дома и сделали в нём Дом пионеров, воздвигнув перед зданием памятник Ленину с протянутой рукой. Во время бомбёжки 1941 г. всё вокруг порушилось и сгорело, но памятник остался стоять. Когда в город вошли немцы, Ленина просто сбросили с пьедестала на землю, не став его даже разбивать. Всю оккупацию памятник провалялся на том самом месте как ненужный никому хлам. Никто из жителей не позаботился о его сохранности. После освобождения подпорченную статую вождя зарыли в землю» [6].

Вскоре большевики придумали новый способ, как на «законных» основаниях отнять у верующих храмы: на культовые сооружения наложили неподъёмную арендную плату. За невыплату аренды храмы конфисковали, превращая их в кинотеатры, дома народной культуры, конюшни, казармы и даже тюрьмы. Вспоминает ксёндз, бывший пробощ Свислочского костёла Альбин Горба:

«Финансовый отдел обложил костёл налогами. Мне начислили 12000 рублей. Тогда такая сумма была очень большой: за центнер хлеба платили 60 рублей. Польские злотые к этому времени упразднили, а советских рублей у людей было очень мало. С Божьей помощью парафиане понемногу собрали деньги, и налог выплатили. Однако власти вновь назначили новые выплаты: за костёл и пара-

фиальные строения, и даже за землю под кладбищем — одну копейку за квадратный метр.

Парафиальную землю конфисковали вместе с посевами и отдали колхозу в деревне Раневичи. У меня забрали и также передали этому колхозу две пароконные повозки, сеялку, жатку, сечкарню, плуги, бороны и даже навоз из хлевов.

Парафиане видели, какая тяжёлая жизнь наступила у ксендза, а потому приходили и спрашивали, чего не хватает и помогали. Приносили мясо, сало, яйца, масло и другие продукты. Имел всего в достатке и помогал нескольким бедным женщинам» [10].

В Волковыске гарнизонный костёл по улице Широкой, где каждое воскресенье молились солдаты и офицеры 3-го полка конных стрелков, большевики конфисковали за невыплату арендной платы и превратили в казарму, оборудовав внутри здания многоярусные деревянные нары. Ближе к 1940 год)' солдат выселили из холодного костёла и сделали в нём военный склад. Когда в 1941 году пришли немцы, православные верующие попросили немецкие власти разрешить им здесь молиться, так как единственная в городе церковь сгорела в начале войны. Немцы разрешили.

Еврейскую синагогу по улице Замостя некой военные превратили в солдатскую кухню со столовой. Питались в ней красноармейцы кавалерийского эскадрона.

В костёлах, церквях, синагогах власти изъяли все метрические книги и передали в гражданские учреждения, так называемые ЗАГСы (запись актов гражданского состояния). Отныне рождение, браки и смерть надлежало регистрировать не в храмах, а в гражданском учреждении.

Антирелигиозная истерия представителей новой власти иногда доходила до абсурда. Вспоминает бывший житель местечка Россь Волковысского повета Витольд Карпыза, 1913 года рождения, работавший в то время учителем:

«Развернулась острая антирелигиозная пропаганда. Директором в нашей школе была назначена присланная из России заядлая коммунистка. В конце учебного года я организовал выставку рисунков школьников и не заметил, что на одном из рисунков с видом реки Россь на заднем плане виднелась церковь, увенчанная крестом. Этого вполне хватило для Калашниковой, чтобы отругать меня.

Одного дня через окно школы она увидела похоронную процессию с крестом во главе идущих людей и местным попом Лотоцким. С пеной у рта поставила на ноги целую школу» [7].

Сложившиеся издавна религиозные традиции большевики пытались искоренять с помощью репрессий. Характерен случай, происшедший в Свислочском районе. Из сводки НКВД, представленной в Белостокский обком партии:

> «В Свислочском районе на кирпично-изразцово-черепичном заводе 28.8.40 г. по причине религиозного праздника Успение имел место факт массового невыхода рабочих на работу. Не вышло 25 человек рабочих, из них 23 женщины и двое мужчин. По данному факту ведётся расследование Свислочским РО НКВД» [64, с. 123].

Слабые успехи на фронте борьбы с религией признавала сама власть. Из постановления бюро Волковысского РК КП(б)Б от 5 марта 1941 года:

> «Бюро РК КП(б)Б отмечает, что антирелигиозная пропаганда в районе проводится слабо. Со стороны отдела пропаганды и агитации не было систематического руководства по вопросам антирелигиозной пропаганды и агитации. За 1940 г. прочитано всего лишь 17 лекций на антирелигиозные темы. В районе среди крестьян не прочитано ни одной лекции. Совершенно слабо поставлена работа в подборе и выращивании антирелигиозного актива» [65, с. 45].

Ни одно торжественное событие в Польше не обходилось без участия духовенства

Из воспоминаний жителя деревни Тулово Мижеричской гмины Волковысского повета Яна Генделя, 1927 года рождения:

> «Костёл /в Мижеричах — *Н.Б.*/ строго контролировался, и его функции были ограничены лишь проведением святой мши. Ксендзам во время службы запретили читать евангелие, делать объявления о религиозных праздниках, выпадающих на будние дни, а о проповедях не было и разговора. Когда на Великую ночь ксёндз Калиньский, не ступая с алтаря на амвон, сказал о воскрешении Христа, костёл, заполненный людьми до отказа, весь заплакал: плакали все — и молодые и старые, женщины и мужчины» [17, с. 74].

Понимая, что отлучить от Бога взрослых людей вряд ли возможно, власть основной упор в антирелигиозной пропаганде делала на молодёжь. Так, бюро Волковысского райкома партии 25 июня 1940 года приняло постановление:

> «Обязать райком комсомола и отдел пропаганды и агитации РК КП(б)Б организовать среди трудящейся молодёжи систематическую, повседневную работу по антирелигиозной пропаганде путём проведения лекций, докладов и бесед с молодёжью. Умело разъяснять молодёжи и разоблачать вражескую деятельность церковников и реакционную роль церкви на ярких примерах классовой борьбы, происходящей сейчас в западных областях Белоруссии» [48, с. 201].

Однако многочисленные аресты граждан, депортации среди польского населения, неуверенность в завтрашнем дне заставляли людей еще сильнее обращать свои помыслы к Богу, искать духовную опору в костёле. Верующие люди прекрасно понимали, что здесь сейчас происходит борьба Бога с сатаной, и что сатану олицетворяет большевистская власть.

В своей докладной записке от 18 апреля 1941 года нарком просвещения БССР Е.И. Уралова подчеркнула:

> «Очень характерным является то, что ещё никогда такого большого посещения костёлов не было, как сейчас. Все учащиеся и учителя-поляки посещают систематически костёл. На вопрос к учителю, почему стало сейчас посещение костёла более многолюдным, чем раньше, ответ последовал такой, что Польша всегда возвращала своё жизненное и самостоятельное существование только потому, что была сильная вера в Бога и полное и аккуратное посещение костёлов» [32, с. 247].

12

НОВАЯ ЖИЗНЬ НА СЕЛЕ

Как только на дорогах Западной Беларуси 17 сентября 1939 года появились первые колонны войск Красной армии, местные крестьяне сразу обратили внимание на крайне измученный вид обозных лошадей, мобилизованных в колхозах Восточной Беларуси. Рассказывает Иван Данилов, автор книги «Записки западного белоруса»:

> «По дороге, по которой накануне отступала польская армия, двигалась советская пехота и артиллерия. Пушки разного калибра тащили очень тощие, заморенные лошади. К хвосту каждой из них медной проволокой была прикреплена фанерная дощечка с надписью: «колхоз им. Сталина», «колхоз им. Молотова», «колхоз им. Шверника», «колхоз им. Кагановича» и т.д., такого-то района. Все кинулись смотреть пушки, лошадей и читать эти странные дощечки. Мужики окружили какого-то командира и спросили: «Товарищ командир, а почему это у Красной армии такие худые лошади?» «А это не наши, — ответил он, — «это колхозные». Можете себе представить недоумение, озадаченность и растерянность крестьянина, который все ещё пребывал в приподнятом настроении от торжественной встречи Красной армии, которую он ждал много лет» [47, с. 71-72].

Мужики начали расспрашивать красноармейцев о жизни в колхозах. Иван Данилов пишет:

> «...Во время остановок солдаты умудрялись заскочить в деревенские хаты, что-то купить из съестного. Особенно охотились за салом и хлебом. Платили рублями или жульничали облигациями, в которых местное население не разбиралось. Часто их просто угощали и отрезали кусок сала на дорогу.
>
> В деревне пошли разговоры и комментарии того, о чём рассказывали солдаты, забегая в дома. Наша соседка прибежала к моей маме и сказала, что она кормила солдата и спросила: правда ли, что в их колхозе женщины шьют себе юбки и другую одежду из мешков, как об этом писали поляки? И он сказал, что это правда и что в его и в других колхозах люди постоянно голодают. ...Другой солдат сказал следующее: «Вот вы нас встречаете с цветами, но вы ещё нас узнаете» [47, с. 40, 74].

Что же принесла советская власть в деревню? Стало ли легче жить беларуским крестьянам?

Как известно, Народное собрание Западной Беларуси, прошедшее в Белостоке 29 октября 1939 года, приняло декларацию о конфискации помещичьих и национализации всех земель, провозгласив: «Отныне вся земля Западной Белоруссии с её недрами, а также лесами и водами объявляется народным достоянием».

Той же осенью началось проведение земельной реформы, основными задачами которой являлись: конфискация земель помещиков, крупных чиновников и монастырей; ликвидация осадничества, ограничение размеров землепользования кулацкими хозяйствами; ликвидация малоземелья и безземелья, наделение землёй батраков и бедняков, создание политических и экономических условий для преобразования сельского хозяйства по новому пути.

Конфискация помещичьих, церковных, осадничьих земель к открытию Народного собрания в основном уже была закончена. После собрания принялись за кулаков, участки которых обрезали до 10—15 га, причём конфисковали и поля, засеянные озимыми.

За счёт конфискованных земель новая власть выделила малоземельным и безземельным крестьянам пахотные участки, но не более пяти гектаров на одну семью. В первое время после раздачи земли, некоторого скота и инвентаря положение беднейшего сельского населения заметно улучшилось.

В аналитической записке Волковысского райкома партии отмечено:

«Общая земля, принадлежащая ранее помещикам, составляла 12400 гектаров. После организации крестьянских комитетов приступили к конфискации помещичьей земли, сельхозинвентаря, скота. Таким образом, среди крестьян было распределено: пахотной земли и сенокоса — 9065 гектаров, лошадей — 624, коров — 833, свиней — 258, овец — 265, зерна всех культур — 5856 центнеров, картофеля — 4965 центнеров, грубых кормов — 11200 центнеров, сельхозинвентаря разного — 1500 штук.

До освобождения Западной Белоруссии в районе 14085 крестьянских хозяйств имели в своем пользовании 83454 гектара земли всех угодий, считая болота, кустарники, дороги и прочее, тогда как 54 помещика имели в своём пользовании 12400 гектаров земли, и при этом лучших угодий» [64, с. 123].

Крестьянская семья из деревни Коревичи Волковысского повета

Однако урожай с розданной бедноте земли ещё предстояло получить, а пока взялись за тех, кто уже имел землю. Всех более или менее зажиточных крестьян объявили кулаками и установили им завышенные в 4—5 раз нормы обязательных поставок сдачи государству сельхозпродуктов.

Ещё в сентябре 1939 года красноармейцы, среди которых многие сами были из крестьян, обратили внимание на лучшую жизнь здеш-

него села, чем у них на родине. Рассказывает житель Волковыска Казимир Степеко:

«Мой отец родом из деревни Пожарки Волковысского района имел мало земли и считался бедняком. В сентябре 1939 г. к нам в дом зашёл один из командиров Красной армии. Увидев во дворе двенадцать маленьких поросят, которых привела недавно опоросившаяся свиноматка, на полном серьёзе заметил: «Да ты ведь хозяин кулак!» [6].

Ещё одно подобное свидетельство. Вспоминает житель деревни Андреевичи Волковысского района Степан Болеславович Кулик, 1920 года рождения:

«При первых Советах наша семья жила в деревне Монтовты. Однажды на хорошем и досмотренном коне я поехал в деревню Вердомичи на бровар, чтобы привезти для свиней отходов. Оттуда вышел какой-то приезжий начальник, увидев мою лошадь, спрашивает у других: «Почему этого кулака не вывезли в Сибирь?» [6].

Вопрос о раскулачивании наиболее зажиточных крестьян Западной Беларуси находился в центре внимания большевистского штаба - ЦК КП(б)Б:

«Большой интерес представляют собой данные, собранные Белостокским обкомом КП(б)Б. В настоящее время, согласно этим данным, в Белостокской области свыше 20 гектаров земли имеет 10971 хозяйство. Причём произведено негласное выборочное обследование экономической мощи этих хозяйств.

Согласно статистике и этим выборочным данным, хозяйства, имеющие свыше 20 га земли, как правило, применяют наёмную силу, имеют 3-4 лошади, от 3 до 15 коров, мелкий скот, крупный сельхозинвентарь и т.д., т.е. являются кулацкими хозяйствами.

Однако следует иметь в виду, что некоторое число кулацких хозяйств встречается и среди имеющих ниже 20 га — 13,15, 17 га. Они имеют много скота и постоянное применение наёмной рабочей силы.

...Число кулацких хозяйств исчисляется в пределах от 35 до 40 тысяч, включая середняков, а без осадников — 30-35 тысяч.

...Ведут себя (имеются в виду крестьяне из кулацких хозяйств. — *Н.Б.)* активно-контрреволюционно. Прекрасно знают о лозунге «Ликвидация кулачества на базе сплошной коллективизации по опыту Советского Союза», а потому дают себе ясный отчёт, что это представляет для них. Поэтому сейчас уже, после периода некото-

рой растерянности, начинают активно выступать против колхозов и против всех партийных мероприятий, советских органов, крестьянских комитетов и т.д. [72, с. 65-66].

Из воспоминаний Ивана Данилова:

«С помощью крестьянских комитетов (их тогда называли комитетами бедноты) НКВД составляло списки крестьян, подлежащих раскулачиванию с последующим арестом и высылкой в Сибирь. Процесс раскулачивания происходил в два этапа. На первом этапе раскулачивали тех, кто имел более 5 га земли, поэтому некоторые крестьяне попали в кулаки из-за того, что при проведении хуторной «парцелляции» получили большие наделы, но плохой земли. Создавалось впечатление, что не райком партии и не райисполком руководит в районе, а управление НКВД. За каждой деревней закреплялся сотрудник НКВД, который периодически навещал комитет бедноты. Вместе они выпивали и решали, кого записать в кулаки в первую очередь, а кого во вторую.

Кроме количества пахотной земли для оценки кулацкого хозяйства использовались такие критерии, как величина дома и других построек, наличие сельхозинвентаря и др. К кулакам стали относить тех, у кого крыша дома была из цинковой жести. При Польше эта жесть значительно подешевела и стала доступной для кровли» [47, с. 76].

Но в первую очередь крестьянские комитеты взяли на учёт помещичье имущество. Сохранились некоторые документы таких комитетов. Вот один из них, написанный на на русском языке не очень грамотным человеком (наряду с грамматическими ошибками и неправильно построенными предложениями, присутствуют польские слова):

«Протокол.

Сельский крестьянский комитет в Скарбце на своём заседании 13 ноября 1939 г. решил взять на учёт зерно помещика Милослава Владычанского, назначив для этого членов комитета Андрея Артюха и Владимира Шидловского, которые присутствовали при взвешивании зерна, а именно ржи весом 1625 кг. Других сортов зерна не было. На учёт зерно взято для того, чтобы батраки и помещики не распроданного имения Скарбец не требовали хлеба от местного комитета, а также и от волостного, что уже было. У тех 10 человек, требовавших зерно, вполне имеется своего хлеба. Этот протокол передаём в волостной комитет в Подороске для наложения резолюции. Пусть волостной комитет также укажет, кто должен распоря-

жаться этим зерном, а пока это зерно находится у Милослава Владычанского.

Секретарь комитета Артюх, председатель комитета (подпись неразборчива), члены комитета. Скарбец, 17 ноября 1939 г.» [39].

Из этого документа следует, что к 17 ноябрю 1939 года имущество имения Скарбец ещё находилось на месте. Не был ещё арестован и хозяин имения Милослав Владычанский, которого арестуют позже и он пропадёт без вести.

Желающих получить имущество помещиков среди крестьян было много. Составлялись списки бедняков, которым в первую очередь должно было что-то перепасть из скота, инвентаря и домашних вещей. Скота на всех бедняков не хватало, поэтому распределённый уже скот иногда забирали назад:

«В Подоросский волостной комитет от гражданина хутора Хорошевичи Ивана Мешкова. Прошение.

Третьего минувшего октября 1939 г. по моей бедности мне из имения Хорошевичи была дана больная корова. Я её вылечил, держа всё время в тёплом хлеву, подкармливая заработанным физическим трудом лучшим кормом, а пользы от неё не было никакой. 27 октября поступило распоряжение о возвращении коровы в имение, что немедленно мною и было исполнено. Семья же моя состоит из 4-х душ: меня самого, 62-х лет, жены Павлы 42-х лет, единственной работницы в семье дочери Людмилы, 15 лет и сына Вла-

Раздел помещичьей земли осенью 1939 г.

димира 5 лет, который ешё не понимает, что значит недоедание, и нуждается в лучшем питании, как, например, молоко или яичко, которых в доме нет. У нас также нет ни курей, ни поросёнка, ни овцы, ни коровы, ни коня. Пока в имении осенью были полевые работы, жили, ходя на работу, заработали пару пудов хлеба и картофеля, чем в настоящее время и питаемся. Но полевые работы закончены, и мы в будущем обречены на голод.

До прибытия советской власти я запасов сделать не мог, ибо я сам к физическому труду не способен по годам, а жена уже тоже не в состоянии заработать насущный кусок хлеба на всю семью. А посему обращаюсь с покорнейшей просьбой к волостному комитету о материальной поддержке, а именно возвратить мне корову, хотя бы и для настояния навоза, чтобы была возможность весной посадить картофель с хлебом.

Удостоверение о моей бедности выдано Задворянским сельским комитетом и представлено мною. 2 ноября, проситель Мешков» [39].

Этот документ написан довольно грамотно на русском языке. Трудно судить, почему у Мешкова забрали назад корову. Видимо сельский комитет нашёл ей другого хозяина, более бедного, хотя уж беднее Мешкова, судя по его письму, трудно найти. А может быть этот «другой» больше «дал на лапу». В сельских комитетах и в сельсоветах в избытке хватало пьяниц и хапуг. Дорвавшись до власти, они старались использовать её в первую очередь для своей собственной выгоды и наживы.

Вот ещё один документ с прошением от крестьянина о предоставлении ему бывшего помещичьего имущества:

«Подоросскому волостному комитету. Заявление.

Я, нижеподписавшийся крестьянин деревни Залешаны, Протасевич Борис Васильевич, имею 5 человек семьи, 2 га земли, одну корову и одну лошадь. Так, как моя дочь Анна швея, то нуждается в швейной машине, а так как в бывшем имении Седельники имеется швейная машина, прошу таковую машину продать мне. 22 ноября 1939 г.» [39].

Содержание следующего документа похоже на анекдот: у местного активиста украли лошадиную упряжь, но возместить украденное он потребовал за счет помещичьего имения:

«Товарищу председателю волостного комитета в Подороске.

Сельский комитет в деревне Севани 6 ноября проводил собрание в доме Марка Паца, где был устроен красный уголок, и где моло-

дёжь учила на праздник песню. В это время вечером у меня из сарая украли хомут, уздечку и лейки, а потому теперь не могу выехать на работу. Купить негде и не за что. Прошу волостной комитет выдать мне хомут, уздечку и лейки из имения. Секретарь Паи» [39].

Представители новой власти на местах не гнушались и обыкновенным грабежом, считая, что изъятие вещей у зажиточных крестьян дело благородное. Из воспоминаний Яна Виленца:

> «Моё хозяйство на те времена имело передовую технику (...). Среди прочего я имел хорошую молотилку с двигателем. В один из дней ко мне пришли из сельсовета одолжить на две недели молотилку. Отказать не мог, иначе объявили бы саботажником и арестовали. Попросил только расписку. Прошло более двух недель, мне самому надо молотить, а молотилку не возвращают. Наконец сам поехал в бывшее имение Дергели к председателю сельсовета. Тот потребовал расписку, а когда я показал её, порвал на моих глазах. Никакой управы на зарвавшегося председателя найти было невозможно. Так я потерял молотилку. Пришлось молотить хлеб цепью. Молотилку вернул только тогда, когда пришли вторые оккупанты — немцы» [11].

Из имений не только вывозили имущество, но и выкорчёвывали фруктовые деревья:

> «Протокол от 12 ноября 1939 г. Крестьянский комитет деревни Краски.
>
> Общим собранием деревни Краски в присутствии 40 человек единогласно постановили:
>
> Организовать красный обоз с продуктами и отправить в Волковыск.
>
> Организовать и открыть в имении Краски кооператив.
>
> Организованным путём распродать фруктовые деревья из школы и имения. Председатель Рощин» [39].

Пусть бы фруктовый сад оставался в созданном ими же кооперативе, ведь пересаженные деревья могли не прижиться на новом месте. Тем более, зачем их выкапывать из школьного сада, где будут учиться их же дети?

Приход новой власти способствовал обострению конфликтов и между самими крестьянами, о чём свидетельствует документ, написанный в ноябре 1939 года:

«Товарищу прокурору города Волковыска и уезда от гражданина деревни Зборы, Верейковской волости, Волковысского уезда, Матвея Янкевича.

Прошение. В июне месяце сего года ко мне явился гражданин деревни Львовка, Верейковской волости Осип Данильчик с предложением покупки у меня куска земли, на что я согласился. Взамен за кусок земли он добровольно обязался мне дать лошадь с жеребёнком. При получении от него лошади с жеребёнком я отправился вместе с ним в город Волковыск к уездному нотариусу, и выдал ему документ — купчую на землю. Но в купчей нотариус не написал, что я сделал обмен земли на лошадь, а написал, что продал землю за 400 польских злотых. Нотариус потому не делал документов покупки земли по обмену, а только за деньги, так как с этой суммы брал себе вознаграждение.

Прошло несколько времени после прихода к нам доблестной Красной армии, когда вышеуказанный гражданин Осип Данильчик 22 ноября сего года тайно явился ко мне и в ночную пору своровал лошадь с жеребёнком. Узнавши, что моя лошадь находится у него, я обратился к нему с просьбой о возвращении ворованной у меня лошади. Однако Осип Данильчик заявил мне, что ему теперь земля не нужна, так как советская власть даёт землю даром.

Считаю себя совершенно обиженным и обманутым, потому что в настоящее время остался совершенно безлошадным. А посему на основании всего вышеизложенного честь имею покорнейше просить товарища прокурора о рассмотрении моего дела и выдать своё решение о возвращении мне лошади с жеребёнком, так как на вышесказанную лошадь я имею документ, что она является моей собственностью. Также прошу привлечь к ответу за обман и введение в заблуждение органов советской власти гражданина Осипа Данильчика.

Причём присовокупляю, что сверх меры земли не имею, так как всей земли, включая пахотную, сенокосы и пастбище имею всего лишь десять гектаров. Справедливость вышеизложенного подтверждают крестьяне сельского комитета деревни Зборы Волчек Григорий Осипович и Алексей Бугримов» [39].

* * *

С 1940 года Совнарком БССР и ЦК КП(б)Б ввели для единоличных хозяйств и колхозных дворов западных областей принятые в СССР обязательные поставки государству (т.е. натуральный налог) основных сельхозпродуктов по фиксированным ценам, которые были ниже рыночных. **При** этом нормы обязательных поставок

мяса для единоличников зависели не от наличия скотины или птицы, а от количества земли в их пользовании. Количество зерна и картофеля начислялось исходя из наличия пахотной земли, а количество мяса из общей площади земли. Число едоков в семье в расчёт не принималось.

Минимальная норма натурального налога для хозяйств, имевших до 2 га земли, составляла 20 кг мяса в год, а максимальная для имевших более 25 га — 300 кг. С 15 га общей площади земли требовалось сдать 80 кг мяса. Для хозяйств колхозников была единая норма — 15 кг. Единоличные хозяйства должны были поставлять по 100 литров молока в год от каждой коровы, а колхозники — 55 литров. Шерсти от одной овцы единоличник должен был сдать — 500 грамм, колхозник — 300. С 1 га требовалось сдать 55 кг зерновых культур и 150 кг картофеля.

За сданную в качестве налога продукцию крестьянам платили сущие копейки. Так, жительнице Изабелина Блажеевич Матильде в сентябре 1940 года за 99 кг ржи заплатили 7 рублей 95 копеек при цене 8,65 рублей за центнер. Пусть читатель сам прикинет — много это или мало, если 1 кг сала стоил 25, масла — 35 и чёрного хлеба — 3 рубля. Зарплата рабочего в зависимости от квалификации составляла 300-600 рублей, а инженера 600-900 рублей в месяц.

Рассказывает Григорий Семёнович Окуневский, в то время живший на хуторе близ деревни Малая Лапеница с родителями, имевшими чуть более 10 га земли:

Г. С. Окуневский

«В 1940 г. нашу семью обложили такими непосильными поставками, что при Польше никогда такого не было. Так, за 1935 г. наша семья выплатила 27,9 злотых дорожного сеймикового налога, 116 злотых государственного и 20 злотых за 10 га обрабатываемой нами земли. Всего — около 165 злотых. Такой налог был не сильно обременителен. Надо ещё учесть, что скот налогом не облагался. Труднее приходилось тем, кто покупал землю в рассрочку через банк.

При Советах налог стали начислять в деньгах и в натуре. Отец должен был сдать государству: зерно,

картофель, молоко, масло, мясо, сало, свиную кожу, яйца, шерсть, сено, табак. Причём, сроки сдачи того же зерна были такими жёсткими и в таком количестве, что мы физически столько не успевали намолотить. Тогда к нам на хутор приехали местные активисты, подогнали конную молотилку, вымолотили всё зерно и забрали с собой, не забыв посчитать и за обмолот. После чего нам даже не осталось зерна на семена. Из-за такой грабительской реквизиции, а иначе это не назовёшь, чтобы не умереть с голоду, мать зимой по глубокому снегу была вынуждена ходить в Волковыск в магазин за хлебом.

Отца в это время, как и всех трудоспособных крестьян мужского пола, ежедневно заставляли работать на лесозаготовках. Из леса на своих лошадях вывозили брёвна. Требовалось выполнить дневную норму в 20 кубов. Кроме вывозки леса, заставляли определённое количество дней отбыть трудовую гужевую повинность, т.е. отработать бесплатно со своей лошадью на различных транспортных работах.

Хлеб в магазинах продавали некачественный, с добавлением гречневой или ячменной муки. От такой мешанины он получался безвкусным и пресным. Да и за таким в длинных очередях надо было отстоять.

Моего старшего брата тогда забрали в Красную армию, и мы боялись написать ему в письме о своём бедственном положении. Письма просматривала цензура» [6].

А вот что в декабре 1940 года писал родителям красноармеец Николай Окуневский, брат Григория*, в письме из города Ульяновск Куйбышевской области:

«Здесь из харчей всё очень дорого: булка с маком — 1 рубль, 1 кг колбасы по 12, 15 и 17 рублей. Очень много водки, вина и пива. Когда наша рота ходит в город на вечернюю прогулку, то я насмотрелся на пьяных колхозников, собирающихся в компании. Куда ни посмотришь, видишь пьяных колхозников: сидят и поют, несмотря на мороз в 30 градусов. Народ здесь не запасливый, как у нас, а что заработают, то и пропьют» [6].

Писатель Алексей Карпюк, семья которого в то время имела немногим больше 10 га земли, так вспоминал о новых порядках:

«І над маёй сям'ёй згусцшся хмары — загаварьш аб нашым вывазе (маецца на увазе вываз у Сібір. — *Н.Б.)* За лшшюю землю. Няважна, што улада Пшсудскага цягала мяне за «палгтыку» і я спраба-

* Николай Семёнович Окуневский пропал без вести в 1941 году.

вау уцячы нават у СССР, што банька за падпольную работу сядзеу тры месяцы у ваукавыскай турме. Нас абкл&гн кулащам падаткам. ЁН быУ подлым, бо разл1чаны так, каб чалавек ткол1 не меу магчы-Масui яго выплацщць і, такм1 чынам, дау энкэусауцам падставу для абвшавачвання у сабатажы, каб мець зачэпку для высялення у" Сібір як злоснага неплацельшчыгха.

Ha1уны бацька чуткам таюм яшчэ не давау веры. Думау, усё уляжацца і разбяруцца. Таму зацяу зубы ды юдауся здабываць грошы. Пазычау, дзе мог, а што мей прадавау. Падатак, нарэшце, бацька raciy, але яго за кожным разам павял1чвал1, і смяротную гульню трэба было пачынаць спачатку. Змардаваны ушчэнт, стары летам 1941 г. здауся. Праз месяц-друп мелася адбыцца з іМ расправа. Ды тут з бяды выбавша нашую сям'ю нямецкая акупацыя» [41, с. 80].

В польском государстве налог на крестьянские хозяйства начислялся в зависимости от плодородия земли, которая была разделена на классы. Так, по 1 классу хозяйство платило следующие налоги:

1. Поземельный — 7 злотых и 32 гроша за гектар (по 3 классу — 4 злотых и 12 грошей).
2. Дорожный — 100 % к начисленному поземельному налогу.
3. Коммунальный — 50 % от поземельного налога.
4. Уравнительный — 2 злотых с гектара.
5. Шарварочный (налог на ремонт и строительство дорог) — 12 злотых.

Так, за 5 га земли по 1 классу хозяйство выплачивало 113 злотых в год, по 3 классу — 73 злотых.

А вот свидетельство жителя деревни Мстибово Волковысского района Ивана Васильевича Грибачевского, 1923 года рождения:

«У нас во Мстибове было 18 га земли, трое коней, пять коров, две тёлки, восемь овечек. Зато и семья большая — шестеро детей, из которых — четыре дочки. А ведь когда отдавали дочерей замуж, в посаг (приданое) давали и землю, иначе трудно было найти жениха. Когда пришли Советы, многие думали, что рай пришёл, а тут не рай, а торба пришла. При поляках тоже налоги большие были, а тут совсем непосильные стали. Налоговые агенты только и ходили по хатам — отдай корову на мясо, другую продай и заплати денежный налог. Свои активисты ходили с винтовками собирать налоги» [6].

Сколько же при новой власти появилось активистов, желающих не работать, а командовать! Справные хозяева с утра до вечера тру-

дились в своих хозяйствах, а в «активисты» пошли те, кто по своей натуре не хотел работать, но воспользовались сложившимися обстоятельствами чтобы перейти «из грязи в князи». Таких паразитов, стремящихся жить за чужой счёт, хватало и в былые времена, но при советской власти для них наступило особое раздолье. Ведь для большевиков главными характеристиками «сельского пролетариата» были бедняцкое происхождение, классовая нетерпимость и выставение напоказ преданности советской власти.

* * *

К весеннему севу 1940 года новая власть готовилась основательно, как будто крестьяне без её указаний не справились бы. В соответствии с постановлением бюро обкома КП(б)Б от 5 февраля 1940 года, волковысское районное бюро КП(б)Б постановило:

> «1. Провести районное совещание крестьян 19 марта 1940 г. в Волковыске в помещении кинотеатра, определив количество участников 182 человек.
>
> 2. Утвердить следующую повестку дня:
>
> а) мероприятия по подготовке и проведению весеннего сева;
>
> б) принять обращение районного совещания крестьян ко всем крестьянам волковысского района по вопросу подготовки и проведения весеннего сева;
>
> в) принять постановление о вступлении в соцсоревнование со Свислочским районом.
>
> 3. Провести совещание крестьян по сельским советам 20 марта, определив количество участников от 50 до 100 человек.
>
> 4. Провести собрание крестьян по деревням с 25 по 27 марта с вопросом о подготовке и проведении сева, и включении в соцсоревнование между деревнями на лучшее проведение весеннего сева.
>
> Придавая большое политическое значение проводимым совещаниям, выборы участников совещаний должны происходить через общие собрания крестьян в деревнях за счёт проверенных и преданных делу партии Ленина-Сталина и делу советской власти из бывших батраков, бедняков и середняков, проявивших себя на общественной работе» [48, с. 95].

Отныне и в Западной Беларуси партийное начальство будет указывать крестьянам, что и когда сеять, когда и как убирать урожай. В результате такого горе-руководства, сочетавшегося с огромными налогами на крестьянские хозяйства, в СССР десятки лет существовал острый дефицит продуктов питания (и других товаров), а покупать зерно после войны стали за границей.

Порочность подобной практики понимали многие приезжие большевики, но ничего поделать не могли. Вот пример. На заседании бюро волковысского райкома партии 25 июня 1940 года рассматривали случай, когда политрук пожарной охраны Щербаков отказался ехать к крестьянам «учить» их уборке урожая:

> «За невыполнение партийного поручения, выразившегося в отказе от поездки в сельсовет по разъяснению крестьянам решений 18-го съезда КЛ(б)Б о проведении мероприятий по подготовке к уборке урожая и выполнению других важнейших государственных мероприятий, за противопоставление своей ведомственной организации районному комитету партии, товарищу Щербакову объявить выговор. Предупредить тов. Щербакова, что при повторении подобных антипартийных поступков с его стороны он будет привлечён к строжайшей партийной ответственности вплоть до исключения из партии» [48, с. 198].

Между тем налоги стали брать даже за фруктовые деревья. Из выступления районного прокурора на собрании актива волковысской районной парторганизации 16 ноября 1940 года:

> «Учёт объектов обложения налогами прошёл исключительно плохо. Начисление сельхозпоставок также страдало рядом недостатков. В Изабелинском сельсовете так проведен учёт, что в плодовые деревья записали два ясеня и начислили на них подоходный налог. Очень много жалоб от крестьян на неправильное начисление сельхозпоставок. Эти жалобы месяцами лежали без всякого движения» [56, с. 20).

Для того, чтобы сдать зерно государству в качестве налога, предстояло ещё намучиться в огромных очередях к приёмным пунктам. Из выступления председателя волковысского горсовета Дашука на собрании партактива 22 августа 1940 года:

> «Заготовительный аппарат работает исключительно плохо. Они даже сводки не в состоянии составить. Недостаточность пунктов и беспорядок, очереди на сто человек, и покуда сдатчик сдаст хлеб, пройдёт много часов» [56, с. 54].

Начальник волковысского городского отдела НКВД Виноградов по этой проблеме высказался ещё более определенно:

> «Заготзерно исключительно плохо работает. В очередях приходится очень много стоять, но когда достоится, к нему начинают предъявлять всякие придирки. Был такой факт на пункте проверки

Крестьянская семья (Волковысский повет) на уборке своего поля

зараженности зерна. Проверяющий указывает, что наверняка есть клещ, а когда мы с товарищем Банцыревым попросили найти этого клеща, то с полчаса возились и никакого клеща не обнаружили.

Был такой случай в пункте заготовки скота. Пригнали коров за несколько километров. За дорогу у некоторых коров покалечились ноги, и они стали хромать. Этого оказалось достаточно товарищу Шолобасову, чтобы не принять скот. Они пригнали весь скот в НКВД и говорят, что назад скот не погонят» [56, с. 57].

Вспоминает житель деревни Бердики Шиловичского сельсовета Волковысского района Генрик Михайлович Бовжик:

«Мало того, что налоги были грабительскими, так ещё народу предстояло намучиться в очередях, чтобы их сдать. Во время уборки днём хлеб молотили и чистили зерно, а ночью везли его на своём транспорте сдавать в Волковыск. Зерно принимали по теперешней улице Кооперативной, так до приёмного пункта очередь по Брестской улице почти на целый километр стояла. Целую ночь простоишь, пока сдашь. Платили по 8 рублей за центнер. Норму сдашь, а всё равно начальство ходит по хатам и требуют сдать дополнительно» [6].

Тогда килограмм хорошей колбасы стоил 12 рублей, а поллитра водки — 8 рублей. Пусть читатель сам прикинет, как советская власть платила крестьянину за его нелёгкий труд. Это был узаконенный грабеж.

И в то же время сплошь и рядом власть не могла по-хозяйски распорядиться продуктами, которые сдавали крестьяне. О вопиющей бесхозяйственности большевиков вспоминает Александр Харкевич из деревни Лешуки:

«В сороковом году началось раскулачивание тех, кто имел больше чем 10 га земли. У меня было три коровы и бычок. Пришёл ко мне председатель и заявил, что надо сдать моего бычка в Волковыск, в подарок товарищу Сталину. Назначили возчика с подводой и ещё хлопчика, чтобы управлял. Вывели они того бычка за деревню, а он воз перевернул. Собрались люди и как-то тот воз наладили. Бычка сдали, но никаких денег за него я не получил.

Вскоре приказали мне сдать корову. Повёл я её теперь сам в Свислочь. В Свислочи очередь! Подошел ко мне человек, расспросил откуда я, и говорит:

— Иди за город и посмотри — там огорожа с коровами, никто их не кормит...

Заглянул я туда, а там уже 28 коров сдохло. И опять все коровы, что в тот день сдали мужики, загнали в ту огорожу» [73, с. 59].

Вспоминает бывший житель Изабелина Леонид Антонович Врублевский, 1920 года рождения:

«В сентябре 1939 г. власть поменялась с польской на советскую. За эти неполные два года, что успели повластвовать Советы, переменилось много чего. Первым делом отобрали землю у тех, кто имел её много, и поделили между безземельными или малоземельными. Одновременно ввели такие налоги, что больше чем десять гектаров земли содержать сделалось невыгодно. Мой отец должен был сдать в качестве налога государству три тонны жита, четыре тонны картофеля, мясо, молоко да ещё три тысячи рублей деньгами. Чтобы не резать свою корову на мясной налог, говядину сдавали следующим образом. В складчину покупали на пятерых человек корову и вели её на скотобойню, где всем выдавали справки о сдаче мяса и, даже выплачивали деньги. Что это были за деньги, считайте сами — за один центнер жита платили 12 рублей (...). Народ говорил, что мир не видел таких панов, как Советы. Настоящий пан за работу накормит и заплатит, а Советы с тебя собственную шкуру снимут.

Те, кто и раньше не желал особенно работать, подались в милицию. Получив в руки винтовки и, повесив на рукава красные повязки, начали раскулачивать более зажиточных крестьян, не прекращая в свободное от работы время пить водку да гулять. (...)

Гайки зажимали всё больше и больше. Неизвестно, чем бы всё это кончилось, но началась война» [6].

В то же время на страницах районной газеты «Заря» крестьяне выражали восторг от советской власти. Житель деревни Войтковичи Константин Янович Тримайло в 1940 году заявил на ее страницах:

> «Я бывший батрак. Долгое время мне приходилось работать у помещицы Мнихи. Горе и беду не раз мне приходилось терпеть. Только с приходом Красной армии я зажил свободно. Советская власть наделила меня 5 гектарами бывшей помещичьей земли. Красная армия дала мне коня. С большой радостью начал я весенний сев. Сеял быстро и качественно. У меня не хватало семян, но на помощь пришла Советская власть. Она мне дала в долг нужное количество семян. На своей земле я посеял пшеницу, овёс, ячмень. Осталось посеять картофель, и его успею посеять за день-два. Только наша дорогая Советская власть заботится о нас, крестьянах. Польские власти о нас никогда не думали. Они думали, как больше собрать налогов» [74].

На основе приведенных выше фактов читатель сам может судить о том, какую именно жизнь принесла в деревню советская власть. Что же касается бедняков вроде Тримайло, то уже осенью того же 1940 года власть и их обложит огромными налогами, а после войны отберёт выделенную им землю и силой загонит в колхоз.

Как сказано выше, в Волковысском районе имелось 1998 хуторских хозяйств, а всего в Белостокской области их насчитывалось 31134. Весной 1941 года советская власть решила начать их ликвидацию. 20 мая 1941 г. секретарь Белостокского обкома КП(б)Б Попов подал докладную записку в секретариат ЦК КП(б)Б о переводе хозяйств с хуторов в колхозные центры и деревни. Сначала переселению подлежали те хутора, которые дали на это свое согласие. Таких по области набралось 283 хозяйства колхозников и 819 хозяйств единоличников, что говорит о массовом нежелании крестьян покидать хутора [15, с. 275]. Однако намеченному переселению хуторян помешала начавшаяся война.

* * *

Кто-то еще сомневается в том, что это была оккупация? Если сомневается, вот факты, взятые из архива. На стол первому секретарю Белостокского обкома КП(б)Б С.С. Игаеву (впоследствии первыми секретарями были Н.В. Киселёв и В.Г. Кудряев), начиная с августа

1940 года, периодически ложились секретные записки о выполнении государственных поставок зерновых культур по Белостокской области. Тайные осведомители НКВД (секретные сотрудники — сексоты) подслушивали разговоры крестьян и сообщали о недовольных людях своим кураторам. Здесь приводится только малая часть таких высказываний жителей Волковысского и Свислочского районов, хотя можно с уверенностью сказать, что абсоютно все нормальные хозяева (т.е. за исключением пьяниц и лодырей) были недовольными грабительской политикой большевистской власти. И как справедливо отмечали некоторые из них, такого грабежа со стороны власти не знало ни одно цивилизованное государство.

> «Житель деревни Доброволя Свислочского района Иван Нестерович Шмага заявил: «У Советов нет справедливости. Обложили большими налогами так, что человек не может выдержать. Лучше бы дали нам хлеба, а нас не агитировали и не оставляли без хлеба. Почему они проводят агитацию? Потому что Сталин хочет стать богом» [64, с. 131].
>
> «Кулак Павел Иванович Брухановский, житель деревни Студеней, Росского сельсовета, Волковысского района, сказал нашему источнику: «При Польше всего было по горло. Красная армия освободила нас от всего этого. Теперь только давай и давай для государства. Советская власть нас задушит. Если будет война, то нужно не только бить, но и выдушить всех большевиков за их порядки, чтобы они больше не рождались. Хорошо было бы, чтобы они не дожили не только до войны, но и до этой зимы. Чтобы их выдушить за один час. Ни в каком государстве нет таких порядков, как здесь. Это просто виселица. Много губят народу, и все мы терпим» [64, с. 136].
>
> «Житель деревни Монтовты Свислочского района Феликс Матвеевич Кулик, ожидая очереди для сдачи зернопоставки среди сдатчиков, сказал: «Наш народ неорганизованный, а если бы мы были как один, взяли бы кто чего — косы, вилы, топор, то этого бы не было, что сейчас делается» [64, с. 149].
>
> «Учитель начальной школы деревни Видейки Свислочского района, среди сослуживцев заявил: «Что они думают! Обдирают людей наголо, а от нас требуют, чтобы мы агитировали крестьян за выполнение плана. Я не буду агитировать. Я не могу собирать крестьян. Крестьяне не в состоянии отдать своё зерно» [64, с. 149].
>
> «Житель хутора Олески Грииевичского сельсовета Свислочского района Константин Спиридович сказал: «Советская власть освободила нас от хлеба и соли. При польском правительстве мы меньше

платили налога, а теперь крестьянину хоть на виселицу бросайся! Одно выплатишь, другое подходит!» [64, с. 158].

Для того, чтобы выполнить нормы хлебопоставок и в то же время сохранить зерно для своих нужд, крестьяне иногда шли на заведомое преступление:

• Пролетары! JclX край, eSmfluMfl
Іпролетарий всех стран, .соединяйтесь!

С?рыя ЗБЕ
Серия ЗБЕ

я. ~£е?ь

АБ\ВЯЗА!1ЕЛЬСТВА^ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

га плстауцы эвриа I бульбм ДЗяржаве дляаасобным! гаойаяаркдч] у | Ш г
шхлоь*аме ,3СрНf> и картофеля *^ударству ^днnолнчн^^Г хозяйстадми_.в 1^*0 г.

Сельсовета -'..,.,».-...,..,...,—...^«.
; Раёнэ —.-.....-...;.....:..*.—:.....:...
Облaсц! :…„;

Нь надстаье закона об паста?ках зярйа і бульбы Вам устана?л|ваеийа иоёрда* аПавязацельетва на здачу 'дзяржаве зщ.и> і; бульбы па д.1#ржаукых за'дтав1-Mie.ii.i'НХ цэнах. _.-Т
1'а.ыер ласта?к! эярна і бульбы .Л. Гэ1аму абавязаиельству выл1чан, чыходЗячы *г* наступнага разл1ку;'_

Сельсовета *Q*..^.fo.r4&4&.....:*
Района *..%2л^Ж*$ •&&&%.....*
Области :....,...

На основании закона о поставкам зерна и-Гкйргофелй Вам устанавливаетия ~-*оерДОе' обязательство на еяачу госу* ^дарству-зерна и картофеля погосуДар* ственным заготовительным ценам.
. Размер - поставки зерна и картофеля -по настойшеиу обязательству всчяслеи," исходя из - следующего расчета:

Зсрн^выя^ультуры
/Зерновые культуры

Бульва.
Картофрлу

m *Щ* ——„ , оидка гаг.-' 1Ы 43

Плошча • пахаш (у га! •ЧлоШаль паш!Ш (в га)	Норма :здачы з га 7,"*.) Норма сдачи с га (в кгрД	Да здачы *Щ***Щ* Начислено к сдаче (в Цен)	(?«1нт., Скидка хозяйствам *с',* семьей более 5 душ -: (а цеи >	выл!кам сюдк! (у- чэ(тт.) . Подлежит-'с£вЧс за вычетом - скидка (в цент.)_ Усяго: -Всегр:	1 У тыч з!ку *"прл** давольете; В т.* продов.	Норма здачы (у цзвт.) Норма сдачи (в; цен)	Усяго из лежыць здачы (у цэнт.) Всего подлежит сдаче <в цеи.)

Ш £$- iff

мШ^Щ ***ш***

3 агульнаЙ. колькзец. зернавых культур. належачьга -здачы.- Вы абавязаны эдаиь не менш % прадявольств%нъ.м1 Культурам* гпшая1цл. жыга, гр.v;«^.про-: са,. гарох. чачав.ца. ipacttmi),. пры "-этым^, адачй мо*8 нравйаэ1шМ»\ любой -аоо'jie* '«сальК'М! ч F3Тba.культур ьигледжанжо-Эдатчыка.

Здаваемая пшытца J дlк выкананяя абэзязяиельства прымаёиия з разл1ку *Л* в1Дограм за 1,6 юдограча intaax пра-, 5а^вольстбеньи культур*-->,'• •'•

Ь_Из-общего Количества зерновых куль-:.typ.- подлежащих сдаче; Вы> обязаны .сдать не менее %. прояовольствен."'"М' 'культурами (пшениия. оежь . гр^ч^ха, •"проо," горох, чечевица, фасадь).•"'. "при -этвм сдача мо'жй-т?-'-производиться'.'л'к>-•бой. или несколькими из ?тД культур по усмотрению сдатчика-':-

, Сдаваема'я пшенная.«."счет выподнеййп . рбйийвтельетна принимается. я> расчета *Л* килограмм за 1,5 килограмма других • ггродовольственных культур- .

Тиаагхм»Ф»в-'^зввстай». Мосйвв. ТиражЫШ*0 вка

'--

Обязательство крестьянина-единоличника по поставкам зерна и картофеля (1940 г.)

«Середняк деревни Вейки Вейковского сельсовета Свислочского района Урбанович Иван Иосифович в зерно, привезенное для сдачи государству, насыпал песку, что при контрольной проверке было обнаружено. На допросе Урбанович заявил: «Для сдачи государству зерна мне не хватало и, чтобы увеличить вес, я всыпал три фуражки песка».

Материал в отношении Урбановича передан в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности» [64, с. 168].

Людей довели до такого отчаяния, что некоторые крестьяне, не боясь репрессий, говорили правду прямо в глаза представителям советской власти:

«Житель деревни Новосады Шинковского сельсовета Свислочского района Михаил Цивонюк уполномоченному РК КП(б)Б Трусову заявил: «Соберу весь хлеб, сдам его государству и сеять ничего не буду! А сам возьму винтовку и напролом пойду в Германию. Здесь жить нельзя! Вы мучаете народ! Выколачиваете у него хлеб!» [64, с. 156].

За отказ от сдачи хлебопоставок виновных арестовывали. Из спецзаписки от 15 сентября 1940 года:

«В Волковысском районе отмечены факты отказчиков от выполнения соцгособязательства со стороны середняков. Например, Козел Александр Антонович, житель деревни Лесники Мстибовского сельсовета, из причитавшегося 5,2 центнера не сдал ни одного килограмма и заявил, что сдавать не будет. Аналогичные факты зафиксированы и со стороны других. В Островском сельсовете, Волковысского района, на 21 августа план был выполнен только на 2,9 %. Когда же РО НКВД арестовало саботажников и кулаков Шульгу, Турак и Климоть, то на 11 сентября план был выполнен на 36 % » [64, с. 188].

Вместе с тем народ надеялся, что советская кабала долго не продержится. Очень много зафиксировано высказываний, содержащих надежду на возвращение польской власти или приход немцев:

«Житель деревни Бортники Видейского сельсовета Свислочского района Войтех Иосифович Болвар заявил: «Я бы немцу отдал последние штаны, только бы он нас освободил от большевиков!» [64, с. 188].

«Кулак деревни Зенчики Загорского сельсовета Волковысского района Высоцкий среди крестьян деревни говорил: «Скоро придут немцы. Советская власть здесь не будет и потому хлеб сдавать не

нужно, а нужно оставить его для польской армии». Высоцкий арестован» [64, с. 196].

«Житель деревни Видейки Свислочского района Андрей Соловей, по социальному положению середняк, говорил: «Это не власть, а грабёж! Как пришла советская власть, так и начала грабить. На меня наложили столько зерна, сколько я за польской властью не платил в течение 10 лет. Если так будут грабить, то долго не награбят. Скоро им будет конец!». Соловей взят на оперативный учёт» [64, с. 228).

«Со стороны вражеского элемента отмечены следующие факты антисоветских проявлений. Так, например, житель деревни Гриневичи Волковысского района, бывший сержант польской армии Антон Машевский среди крестьян говорил: «Пахать, сеять и сдавать государству ничего не надо, потому что Советы скоро прогоним, и опять будет Польша» [64, с. 235].

Читатель может задать вопрос: как среди простого народа могли появиться тайные осведомители НКВД. В этом нет никакого секрета. С приходом Советов хозяевами положения во многом стали лодыри и пьяницы, которые не хотели работать при любой власти. Именно они выколачивали налоги из своих работящих односельчан и занимались доносительством. Кроме того, органы НКВД силой заставляли людей становиться «сексотами». По этому поводу имеется характерное свидетельство Григория Семёновича Окуневского:

«Осенью 1941 г. при немцах к нам на хутор пришёл шить кожух портной Пётр Асмолович. В те времена такие вещи обычно шились на дому у заказчика. Однажды вечером за разговором Асмолович признался отцу, как его вербовали сотрудники НКВД. Когда в 1939 г. пришли Советы, сотрудник НКВД потребовал от него доносить им, кто и что говорят по хуторам и в деревнях против советской власти. Портной отказался, мотивируя отказ тем, что доносительство несовместимо с верой, а он глубоко верующий человек. Видя его несговорчивость, двое энкэвэдистов имитировали расстрел. Приведя Асмоловича на кладбище, вслух, так чтобы слышал портной, начали советоваться между собой, в каком месте его лучше всего расстрелять. Увидев, что и после такой психологической пытки Асмолович не сдался, дали ему на раздумье какой-то срок, после чего пригрозили арестовать. Начавшаяся война спасла верующего и совестливого человека от дальнейших провокаций со стороны сотрудников НКВД» [61].

13

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Одним из решений Народного собрания, состоявшегося в Белостоке 28—30 октября 1939 года было решение о конфискации помещичьих земель, хотя часть помещичьих земель крестьяне успели поделить ещё до собрания.

В декларации собрания записали, что вся земля с её недрами, лесами и реками объявляется общенациональным богатством, т.е. государственной собственностью. Отныне государство в лице партийного аппарата заменило помещиков, став самым могущественным эксплуататором в истории нашей земли. Для эксплуатации же крестьянства была придумана общественная форма сельскохозяйственного производства — коллективные хозяйства, по-простому — колхозы. Советская пропаганда, безудержно восхвалявшая колхозную систему, производила впечатление на умы иных крестьян. В докладной записке волковысского райкома партии от 22 февраля 1940 года сказано:

> «По целому ряду населённых пунктов началось и успешно развёртывается движение за организацию колхозов. Из деревень Колонтаи, Терешки, Колядичи и др. в РК КП(б)Б и в райисполком от групп крестьян прибывают представители с просьбой помочь им в организации колхозов» [63, с. 3].

Что это были за «группы крестьян» нетрудно догадаться — безземельные батраки, а также бедные и малоземельные крестьяне, не имевшие в своих хозяйствах ни лошадей, ни инвентаря для обработки земли. Таким крестьянам колхоз казался тем местом, где их семьи будут жить в достатке, как об этом им толковали агитаторы. Однако власть прекрасно понимала, что среди таких крестьян очень велик процент лодырей и бездельников, с которыми колхоз не создать. Да и в колхоз от них не возьмёшь того, чего у них нет, т.е. лошадей, коров, сельхозинвентаря и прочего. Это всё имелось только у более-менее зажиточных крестьян. Разорение посредством непосильных налогов именно таких крестьянских хозяйств и стало подготовительным этапом к проведению коллективизации.

Рачительные крестьяне, которым было что терять в кохозах, противились коллективизации. В этом отношении характерны воспоминания бывшего политрука Красной армии Нури Халилова, выпускника педагогического института, которому командование полка поручило агитировать крестьян вступать в колхозы:

> «К нашему командиру полка приходили местные коммунисты и бывшие подпольщики, говорили: «Пришли нам агитатора, который мог бы местному населению рассказать о колхозах». А тогда уже к 1940 г. там стали образовывать колхозы, вот я и выступал перед крестьянами. Знаете, они были очень грамотные, знали о нас и колхозе больше, чем мы сами. Обычно отправляли в деревни, куда надо было идти по лесу 4-5 км. Рядом шёл проводник подпольщик или коммунист, который здесь до нашего прихода боролся за Советскую власть.
>
> Я сначала делал выступление, а потом местные жители вопросы задавали, и такие сложные, должен сказать. К примеру, задают вопрос: «Вся земля по Конституции СССР принадлежит крестьянам. Но вы же у крестьян землю отобрали и сделали колхозы, как это можно?» Потом: «В статье 1 Конституции СССР страна является государством рабочих и крестьян, но потом идёт статья 3 или 4, что земля, её недра, богатства и заводы и фабрики являются государственной собственностью. Так где же моя крестьянская собственность, вы её хотите в колхоз отобрать?» Потом цитировали 6 статью о том, что ведущей силой Советского Союза является коммунистическая партия, и кричат на меня: «Значит, те шакалы, которые тебя привели, управлять будут нами?» Что уж говорить, меня они очень нехорошо воспринимали, я опасался, что даже стрелять будут по дороге.

Но на мои лекции много народу набивалось, даже лежали в проходах. И в целом они были правы, я Конституцию СССР знал хуже, чем они. В конце собрания местные такой итог подводили: «Вы хотите нас поработить, я труженик, я пашу, сею, убираю, а у этого шакала ничего нет, но теперь будет колхоз, и все будем одинаковые?! Один раз даже какой-то крестьянин принёс капусту, ударил передо мной об стол и заявил: «Это моя капуста, я её нашему дураку-коммунисту не отдам!» [75].

Первым коллективным хозяйством в Волковысском районе стало конехозяйство «Россь», образованное из помещичьих земель местечка Россь, а также деревень Ендриховцы и Скрибово. На базе ухоженного имения графа Адама Браницкого создать коллективное хозяйство было не так уж сложно. Директором хозяйства 11 марта 1940 года назначили приехавшего с востока беларуса Михаила Филимоновича Позднякова, большевика с низшим образованием. На партконференции 15 апреля 1940 года по поводу этого хозяйства отмечалось:

«Совхоз имеет в своём пользовании 1463 га земли всех угодий. Совхоз обеспечен сельхозинвентарём, тягловой силой и всем необходимым для развёртывания работы и успешного проведения сева. Последнее время совхозу передано крупное рыбное хозяйство, имеющее 126 га прудов. Это хозяйство не только для совхоза, но и в целом для района имеет огромное значение. Задача партийной организации — принять все меры к тому, чтобы это первое советское хозяйство в условиях нашего района осталось показательным во всех отношениях. Показать окружающему населению превосходство советской системы» [48, с. 30].

Народ окрестил такие действия власти коротким, но ёмким словом — «показуха». И все же советская власть так и не смогла сделать первые колхозы привлекательными для остальной части населения.

О первых шагах по созданию колхозов можно судить из докладной записки секретаря Свислочского райкома КП(б)Б Ловренова в Белостокский обком, написанной 10 марта 1940 года:

«Передовая часть беднейшего крестьянства по своей инициативе обращается в районные организации с коллективными заявлениями, в которых просит помочь им в организации сельскохозяйственной артели. Поддерживая инициативу крестьян, на 9 марта 1940 г. в Свислочском районе организовано 4 сельскохозяйственных артели в следующих населённых пунктах:

В деревне Лихоселыш Незбудического сельсовета — в колхоз имени 22-й годовщины РККА вступило 66 хозяйств из 80.

В деревне Глушки Гриньковского сельсовета — в колхоз «КИМ» вступило 60 хозяйств из 70.

В деревне Гриневичи Свислочского сельсовета, в колхоз имени Ворошилова вступило 26 хозяйств из 32.

В деревне Пацуи с центром в бывшем имении Пацуи Свислочского сельсовета, в колхоз «Красная Звезда» вступило 21 хозяйство из 27.

В организованных колхозах происходит обобществление семенных фондов, сельхозинвентаря, лошадей и хозпостроек. Коровы, независимо от их количества, не обобществляются.

Колхозам из государственного имущества выданы лошади, коровы, овцы, свиньи. Для оказания помощи в организационном и хозяйственном закреплении к организованным колхозам райкомом партии прикреплены коммунисты из райпартактива.

Политическое настроение колхозников хорошее, есть отдельные случаи, что подписавшие коллективное заявление при оформлении колхоза подать индивидуальное заявление о вступлении в колхоз отказались» [15, с. 57-58].

Спрашивается — откуда у государства взялись лошади, коровы, овцы, свиньи, если весь конфискованный у помещиков скот был роздан беднякам ещё осенью 1939 года. А дело в том, что совсем недавно, 10 февраля произошла первая

Советский плакат, призывающий вступать в колхоз

массовая депортация польского населения — семей военных осадников и лесников. Вот их имущество и раздали колхозам.

В том же марте месяце 1940 года появились первые колхозы и в соседнем со Свислочским — Волковысском районе: 42 семьи бывших батраков из деревни Матвеевцы объединились в колхоз. Хозяйство насчитывало 40 коней, 60 коров и 100 гектаров земли. Председателем избрали местного жителя Антона Михайловича Дудара[48,с. 15].

Создание колхозов на базе помещичьих имений, где работали батраки, было вполне логично: безынициативные батраки, не имевшие своей земли, привыкли всю жизнь трудиться на хозяина, коим сейчас стал для них председатель колхоза. Да и опыт самостоятельного хозяйствования на земле у них отсутствовал. Поэтому инициатива создания колхозов исходила именно от такого сорта людей.

На 14 марта 1940 года по Волковысскому району было организовано 5 колхозов, в которые вошли 265 крестьянских хозяйств. В этих хозяйствах был обобществлён посевной фонд, сельхозинвентарь и тягловая сила, т.е. лошади [63, с. 21].

Однако в помещичьих имениях батракам раньше жилось лучше, чем в колхозах, иначе новоиспеченные колхозники не относились бы так плохо к своим обязанностям. На это указывает следующий факт: к весне 1940 года новая власть не организовала колхозников даже на обмолот собранного прошлогоднего урожая с помещичьих земель. Из выступления коммуниста Мазан и ка на общем партсобрании Волковысского района 14 марта 1940 года:

> «На сегодняшний день в помещичьих имениях мы имеем недостаток кормов для скота, а зерно ещё не обмолочено. Ремонт сельхозинвентаря в имениях не проводится».

На этом же собрании было принято постановление:

> «Поручить РК КП(б)Б принять необходимые меры к немедленной ликвидации отмеченных недостатков в деле подготовки к весеннему севу и наметить мероприятия, обеспечивающие подготовку крестьянских хозяйств и земельных органов района на успешное проведение посевной кампании в районе» [48, с. 15].

Несмотря на озвученные факты вопиющей бесхозяйственности, устранять их никто не спешил. На очередном заседании бюро 10 апреля, т.е. через месяц, вновь отмечалось:

«Недопустимо затянут обмолот в бывших помещичьих имениях Кузьмичи, Верейки, совхозе «Россь». До сих пор большое количество семян не очищено, не закончен ремонт сельхозинвентаря, телег, сбруи, как по совхозу «Россь», так и в новоорганизованных колхозах» [48, с. 1161.

На следующий день (11 апреля) бюро Волковысского РК КП(б)Б отметило:

«Вследствие крайне слабой работы по организационно-хозяйственному и политическому воспитанию колхозников имел место выход шести колхозников из колхозов имени Сталина, имени Ворошилова Верейковского и Девятковского сельских советов. В ряде колхозов: 1-го Мая, имени Ворошилова, имени Сталина Изабелинского сельского совета и других — крайне плохо организован труд, и особенно нетерпимо состояние колхозного учёта, что может привести к подрыву организационной и хозяйственной деятельности колхозов в деле дальнейшего колхозного строительства в районе. Со стороны советских и партийных организаций и земельных органов района до последнего времени не принято достаточных мер к тому, чтобы немедленно прийти колхозам на помощь в правильной организации труда, надлежащей постановке колхозного учёта и организации систематической работы с колхозниками по политическому их воспитанию и т. д.» [48, с. 120].

Оказывается, колхозники плохо работают оттого, что политически не воспитаны! И, как всегда, новая власть причину плохой работы искала в саботаже:

«В колхозе «Ворошилова», Волковысского района, при пуске молотилки колхозники Владимир Савко, Александр Низко и Пленчук умышленно бросили в барабан одновременно шесть снопов ржи, в результате чего молотилка вышла из строя. Дано указание Волковысскому РО НКВД немедленно расследовать указанный факт и виновных привлечь к уголовной ответственности» [64, с. 73].

Что ж, виновных усердно искали и находили. Из спецзаписки районного отдела НКВД в обком по состоянию на 4 сентября 1940 года:

«Группа кулаков — Борисевич, Бруханский и Сцецевич деревни Студенец Росского сельсовета, Волковысского района, проводят антисоветскую агитацию, направленную против выполнения хлебопоставок, а также на развал колхоза «Ударник». Указанная группа кулаков провела нелегальное сборище, где условились не выпол-

нять государственные обязательства по хлебопоставкам. Кроме того, на одно из сборищ пригласили колхозника Наруту Николая Владимировича и агитировали его выйти из колхоза, обещая ему всякую помощь. В результате агитации Нарута из колхоза вышел. Кулаки Борисевич, Бруханский и Сцецевич арестованы» (64, с. 126].

Отношение крестьян к работе в колхозе ярко характеризуют их действия во время уборки. Уборка урожая всегда считалась святым делом для сельского жителя. На поле не оставляли ни единого колоска, ни одной картофелины. Оно и понятно — всё заготовлялось лично для себя. Даже когда работали на помещика, то заранее знали, какая доля от собранного урожая достанется наёмному рабочему. Поэтому обмолот зерновых производился сразу же после уборки. Сейчас надеяться на справедливость не приходилось. 24 июля 1940 года, уже после начала уборки, бюро райкома отмечало:

«Недопустимое отставание уборки по колхозам свидетельствует о недостаточной организации труда в колхозах, плохо организована звеньевая работа, имеют факты позднего выхода на работу. В отдельных колхозах соцсоревнование не развёрнуто. Имеют место в ряде колхозов факты пренебрежения работой вручную. Тенденция производить уборку только жатками, при явном недостаточном количестве последних.

Качество уборки в ряде колхозов низкое. ...В колхозах «им. Будённого» и «17-го сентября» в результате несоблюдения нужных правил при скирдовании испорчено три скирды сена. По всем колхозам ещё не при-

Советский плакат, призывающий к борьбе с кулаками

ступали к обмолоту сжатого урожая. Инвентарь к обмолоту в достаточной степени не подготовлен.

...Бюро РК КП(б)Б отмечает совершенно низкое качество уборки на всех площадях сжатого урожая. Ещё не произведено сгребание колосьев, а где производилось, то в недостаточной мере и небрежно. Сжатая рожь, несмотря на наличие полной возможности, не заскирдована, к обмолоту не приступили» [48, с. 220].

Дошло до абсурда. Обмолот первого колхозного урожая райком партии обязал производить под присмотром прокуратуры. Из решения бюро Волковысского РК КП(б)Б от 2 октября 1940 года «О ходе обмолота в колхозах»:

«Постановили:

1. Признать ход обмолота по колхозам района неудовлетворительным. На 10 октября сего года по колхозам обмолочено всего лишь 34 % урожая.

2. Предложить заврайзо тов. Лапипкому, директору МТС тов. Селезнёву и директору совхоза «Россь» тов. Позднякову использовать на молотьбе все имеющиеся у них молотилки и полностью закончить молотьбу в колхозах и совхозах до 5 ноября сего года, для чего организовать двухсменную работу на молотилках.

3. Обязать райпрокурора тов. Баркевича проследить за выполнением данного решения и лиц, сопротивляющихся организации двухсменной работы молотилок привлекать к ответственности как нарушителей закона, стремящихся в антигосударственных целях оттянуть молотьбу.

4. Поручить оргинструктору отдела райкома партии Мицкову подобрать из числа партийного актива группу товарищей и командировать их в колхозы и совхозы для организации быстрейшего окончания молотьбы к установленному сроку» [48, с. 320].

Все это называется «работой из-под палки». Данный документ наглядно свидетельствует о том, с каким безразличием крестьяне относились к работе в колхозе. Это как же надо было «достать» крестьянина, чтобы он стал выполнять свою работу под присмотром присланных из райкома дармоедов-партийцев?!

На бесхозяйственность, царившую в колхозах, вынужден был обратить внимание даже секретарь первичной парторганизации городского отдела НКВД Дегтерев. На пленуме райкома КП(б)Б 10 ноября 1940 года он заявил:

«Очень недостаточно за последнее время работаем в отношении организационно-хозяйственного управления колхозов. В результате

этого имеется большая бесхозяйственность. Солома в колхозе имени Ворошилова погнила. Крестьяне пальцами показывают на эту бесхозяйственность и смеются с нас. У нас 11 колхозов в районе, но мы не можем в них навести большевистский порядок» [58, с. 32|.

Негативные факты в работе колхозов отмечала и областная газета «Вольная праца», орган Белостокского обкома, горкома КП(б)Б и облисполкома. Из заметки «Марудзяць з уборкай бульбы», напечатанной в номере за 8 октября 1940 года:

> «Восень уступит у свае правы. 3 кожным днём пагаршаецца надвор'е, хутка наступяць халады. Аднак, тэта школью не турбуе асобных старшынь сельсаветау і калгасау Ваукавыскага раёна. Яны не зразумел1 таго, што пры таюх умовах толью максимальным скарыстаннем усей рабочай с1пы і кожнай гадзшы добрага надвор'я можна забяспечыць пасняховае заканчэнне уборю бульбы.
>
> У калгасе iMeHi Сталша 1забел1нскага сельсавета пачал! уборку 2 кастрычшка. Першы дзень паказау непадрыхтаванасць калгаса да уборю. Участю за брыгадам1 не замацаваны. На уборку вьшш не усе калгасшю. Мнопя калгасшю занялюя копкай бульбы на уласных агародах. За два дт калгас убрау толью 2 гектары. Патрэбна-ж убраць 40 гектара?! Пры таюх тэмпах работы уборка расцягнецца на 20 дзён.
>
> У калгасе "Балыиавж" Роскага сельсавета (..) на уборцы працуе толью 22 чалавек!, як1я здолел! выкапаць бульбу з плошчы 5 гектарау. Калгасу-ж трэба убраць 38 гектарау.
>
> Марудна праходзщь уборка бульбы у калгасах iMeHi Будзёнага Вярэйкаускага сельсавета, iMeHi 17 верасня Гудзевшкага сельсавета, iMeHi Тэльмана Ваукавыскага горсавета.
>
> Аднаасобны сектар таксама павольна разготвае уборку. Аднаасобныя гаспадарю Рэплянскага сельсавета убраni толью 12 гектарау, Масеевщкага — 15, Дзевяткоускага — 20. 1 толью аднаасобтю McuieaVcKara сельсавета убрал1 больш 150 гектара?.
>
> Таюя тэмпы уборю пагражаюць вял1к1м1 стратам1 багатага ураджаю бульбы. Раённыя юруючыя аргашзаиьн пав1нны неадкладна прыняць меры для таго, каб паскорыць уборку бульбы».

В этой заметке странным на первый взгляд кажется безразличие к уборке «второго хлеба» единоличными хозяйствами. Но это легко можно объяснить тем, что им доводился огромный план по сдаче картофеля государству, причём по низким ценам. У людей просто опускались руки.

Демонстрация колхозников под лозунгом уничтожения кулаков

Тех, кто работал хорошо, но в единоличных хозяйствах, с началом коллективизации стали давить налогами ещё сильнее. Результатом переписи животных в личных хозяйствах явился массовый убой скота. Рачительные хозяева раньше никогда не резали здоровый молодняк. Сейчас же, чтобы не досталось колхозам и государству, под нож пускали телят, свиней, овец. На базарах мясо появилось в таком огромном количестве, что упало в иене. Понятно, что новая власть объясняла причину сокращения поголовья скота происками врагов, а не своим головотяпством. На массовый убой скота повлиял ещё один существенный фактор — высылка людей в Сибирь. Боясь новой волны репрессий, и не желая, чтобы домашняя живность досталась сатанинской власти, хозяева резали скот.

Из докладной записки первому секретарю Белостокского обкома партии С.С. Игаеву о ходе выполнения хозяйственно-политической кампании по Белостокской области по состоянию на 15 октября 1940 г.:

> «В связи с проводимой работой по мясопоставкам государству, госзакупкам и проведению учёта поголовья по районам области от-

мечены факты массового убоя скота. Так, в Волковысском районе, в деревне Ошмянцы, Бискупицкого сельсовета, только за один день было убито 8 свиней. Среди крестьян этой деревни распространяются провокационные слухи о том, что всем учтённым по переписи свиньям будут прицеплены номера к ушам, и тогда эти свиньи будут уже не собственностью крестьян, а собственностью государства.

На вопрос нашего источника члену Бискупицкого сельсовета Левенцу, почему так много убивают свиней, последовал ответ: "Неизвестно, что будет завтра, а сегодня убили — будет твоё". Крестьянин деревни Трунцы Харитоник Иван при встрече с нашим источником сказал: "У нас все поголовно, кто имеет откормленных свиней, убивают их, потому что советская власть будет брать наполовину. В Порозовском районе советская власть уже берёт свиней".

На этой же почве провокационных слухов крестьянин деревни Войтковичи, Бискупицкого сельсовета, Баклаженец Иван убил двух свиней, а крестьяне этой деревни Курлович Викентий и Лукашевич Иосиф забили неоткормленных свиней» [64, с. 288].

Реакцией властей стало преследование тех крестьян, кто продавал мясо на рынке. Тогда крестьяне начали продавать мясо тайно. Свидетель того времени, житель Волковыска Вацлав Навроцкий вспоминает:

«Мы покупали мясо у крестьян, которые привозили его в город и тайно от властей продавали на дому у знакомых. Те сообщали соседям и другим знакомым. Сахар вообще пропал в магазинах, а за хлебом выстаивали в очередях» [61.

Для помощи колхозам в районе была создана МТС — машинно-тракторная станция, обрабатывающая пахотную землю тракторами и прицепной техникой. На районной партконференции 15 апреля 1940 года сообщалось:

«По решению ЦК КП(б)Б, правительства, в нашем районе организована МТС, которая уже укомплектована тракторами — прибыло 3 трактора ХТЗ и 2 трактора У-2. Основными руководящими кадрами МТС также укомплектована. В ближайшее время при помощи ЦК КП(б)Б будет укомплектована техническим составом» [48, с. 30].

Надо было показать населению, как в СССР обрабатывают землю тракторами, и тем самым завлечь крестьян в колхозы. Од-

1ако становление МТС проходило с большими трудностями. Да и «и трактора из восточных районов сюда доставили по принципу 1а тебе, Боже, что мне негоже!», т. е. подержанные, требующие ремонта. Трактора часто простаивали. Плохую работу МТС отмечали iа многих партийных собраниях района. Из выступления директора МТС Селезнёва:

«Мы получили недавно новые трактора и тракторами обработали 580 га. Мы могли бы сделать значительно больше, но часть присланных нам тракторов из МТС восточных областей оказалась неисправной, требующей ремонта. Могли бы отремонтировать на месте, но для ремонта тракторов не хватает отдельных частей. Ездили в область, но приехали оттуда впустую, ничего не достали, видимо, там совершенно не заботятся. Нам нужно использовать имеющуюся в Росси мастерскую для ремонта тракторов, но эта мастерская занята военной частью, но, сколько этот вопрос ни разбирался, сколько ни выносили решения, но до сих пор это помещение нам не передано» [56, с. 21].

Уже осенью МТС практически развалилась. Трактора сломались окончательно. 15 октября на бюро волковысского райкома обсуждали единственный вопрос: «О выполнении решения бюро РК Щ(б)Б от 8.6.1940 г. о работе Росской МТС». Из постановления:

«Несмотря на количественное выполнение плана по пахоте на 108 %, в работе МТС продолжает оставаться ряд серьёзнейших недостатков. Транспортный парк, вследствие небрежного отношения к его сбережению, невыполнения технических правил ухода за тракторами и отсутствия должного руководства и контроля со стороны старшего механика МТС тов. Карпова, приведен в хаотическое состояние. Так, из наличия 8 тракторов по состоянию на 10 октября выведено из строя 5 тракторов. Работающие же трактора, вследствие отдельных неполадок, значительное время простаивали. Никаких мер к ремонту выведенных из строя тракторов не принимается. Испорченные трактора оставлены на полях без всякого надзора.

В колхозах «им. Ворошилова» и «1-го Мая» план поднятия зябей по состоянию на 10 октября выполнен на 33,3 %, при плане 390 га вспахано 130 га. Качество выполняемых работ, особенно на пахоте, низкое. Рядовой посев в колхозах сорван, причём в колхозе «Большевик» Росского сельсовета подготовленную к рядовому севу площадь пришлось перепахивать» [48, с. 326].

Уму непостижимо. Как при выполнении плана по пахоте на 108 % удалось вспахать всего лишь третью часть?! Видимо, у большевиков своя логика, не имеющая ничего общего с аристотелевской. Вот и за развал МТС директору Селезнёву объявили только выговор. Даже не строгий. Просто пожурили. Он же ведь свой, из рабочих, не какой-нибудь классово-чуждый элемент.

А вот перед нами свидетельство простой колхозницы о том, как жилось в этих самых колхозах. Подслушанный «сексотом» разговор был сообщён куда следует, и поэтому сохранился для истории. Красноречивее о рабской жизни в колхозе, даже если бы хотелось выдумать, не скажешь. Из спецсообщения о недочётах в ходе подготовки к весенне-посевной кампании в Волковысском районе на 12 февраля 1941 года:

> «Политико-разъяснительная работа среди колхозников проводится недостаточно. В результате отмечены факты не только низкой трудовой дисциплины, но и отрицательных настроений. Так, например, колхозница колхоза «им. Сталина» Верейковского сельсовета, Ковальчук Анна 30 января 1941 г. в группе колхозниц говорила: «В колхозе мы умрём с голода. Нас большевики не освободили, а больший гнёт сделали. При помещике мы больше зарабатывали, чем теперь. Раньше мой муж один обеспечивал всю семью, а теперь мы работаем всей семьёй и не можем обеспечить себя. И вот если придут проводить собрание, то мы заявим: "Дайте нам жизнь или стреляйте нас, а то мы повесимся, ибо на нас пришла погибель".
>
> Правление этого колхоза во главе с председателем Ковш Василием завели книгу, которую озаглавили «Книга записей преступлений колхозников». В эту книгу заносится малейшее высказывание колхозников, что вызывает с их стороны озлобление» [76, с. 178].

Ещё одно свидетельство о предвоенных колхозах в Свислочском районе оставил Станислав Бобиньский из деревни Ятвеск:

> «Каникулы проводил дома, где работал в колхозе. Территория единоличного хозяйства отца была насильно включена в колхоз, и чтобы не забрали ещё и строения, он вынужден был вступить в колхоз. Работа в колхозе приносила мне даже удовольствие, так как контакт с беларусами убедил меня, что только небольшая часть из них осталась довольна советской властью. Большинство относилось к ней критически и даже смеялись с неумелого советского хозяйствования, когда она не могла обеспечить народ самыми необходимыми товарами и продуктами.

При сельсоветах открылись магазины, годовая норма на одного человека составляла мизерную цифру: сахара в 1940 г. — 0,45 кг, в 1941 г. — 0,6 кг. Раз в год мужчинам продавали по 1 метру грубой льняной ткани, а женщинам — по 1 метру ситца. Но и эта норма не покрывала числа людей, принадлежащих к кооперации, и потому распределение материала происходило по жеребьёвке. Всё чаще народ вспоминал богатые прилавки предвоенных магазинов» [25].

т -

По мнению большевиков, тракторы должны были убеждать крестьян в преимуществах коллективного хозяйствования

«Да! — согласятся приверженцы советского строя. — Были отчьные перегибы. Но в целом...». А то, что так называемые «пере-1бы» и составляли суть государственной политики, доказывать им неполезно.

Всего до начала войны на присоединённых территориях Западгой Беларуси успели создать 1115 колхозов, куда вошли только 7 % всех крестьянских хозяйств. Меньше всего колхозов успели создать ! Белостокской области. Здесь загоняли в колхозы жителей дерешь только с православным населением. В Волковысском районе 5ыло организовано 14 колхозов, объединивших 615 крестьянских хозяйств [48, с. 15].

14

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Центральное место в экономических преобразованиях заняла национализация промышленности. Она была проведена в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 1 октября 1УЗУ года и официально утверждена на заседании Бюро ЦК КП(б)Б 10 октября 1939 г. Национализации подлежали все предприятия деревообрабатывающей, кожевенной, текстильной, металлообрабатывающей, химической промышленности, а также торговые предприятия и предприятия коммунального хозяйства, медицинские учреждения, дома владельцев крупных акционерных обществ, а также покинутые владельцами. При этом национализировалось все движимое и недвижимое имущество предприятий. Национализацию на местах проводили комиссии, куда обязательно входили представители Временного управления, органов местного управления и соответствующего наркомата БССР.

Из документа, извещающего о национализации имущества известного в Волковыске предпринимателя Езерского:

«В Белостокский обком КП(б)Б тов. Игаеву от Белостокского областного транспортного треста. Докладная записка.

Согласно постановлению Совета Народных комиссаров БССР № 402 от 17 марта 1940 г. о национализации и передаче наркомату автомобильного транспорта БССР автопредприятий в западных областях БССР.

По Волковыску: ...Автомастерская, принадлежащая ранее Езерскому, с оборудованием: один токарный станок — 2 мт, один токарный станок — 1,5 м, сверлильный станок, автоген, шесть тисков, два электромотора, мелкий инструмент, гараж на четыре места для грузовых машин, бензоколонка ёмкостью 5 тысяч литров, специальное помещение под склад запчастей, а также ряд других небольших помещений» [77, с. 49].

На предприятия вместо прежних хозяев назначили новых руководителей, большей частью присланных с востока. Создавались ремесленные кооперативы, которые разрушали мелкое товарное производство.

Вместо проверенных веками рыночных отношений в экономику внедрялись новые методы труда, лишенные материального стимула — социалистическое соревнование и стахановское движение*. Так, на крупнейшем предприятии Волковысского района — цементном заводе Россь, как сообщила газета «Заря» за 11 августа 1940 года, в социалистическом соревновании участвуют все сто процентов работающих. И если раньше, при Польше, пропускная способность печи была 8—8,5 тысяч тонн цемента, то сейчас — 9,2 тысячи. Но газета не разъяснила, почему прежний хозяин завода не эксплуатировал печь столь же интенсивно. Ведь при такой «стахановской» работе и цемент получался худшего качества, и сама печь быстрее изнашивалась.

В том же номере газета сообщает, что бывший грузчик Пугач стал начальником транспортного цеха.

[1] Алексей Стаханов (1906-1977) — шахтер из Донбасса, работал забойщиком на шахте «Центральная-Ирмино». 31 августа 1935 он установил рекорд, добыв за 6-часовую смену 102 т угля при норме 7 т, а 7 сентября — даже 229 т. Все это было подтасовкой: превышение нормы выработки в 14,5-32,7 раза стало возможным лишь благодаря тому, что «рекорды» обеспечивала, по сути дела, вся смена. Вскоре после этого А.Г. Стаханов пошел «на повышение» — стал инструктором треста, потом директором шахты, зам. управляющего трестом и т.д.

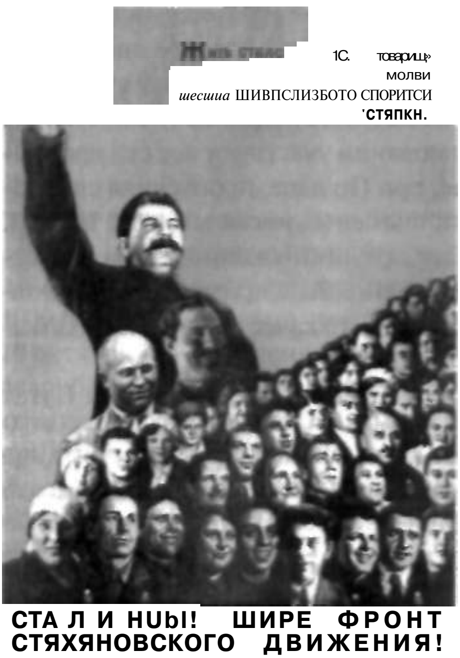
Суть стахановского движения, организованного «сверху», заключалась в том, чтобы добными «дутыми» примерами побуждать трудящихся работать на пределе своих физических возможностей. То есть большевистский метод сверхэксплуатации. — *Прим. ред.*

О работе на цементном заводе **помощником** слесаря в предвоенный период вспоминает житель Волковыска Леонид Михайлович Посох, 1922 года рождения (после войны он работал председателем райисполкома, был **партийным функционером):**

> «Через год работы на заводе (после прихода Красной армии. — *КБ.)* удалось мне справить первый в своей жизни выходной костюм и ботинки на кожаной подошве. В таком наряде я уже смело мог подойти к любой девушке» [78].

Выходит, неважно **оплачивался труд рабочих** при новой власти, если для приобретения **костюма и ботинок** помощнику слесаря пришлось трудиться целый год. Сравним этот факт с воспоминанием о работе на том же заводе **при** поляках Марии Иосифовны Стельмашенок, 1918 года рождения **(ныне** жительница деревни Субочи в Волковысском районе):

> «Я и при поляках работала на этом заводе в меловом карьере. Тогда воздушная линия была с тележками. Эти тележки мужчины снимали на землю, а мы их отгоняли к месту добычи мела. Потом полными возвращали назад. Рабочая смена длилась восемь часов. Оплата сдельная. Получала не меньше 50 злотых» [6].

Советский плакат, агитирующий за стахановское движение

На эти деньги уже можно было сшить простой костюм. Всего лишь за месячный заработок! А мужчины **при** поляках зарабатывали на этом заводе куда больше.

Вспоминает жительница Волковыска Янина Курбатова (Маковецкая):

> «Мой отец при Польше работал машинистом на паровозе. Мама не работала, но жили мы очень хорошо — на полу даже ковёр лежал. Когда же пришли первые Советы, папа потерял работу, и мама была вынуждена выносить на

базар вещи из дома. Покупали их, в основном, жёны советских *т,-* командиров» [6].

Так что про лучшую жизнь, начавшуюся для рабочих с приходом Советов, очень многое придумано. Может быть, у некоторых она действительно стала веселее, но лучше — нет.

Вот какие месячные заработки были при первых Советах. Денежные оклады работников волостных крестьянских комитетов в 1940 году: председатель — 400 руб., секретарь — 300, счетовод — 200, уборщица, конюх, сторож — по 100 руб.

Денежный оклад командира дивизии РККА — 2200 рублей, командира полка — 1800; командира батальона — 850. Зарплата учителя от 250 до 750 рублей; библиотекаря — 150; завскладом — 120. Солдаты конвоя (войска НКВД) получали 275 рублей. Средняя зарплата по стране в 1940 году составляла 339 рублей, при прожиточном минимуме 5 рублей в день (т.е. 150 в месяц).

Колхозник получал в месяц (в среднем) 12 рублей.

Килограмм хлеба стоил 90 копеек, мяса — 7 рублей; сахара — 4,5 рубля. Бутылка водки — 6 рублей; мужской костюм низшего качества-75 [36, с. 150].

Для достижения более высокой производительности труда на производстве в СССР вместо внедрения новых достижений науки и техники широко применялось так называемое стахановское движение. Стахановские методы внедряли даже на железной дороге, где превышение оптимальной скорости движения паровоза или нормы загрузки состава могло привести к аварии. Из доклада первого секретаря Белостокского обкома партии С.С. Игаева под названием «Освобождённый труд»:

> «Инициаторами внедрения стахановского метода вождения тяжеловесных паровозов и использования топливных отходов явились на транспорте паровозники депо Волковыска. По инициативе начальника депо орденоносца тов. Лащук и политкомиссара тов. Карпенко впервые на Белостокской дороге 15 ноября был проведён тяжеловесный поезд весом 1512 тонн, вместо 700 тонн, с технической скоростью 36 км/час, при норме 30,5 км/час. Этот поезд вёл машинист тов. Радюк, который отапливает паровоз углём с примесью 40 % шлакоотсева, и сэкономил за поездку 1700 килограмм угля. Его почин подхватили машинисты депо Белостока, Гродно и др.» [79, с. 7].

Вдумчивый читатель наверняка удивится. Неужели в Польше железнодорожники были такие дураки, что не могли додуматься до

того же самого? Чего на самом деле стоил стахановский метод труда, видно по воспоминаниям жителя Волковыска Евгения Степановича Круха, знавшего «стахановца» Радюка:

> «Машиниста паровоза Радюка, водившего товарные поезда, решили назначить стахановцем. Подцепив к составу пустые вагоны, его вызвали к начальству:
>
> — Ну! Устин Юльянович! Повезёшь тяжеловес — это почёт для тебя! — рассказывал мне потом Радюк. — Завезёшь на место — будешь стахановцем! Меня смех взял. Пустых коробок нацепляли, а пишут как гружёные — полторы тысячи тонн! Привёз я их без особых усилий, так и при Польше столько возил. Вызвали в партком, устроили почести. В печати объявили, что я стахановец, а на самом деле одно очковтирательство, обман» [6].

Вполне может быть, что орденоносцу начальнику депо Лащуку за этот обман повесили на грудь второй орден. Но у рабочих такие шулерские приёмы ничего кроме иронии и брезгливости к методам советской власти не вызывали. Зато начальнику политотдела железной дороги «товарищу» Детскому было о чём доложить делегатам волковысской партийной конференции:

> «Основным звеном своей работы парторганизация избрала внедрение стахановских методов работы, и в результате этого мы уже имеем первые ростки этого замечательного движения. Транспорт, более чем другие участки, был засорен враждебными элементами. Наша задача состояла в том, чтобы очистить от этих элементов. Мы ещё имеем нарушения правил технической эксплуатации и аварии. Спускаемые планы по загрузке занижены. Так, при норме по плану 49 тонн мы грузим по 150. Значительных успехов мы добились в части вождения тяжеловесных поездов, а скорость движения поездов в значительной степени превысила нормы» [48, с. 30].

В результате сверхинтенсивной эксплуатации транспорта начались аварии, но их, как правило, списывали на саботаж, увольняя, а то и арестовывая старые рабочие кадры.

Забот у новой власти хватало. Одной из них, притом очень важной, стала наладка железнодорожного движения. Ведь в Польше все пути были проложены по европейскому стандарту, с более узкой колеёй, чем в СССР. Поэтому грузы для западных областей приходилось перегружать на старой границе. Требовалось в срочном порядке расширить пути. 11 апреля 1940 года на заседании бюро райкома было принято соответствующее постановление:

«Придавая огромное хозяйственно-политическое и оборонное значение перешивке железнодорожного пути на широкую колею, на линии Барановичи — Волковыск — Белосток с целью успешного проведения этого мероприятия бюро РК КП(б)Б постановляет:

1. Организовать для проведения этой работы из города и прилегающих к железной дороге сельсоветов не менее 600 человек рабочих, в том числе из Волковыска — 200 человек. Ответственным за организацию и приёмку рабочих по городу утвердить тов. Акулича. Из Мстибовского сельского совета — 100 человек рабочих. Для организации рабочих сил по этому сельскому совету утвердить тов. Павловца. Из Янышовского сельского совета — 100 человек рабочих, ответственный тов. Дашук...

2. Принять к сведению сообщение начальника политотдела отделения железной дороги тов. Детского. К 13 мая мы должны полностью закончить все подготовительные работы в части расстановки инженерно-технической и рабочей силы, обеспечить её инструментом и необходимым материалом. В один день 13 мая мы должны полностью провести перешивку пути на широкую колею. Обязать торгующие организации горпищепромторга, райпотребсоюза и уполномоченного транспорта организовать на путях для обслуживания рабочих ларьки, обеспечив их хлебом, колбасой, папиросами, махоркой, спичками и другими товарами» [48, с. 120].

Работники железнодорожного депо в Волковыске

Перешивка колеи прошла успешно. В 1941 году немцы проделают эту работу с точностью наоборот — снова перешьют пути на узкую колею. А ещё через три года, после изгнания немцев, колею опять изменят на широкую.

Нововведения на волковысской железной дороге повлекли за собой настоящую разруху. Об этом 13 марта 1941 года рассказал на собрании волковысского партактива начальник транспортного отдела НКВД Разуваев:

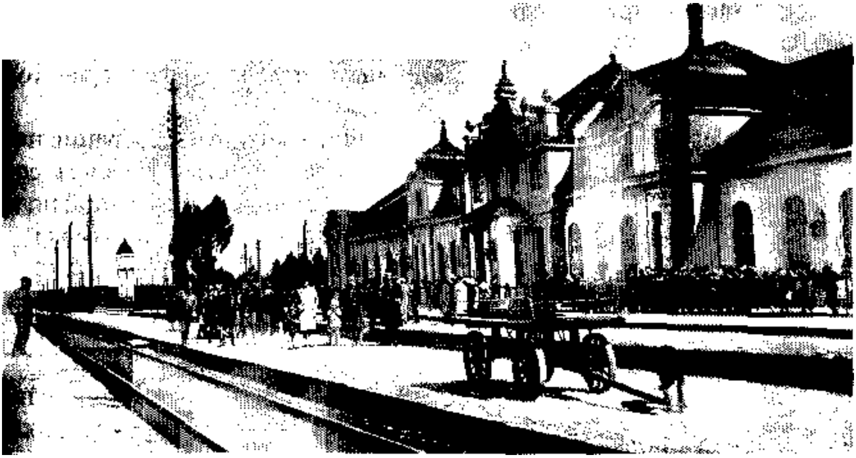
> «Дисциплина на транспорте очень низкая. В результате неправильной организации труда, переведённые рабочие в вагонном участке на сдельную работу зарабатывают меньше, чем они получали поденно. На станции очень грязно, всюду, где попало, валяется мусор, железо и рельсы вмёрзли в грязь и воду. С движением поездов ещё хуже. Вместо того, чтобы товарному поезду до Белостока идти 3-4 часа, зачастую они бывают в пути до 18 часов. За это время состав можно провести 5 раз в одну сторону» [66, с. 4].

На этом же собрании о своих проблемах рассказал начальник вагонного участка Веселое:

> «В управлении железной дороги и даже наркомате путей сообщения нет правильного планирования. Нам дали задание переставить 40 вагонов с узкой на широкую колею ежедневно. Но для выполнения этого задания нужна база, материал. А нам из наркомата прислали такой материал, который не годится и которого мы вовсе не просили. Нас каждый день вызывают на производственные совещания, но эти совещания нам абсолютно ничего не дают. Мы только слушаем, как начальник паровозной службы ругает начальника движения» [66, с. 6].

А что же «товарищ» Детский, ещё недавно превозносивший стахановское движение?! И ему на этом собрании пришлось признать горькую правду:

> «Мы имеем большие простои вагонов. Поезда ходят по расписанию всего на 45 %. С использованием ценного оборудования дело обстоит плохо: наши станки должным образом не ремонтируются и по-настоящему не загружаются. На наших путях лежит масса хорошего и ценного материала, но он не использован. Это, конечно, преступление. В основу нашей работы нужно положить политвоспитательную работу среди рабочих и службы железной дороги» 166, с. 9].

Вокзал на станции Волковыск-Центральный. Сгорел в июне 1941 г.

Как видим, начальникам политотделов хоть кол на голове теши, :ё равно они будут утверждать, что главной причиной плохой работы является недостаток агитации. Им невдомёк, что работа пришла в упадок из-за того, что по политическим соображениям с жеиезной дороги уволены или арестованы большинство специалиж А ешё много вреда причинило внедряемое ими стахановское аижение. Но попробуй такое скажи и моментально станешь «вра>м народа» — с соответствующими последствиями.

Несмотря на то, что рабочие получали небольшую зарплату, 1сть заработанных денег власть старалась изымать у них доброэльно-принудительным методом. Для этого большевики приду1И так называемые государственные займы. «Механизм» подтеки на заём наглядно показывает докладная записка отдела про1аганды волковысского райкома в Белостокский обком партии:

«Постановление правительства о выпуске займов 3-й Сталинской пятилетки было встречено с большим политическим подъёмом трудящихся Волковысского района. 1-го июля в 6 часов вечера после опубликования постановления совнаркома о выпуске займа на всех предприятиях и учреждениях города были проведены митинги, посвященные выпуску займа. По окончании митингов была организована подписка на заём на всех предприятиях и учреждениях.

После двухчасовой работы по реализации займов был проведён общегородской митинг в 8 часов вечера, на котором присутствовало

около 5 тысяч человек. Организации и учреждения на общегородской митинг пришли с результатами реализации подписки на заём на сумму 675 тысяч рублей и охвачено подпиской 2629 человек.

...Рабочий коллектив мясокомбината отдал месячный заработок в займы государству.

По сельсоветам Волковысского района митинги и собрания начались в 7 часов вечера. На митингах преданность и любовь к социалистической родине крестьяне демонстрировали активной подпиской на заём. В Гудевичском сельсовете на собрании актива все присутствующие 56 человек подписались на 3625 рублей, с коих 50 % внесено наличными.

Периоду реализации предшествовала большая подготовительная работа. Как в городе, так и в деревнях были созданы комсоды (комитеты содействия. — *Н.Б.)* по предприятиям, учреждениям и сельсоветам. Кроме того, были подобраны уполномоченные по подписке: 43 человека по городу и 165 человек для работы по району с неорганизованным населением. Проведено инструктивное совещание председателей и секретарей сельсоветов, председателей комсодов, уполномоченных и агитаторов по городу и району. В район из города послано 70 человек партийного, комсомольского и беспартийного актива. 120 человек работают в городе» [80, с. 7—8].

Из-за чего такое значение придавалось государственному денежному займу? Неужели в стране не хватало денег? Дело в том, что в розничной продаже не хватало потребительских товаров, даже самых необходимых для жизни — большинство советских заводов и фабрик работало на вооруженные силы, расходуя сырьё и ресурсы для изготовление орудий убийства. Поэтому, чтобы уменьшить спрос населения на товары потребления, придумали новый способ отъема у него заработанных денег. Просто так уменьшить всем заработную плату было невозможно, это наверняка вызвало бы повсеместное недовольство с непредсказуемыми последствиями. Поэтому государство одной рукой давало людям деньги, а другой отбирало.

Пришло в упадок и ремесленничество. Портные прекратили работу из-за отсутствия в свободной продаже тканей, сапожники — из-за отсутствия кожи, и т.д. Если же кто-то из ремесленников решался зарегистрировать собственное дело, то на него накладывали огромный налог, отбивавший охоту работать легально.

15

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛУГОДОВОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

~1 f^ апреля 1940 года в Волковыске состоялась первая район- • ^ ная партийная конференция, на которой присутствовали -A_*_/ 148 партийцев. Конференция открылась в шесть часов вечера в зале бывшего кинотеатра «Полония», которому дали новое название «Аврора», в честь крейсера, команда которого участвовала в 1917 году в большевистском перевороте в Петрограде.

Открыл конференцию первый секретарь Волковысского РК КП(б)Б Игнатий Акимович Банцырев, 1903 года рождения, приехавший в Волковыск в конце 1939 года. В президиум по традиции советских и партийных собраний избрали «достойных товарищей»: секретарей райкома партии Смирнова и Павловца; председателя райисполкома Дашука; военных — командира 36-й имени Сталина кавалерийской дивизии Зыбина, штаб которой находился в Волковыске, начальника политотдела этой же дивизии Симоновского,

командира кавалерийского полка Орловского, командира воздушно-десантной бригады героя СССР А.И. Родимцева, а также представителя рядового состава — красноармейца Степанова; приезжее начальство — представителя ЦК из Минска Кунина и представителя обкома из Белостока Грибоедова; местное начальство — заведующего районным отделом образования Лапицкого, начальника политотдела железной дороги Детского, начальника горотдела НКВД Виноградова, председателя горсовета Акулича, секретаря парторганизации железной дороги Карпаченко.

Кинотетар «Полония» в Волковыске

Кроме того, в президиум обязательно требовалось заочно включить высшее руководство страны и известных зарубежных коммунистов:

«Под продолжительные аплодисменты и громкие крики «Ура!» выбран почётный президиум первой районной конференции в составе тов. Сталина, Калинина, Андреева, Микояна, Жданова, Хрущёва, Берия, Шверника, Димитрова, Тельмана. (...)

Делегат районной партийной конференции Герой СССР тов. Родимцев предложил послать приветственную телеграмму вождю народов великому Сталину. Предложение тов. Родимцева участники конференции стоя приветствовали продолжительными аплодисментами и криками «Ура!» [48, с. 30-32].

Партийный ритуал того времени сводился к угодничеству и раболепству перед своими вождями. Этот факт, в частности, наглядно доказывает текст приветственной телеграммы, единогласно одобренный участниками районной партийной конференции:

«Письмо тов. Сталину.

Москва. Кремль. Тов. Сталину.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Мы, большевики Волковысского района, посланные для работы в западные области, собравшись на первую районную конференцию, шлём Вам, вождю, другу и учителю свой пламенный большевистский привет!

Большевики Волковысского района, вместе со своей КП(б)Б, вместе со всей партией и советским народом, демонстрируют свою горячую любовь и беспредельную преданность ленинско-сталинскому ЦК ВКП(б)Б и Вам, вдохновителю и организатору великих побед социализма.

Под Вашим руководством, дорогой Иосиф Виссарионович, осуществлена великая мечта белорусского народа. Сейчас белорусский народ объединён в единой великой семье народов СССР. Нам, большевикам выпала великая и почётная задача — работать в западных областях БССР. Мы горды доверием партии и это доверие оправдаем с честью»...

Пришлые большевики-«освободители» собрались на этой конференции для того, чтобы подвести итоги своего семимесячного правления в Волковысском районе. После завершения ритуальных действий (избрания президиума, одобрения текста телеграммы Сталину) перед собравшимися делегатами выступил И.А. Банцырев. Факты и цифры, приведенные в его докладе, представляют несомненный интерес для истории Волковыска, поэтому приводим аиболее примечательные выдержки из текста:

«Из присланных коммунистов в декабре 1939 г. сложилась наша районная партийная организация. Наша партийная организация, к тому времени ещё уездная, была оформлена в декабре 1939 г. Тогда было создано шесть первичных парторганизаций и одна кандидатская группа. В настоящее время организация насчитывает 20 пер вичных парторганизаций с количеством: членов ВКП(б) — 115 человек, кандидатов ВКП(б) — 57 человек, из них женщин членов партии — 5, кандидатов — 2 человека. А всего наша парторганизация насчитывает 172 человека. По национальному составу: русских — 55 человек членов партии и 33 кандидата в партию, белорусов — 44 и 12, украинцев — 4 и 5, евреев — 10 и 4, поляков — **1 член,** чувашей — 1 и 1, мордвинов — 1 кандидат, осетин — 1 кандидат.

...Комсомольская районная организация состоит из 15 первичных организаций, насчитывающих в своих рядах 181 человека. С момента создания здесь комсомольских организаций принято в комсомол 38 человек местной молодёжи, главным образом из числа

рабочих и крестьянских бедняков. Организовано 7 пионерских отрядов, охватывающих 180 пионеров».

Не густо, однако. В комсомол по меркам района вступило совсем немного молодёжи. Что касается приёма в партию представителей местного населения, то в докладе об этом нет ни слова. Таких не было вовсе, тем более, что «сверху» не было дано указания о переводе бывших членов КПЗБ в члены КП(б)Б. «Рылом не вышли», точнее, не было к ним доверия. Не советской закалки западные товарищи. А в результате среди 172 партийцев района русских набралось 88 (51,2 %), тогда как беларусов — 56 (32,3 %), евреев — 14 (8,1 %) и всех прочих — 14 человек. При этом все беларусы, евреи и прочие сами были «не местные».

Далее Банцырев продолжал:

«В наследство от ясновельможных панов нам достались тысячи трудящихся, которые были лишены возможности получать работу и в нечеловеческих условиях влачили жалкое существование. Перед нами встал вопрос об учёте безработных и их трудоустройстве. За короткий отрезок времени через отдел труда получили работу по району 964 безработных, из них мужчин — 723 и женщин — 236 человек. Кроме того, по отделам труда приняты на работу в разные советские и хозяйственные учреждения и предприятия — 400 человек, а всего трудоустроено по району — 1364 безработных. При этом следует учесть, что большое количество безработных направлено в различные восточные области СССР».

Ликвидация безработицы — главный аргумент в докладе Банцырева. Давайте разберёмся, всё ли было так хорошо, как утверждал главный большевик района. Первое, что бросается в глаза из приведенных им цифр — огромное число управленцев разного уровня (400 человек). Конечно, часть из них заменила прежних, но большинство заняло новые должности, без которых в Польше все прекрасно обходились. Теперь же требовался повсеместный учёт и контроль. Не забудем, что бывший Волковысский повет большевики разделили на четыре новых района, и для каждого потребовалась своя партийно-советская номенклатура.

С приходом Красной армии началось усиленное строительство объектов военного назначения — аэродромов, мостов, подъездных дорог. В качестве рабочей силы использовалось местное население. К тому же много людей принудительно привлекали к лесозаготовкам и вывозке леса (об этом уже сказано выше). Всё это вместе взятое и помогло трудоустроить местных безработных.

Более интенсивно («по-стахановски») стал работать цементный юд, но опять-таки для нужд армии. Из выступления Банцырева:

«Самое большое предприятие в районе — цементный завод. При Польше работал только в сезон. С наступлением зимы производство закрывалось. С приходом Красной армии и организацией временного комитета завод начал работать. С начала зимы производство было приспособлено к работе в зимних условиях. Количество производственных рабочих к концу первого квартала составляет 471 человек, из них 65 — женщины. Большинство рабочих переведено на сдельную оплату труда. Лучшие работники выдвинуты на руководящую работу. Так, на 01.04.1940 г. бывшие рабочие занимают должности: начальники цехов — 7, начальники смен — 8 » [48, с. 34].

Улица Рыночная в центре Волковыска. Уничтожена во время бомбардировок города в июне 1941 года

В наше время для того, чтобы занять такие должности, требуется леть специальное образование. А тогда, видимо, простые рабочие «чем не уступали инженерам. Но даже на столь пролетарском заде советская власть не могла нормально организовать быт рабоIX. Директор завода Плавник* упрекнул партийное руководство:

«Работа кооперации по снабжению рабочих предметами первой необходимости и продуктами поставлена очень плохо. Несмотря на

* Борис Григорьевич Плавник, 1900 г. рождения, член ВКП(б)Б с 1923 г., образование оконченное среднее.

все мои попытки разрешить этот вопрос с райсоюзом, положительных результатов пока что нет. Работа райздравотдела и районо также оставляет желать лучшего».

Далее Банцырев продолжал:

«Одним из крупных предприятий нашего района является паровозное депо. На станции Волковыск Центральный работает 786 рабочих.

...Хлебокомбинат начал свою работу с 1.12.1939 г. и объединяет шесть бывших кустарных хлебопекарен. Общая суточная мощность продукции составляет 18-19 тонн. Штат рабочих — 122 человека. ...Очень часты были случаи попадания в хлеб и муку посторонних предметов, например, гвоздей, проволоки, махорки, спичек и тому подобного. Эти факты говорят об отсутствии бдительности и контроля на мельницах и хлебопекарнях».

27 мая, через полтора месяца после конференции, работу хлебокомбината обсуждали на заседании бюро райкома партии. Заслушав доклад директора комбината Шевченко, приняли постановление:

«Санитарное состояние пекарен совершенно недопустимо. Помещения пекарен содержатся в грязном состоянии, наличие в помещениях паутины и пыли. Формы, используемые для выпечки хлеба, не очищаются, отдельные из них покрыты ржавчиной. Мука просеивается недоброкачественно, а также имеются случаи, когда мука на пекарне совершенно не просеивается, в результате чего в выпекаемом хлебе попадаются посторонние предметы — гвозди, стекло и другое. Во время работы рабочие не пользуются выданной им спецодеждой. Готовая продукция хранится плохо — выпеченный хлеб складывается на полу в коридорах. Отпуск выпеченного хлеба производится в неприспособленной таре. Всё это свидетельствует о том, что со стороны директора хлебозавода тов. Шевченко проявляется не большевистское, беззаботное отношение к организации работы пекарен, к устранению отмеченных ранее советов по очистке хлебокомбината от враждебных элементов» [48, с. 35].

Как всегда, неумение, неспособность и нежелание наладить хотя бы элементарную технологическую дисциплину большевики объясняют происками врагов.

Банцырев также отметил работу мясокомбината:

«В прошлом мясокомбинат не обеспечивался сырьём и поэтому в большинстве своём не работал. В настоящее время обеспечивается

полностью. До национализации на нём работало 127 человек, в настоящее время работает 170 рабочих, и лучшие из них выдвинуты на руководящую работу».

Надо сказать, что через восемь месяцев после конференции, по гогам 1940 года, картина работы мясокомбината выглядела куда мрачнее:

«Бюро райкома признаёт работу мясокомбината неудовлетворительной. Годовой план по мясу выполнен на 67,78 %, по колбасным изделиям — на 62,3 %, пирожкам — на 35,69 %, холодцу — на 36,5 %. Валовая продукция за год составляет 59,87 %. Мясокомбинат сырьём не обеспечен, в результате чего имеют место большие простои. В первом полугодии простои составляют 36,6 %, а с 1-го декабря 1940 г. мясокомбинат, по существу, не работает» [65, с. 76].

Далее мясокомбинат вообще пошёл «в разнос», о чём на собрате партактива 13 марта 1941 года докладывал директор мясоком1ната Хайденко:

Мясокомбинат в Волковыске, построенный в 1928 году

«В декабре месяце 1940 г. из-за отсутствия сырья мясокомбинат стоял, и рабочим пришлось платить 50 % заработной платы. В январе 1941 г. скота тоже не было и поэтому пришлось сократить 80 человек рабочих. А вот в феврале поступило непредвиденное количество скота, которое переработать в наших условиях невозможно. Нам предложили производить убой скота и засаливать, но где взять такое количество тары — 120 бочек в день. Ни трест, ни райком партии нам не помогают в решении этой задачи. А скот продолжает к нам поступать без всякого согласования с нами и вне всякого графика и при этом предупреждают, что если скот не будет принят, то

будете отданы под суд. А скот сейчас стоит голодный. Мы имеем много мороженого мяса, которое хранить нельзя и реализовать нам его не разрешают» [66, с. 5].

Из доклада Банцырева на конференции:

«Наличие производственных предприятий в районе: мельниц — 13, с общим количеством рабочих и служащих 89 человек; лесопильных заводов — 4 и 74 человека; кирпичных заводов — 4 и 81 человек; литейный завод — 1 и 39 человек; винокуренных заводов — 4 и 44 человека; маслобойный завод — 1 и 7 человек; меловые копи — 1 и 100 человек; механические мастерские — 1 и 10 человек.

Сеть медучреждений при Польше была развёрнута чрезвычайно слабо. Достаточно сказать, что на весь Волковысский уезд имелась только одна больница на 80 коек, а в волостных центрах и в деревнях больниц и акушерства не было и в помине (чистое враньё! — *Н.Б.).* ...Несмотря на значительное расширение сети медучреждений и улучшение медобслуживания трудящихся, ещё имеются факты невнимательного отношения со стороны медперсонала к пациентам, на что влияет засоренность медработников бывшими людьми (создаётся впечатление, что большевикам мешали все бывшие специалисты без исключения, включая медиков. Просто шизофрения государственного уровня! — *Н.Б.).*

...В промышленной кооперации созданы следующие артели:

Сапожная артель под названием «Вперёд» объединяет 72 члена. В марте месяце выпустила 555 пар сапог и ботинок на сумму 44 тысячи рублей. По плану на 1940 г. артель должна дать 12 тысяч пар новой обуви на сумму 231 тысяча рублей.

Трикотажная артель «Красный луч» объединяет 20 членов. На 1940 г. предусматривает выпуск продукции на 252 тысячи рублей.

Артель войлочного производства производительной мощностью до 500 пар валенок в месяц. Производство артели носит сезонный характер.

Щёточная артель «Чистота» объединяет 16 членов. Производственная мощность в год составляет 75 тысяч сапожных щёток в год, одежных — 40 тысяч, щёток домашнего обихода — 30 тысяч, кистей малярных — 40 тысяч.

Столярная артель «Прогресс» объединяет 66 членов. Производственная программа артели предусматривает выпуск на 1940 г.: канцелярских столов — 500 штук, письменных столов — 300 штук, обыкновенных столов — 1000 штук, шкафов — 500 штук, стульев — 2000 штук, табуреток — 3000 штук. Всего — на сумму 500 тысяч рублей» [48, с. 37].

О том, каково было качество продукции упомянутой артели эогресс», рассказал 23 марта 1941 года на пленуме райкома эвый директор горпищепромторга Асанов:

«Качество выпускаемой продукции на предприятиях нашего района исключительно плохое. Я купил несколько шкафов, столов, стульев и других изделий, и они у меня стоят в магазинах. Население из-за плохого качества ничего покупать не хочет» [85, с. 7].

Из доклада Банцырева:

«Артель «Лесохим» объединяет четыре смолокуренных завода. Членов артели 25 человек и 100 рабочих. Предусматривает выработку скипидара разного — 500 тонн, смолы — 50 тонн, древесного угля — 150 тонн. [48, с. 37].

О работе советских артелей рассказал выступивший на той же энференции Пожевалко, директор чугунолитейного завода:

«Имеющаяся в городе сапожная артель работает плохо и не может своевременно обеспечить рабочему ремонт сапог. Что касается столярной артели, то она свою продукцию выпускает по спекулятивным ценам, не говоря уже о том, что качество её слишком сомнительно. Никакого контроля над артелями нет.

Чугунолитейный завод в настоящее время оказался перед фактом остановки своей работы, потому что не имеет ни угля, ни же-% леза, и помощи в этой части со стороны райкома КП(б)Б я не имею. А ведь о развитии местной промышленности говорилось не один раз, и принимались неплохие решения» [48, с. 38].

Действительно, принимаемые решения в большинстве случаев оставались на бумаге. Вплоть до начала войны нормальную жизнь в городе наладить Советам не удалось. Одно из немногих решений, которое воплотили в жизнь, было очистка аппарата от «классово-чуждых элементов». Но торговле это не помогло. От того, что из управления торговли выгнали бывших специалистов, товар в магазинах не появился. Даже в магазинах для военных не было чего купить. В этой связи 2 октября 1940 года бюро райкома партии рас-;матривало вопрос «О работе Волковысского филиала Слоним-«>го отделения военторга». Из постановления:

«Контингент обслуживаемого филиала не обеспечивается такими предметами, как папиросами, махоркой, курительной бумагой, туалетными предметами и т. д. Имеют место случаи, когда командиры, начальник политчасти состава и их семьи не обеспечи-

> ваются хлебом и сахаром. Особенно неудовлетворительно поставлено снабжение на периферии. Имеющиеся починочные материалы и мастерские не обеспечивают нужд начкомсостава и их семей.
>
> Магазины филиала по своему внешнему и внутреннему оборудованию имеют некультурный и неприглядный вид. Руководство филиалов не добилось от вышестоящих филиалов в достаточном количестве завоза необходимых товаров в связи с прибытием новых воинских подразделений и соединений, для того чтобы организовать бесперебойное обслуживание контингента.
>
> Аппарат филиала военторга засорен классово-чуждым элементом. Все эти недостатки вызывают законное недовольство отдельных командиров и красноармейцев неудовлетворительным обслуживанием их со стороны филиалов военторга» [48, с. 320].

Оказывается, и здесь главная причина плохой работы — «классово чуждый элемент»!

Отметим, что в то время, когда происходила партконференция, где то и дело гремели аплодисменты в честь «великого Сталина», на железной дороге стояли составы с депортируемыми людьми. В них находились плачущие женщины и дети, морально раздавленные старики. Глав семейств (мужчин) арестовали раньше. А если учесть, что в заседании участвовали исключительно приехавшие с востока коммунисты (ни одного местного жителя!), эта конференция напоминала пир во время чумы.

16

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПРАВЛЕНИЕ

Необходимый порядок отсутствовал не только в работе различных промышленных и хозяйственных организаций, но и в милиции, где, казалось бы, порядок должен быть образцовым. 16 августа 1940 года на заседании бюро райкома партии слушался вопрос «О политико-моральном состоянии горотдела рабоче-крестьянской милиции». Докладывал начальник городского отделения НКВД Иван Андреевич Виноградов (в архивном деле доклад отсутствует). Из постановления:

«Бюро РК КП(б)Б считает установленным случай драки с применением оружия между работниками милиции Поповым, Сизовым и Шушкевичем. В результате чего оказались ранеными Попов и Сизов. Произошло это вследствие того, что руководство горотдела милиции серьёзно не занималось проверкой и изучением личного состава милиции, допустив проникновение в милицию недостойных людей. Неудовлетворительно поставлена политико-воспитательная работа среди работников милиции. Не пресекались моменты пьянства и бытового разложения среди отдельных работников милиции.

> Начальник горотдела милиции тов. Чегодаев не выполнял прямых своих обязанностей, а занимался пьянством, имел связи с классово-чуждым элементом, как с Шеборовской, так и с Госевской. В результате плохой постановки работы милиции ни один случай ограбления и воровства не был раскрыт. В милиции не велась борьба с нарушителями революционной законности. Начальник милиции тов. Чегодаев сам нарушал революционную законность — вместо действительной борьбы с кадушничеством тов. Чегодаев допустил изъятие крестьянских овчин, вызывая этим самым у крестьян недовольство, а кулак-кадушечник остаётся безнаказанным» (48, с. 276].

Надо понимать, что кадушечник — это тот, кто изготовлял кадушки, небольшие деревянные ёмкости для воды и засолки продуктов. Как видим, по мнению большевиков такой человек — тоже «классово-чуждый» элемент!

На заседании бюро было предложено просить областное управление милиции избавить Волковыск от такого начальника. Но, видимо, просьбу не удовлетворили, так как в книге «Милиция Гродненшины», изданной в 2002 г., читаем:

> «Младший лейтенант милиции Павел Андреевич Чегодаев, 1901 года рождения, возглавлял отдел до начала Великой Отечественной войны» [86, с. 247].

Впрочем, при Сталине на пьянство должностных лиц, внебрачные связи с женщинами и нарушения законности смотрели сквозь пальцы. Важным считалось другое: классовая бдительность и беспощадность к «врагам народа» и «классово-чуждым» элементам. К тому же совсем недавно за плохую работу сняли предшественника Чегодаева, первого начальника волковысской милиции лейтенанта Бабкина.

А кто же был сам начальник Волковысского горотдела НКВД Виноградов? Из протокола бюро, на котором решали кадровые вопросы, мы узнаём:

> «Иван Андреевич Виноградов, 1905 г. рождения, русский, из рабочих, образование незаконченное среднее. В 1929 г. имел за пьянку партвзыскание — выговор, снятый в 1931 г. До этого работал начальником отдела НКВД Ивановской области» [48, с. 215].

Видимо, начальник НКВД продолжал пить и после взыскания, раз его понизили в должности — с поста начальника области перевели начальником в районный город.

В то же самое время «гайки» по отношению к трудящимся закручивали до упора. 26 июня 1940 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода с предприятий и учреждений».

Отныне вместо пятидневки приказали работать шесть дней, с одним выходным днём в воскресенье. По указу, никто не имел права отказываться от сверхурочной работы. Никто не имел права переходить с одного места работы на другое без разрешения дирекции предприятия.

За нарушение этого указа было установлено привлечение в судебном порядке к исправительным работам, на срок от двух до четырёх месяцев. Судам предписывалось рассматривать такие дела в пятидневный срок и приговоры приводить в исполнение немедленно. Если директор не отдавал прогульщика под суд, он сам подлежал уголовной ответственности. Если директор принимал самовольно ушедшего рабочего с другого предприятия, он тоже подлежал судебной ответственности.

Ровно через два месяца на пленуме Волковысского РК КП(б)Б осматривали, как исполняется данный указ на подчинённой пар-in территории. Из выступления директора цемзавода Плавника:

> «Партия и правительство дало нам в руки острейшее оружие для наведения большевистского порядка на наших предприятиях. :, ...Сейчас у нас все рабочие имеют жетоны. Кроме того, мы проверяем, как рабочие работают непосредственно около своего станка. Благодаря этому мы обнаружили, что комсомолка Кричко вовремя пришла на работу, а на работе она прогуляла 45 минут. Её предали суду» [58, с. 54].

Особенно больно данное постановление ударило по евреям, коэрым работать по субботам запрещала религия. На этой почве возшкало немало инцидентов. Из выступления начальника политотдела железной дороги Детского:

> «Мы имеем за время с 26 июня по сегодняшний день 16 августа 33 прогула и 10 опозданий. ...Большое количество прогульщиков среди грузчиков — 17 случаев, депо — 2, служба движения — 9 и т.д. Особенно непростительно нам, что среди прогульщиков фигурируют коммунисты. Коммунист-прогульщик Дряхло осуждён на один год принудительных работ».

Из выступления директора мясокомбината Хайденко:

«На мясокомбинате мы имеем опозданий и прогулов 6 случаев, из-за которых четыре человека осуждены, один оправдан. Один опоздал на 20 минут и понёс наказание в административном порядке».

Прокурор Жаркевич дал справку, сколько всего человек подверглось наказанию за нарушение указа:

«В прокуратуре было 96 дел на прогульщиков, шесть из которых оправданы. Остальные осуждены на разные сроки /исправительных работ. — Ред./ , а пять из них приговорены к тюремному заключению. ...Мы имеем указания, что, если лицо совершило повторное опоздание до 20 минут, его нужно привлекать к судебной ответственности» [58, с. 59].

Эти драконовские меры ввели в стране, где «так вольно дышит человек», где советская пропаганда трубила о диктатуре пролетариата. По существу, рабочие в «стране победившего пролетариата» отныне превратились в бесправных рабов, не имевших права по своей воле распорядиться собственной судьбой. Такое право получило руководство предприятий, то есть все та же партийно-советская номенклатура.

Из докладной записки областного прокурора секретарю Белостокского обкома:

«Всплыли такие факты, когда прогульщика принимали в другое учреждение, а суд не реагировал. Например, при рассмотрении дела гражданина Медведского из Волковыска, сделавшего умышленный прогул с целью перейти с кирпичного завода в леспромхоз на более высокую оплату. Несмотря на то, что суд всё это установил, руководители леспромхоза, принявшие прогульщика, к ответственности не привлечены, прогульщик не осужден» [64, с. 129].

Итак, рабочий самовольно перешел с кирпичного завода на лучше оплачиваемую работу. Это считалось преступлением.

Видимо, число рабочих отдаваемых под суд за нарушение указа достигло огромного размера, так как через три месяца (16 ноября 1940 г.), районный прокурор Жаркевич на собрании партактива района отметил:

«Еще очень много случаев отдачи под суд за нарушение указа (...) Некоторые товарищи просто страхуются, кабы чего не вышло. По поводу и без всякого повода передают суду, и суд вынужден много оправдывать людей в нашем районе» [56, с. 23].

Панорама Волковыска в 1930-е годы

Пропью более гола с того лня, как в Волковыскс установилась советская власть. Для подведения итогов работы 10 ноября 1940 года собрался пленум райкома партии с повесткой дня «Отчёт о ра-re РК КП(б)Б». И что большевики поведали друг другу?

Председатель райисполкома Иван Степанович Дашук:

> «Плохо у нас работают торгующие организации горпищепромторга и райсоюз. Наши товарищи, работающие в горпищепромторге и райсоюзе тов. Альперович и Мисюля, не научились ещё торговать, искусственно создают очереди, ездят с одним ящиком чулок от магазина к магазину, и за машиной бегает вся очередь. Альперович и Шевченко, несмотря на ряд указаний со стороны райкома и со стороны райисполкома о том, чтобы они приняли все меры, и в дни праздников никаких очередей не было. Они эти указания игнорировали и в дни праздников (имеется в виду день 7 ноября. — *Н.Б.)* создали очереди за хлебом. Человек до ста доходила очередь.
>
> ...Наши торгующие организации ожидают, когда нам пришлют товар из других областей, а подумать, чтобы на месте изготовлять товары ширпотреба, они не думают. Было распоряжение райисполкома швейной фабрике о том, чтобы с началом учебного года начали изготавливать детский ассортимент одежды. Директор фабрики тов. Меркин посчитал это для себя невыгодным, и детский ассортимент не изготовляли, а нашили мужских брюк без поясов. Они лежат в лавках, и никто их не берёт, а дети школьного возраста не имеют в чём ходить в школу.
>
> ...Недостаток в работе районного комитета и тот, что нет плановой и равномерной продуманной работы. Вот мы слушали на пленуме райкома вопрос о подготовке к уборочной кампании и слушали этот вопрос, когда уже эта уборка была в самом разгаре. Вот и

сейчас случай непродуманной работы. Часто нас вызывают в райком в 12 часов или два часа ночи, наспех инструктируют, часто дают неправильные установки, приказы, и заставляют сейчас же выезжать на район проводить эту работу, не заботясь о средствах передвижения. Приходилось одну и ту же работу переделывать по два-три раза» [58, с. 5 д а

Можно подумать, что районное партийное руководство без устали работало днями и ночами. На самом деле они подстраивались под Сталина. У диктатора в Кремле ночь и день давно поменялись местами, и всё высшее чиновничество подстраивалось под его распорядок. Не дай Бог позвонят ночью по какому-то вопросу, а ты как нормальный человек в это время спишь дома. Приходилось бдеть на посту до трёх часов ночи, когда Сталин, наконец, отправлялся на отдых. Только по одному этому примеру видно, каким презрением к человеку была пронизана система власти в СССР.

Из выступления на пленуме помощника секретаря райкома Андросова:

«Бюро РК КП(б)Б за этот период заседало 43 раза и разрешило 337 вопросов. Из этого количества вопросов 71 решение требовало систематической проверки исполнения. Но проверка исполнения собственных решений у нас поставлена очень плохо. В результате отсутствия проверки исполнения отдельные вопросы обсуждались на бюро по четыре-пять раз. Так, например, строительство скоростной дороги Волковыск — Россь обсуждалось пять раз, о заготовках — четыре раза и один раз на пленуме.

...Часто решения бюро не достигают своей цели, так как вопросы на бюро готовятся поверхностно, необдуманно, без достаточного анализа проверяемого вопроса. Например, тов. Табаков готовил вопрос о работе Росской МТС без проверки, не побеседовал с людьми, с работниками МТС, а вызвал к себе в кабинет директора МТС и секретаря первичной организации и состряпал проект постановления, который бюро РК КП(б)Б не приняло» [58, с. 58].

На этом пленуме был освобождён от должности первого секретаря Волковысского райкома партии И.А. Банцырев. Несмотря на отсутствие явных достижений в хозяйственной деятельности подчинённого ему района, его переводили с повышением на работу в управление Совнаркома БССР. Ведь тогда о руководителях судили прежде всего по степени «преданности партии» и беспощадности к врагам, к «классово-чуждым элементам», а с этим у Банцырева был полный порядок.

Исполняющим обязанности первого секретаря райкома партии на пленуме избрали (в смысле — единогласно одобрили кандидатуру, представленную областным комитетом) Василия Ефимовича Тузова, 1905 года рождения (из крестьян, со средним образованием, член партии с 1929 г.). До этого он занимал пост заместителя начальника оргинструкторского отдела Витебского обкома партии.

Самокритики среди коммунистов было достаточно. Только мало что от этого менялось. Это хорошо видно из доклада на районном партсобрании 6 января 1941 года. Снова выступает председатель райисполкома Дашук, снова бьёт критикой не в бровь, а в глаз:

> «В районе у нас имеются большие залежи извести. Никто их не разрабатывает и не намечает разработку, а у нас известь — ценный материал. Отдельные хозяйственники получили по 5—6 рублей за килограмм извести.
>
> Пару дней тому назад я попросил директора райпромкомбината, чтобы он дал мне наметку, что даст местная промышленность в 1941 г. Он представил мне план производства фоторамок, игрушек, вешалок и т.д. Разве это нам нужно? Нам нужны сани, телеги, колёса и другие необходимые предметы для населения» [85, с. 42].

Партийное руководство постоянно расписывалось в своём бессилии при решении самых разных проблем. Вот, например, учреждения для детей дошкольного возраста. Из постановления «О состоянии работы детсадов», принятого на заседании бюро райкома партии 8 февраля 1941 года:

> «Заврайоно тов. Куропатенко не интересуется работой детсадов, не проверяет правильность расходования средств. В результате чего за 1940 г. было списано не расходованных средств по трём детским садам на сумму 90 тысяч рублей. Детсады не оборудованы мебелью, нет коек, постельного белья, и дети девять часов находятся в детском саду без отдыха. Детсады № 3 и № 4 помещаются в тесных домах, помещения тёмные, тесные и не соответствуют требованиям детских учреждений. Детсады № 1 и № 3 переполнены. По плану детей должно быть 60-70, а фактически имеется по 85 человек.... В детсад дети принимаются без медосмотра, врач в детсадах бывает очень редко, топливом детсады на зимний период не обеспечены. Из-за недостатка дров в детсадах № 1 и № 3 очень низкая температура» [65, с. 42].

Районные власти очень долго не могли обеспечить население хлебом. Лишь 5 марта 1941 года заседание бюро райкома наконец отметило:

«В результате проведенных в 1940 г. ряда мероприятий по восстановлению оборудования и реконструкций существующих пекарен и отдельных цехов хлебокомбината, пропускная способность последнего увеличилась с 14 до 20 тонн в сутки, что дало возможность полностью удовлетворить потребность населения в хлебе и, тем самым, ликвидировать очереди и перебои в хлебных магазинах» [65, с. 45].

Полтора года понадобилось советской власти на то, чтобы обеспечить население хлебом. А ведь до её появления в наших краях никогда никаких перебоев с хлебом не бывало. Отметим, что во время немецкой оккупации местное население тоже не испытывало проблем с хлебом. Правда, в городе хлеб станут выдавать по карточкам, а на селе вновь выпекать в домашних условиях.

Проблемы с хлебом появятся снова после возвращения советской власти. На этот раз на более долгий срок. Даже в 1960 году автору данной книги, тогда ещё шестилетнему ребёнку, вместе с матерью приходилось долгими часами выстаивать в магазинных очередях за хлебом. Конечно, мать стояла в очереди сама, а нас, гуляющих возле магазина детей, матери подзывали к прилавку, когда подходила их очередь: в руки давали по одной буханке хлеба на человека. А ведь после войны прошло уже 15 лет! Так что на войну дефицит хлеба в стране не спишешь. Виновата в этом советская система с её колхозами и рабами-колхозниками.

Никогда не забуду, как в 1962 году тогдашний руководитель страны Никита Хрущёв сделал широкий жест: велел в рабочих столовых «бесплатно» ставить на столы нарезанный чёрный хлеб. Вот, мол, какая у нас богатая страна, может позволить себе кормить хлебом бесплатно! Возле нашей школы № 4 по улице Аллейной находилась столовая для железнодорожных рабочих. На перемене голодные дети бегали туда, хватали «бесплатный» хлеб и ели его. Впрочем, скоро показуху с «бесплатным» хлебом отменили.

А вот с остальными товарами дело так и не наладили до самой войны. Из постановления пленума Волковысского райкома партии от 23 марта 1941 года:

«В районе совершенно слабо организовано производство кирпича, черепицы, до сих пор не освоена выработка колёс, телег, саней, школьных принадлежностей из дерева, гончарных изделий. Слабо развивается местная пищевая промышленность, несмотря на то, что в районе для этого имеются все условия. Отходы спиртных заводов, мельниц, столовых, маслозаводов и других предприятий

для откормки скота используются крайне недостаточно. В предприятиях царит грязь. Рабочее место и сырьё содержится неряшливо. Бескультурье и захламленность на этих предприятиях не дают возможности поднять производительность труда и улучшить качество продукции» [87, с. 21].

А то, что смогли наладить, было плохого качества. Взять тот же кирпич, который в Волковыске при польской власти производили превосходный. Упавший на бетонный пол кирпич звенел, но не бился, а всё потому, что соблюдалась нужная технология. Да и конкуренция среди производителей кирпича заставляла держать высокую марку. Сейчас всё изменилось. Из выступления директора кирпичного завода № 5 Добряко на общем районном партсобрании 6 января 1941 года:

Советский плакат о «счастливой жизни» в СССР

«Кирпичный завод № 5 годовую программу выполнил полностью. По качеству выпускаемой продукции мы крепко отстаём. Проверить качество кирпича мы не могли, потому что на заводе нет лаборатории. Когда мы отправили свою продукцию в лабораторию в Минск, то качество выпускаемой продукции оказалось низкое. На заводе у нас работают обычным способом, и часто бывает, что люди калечат себе руки, особенно в зимних условиях. Два месяца я добиваюсь у райздравотдела организации на заводе медпункта и всё безрезультатно» [85, с. 34].

Да и на самом главном предприятии Волковысского района — ементном заводе «Россь» дела из-за внедрения стахановских меодов работы пошли наперекосяк, о чём рассказал начальник гоодского отделения НКВД Виноградов:

«В 1940 г. на цементном заводе давали 9 с лишним тонн цемента в час, а в 1941 г. директор завода Плавник запланировал всего

> 8 тонн. Где же здесь прогресс? Ремонт на заводе произведён не совсем доброкачественно, несмотря на хвастовство Плавника о досрочном окончании ремонта. В феврале печь простояла 16 часов из-за неисправности, был остановлен паровой котёл на вторичный ремонт и т.д.»

Естественно, директор Плавник тут же стал оправдываться:

> «В 1940 г. наш завод выполнил план по всем показателям, но мы работали напряжённо, так как:
>
> 1. В первом квартале из-за отсутствия угля работали при одной печи.
> 2. Не было мешкотары и цемент лежал в сислосах.
> 3. Я не получал вагонов для погрузки цемента.
> 4. Гипс приходилось возить с Западной Украины» [66, с. 12].

Интересно, как мог цементный завод выполнить план, если работала всего одна печь?

Еще одна выдержка из выступления Виноградова:

> «Ендриховский спиртзавод не выплатил зарплату рабочим за 2 месяца» [66, с. 7-8].

Уж что-что, а спиртзаводы во все времена и при всех властях являлись прибыльным производством. И надо было очень сильно постараться, чтобы спиртзавод стал нерентабельным до такой степени, что рабочие не могли получать по два месяца заработную плату. В то время, как заводы стояли из-за отсутствия сырья, это сырьё лежало в морозы под открытым небом на улице и гнило. Ситуацию со спиртзаводами на этом собрании прояснил председатель райисполкома Дашук:

> «В нашем районе есть 4 спиртзавода, которым государство даёт сырьё, топливо, оплачивает рабочую силу, но эта отрасль у нас работает очень плохо. На железнодорожной станции для заводов нашего и других районов лежит масса картошки, которая гниёт и об этом прекрасно знают директора заводов и дирекция треста, но никаких мер не принимают. За картошку, доставленную заводам крестьянами в декабре и январе месяце, до сих пор не оплачено» [66, с. 11].

Вся эта бесхозяйственность и разгильдяйство партийной и советской власти привели не только к развалу промышленности, но и к росту бескультурья, наглядно выразившемуся в состоянии го-

рода Волковыска. 10 апреля 1941 года на собрании партактива председатель Волковысского райисполкома отмечал:

> «Очень плохо работает горисполком в деле приведения города в культурный вид. Грязь, мусор, бескультурье царит у нас на всех улицах города. Этому бескультурью нужно объявить решительную войну, чтобы в самое короткое время город имел культурный вид. К этому нужно привлечь 16 домоуправлений, которые только получают деньги и ничего не делают, милицию и всю общественность» [66, с. 26].

Примеры бесхозяйственности можно приводить и приводить, сведений об этом в архивах — масса. К тому же все это происходило не в одном районе, а на всех «освобождённых» землях Западной Беларуси и Западной Украины. Но зададим риторический вопрос: если бы не грянула война с Германией, наладилось бы всё или нет?

Послевоенные события показали, что народ при власти большевиков (коммунистов) так никогда и не достиг уровня жизни трудящихся стран Западной Европы. Вплоть до развала СССР большинство товаров народного потребления являлись дефицитом, (народ всегда стоял в зередях, то за колбагой, то за туалетной дагой, то за обувью. И дело здесь не в 1йне и её последвиях. Дело в самой светской системе, в которой человек был •плен права на частую собственность, а *ачит **и на инициа-**1ву. Несмотря на то,

Улицы Волковыска до сентября 1939г. отличались чистотой и порядком

что штатные идеологи непрерывно трубили о народовластии, на самом деле вся власть была сосредоточена в руках партийно-советской бюрократии (номенклатуры).

Да и полного воссоединения беларусов при первых Советах не произошло. В Западной Беларуси до начала войны сохранялся особый режим управления. Сохранилась даже старая польско-советская гранима с пограничными заставами. Переходить эту границу гражданскому населению без соответствующего разрешения воспрещалось. От кого же её продолжали охранять советские пограничники? От своих граждан, чтобы они не могли увидеть и сравнить условия жизни по обе стороны границы. И вот это советская пропаганда называла воссоединением! К сожалению, беларусы не получили независимости, о которой мечтали, и не стали хозяевами на своей земле. Вместо этого они оказались в условиях гораздо более жёсткого и жестокого режима, чем в Польше.

Так что принесли с собой в 1939 году первые Советы? Освобождение? От чего? Как говорили современники тех событий, «советы освободили нас от всего», имея в виду отсутствие товаров в магазинах, отсутствие свободы выбора места и условий работы, и т. д. Но самое главное — большевики лишили народ веры: веры в построение справедливого общества, веры в создание независимого беларуского государства, где хозяином будет здешний народ, и, наконец, веры в Бога. Такая беспросветность жизни привела к процветанию в деревне самогоноварения и пьянства, чего при поляках никогда не было. «Освободители» говорили западным беларусам: «Мы вас освободили от польского ига!» Народ же на это говорил между собой: «Из польского ига мы попали в советское ярмо, которое нас окончательно задушит».

Писатель Алексей Карпюк писал о первых Советах:

> «І вось настушу верасень 1939 г. — доугачаканы дзень «вызваления». Амаль адразу і у нас пачалося ламанне хрыбта усяму здароваму, назапашанаму чалавецтвам за мшулыя стагоддзь Пайшло разбурэнне шляхоу натуральнага развщця народнай культуры. Пачалося разбурэнне сумленнасщ і народнай дэмакратьп. Адным словам, якраз з таго часу пачалося абыдленне майго народа...» [41, с. 73].

Он же замечательно сказал о духовной деградации советского народа:

«Атрымаушы надежны грунт (пакорл1васць, заправграмаванасць на пэуную хвалю і запалоханасць людзей), караючы стал і нею меч бязлггасна сек галовы усiМ, хто спрабавау выйсщ за межы. Раскладанне грамадства у застойны перыяд пайшло на усіх узроунях. Пбель ды вываз самых лепшых і дастойных прывял1 да прытуплення народных традыцый, дэградацып Марanі і нават змены у генафондзе народа. 3 таго часу я не прыпамшаю Hi воднага юраушка, з яюм можна было б, як з ровным, пагутарыць на маральна-этычныя тэмы, аб лггаратуры, гумашзме, — не было таюхтам! Да улады прарвалюя самыя хггрыя, самыя карысл1выя, самыя аизюя, самыя лядашчыя, самыя бессаромныя, яюя у адпаведны час здагадалюя павярнуиь нос па ветры, і нармальных людзей у сваю кампашю яны і бл1зка не прымал1» [41, с. 141].

Результаты большевистского правления нам хорошо известны — это уничтожение трудолюбивых и предприимчивых хозяев, самостоятельно и независимо мыслящей интеллигенции. И как следствие — обнищание народа, упадок его культуры. От методов обанкротившейся советской системы мы не избавились поныне, последствия и рецидивы советско-большевистского правления народ расхлёбывает до сих пор.

А в наших городах на центральных площадях по-прежнему стоят памятники человеконенавистнику и душителю свобод — Ленину, создателю той системы государственного устройства, которая работала не ради благополучия своего народа, а ради власть предержащих, и еше ради мифических целей, недостижимых в принципе. В жертву химере коммунизма и мировой революции коммунисты принесли десятки миллионов человеческих жизней и ещё больше искалеченных человеческих судеб.

17

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Как уже сказано, ещё до 1 сентября 1939 года польское правительство, видя исходящую от Германии военную угрозу, объявило о частичной мобилизации. Из Волковыска в польскую армию призвали много молодёжи, среди которой были и евреи. На войну принялись собирать средства за счет внутренних резервов. Волковысскую еврейскую общину обложили тяжёлыми налогами. Каждый домовладелец, ремесленник, купец, люди других профессий были вынуждены подписать соглашение о выплате, иначе подвергались наказанию, вплоть до тюремного заключения.

Спустя несколько дней после начала войны немцы углубились в Польшу. В Волковыск на поездах, на собственном транспорте и пешком стали прибывать тысячи беженцев-евреев. Местные жители, как могли, помогали, размещая их в своих и общественных домах.

Когда же немцы окружили Варшаву и приблизились к Белостоку, тем самым перерезав железную дорогу, поезда с беженцами перестали приходить. Однако беженцы прибывали и после этого, нелегально переходя ещё неплотно закрытую новую границу между СССР и Польшей, оккупированную территорию которой немцы

назвали Генерал-губернаторством. С приходом советов продолжалось размещение беженцев. Их, как могли, обеспечивали питанием и медицинской помощью. Еврейская община совместно с новой властью помогла примерно тридцати тысячам человек. Многие беженцы покинули город, уходя от войны еще дальше на восток.

По состоянию на 13 декабря 1939 года по всей Белостокской области, включая город Белосток, находилось 34.626 семейств беженцев общей численностью 61.208 человек. С 11 по 15 декабря 1939 года из Белостока выслали в Гродненский, Волковысский и Сокульский районы 9043 беженца [77, с. 217].

К началу 1940 года всего на территории БССР на учёте состояло 72.896 человек беженцев, из них трудоустроились 25.621 человек (35,1 %). Социальный состав беженцев был весьма пёстрым: фабриканты, торговцы, рабочие, служащие, учителя, врачи, представители творческой интеллигенции, студенты и гимназисты. По национальному составу они распределялись так: евреи — 65.796 человек (90,26 %), поляки - 4290 (5,88 %), беларусы - 1703 (2,33 %), русские — 577, украинцы — 169 человек [81, с. 73].

Однако надо учесть, что далеко не все беженцы регистрировались, поэтому настоящее их число может быть намного больше. Старались уклониться от регистрации те, кто перешёл границу нелегально, не хотел принять советское гражданство, избегал принудительного трудоустройства. К тому же, беженцы продолжали прибывать ещё и весной 1940 года. Из воспоминаний Яна Виленьца:

> «Спасая свою жизнь, весной 1940 г. границу с немецкой стороны массово переходили евреи. Это была настоящая трагедия. Евреи выглядели страшно грязными, завшивленными и голодными. Воровали всё, что только могли: на полях копали не выросшую картошку и пекли в кострах. Возле нас уничтожили все деревья на дрова для костров, служившие им для приготовления пищи и обогрева. Нельзя им было запретить, так как были под специальной охраной советских властей. У нас в доме остановился студент из Варшавы. Фамилии его не помню, хотя по-русски назывался Исаак Абрамович, но просил называть себя Юльком. Имел 22—24 года и старался быстро приспособиться к нашей жизни. Перед войной, как многие евреи того времени, был радикальным социалистом, считая, что будущее за коммунистами, а потому следует их поддерживать. С помощью местной советской власти был устроен учителем белорусского и русского языков в деревне Талалайки. Как он там обучал детей — неизвестно, так как не знал ни одного из языков.

Очень много евреев осталось в наших местах, не желая ехать дальше на восток по той причине, что узнали от своих соотечественников о тяжёлой работе, предлагаемой им на новых местах. Вскоре беженцы рассеялись по местечкам и деревням» [11).

Из опубликованных отдельной книгой на польском языке воспоминаний Бронислава Эрлиха, жителя Варшавы, 1923 года рождения, следует, что он со своей сестрой перешёл границу с помощью проводника. Из Бреста, где они очутились в декабре 1939 года, приехали в Волковыск, где жила их кузина:

«После короткой встречи с кузиной мы узнали, что в Волковыске существует комитет помощи беженцам, в задачу которого входило их размещение у разных людей, готовых помочь кровом и едой. Моя сестра получила приют у молодой пары с малым ребёнком, проживающей по улице Костюшки, а я разместился на улице Виленской у пожилых хозяев по фамилии Новаки. Сестра была портнихой и потому сразу нашла постоянную работ)', обшивая своих хозяев. Я же не мог найти занятие по своей непосредственной специальности графика, а потому вынужден был перебиваться случайными заработками: разгрузкой угля на железнодорожной станции, разгребанием на улицах снега и т. д. Через некоторое время нашёл постоянную работу в детском дошкольном учреждении разнорабочим при кухне. Так как работа занимала первую половину дня, то на остальную половину дня пристроился работать в вечерней школе художником. Вечерами же учился в этой школе как ученик 8-го класса» [82, с. 27-28].

Свислочь, местечко Волковысского повета, также оказалось переполнено беженцами. Осенью 1939 года сюда прибыли до 1500 евреев. Разместили их в синагогах и еврейских семьях. Из воспоминаний бывшего жителя Свислочи Эммануэля Голдберга:

«Особенно трагической была ситуация еврейских беженцев, большинство из которых составляли молодые люди, сбежавшие с польских территорий, находящихся сейчас под немецкой оккупацией. Теперь они толпились в синагоге, где спали. Мужчины, женщины и дети находились в жуткой тесноте и антисанитарных условиях. Они страдали от голода, грязи, вшей и холода. Со стороны властей к ним не проявлялось особых забот. Беженцы получали лишь небольшую помощь от местного еврейского населения. Только некоторые из местных евреев пускали беженцев в свои дома, боясь инфекционных болезней.

Было бы несправедливо обвинить еврейское сообщество в отсутствии организованной помощи: власти не допускали среди местных людей никакой самостоятельной общественной организации. Население опасалось ослушаться власть и быть вывезенными в Сибирь, хотя до этого никто из местных евреев не был сослан» [9].

Весной 1940 года для беженцев издали приказ зарегистрироваться в милиции, где им предлагали получить советское гражданство. Многие евреи к этому времени уже хорошо узнали жизнь в Советском Союзе и не желали менять польское гражданство. Они надеялись в скором времени эмигрировать в третьи страны, не затронутые войной. Многие беженцы, не сумевшие привыкнуть к новым условиям и не найдя себе достойного применения, желали вернуться домой. Но их надежды рухнули — всех беженцев, изъявивших желание уехать из СССР, посадили в товарные составы и депортировали в Сибирь. Остальным беженцам, пожелавшим остаться в СССР, выдали проездные билеты и отправили пассажирскими поездами к местам назначения, где их расселяли по фабрикам и заводам. Но некоторые сумели избежать регистрации. Из воспоминаний Бронислава Эрлиха:

Синагога в Волковыске. Уничтожена в июне 1941 г.

«На регистрации записывали персональные данные каждого беженца, после чего каждому из них задавали вопрос, куда бы хотел выехать: в Америку, Канаду или в другое место, вернуться в Польшу или остаться в Советском Союзе. Никто не подозревал в этих вопросах никакого подвоха, и многие изъявили желание выехать в

другие страны. Часть беженцев захотели остаться в Советском Союзе, но большинство, соскучившись по своим семьям, измученные разлукой и трудными условиями проживания, захотели вернуться в Польшу. Моя сестра и я также записались на возвращение в Варшаву к своим, оставшимся там родителям.

Вскоре наступило отрезвление. Тем из беженцев, которые записались остаться в Советском Союзе, было предложено покинуть город и переселиться в места на расстояние не меньше, чем 250 км от немецко-советской границы. Для тех, кто захотел выехать в Польшу или другие страны была приготовлена другая неожиданность. К ним регулярно в ночные часы начала приходить милиция и препровождать в местное отделение НКВД, где после проверки личности их отправляли в городскую тюрьму. Через несколько дней, по мере накопления людей в тюремных камерах, незадачливых беженцев под сильной охраной отправляли на железнодорожную станцию. Здесь их сажали в товарные вагоны и отправляли в Сибирь или на север в трудовые лагеря. Мою сестру, которая к этому времени жила со мной, также увели ночью в тюрьму, а через пару суток взяли и меня» [82, с. 29-30].

Вспоминает бывшая жительница деревни Гнезно, Анна Матвеевна Садовская, 1930 года рождения, в то время ученица школы, откуда сбежали все польские учителя:

«Вскоре Советы прислали к нам новых преподавателей. Были это польские евреи из Варшавы, успевшие удрать от немцев. Дело в том, что мы не знали ни беларуского, ни русского языка. Поэтому какое-то время русскому языку нас учили евреи. Вскоре Советы объявили беженцам из Польши о возможности возвращения назад. Наши учителя Сара и Лутэк записались на выезд. Говорили: «Мы узнали, кто такие Советы и лучше вернёмся!» Всех, кто изъявил желание возвратиться в Польшу, посадили в вагоны и повезли. Через некоторое время моя мама получила письмо из Архангельска. Оказывается, вместо Варшавы евреев вывезли на север» [83, с. 53-54].

Сестру Бронислава Эрлиха вскоре отправили в район города Новосибирска, а его самого из НКВД со словами «не пойдёт», сказанными одним чекистом другому, отправили домой, велев в тот же день пойти в милицию и получить советский паспорт. Почему его не отправили вместе с сестрой, Эрлих не объясняет. Скорее всего потому, что у него приближался призывной возраст, и в 1941 году он подлежал призыву в Красную армию.

Высылку евреи восприняли как страшную трагедию, не зная, что итоге это спасёт им жизнь. Через семь лет, когда закончилась война, те из них, кто дожил, смогли осуществить свою мечту и уехать в другие страны.

В целом, еврейское население Западной Беларуси встретило новую власть дружелюбно. Еврейский историк Е. Вайнриб писал о

> «Многие начали верить, что их положение не будет таким, каким , оно было в Польше. Что русские сами будут жить и дадут жить другим. Даже упразднение частных предприятий не казалось роковым. Многие из евреев рассчитывали, что найдут работу в администрации, в школах, в кооперативах. Это общее чувство благодарности и облегчения порождало много иллюзий, особенно среди молодёжи» [84, с. 103].

Несмотря на многие ограничения в жизни еврейского сообщества, наступившие с приходом большевиков, большинству местных евреев советская власть действительно давала надежду на лучшую жизнь, чем при польской власти. А поляки и беларусы с большим скептицизмом и недоверием восприняли тот факт, что евреи, благодаря хорошему знанию языков и образованности, скорее чем они смогли приспособиться к новой ситуации. Да и среди советских функционеров из БССР приехало немалое количество их соплеменников. Даже местные евреи обратили внимание на прочные позиции евреев в советском государственном аппарате.

Однако социальную активность еврейского населения армейское командование и партийно-советское руководство восприняли без энтузиазма. Большевики хотели привлечь к сотрудничеству побольше беларусов. Так, в рабочую гвардию Белостока записывались одни евреи, поэтому пришлось искусственно регулировать её национальный состав. Стремление евреев проникнуть в органы власти и правопорядка было заметно и в других местах. Радость, с какой евреи приветствовали Красную армию, их активность при проведении выборов в Народное собрание, отталкивали от советской власти представителей других этнических групп.

Однако евреи в самом деле лучше беларусов были готовы к тому, чтобы заменить поляков в органах управления и правопорядка. Знание нескольких языков позволяло использовать их в газетах, в агитационной работе, в здравоохранении и, конечно же, в торговле. Не случайно народный фольклор тех лет четко отразил национальную политику:

«Гоп мои гречаники,
все евреи — начальники,
белорусов — в колхоз,
а поляков — на вывоз».

Поэтому антисемитские настроения местного населения усиливались^ мере возрастания его недовольства политикой советской власти в Западной Беларуси [34, с. 229].

Из воспоминаний Эммануэля Голдберга:

«В некоторых аспектах было отмечено улучшение позиций еврейского меньшинства в отличие от прежнего польского режима: антисемитская пропаганда прекратилась, все школы и университеты для евреев были открыты. Казалось, что нас рассматривали,

Синагога в местечке Пески Волковысского района.
Уничтожена во время немецкой оккупации

как равноправных. Распространённые при польском режиме местные антисемитские инциденты заметно отсутствовали. Дружественные отношения были установлены между прибывающими русскими и местными евреями, сочувствующими советской России. Это также значительно способствовало принятию еврейским сообществом нового режима и последующего сотрудничества.

Потеря еврейских образовательных и культурных учреждений (двух еврейских школ в Свислочи, двух библиотек, всех социальных учреждений и т.д.) которые были закрыты, возмещалась равенством, хотя потерю этих учреждений оплакивали многие. Евреи больше не были представлены как отдельное сообщество со своими

уникальными проблемами. Единственное еврейское учреждение, которое не было закрыто, была синагога, и евреям разрешали молиться в соответствии с их традицией.

Однако экономическая ситуация евреев была отчаянная. Многие голодали или находились на пороге голодания. Основные продукты типа хлеба, молока, яиц, а также ботинки и одежда были в недостаточном количестве. Крестьяне, которые привозили продукты на еженедельный рынок, не хотели принимать советские деньги, поэтому возникла бартерная система. Много еврейских семейств не имели ничего, что можно бы было отдать взамен на продукты» [9].

Отрицательное отношение поляков к евреям за их поддержку советской власти сказалось во время немецкой оккупации. Кроме того, самые фатальные последствия для евреев имело ещё одно важное обстоятельство. Из воспоминаний Эммануэля Голдберга:

> «Во всех средствах массовой информации СССР невозможно было найти критических высказываний в адрес Германии. Всё это диктовалось сверху. Мой друг Авраам Равич, вечный оптимист, объяснил эту дилемму как тактическую меру, и что Советы были вынуждены так себя вести, чтобы избежать конфликта с Германией. Его рассуждения не убеждали меня. Позже, в конце июня 1941 г., после того, как Германия вторглась в Советский Союз, во время своего отступления на восток я ни разу не встретил массовый исход евреев, которые благодаря такой советской дезинформации не спешили уходить от немцев из своих городов и местечек. Как могли они предвидеть ужасы, которые ждали их, если истинный характер захватчиков от них скрывала советская диктатура, не информировавшая свой народ относительно поведения немцев в захваченных ими странах» [9].

Судьба оставшихся евреев сложилась трагически. После оккупации Волковыска немцы согнали местных евреев в гетто, где они жили до 2 ноября 1942 года. В этот день всех евреев выгнали из домов и под конвоем отправили на другую окраину города, в заранее подготовленный лагерь. Сюда же пригнали евреев из всех местечек повета. В этом лагере скопилось 18 тысяч человек.

В конце ноября евреям объявили о начале переселения в Германию, где они будут нормально жить и работать. На самом деле их ожидали крематории лагеря смерти Аушвиц (Освенцим). Последний состав с евреями ушёл с Центральной станции Волковыска в пять часов утра 27 января 1943 года.

18

НАЧАЛО РАСПРАВЫ С НАРОДОМ

С приходом «освободителей» вся система нравственных ценностей оказалась перевёрнутой с ног на голову. То, что вчера считалось приличным и престижным, сделалось опасным для жизни: богатство и профессиональный опыт, накопленные в течение жизни, причастие к государственному управлению или к «классу эксплуататоров» стали источником повышенного риска, грабёж объявили «национализацией», а убийства, аресты и депортации — «пролетарской справедливостью». Отныне человека наказывали не за совершенные преступления, а за то, кем он являлся.

Мало того, коммунистическое руководство СССР планировало после «освобождения» Западной Беларуси заменить этнический состав её населения, и тем навсегда обезопасить себя от польских претензий на эти земли.

Ещё до начала вторжения Красной армии, 15 сентября 1939 года, из Москвы от Лаврентия Берии в Минск поступила директива, которая доводила до сведения беларуских органов НКВД кого в первую очередь надо арестовывать на территории Западной Беларуси:

«Арестовывать наиболее реакционных представителей государственной администрации, руководителей местной полиции, пограничной охраны и филиала второго отдела Главного штаба, воевод и их ближайших коллег по работе, руководителей контрреволюционных партий — Польской партии социалистов, Народной партии, Трудовой партии, Христианско-демократической партии» [28, с. 72].

То же самое открыто говорил первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко 4 октября 1939 года в Волковыске на совещании представителей временных управлений в Западной Беларуси:

«Поднять крестьян, чтобы делили помещичью землю, вовсю били им морду!» [62, с. 453].

Первыми ощутили на себе насильственные действия советской власти польские военнопленные, многих из которых стали в массовом порядке вывозить в Россию. Вспоминает Антон Радзивановгкий:

«Поначалу польским солдатам разрешали возвращаться домой со своими вешами и даже с конём. Подвозили польских солдат на автомобилях, кормили их. Потом, под предлогом исключения случаев грабежа солдат со стороны бандитских элементов, была организована доставка военных железнодорожным транспортом. Когда же вагоны состава заполнялись, то состав прямиком ехал в СССР» [51.

Вспоминает Софья Иосифовна Бердик (Рутковская), 1925 года рождения, бывшая жительница деревни Озериско Волковысского повета:

«1 сентября 1939 г. моего старшего брата Бронислава Иосифовича Рутковского мобилизовали на войну. Воевал в кавалерии, пока остатки их полка в чистом поле не разбомбила немецкая авиация. По дороге домой польских солдат задерживали вооруженные банды из местных жителей и раздевали, давая взамен старьё. Бронислава тоже задержали:

— Коня можете забирать, а мундир снимете только с моего трупа! — так Бронислав сохранил воинскую честь. Под Сувалками его взяли в плен Советы. В Сувалках из пленных польских солдат составили этап, погрузили в товарные вагоны и повезли на Барановичи. В их вагоне ехало 60 военнопленных. Когда проезжали Волковыск, Бронислав рассчитывал, что его отпустят домой, ведь у начальника эшелона были списки, кто откуда родом, но поезд, не за-

держиваясь, проехал город. В Барановичах также никого не освободили, и тогда пленные поняли, что их везут в Россию.

Общими усилиями выломали в стене вагона доски, и через образовавшуюся дыру все 60 человек выбрались на ходу поезда наружу. Собрались в ближайшем лесу. После совещания решили держаться вместе, а по дороге расходиться по своим домам. Днём шли по лесу, а ночью — по просёлочным дорогам. По пути к ним пристала женщина-военврач. Так все вместе и пришли вечером к нам домой в Озериско. Чем могли, накормили беглецов, и, измученные дорогой, они улеглись в гумне ночевать. На следующий день Бронислав объяснил им маршрут, снабдил продуктами, и солдаты пошли в сторону Беловежской пущи. У нас остался один больной командир. Возле местечка Порозово Волковысского повета группу беглецов обнаружили, видимо, их всё это время искали. Спаслась одна женщина. Позже она вернулась к нам и рассказала, как НКВДисты посекли всех из пулемётов. Живыми брать не хотели. Убежавших из плена, считали особо опасными.

Когда скрывающийся у нас командир выздоровел, его переодели в гражданскую одежду, и Бронислав с помощью знакомого машиниста переправил его по ту сторону границы в оккупированную немцами Польшу» [6].

Польские офицеры из волковысского 3-го полка конных стрелков. С приходом Советов началась настоящая охота за офицерами

На польских офицеров шла настоящая охота. Вспоминает бывший лесничий имения Михалин Волковысского повета, Донат Быковец:

> «В первый же день после прихода Красной армии были вывешены объявления, чтобы все польские офицеры, возвращающиеся с немецкого фронта, обратились в соответствующие органы с целью получения пропусков, с помощью которых беспрепятственно добрались бы до своих семей. Однако никого из обратившихся за такими пропусками назад не отпускали: офицеров препровождали в тюрьму, а потом вывозили в Россию» [5].

Бывший железнодорожник из Волковыска Владислав Влазло утверждает, что в Волковыске имел место расстрел польских офицеров:

> «На другой день после вступления в Волковыск Красной армии, 20 сентября раздалось несколько пулемётных очередей. Два часа
> 1 позднее узнал, что Советы расстреляли 13 наших пленных офицеров, которые несколько дней лежали непогребенными» [5].

Накануне войны в польскую армию из резерва были призваны многие офицеры. Так был призван и учитель 4-й школы в Волковыске, 45-летний подпоручик-резервист Владислав Боржим. Его жена Анна Боржим (Янчевская) также преподавала в волковысской школе № 3. У них было трое детей школьного возраста. После окончания сентябрьской кампании, в которой Владислав сражался против немцев на западе, он вернулся домой, но вскоре был арестован. 9 апреля 1940 года его расстреляли в Катыни палачи из НКВД вместе с четырьмя тысячами других польских офицеров. Труп Владислава Боржима идентифицировали по найденным в его кармане почтовым карточкам и письмам, отправленным его женой из Волковыска в город Козельск Смоленской области, где он содержался до казни.

Из письма жены от 14 января 1940 года:

> «Владэчку! Сокровище ты наше самое дорогое! Как твоё здоровье? Боюсь, чтобы ты не заболел. В ночь с 29 на 30 декабря я тебя увидела во сне, но ты был такой недоступный. Наверное, ты много думаешь о нас. Мы тоже, наш любимый всё время думаем о тебе. Я же думаю о тебе при каждом шаге: когда иду в школу или на курсы! А как же может быть иначе?
>
> ...У нас сейчас зимние каникулы, но каждый день у меня пять уроков беларуского языка. Я уже немного пишу по-беларуски, из-

учаю грамматику и литературу. Нужна тренировка. После буду преподавать в польской школе на Центральной, но сейчас это будет средняя школа десятилетка. Ещё не знаю, какие классы и какие предметы мне дадут...».

Из почтовой карточки от 21 января 1940 г.:

> «Владэчку, сокровище ты наше самое дорогое! Не беспокойся о нас. Нам хорошо. Я работаю. Дети учатся. Дана и Януш учатся в 1-м классе и даже сидят вместе. Збышек в 7-ом классе. Я полностью обучаю 4-й класс. Мы все здоровые, но мама слабая. У нас стоят такие большие морозы, которых давно никто не помнит. Обеспокоена в чём ты одет и обут. Напиши, каким способом отправить тебе посылку. Ждём с нетерпением от тебя письма. Любящая твоя жена Анна» [88].

Все директивы относительно репрессий новые власти на местах неукоснительно проводили «в жизнь». Первое, что они сделали в «освобождённых» городах и местечках Западной Беларуси — арестовали представителей прежней администрации: старост, бургомистров, полицейских, управляющих банков, старших офицеров польской армии. Причём обыски и аресты, как правило, производились в ночное время. Вспоминает крестьянин из деревни Масюки Волковысского повета Антон Сыновей:

> «Сразу после вступления Красной армии на местах были учреждены Временные правления. К сожалению, большинство людей, которые оказались в таких правлениях, остались во власти до конца. В состав Временных правлений вошли наихудшие криминалисты из политических и обычных уголовников, которые получив в руки власть, старались уничтожить всё, что было связано с Польшей. Ими на местах арестовывались чиновники и богатые люди. Аресты и обыски преимущественно производились под прикрытием ночи» [5].

Людей арестовывали под разными предлогами. Вспоминает бывший железнодорожник Волковыска Зигмунд Корвель, который также попал в волковысскую тюрьму:

> «С приходом Красной армии заключённые из тюрьмы были выпущены сотрудниками НКВД. Новая власть начала действовать под угрозой военного трибунала. Первым делом у соответствующих лиц были произведены обыски под предлогом поиска оружия, после чего приказывали идти в здание НКВД с целью подписания протокола обыска. Там объявляли об аресте за членство в разных партиях,

> принадлежность к Союзу Стрельцов, что являешься осведомителем полиции, издевался над «братьями белорусами» и коммунистами, поддерживал капиталистическую власть» [5].

; Зигмунда Кервеля дополняет бывший учитель из деревни Подонка Свислочской гмины Антон Радзивоновский:

> «Утвердив везде своих руководителей, Советы одновременно начали избавляться от нежелательных для них элементов. Оккупированная территория освобождалась от польских военных, полиции. Арестовывали помещиков, которых отнесли к категории «особо опасных». Список таких помещиков составляли местные сельсоветы и деревенские комитеты, а дополняли их НКВД, милиция и партийные функционеры по своему усмотрению. На кого доносили, тот должен был "сидеть"».

Тюрьмы заполнили не только поляки, но и евреи, и беларусы. Волна арестов усиливалась перед советскими праздниками, выборами, после оглашения важных указов.

Из воспоминаний Стефана Ломашко, бывшего железнодорожника в Волковыске:

> «Отряды Красной армии в Волковыск прибыли на машинах и танках. С момента вступления их в город собрали людей, перед которыми с агитацией выступали политруки, говоря, что освободили нас от панов и помещиков, что после 20-летнего гнёта народ ожидает рай. Сразу же была организована милиция, в состав которой вошли выпущенные из тюрьмы на свободу криминальные преступники и городские возмутители. Начали искать врагов народа, среди к'которых были интеллигенция, чиновники.
>
> В первый же день своего появления «освободители» организовали массовые облавы, производимые по ночам в жилых домах, делая обыски. После чего гражданам приказывали одеваться и забирали с собой, провожая их до тюрьмы под охраною 3—4 милиционеров из местных жителей и одного НКВДиста, с направленными в спину стволами винтовок и штыками. Начальник милиции и каждый из функционеров НКВД стал для обывателей господином жизни и смерти. Нельзя было ничего сказать плохого про новую власть. Пропала свобода, о которой так громко кричали «освободители», а вместо неё начал править террор. Каждый из жителей города не был уверен, что проснётся утром дома, ожидая непрошенных ночных гостей. Во время ночных обысков искали неизвестно что, а на следующий день граждане не могли отыскать ценные вещи, особенно золотые украшения и часы» [5].

Об арестах в первые дни оккупации вспоминает осадник из поселения Михаловка, гмины И Забелин Волковысского повета, Бронислав Гардель:

«Одновременно вслед за военными на территорию Волковысского повета нахлынула масса агитаторов, комиссаров, а также так называемые «карательные отряды», которые с помощью образованной милиции начали производить массовые аресты, преимущественно ночью. Почти каждый день проводились обыски, во время которых солдаты и милиционеры крали приглянувшиеся им вещи. Вместе с семьями были арестованы и крупные землевладельцы, но вскоре 6 женщин вместе с детьми выпустили на свободу под надзор местных сельских комитетов. Арестовали много военных осадников, полицейских и других состоятельных людей из поляков. (...). Несколько человек из арестованных сразу «ликвидировали», несколько умерли в тюрьме, скорее всего не выдержав допросов. Военных осадников потом освободили, чтобы 10 февраля 1940 г. выслать в Сибирь вместе с семьями. Остальных арестованных вывозили в Россию» [5].

Многие польские интеллигенты, особенно прибывшие в наши края из центральной Польши, посмотрев на новые порядки, тайно пересекали советско-германскую границу и скрывались в оккупированной немцами Польше. Благо на первых порах граница ещё не так строго охранялась. Вспоминает бывшая жительница деревни Гнезно, Анна Матвеевна Садовская, 1930 года рождения:

«После 17 сентября 1939 г., когда пришли Советы, нас ещё неделю учили прежние учителя. В один из дней в школе занятия прекратились. Ученики старших классов бегали и кричали: «Идите все домой! Уроков не будет!». Дело в том, что наши учителя скрылись.

И хорошо сделали, так как многих из оставшихся учителей вскоре вывезли в Сибирь. Из нашей школы не побоялся остаться лишь один учитель по фамилии Шеремет, которого потом тоже выслали в Россию. Для нас потеря учителей была большой трагедией: ученики сидели за партами и плакали» [83, с. 53-54].

О том, как происходили аресты, рассказывает Ян Карлович Былинский, чей родной дядя Ричард Былинский работал управляющим банка в Волковыске:

«С началом войны 1 сентября 1939 г. польское правительство обратилось к населению с просьбой о пожертвовании. Люди приносили в государственный банк не только деньги, но и ювелирные из-

делия, серебряную посуду. Директором этого банка работал мой дядя по отцу — Ричард Былинский.

Когда в город пришли первые Советы, он был арестован НКВДистами прямо в банке, в своём кабинете. Представители новой власти вызвали бухгалтера банка по фамилии Сиклюзский, пересчитали все деньги, ценности перевесили, всё опечатали и поставили часового. Домой Ричард Былинский никогда не вернётся. Сразу из банка его отправили в Волковысскую тюрьму.

Его жена Елена, учительница польского языка и литературы, преподавала в гимназии имени Стефана Батория. Пани Елена добилась у властей свидания с мужем, на котором он попросил принести ему тёплую одежду, предполагая, что его вышлют в Сибирь. Жена заказала у портного-еврея длинный кожух из овчины, в кото

Персонал полицейского участка в местечке Мстибово. Полицейские, как и офицеры, подлежали немедленному аресту

ром мужу будут не страшны сибирские морозы, и передала в тюрьму. С тех пор о Ричарде Былинском ни слуху, ни духу. Может, кости дяди лежат в Куропатах возле Минска, а может, в Катыни.

Предчувствуя, что одним арестом мужа дело не закончится, Елена Былинская отправила восьмилетнего сына в город Бельск-Подляску к своим родителям. Сама же осталась в Волковыске поближе к арестованному мужу. Вскоре арестовали и её.

Спустя некоторое время, к нам в дом пришёл «красноголовик» — так местное население прозвало НКВДистов, носивших фуражки с красным околышком:

— Здесь проживает Былинская Елена? — спросил «красноголовик» у моего отца.

— Нет! Вы ведь её арестовали! — удивился отец такому вопросу.

— Нет! Она живёт у вас! — настаивал тот, и начал угрожать отцу отправкой к белым медведям за укрывательство врага народа.

Как потом выяснилось, тётя ухитрилась удрать из-под охраны НКВДистов и перебралась к родным в Бельск-Подляску. В годы немецкой оккупации всю улицу в Вельске, на которой жила тётя, немцы взяли в заложники. Спустя сутки заложников на машинах вывезли в лес и расстреляли.

Так, сообща, фашисты с коммунистами уничтожили всю дядину семью. С их рода никого не осталось» [6].

Многие семьи в один день лишались не только всего своего имущества, нажитого честным кропотливым трудом, но и права на дальнейшее существование самой семьи. Дети в таких семьях становились полусиротами или полными сиротами. Вспоминает Станислава Езерская, муж которой имел в Волковыске собственную котельно-механическую мастерскую, где она работала бухгалтером:

«Вскоре из собственных домов начали выселять интеллигенцию, при этом конфискуя имущество. Не миновали и нас. В течение 24 часов нам приказали выселиться, и конфисковали всё имущество нашего предприятия, а также мебель из нашего жилого дома и дома наших родителей, оставив только кровать, посуду и одежду. В один час мы остались нищими без гроша в кармане и средств для существования.

Муж, как бывший хозяин мастерских, известный на территории Волковысского повета деятель, не мог получить никакой должности. Однако со временем устроился работать возчиком на подводе, получая в месяц 120 рублей, которых хватало всего на скромную жизнь в течение одной недели. Успел проработать всего несколько месяцев и в марте 1940 г. был арестован.

То, чего с волнением ожидали каждый день, наконец, произошло. Наша семья потеряла любимого мужа и отца малых детей. Отец мужа, старый человек, не мог с этим примириться и плакал как дитя. Мать мужа скончалась от разрыва сердца, которое не выдержало от долгого переживания за судьбу своей семьи. Начались вывозки людей в Сибирь: сначала первая, потом вторая. Что дальше? Сколько стоило нам это неопределённое наше состояние и ожидание худшего — знает один только Бог. Каждый проезжающий ночью мимо нашего дома автомобиль заставлял нас дрожать от страха: а вдруг это за нами. Кроме того, через каждые несколько дней в доме производились обыски под предлогом поиска оружия. За каждым нашим шагом следили» [5].

Первые месяцы правления «освободителей» весьма способствовали грабежам и разбоям, особенно в сельской местности. Из воспоминаний Яна Виленца:

«Процесс ликвидации помещичьих имений происходил по-разному. Там, где крестьяне охотно соглашались принимать чужое иму-Р'Цвство, новая власть просто отдавала им коровы, свиней и другие веши. Правда были и такие крестьяне, которые отказывались при-;.' нимать «советские подарки». Наступили времена как при большевистской революции в 1917 г.: по территории шатались разные вооружённые банды и грабили что попадёт. О таких грабежах узнавали ^каждый день, и никто точно не знал, кто этим занимается: или местные или прибывшие с востока. Скорее всего, и те и другие.

В деревне Костевичи жил Антон Конюхович, который ещё перед Первой мировой войной выехал в США, а после 1920 г. вернулся. На заработанные доллары купил себе участок земли в имении Ивашкевичи, построил дом и подсобные пристройки, умело хозяйничал на земле и вскоре стал зажиточным хозяином. Занимался разведением коней, за что неоднократно получал награды. Жил себе на хуторе и никому не мешал. К нему ночью пришли трое вооружённых людей, вывели из дома на улицу и застрелили. Тело сбросили в реку. Когда сообшили об этом случае новой власти, то там ответили: «Ну что же, это революция! Это гнев народа!» Никто убийц не искал» [11].

Случаи разбоя были зафиксированы и со стороны самих представителей новой власти. Так, 21 сентября 1939 года, после ареста помешика Плавского из имения Холстово, его жену Юзефу застрелил во дворе советский командир только за то, что она не хотела отдать ему своего коня. Тело бросил в кормушку в конюшне [89, с. 77].

Арестам способствовало сведение старых счётов. Особенно преуспели в этом те, кто с приходом Советов «вышел из грязи в князи». Так, в местечке Зельва 21 сентября 1939 года местные «красноповязочники» арестовали пятерых человек: Владислава Игнатовского — ветерана войны с большевиками, осадника из Конно; ксендза Яна Крыньского — пробоща Зельвенской католической парафин; Давида Якубсона — священника Зельвенской православной парафин; Наумчика — хозяина буфета на железнодорожной станции в Зельве; Оскара Меуштовича — помещика из Рогозницы [8, с. 37]. После пыток всех их расстреляли и тайно захоронили в лесу.

Вот как об этом случае вспоминает бывшая учительница из Зельвы Олимпия Панасик:

> «В сентябре 1939 г. в местечке Зельва начались аресты. Я видела, как местных жителей вели в подвал здания гмины. Через несколько дней приехала тройка НКВДистов. Помню, на балконе гмины двое в военной форме играли на гармошках, чаще всего «Катюшу». Играли громко, не иначе, чтобы что-то заглушить. Только под утро музыка стихла. Я не могла спать, сидела в доме на чердаке. Мой дом был напротив гмины, и я всё видела. Утром подъехала двуконная повозка. Туда начали кидать трупы. Среди убитых я узнала жителей Зельвы и околиц: Яна Крыньского — католического священника, Давида Якубсона — православного священника, Александра Наумчика — буфетчика станции Зельва, Николая Янковского, Станислава Плавского, Мештовича, Рамотовского — зельвенских хозяев (...). После того, как вывезли трупы, кровь возле гмины кое-как засыпали песком и пеплом. Повозка поехала в сторону леса Медухово, что на перекрёстке шоссе Слоним-Зельва.
>
> Через некоторое время арестовали и меня с десятилетней дочерью. Держали нас в хлеве, который был перегорожен досками. За перегородкой пытали арестованных мужчин и там же их расстреливали. Я знала, что нас ожидает. Искала выхода. Я сказала следователям, что я из Варшавы, приехала в гости. Разговаривала только на польском и требовала, чтобы мне разрешили вернуться «домой», в Варшаву, чтобы отвели к начальнику. Начальник долго колебался. Наконец связался с немецкой стороной, и немцы разрешили мне поехать в оккупированную ими Варшаву» [30, с. 140].

Это преступление в числе многих других было расследовано в наше время отделом специальной комиссии в Белостоке, которая занимается раскрытием и обнародованием преступлений, совершённых против польского народа во время войны, в том числе в СССР:

«Преступление в Зельве является одним из многих, сотворенных і сентябре — октябре 1939 г. Убийства чаше всего совершали организованные прокоммунистические банды, которые возглавляли лица, ранее осужденные в Польше за свою коммунистическую и просоветскую деятельность. Чаше всего их жертвами становились помещики и служащие. Всего в восточных районах Польши было убито около двухсот помещиков, большинство которых проживали в северно-восточной части Польши.

Исполнителями убийств в Зельве также являлись местные коммунисты, однако в данном случае координатором их действий был ..служащий Красной армии по фамилии Флорук. В Зельве он организовал собственный «суд» под своим руководством, приговорив арестованных поляков к смерти, что было исполнено незамедлительно.

Флорук являлся младшим командиром и не имел никаких полномочий на такие действия. Об этом свидетельствует документ, хранящийся в военном архиве в Варшаве в Рембертове: «Командир из 11 -й кавалерийской дивизии Флорук, беспартийный, в одном местечке представился представителем НКВД, предложив местному комитету расстрелять 10 человек буржуазного происхождения, что и, и было исполнено. После расстрела Флорук забрал себе веши расстрелянных, деньги в количестве 1400 злотых, после чего скрылся. Через некоторое время Флорука арестовали настоящие органы НКВД, которым он признался в самоличном расстреле 15 человек».

Указанная комиссия обнаружила свидетельство одного из непосредственных очевидцев тех событий — Юрия Сергеевича Андреева, 1888 года рождения, бывшего владельца поместья Конно. Свидетельство хранится в архиве Новых Актов в •аршаве:

«В 1939 г. я проживал в своём имении Конно, где был два раза арестован.

Аллегорическое изображение СССР, как гигантской «зоны» (рис. Д. Балдаева)

Первый раз меня арестовали 19 сентября 1939 г. местные жители, поместив в «камеру смертников» в здании гмины в Зельве. Кроме меня они арестовали ещё 4 человека из поселения Конно, в котором проживали переселенцы из Польши, бывшие военные, в том числе поручика Игнатовского, награждённого орденом «Виртути Милитари». Меня раздели до белья и тщательно обыскали. С собой разрешили взять только еду, табак и спички. Часы и деньги забрали. Когда попал в камеру, то увидел там арестованных вчерашним днём ксендза Яна Крыньского, которому было 76 лет, и православного батюшку Давида Якубсона.

Число арестованных быстро увеличивалось, и к следующему дню составило 36 человек, хотя камера была рассчитана на 12 человек. В камеру буквально вкинули помещика Ежи Болондзя из имения Дзергили, бывшего посла в Сейме. Сюда же привели его тестя Блинка, которому было 80 лет, помещика Оскара Меуштовича, беженца из Щучинского повета графа Хойновского, Николая Янковского — служащего со станции Зельва и бывшего добровольца армии Пилсудского в 1920 г., Наумчика, секретаря суда Каминьского, адвоката Ясковицкого, офицера полиции Гана, который на свою беду возвратился из двухдневного немецкого плена, зельвенского полицейского Дэмбало, помещика Дзековского и несколько польских военных, которые после их разоружения возвращались домой, и были задержаны в Зельве.

Охраняли нас местные жители белорусы, преимущественно из деревень Конно и Бородичи. Главными в Зельвенской гмине были житель деревни Конно Павел Рысюк, 25 лет, отсидевший в польской тюрьме за коммунистическую пропаганду, Сокач из деревни Каролино, который 20-го сентября возвратился из тюрьмы, где также сидел за коммунизм, и Ворона из деревни Вороничи.

Утром в 10 часов 21-го сентября через местечко Зельва на запад двигались войска Красной армии. Каждый час в камере открывались двери, и Сокач показывал арестованных проезжающим советским командирам: «Вот они паны и кровопивцы, а это ксёндз, который на своей колокольне прятал пулемёт и стрелял по народу».

Вечером приехал лейтенант, судя по чуприне — казак, и объявил, что будет нас судить. Свой «суд» начал в 7 часов вечера и закончил в 7 утра. Первым делом он осматривал руки арестованных. Владельца пухлых рук характеризовал так: «буржуй и аристократ». Особенно интересовался происхождением, родом деятельности и количеством имеющейся во владении земли. После первого допроса всех арестованных повторно партиями начали приводить в поме-

щение канцелярии, находящейся над камерой. Допрос первых четырёх человек командир проводил под играющее радио. В числе первых четырёх были Меуштович, священник Якобсон, ксёндз Крыньский, четвёртого не помню. Позднее из разговоров с жителями деревни Конно узнал, что у этих четырёх человек во время повторного допроса добивались признания, где прячут золото, для чего всех сильно пытали.

Расстреливали тут же при гмине: ставили лицом к стене хлева и с двух шагов стреляли из нагана в затылок. После того, как заканчивался допрос, сидя в подвале, слышал топот ног людей спускающихся из канцелярии на улицу. В окно камеры падал свет проносимого фонаря и мелькал силуэт проходящей в белье очередной жертвы в сопровождении целой своры палачей. После выстрела эскорт возвращался в дом и раздавался скрежет ключа в замке нашей камеры. Дверь широко распахивалась, и свет фонаря освещал камеру со стоящими в проёме дверей палачами, направляющими внутрь камеры свои винтовки. В камеру входили трое из них: лейтенант, Сокач и Ворона с направленными на нас револьверами. Звучала команда: «Встать!» и кого-то выводили. Остальные узники опять ложились на пол и ждали, кого будет следующая очередь. Все, кроме Гана, принимали свою смерть достойно. Ганн шёл на расстрел с плачем, но перед самой казнью вырвался из рук палачей и скрылся в темноте. Началась стрельба, во время которой ранили одного из своих. Гана же на другой день поймали в своём доме и застрелили.

Когда взошло солнце, в камеру вошёл лейтенант, посмотрел на всех, задержавши взгляд на графе Хойновском, и приказал: «Идём!». Тот сидел и курил трубку, потом спокойно отложил её, поднялся, выпростался и пошёл. После расстрела Хойновского двери опять открылись, и вошёл лейтенант. Срывающимся голосом сказал, что он тоже человек, а потому ему надо отдохнуть. Посмотрел на часы, сказав, что уже 7 часов, и он будет отдыхать до 12 часов, после чего опять начнёт вершить «суд». Прошло 12 часов (ориентировались по солнцу) — тишина, потом прошло 2 и 3 часа. Наконец узнали, что лейтенант-палач поехал дальше. Позднее в тюрьме узнал, что он посетил Свислочь, Лысково и закончил свои преступления в Гродно, где его арестовали и дали 5 лет заключения.

До понедельника в нашей камере было спокойно. Вскоре прихали советские пограничники, и капитан составил список оставихся узников. Вечером из оставшихся 24 человек половина была

освобождена, в том числе освободили и меня. Остальных погрузили на машину и отвезли в тюрьму в Волковыск» [90].

Подобное злодеяние творилось и в селе Подороск Волковысского повета, где без суда и следствия местные активисты сводили счёты с «панами». Вспоминает Урбан Леокадия Владиславовна, 1924 года рождения, проживавшая на хуторе Хвалово, что возле деревни Дубичи:

> «Перед самой войной в Подороск приехала семья Пайзеров с двумя дочками. Он стал управляющим у помещика Бохвица, а дочки были учительницами. Ещё недалеко на хуторе жил Стойкий, считавшийся у местных за «пана». Когда пришли Советы, то местные «красноповязочники» схватили Пайзера и его зятя, у которого только что родился ребёнок, Стоцкого и ещё двух человек, фамилии которых не помню, но также приехавших сюда из Западной Польши. Сама видела, как их из Подороска под охраной пригнали к лесу, где и расстреляли. Гнали свои местные, двое из них братья Колские» [6].

О том, что польское население ожидают лихие времена, люди поняли с первых дней советской оккупации. Аресту подвергались жители Западной Беларуси, попавшие в одну из следующих категорий:

— шпионы и подозреваемые в шпионаже,
— агенты полиции, провокаторы,
— террористы, диверсанты,
— изменники родины,
— участники вооружённого сопротивления Красной армии,
— участники саботажа,
— антисоветский элемент,
— бандиты,
— осадники,
•*• перебежчики,
— члены и руководители контрреволюционных организаций и других контрреволюционных политических партий,
— полицейские и жандармы, офицеры бывшей польской армии,
— офицеры бывшей белой армии,
— помещики, купцы, фабриканты,
— крупные чиновники.

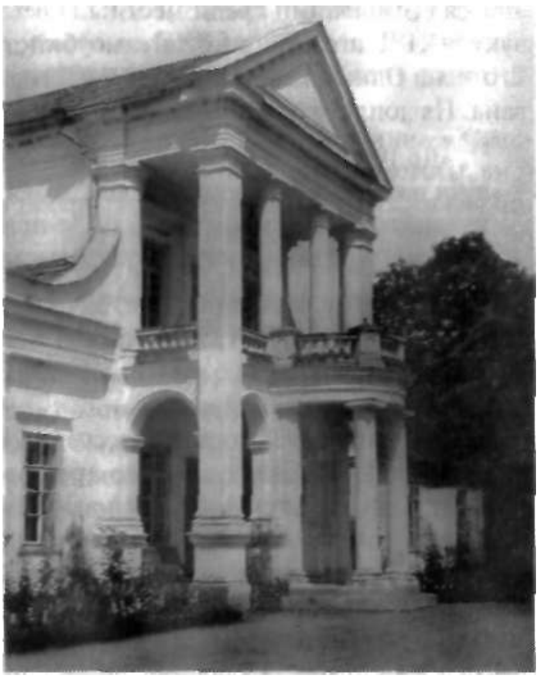
Как видим, под категорию «антисоветский» или «контрреволюционный элемент» можно было подвести кого угодно, тем более,

»контрреволюционными политическими партиями в СССР считись все партии^ кроме большевистской, даже КПЗБ.

Например, 28 сентября 1939 года в Волковыске был арестован Арсений Иосифович Латунь, который с 1934 по 1935 год являлся секретарём Волковысской городской организации КПЗБ. На допросе он «признался», что являлся агентом польской полиции [91, с. 160]. Как известно, следователи НКВД в прямом смысле слова «выбивали» из людей нужные им признания. Пытки в этом ведомстве являлись основным методом следствия. Так они ломали жизнь честным и порядочным людям. Интересное письмо по этому поводу автор книги получил после публикации своей статьи в 2005 году на страницах «Местной газеты» от жителя г.п. Красносельский Б.А. Перовского:

«Читая статью Н. Быховцева «Расправа над народом», я не мог не вспомнить человека, судьба с которым меня свела в 1975 г. Три десятка лет назад, 18 августа 1975 г. я был принят слесарем четвёртого разряда в бюро инструментального хозяйства на завод Ш литейного оборудования. Там и познакомился с Яковом Фёдоровичем Самсоником, который был коллегой по работе. Яков Фёдорович слыл на заводе отличным мастером своего дела и многие обращались к нему за помощью, как по работе, так и за советами при возникновении сложных жизненных ситуаций.

№ Через некоторое время я узнал, что мой коллега прошёл сложный и тяжкий жизненный

Дом помещика Бохвица в селе Подороск Волковысского повета

путь. За участие Самсоника в деятельности подпольной организации польские власти упрятали его в концентрационный лагерь Берёзу-Картузскую. Присоединение в 1939 г. Западной Беларуси к Советскому Союзу было для Якова Фёдоровича недолгой радостью: как и многие земляки, он был снова арестован, но на этот раз его увезли подальше — в Сибирь.

Омская тюрьма и сибирские морозы долго не отпускали Самсоника. Только после кончины «вождя народов» Яков Фёдорович смог вернуться на родину. Работал на литейном заводе. Вдвоём с женой они жили в небольшом домике за книжным магазином, что возле хлебозавода. Как-то он мне пожаловался, что под надзором властей ему быть всю жизнь. Около 15 лет «враг народа» Самсоник провёл за решёткой, учитывая польский и советский периоды. Когда Я.Ф. Самсоник скончался, его похоронили на кладбище Волковыск-Центральном» [6].

Под категорию «офицеры бывшей белой армии» попали граждане Польши, в Гражданскую войну воевавшие против Красной армии. Помещик из имения Низяны Юрий Ширяев, пользовавшийся симпатиями среди местных крестьян, не желая попасть в руки НКВД, покончил жизнь самоубийством, утопившись в пруду. Его жена Олимпиада Ивановна, 1892 года рождения, была арестована. На допросе она показала:

«До 1916 г. служила в царской армии сестрой милосердия и, будучи на Западном фронте, вышла замуж за прапорщика Ширяева, имевшего в Польше имение. В 1918 г. при содействии командования германской армии вместе с мужем выехала в Польшу» [91, с. 160].

Казалось бы, дело прошлое, зачем через 20 лет арестовывать бывших офицеров. Но клиническая ненависть ко всем бывшим врагам большевиков и ко всем инакомыслящим была присуща Сталину до последних дней жизни.

На 7 октября 1939 года, т.е. всего за 20 дней советской оккупации, в Западной Беларуси было арестовано 2708 «контрреволюционных, антисоветских и националистических элементов». Из них «крупных помещиков, дворян и капиталистов» — 241, руководителей и членов политических партий и организаций — 128, кулаков, которые убежали из СССР в Польшу — 30, осадников — 110, агентов политической полиции — 171 и т.д. К 15 октября число арестованных достигло 3535 человек, т.е. увеличилось на 827 человек за неделю. Выходит, что в среднем арестовывали по 118 человек в день! [см. 92, с. 89].

Помещик Ю. Ширяев стал одной из многих жертв НКВД

Из воспоминаний Яна Виленца:

«Мой двоюродный швагер Суйка был начальником полицейского участка в местечке Кремяница. После нашествия Советов сразу перебрался в местечко Изабелин, где остановился у своей тёши. В один из дней поехал в Волковыск на базар. Кто-то из стукачей увидел его и донёс в НКВД. Тут же на базаре Суйку арестовали. Через некоторое время банда НКВДистов ночью забрала всю его семью: 75-летнюю тёщу, больную туберкулёзом жену и двое малолетних детей. Никто из них не вернулся.

Второй мой швагер Кусьмерек тоже служил в полиции в Свислочи, но он поступил по-другому. Как только пришли Советы, вместе с семьёй ушёл в зону немецкой оккупации, где и пережил войну.

Случались и трагедии. Мой знакомый Ксаверий Кленцнер во время польско-большевистской войны служил офицером в польской армии. Имел у себя пистолет. Когда пришли его арестовывать, он успел застрелить пару НКВДистов, но и его убили» [11].

Такие люди, как Ксаверий Кленцнер, заслуживают уважения, ти бы так действовало при аресте большинство людей, советская власть долго не продержалась бы.

НКВД безотлагательно принялся за вербовку «стукачей», о чём вспоминает ксёндз и бывший пробощ Свислочского костёла Альбин Горба:

«Целый ряд поляков были привлечены к сотрудничеству. Мечислав Яблоньский, мельник из Пацуй, в один из дней после исповеди, дождавшись конца мши, пришёл ко мне и рассказал, что ему приказано следить за мной и доносить в Н КВД. Сегодня как раз он должен сделать обо мне донос. Юзеф Баньковский, последний войт, рассказал мне то же самое, что имеет приказ проведывать меня, бы-

вать в костёле на проповедях и обо всём доносить начальнику НКВД. Антон Дода, директор школы в Свислочи, тоже был втянут в слежку, с обязательством доносить обо всём. Однако он никому о своём задании не признался, хотя все об этом знали. Среди военных осадников был завербован Гансеровский, который многим полякам об этом рассказал, чтобы были осторожны в разговорах. Католики держались между собой дружно. Во всей парафии нашлась только одна семья в поселении Лабуни, которая выкрасила двери красной краской, спрятала иконы и повесила портрет Сталина» [10].

Первым начальником Волковысского уездного управления НКВД стал Вячеслав Васильевич Гриднёв, присланный из Москвы. Очень скоро он здесь отличился, за что был представлен к правительственной награде:

> «Раскрыл и ликвидировал значительную группу контрреволюционеров, состоящих в политических партиях, агентуру и официальных работников филиала 2-го отдела (отдел разведки и контрразведки) главного штаба, чем лишил контрреволюционеров их руководства и тем самым обеспечил общественную безопасность в районе. В частности были арестованы руководители OZON-а Изеломский, Козубский и Пылиньский, руководители Народной Партии — Темланьский и другие, руководитель ППС в Барановичах — Берносик» [90, с. 149].

НКВД в Волковыске разместился в самом центре города по улице Рынковой, в двухэтажном кирпичном здании бывшего староства.

Кто же такой Вячеслав Гриднёв? В Интернете о нём написано довольно много, но о деятельности на посту главаря волковысских НКВДистов — ничего.

Итак, Вячеслав Васильевич Гриднёв родился в 1898 году в деревне Гридьково Михневского района Московской области, русский. С 1907 по 1910 год учился в сельской начальной школе. С 1912 по 1917 год работал на заводе в Петрограде подручным электромонтёра. В январе 1917 года был призван в армию в запасной батальон, который перешёл на сторону советской власти. В 1918 году вступил в партию большевиков. С сентября 1921 года сотрудник московской Ч К. Далее идёт служба на разных чекистских и пограничных должностях. И вот этот полуграмотный человек, едва научившийся читать и писать, но зато вовремя сумевший не только примазаться к большевикам, но и стать одним из их палачей, вершил судьбы на-

ших земляков. В 1944 году он получил генеральские погоны и умер своей смертью в 1991 году.

Дефицит грамотности, культуры, знаний хоть в какой-нибудь профессии, кроме карательной, не помешал этому человеку стать генералом. А зачем, спрашивается, начальникам такого ранга, как Гриднёв, было образование? Они врагов народа находили и без диплома в кармане. Находили своим «классовым чутьём»: если ты помещик, полицейский или какой-либо эксплуататор, следовательно, враг народа. Если критикуешь советскую власть, тоже враг народа. Если добровольно не вступаешь в колхозное ярмо, тоже враг, с уточняющей формулировкой: кулак или единоличник. А выслужиться (и стать генералом можно было только путем систематического выявления и беспощадного уничтожения этих врагов народа, чем и занимался всю свою сознательную жизнь Вячеслав Гриднёв. Таким нелюдям, как он, дано точное определение, вынесенное в заглавие книги (на польском языке) о партийных и чекистских руководителях Западной Беларуси и Западной Украины в 1939—1941 гг.: «Первые после дьявола». И вот эта бесовская рать правила нами не только при Сталине, но ещё почти 40 лет после смерти тирана.

В. В. Гриднёв дослужился до генеральского чина. Послевоенное фото

Благодаря таким гридневым, все тюрьмы Западной Беларуси вскоре были забиты арестованными «под завязку». Назрела необходимость «разгрузки». Первая высылка заключённых из волковысской тюрьмы произошла в начале декабря 1939 г. Из дневника Вероники Тресенберг:

> «8 декабря 1939 г. всех, кто сидел в тюрьме, вывезли в Сибирь. Издавна Сибирь не может обойтись без поляков. Что впереди ожидает тех настоящих людей, которых увёз эшелон?» 113].

Далее Волковысскую тюрьму «разгружали» систематически, иначе некуда было бы девать новых арестованных. В основном уз-

ников отправляли в Минск, где многие из них бесследно исчезли. Вспоминает Галина Андржейкович из рода помещиков Буттовтов-Андржейковичей:

> «Ночью с 17 на 18 сентября 1939 г., после того как услышали по радио весть о переходе восточной польской границы советскими войсками, мой отец Генрик Буттовт-Андржейкович вместе с семьёй покинул свое поместье в Горностаевичах и выехал в Волковыск, расположенный от нас за 25 километров. Задержались мы в доме комиссара Гущи, который к этому времени выехал в неизвестном мне направлении. Уже на второй или третий день после нашего прибытия в Волковыск, в полдень к нам пришли двое молодых евреев в гражданском. На их рукавах были повязаны красные повязки. Ничего не сообщив, забрали с собой отца, как выяснилось потом — в тюрьму. В это же время в тюрьму были брошены множество жителей, как из Волковыска, так и с околиц.
>
> 25 марта 1940 г. всех узников вывезли в неизвестном направлении. Тремя неделями позже, 13 апреля нашу семью погрузили в эшелон и вместе с другими вывезли в Казахстан. Писали оттуда повсюду, чтобы только узнать о судьбе отца. Наконец получили известие, что отец находится в Минской тюрьме (...). Чудом из той тюрьмы выжили всего два человека — Вацлав Лонцкий и Ширяев, которых из Минска доставили в Белосток в качестве свидетелей в каком-то судебном деле. Возвращению их обратно в Минск помешала начавшаяся война» [7].

О том, как содержались узники в волковысской тюрьме, свидетельствует ксёндз Михал Вилневшиц. Родом из Новогрудчины, окончил в 1936 году Пинскую духовную семинарию, после чего был направлен в Любно возле местечка Мир. С 1-го октября 1939 года начал службу в Гайновке, но уже 11 ноября его арестовали и отвезли в Свислочь. Власти предъявили ему фальшивое обвинение в подстрекательстве одного из молодых людей, который написал и вывесил антисоветский лозунг:

> «Из Свислочи той же самой ночью с 11 на 12 ноября меня вместе с тремя молодыми арестантами под охраной доставили в Волковысскую тюрьму. В тюрьме на коридоре, возле алтаря, где отправлялась святая мша при Польше, меня раздели наголо, забрали сутану, требник, медальон, полушубок, часы, ремень и впустили в камеру, переполненную нашими земляками: поляками, беларусами и коммунистами. Было 4 часа ночи.

Утром познакомился с сидящими тут около месяца сенатором Биспингом, послом Бзовским, тремя Янковскими. Один из Янковских был поэтом и болел туберкулёзом, второй — богатым помещиком православного вероисповедания. Был помещик Бохвиц, неэльшого роста, весёлый и остроумный. Были полицейские агенты, Василевский — рабочий волковысского мясокомбината, несколько коммунистов, всего около 30 человек.

Условия содержания в тюрьме были очень тяжёлыми: в переполненной камере ночью одни спали на нарах, а другие под нарами и *i&* всём остальном пространстве, да и то на одном боку. Чтобы повернуться на другой бок, все ворочались одновременно. Оправлялись в специальный бачок, от которого стояла невыносимая вонь. В туалет выводили два раза на день: утром и вечером. Ко всему мучили паразиты. Одни надзиратели разрешали снимать бельё и давить клопов и вшей, другие запрещали.

Однако не голодали, так как в тюрьме остались запасы продовольствия с польского времени. Каждый день выдавали 400 грамм хлеба, ложку сахара и чай, на обед и ужин суп или кашу. Целую ночь в камере горела электрическая лампочка. Между собой разговаривать не позволяли, часто делали обыски. На допрос вызывали ночами. Один из узников болел падучей болезнью, и нам часто приходилось его приводить в чувство. Но больше всего всех мучила неизвестность, что будет дальше, от чего ночью снились кошмарные сны» [94].

В семьях арестованных людей жила надежда на скорое освобождение их родных. А тем временем многих из них палачи НКВД вывезли из Волковысской тюрьмы и расстреляли в здешних куропатах. Никто из местных жителей не предполагал, что это только цветочки, а ягодки, т.е. массовые депортации населения, ещё впереди.

-Ш i Ш'г 'kj,

ПЕРВАЯ ДЕПОРТАЦИЯ 10 ФЕВРАЛЯ 1940 ГОДА

10 октября 1939 года из Москвы от Лаврентия Берии в Минск, главе НКВД в БССР Лаврентию Цанаве, пришла директива под № 793 о «работе по осадникам»:

«Учитывая, что члены «Союза осадников» в Западной Украине и Западной Белоруссии являлись военно-полицейской агентурой польского правительства, и сейчас представляют собой серьёзную базу контрреволюционной работы, предлагаю:

1) установить и учесть всех осадников;

2) немедленно арестовать осадников, в отношении которых имеются сведения об их вражеской работе, провести тщательное расследование и выявить всю их агентуру;

3) путём тщательных обысков выявить и изъять у осадников огнестрельное и холодное оружие;

4) на всех осадников, остающихся на свободе, завести дела-формуляры и взять их под постоянное наблюдение;

5) сообщить общее количество учтённых осадников по гминам, уездам, воеводствам;

щ; 6) о ходе исполнения настоящей директивы докладывайте мне ежедекадно, в особых случаях — немедленно» [95, с. 40].

[1] Спустя семь недель, 5 декабря 1939 года, Совнарком СССР принял секретное постановление о выселении из западных областей Украины и Беларуси осадников и работников лесной охраны.

Чем же провинились осадники и лесники? Почему простых крестьян и работников лесного хозяйства так возненавидела советская власть? В постановлении Совнаркома внятного ответа на этот вопрос нет. Можно только догадываться, что «вина» осадников заключалась в принадлежности значительной части их к военным колонистам, получившим землю из рук польского правительства и верно служившим ему [92, с. 90].

Кто же такие осадники? Слово «осадник» произошло от польского слова «osada», что означает поселение. Во все времена благодарная страна награждала своих солдат и офицеров, отличившихся на войне. Самым известным «осадником» в истории Беларуси был российский генерал-фельдмаршал А. В. Суворов. За свои заслуги в захвате Речи Посполитой он получил от царицы Екатерины II огромные земельные поместья вместе с крепостными крестьянами в Кобрииском повете.

Когда в 1920 году на Польшу двинулись большевистские армии, на защиту родины встали десятки тысяч добровольцев. Тем, кто после войны нуждался в помоши, законом от 20 декабря 1920 года правительство выделило землю. Это были так называемые военные осадники. Но далеко не все желающие могли получить землю на выгодных условиях. Льготы были предусмотрены для инвалидов войны и отличившихся на фронте.

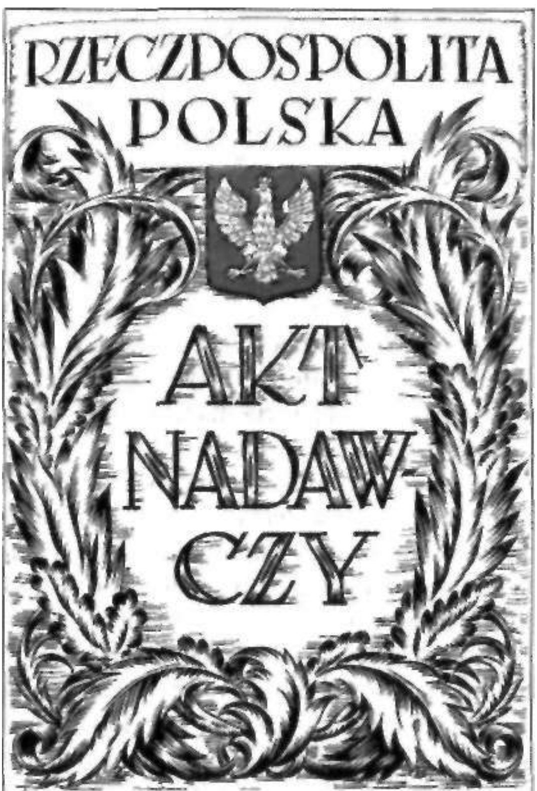
Большинство выделяемых участков имели площадь от 12 до 18 гектаров и в любом случае не могли превышать 45 гектаров. Осадник получал от государства помощь в виде коня, излишков военного имущества для хозяйственных нужд, а также 80 кубометров леса на строительство жилья и хозяйственных сооружений. Ставилось условие, чтобы за три года полностью обжиться, а в течение 25 лет осадник не имел права продать своё хозяйство или разделить между наследниками. Земля выделялась не за счёт местного населения, а из бесхозных участков. Кроме того государство выкупало землю у бывших владельцев, подданных царской России, которых война и революция разбросала по всему миру. Если, конечно, они объявлялись.

Военные осадники, организованные в «Союз осадников», призваны были охранять восточные окраины Второй Речи Посполитой (т.е. Польской республики) от проникновения идей большевизма. К тому же почти все осадники принадлежали к военной организации «Кракус». Ее филиал в Волковысском повете подчинялся командованию 3-го полка конных стрелков. Раз в неделю происходили военные учения, на которые они приезжали в полном обмундировании, с оружием и на конях. Кракусы, как прозвали членов этой организации, часто организовывали спортивные конные состязания, а также участвовали в торжествах на государственных и религиозных праздниках.

Союз военных осадников в третьем квартале 1933 года имел в Волковысском повете 23 ячейки, в которых состояло 1150 человек.

Были и другие осадники — гражданские. Большинство их приезжало на «крэсы» из центральной Польши. Местное население называло их «мазурами». Мазуры не имели таких льгот как военные осадники. Землю они покупали за свои деньги, а земля здесь стоила дорого: 400 злотых за гектар (примерная стоимость четырёх коров). Переселенец должен был сразу заплатить государству 50 злотых за гектар, а остальные 350 злотых выплачивал в рассрочку, но с процентами.

Сразу после вступления в Западную Беларусь Красной армии репрессивные советские органы занялись осадниками.

Документ на получение участка земли (осады) осадником

Так как у многих осадников имелось оружие, то первым делом во всех без исключения хозяйствах осадников стали производить обыски. Причём повторяли их по несколько раз.

О таких обысках рассказывает бывший военный осадник из осады Рожки-Безводники, гмины Свислочь Волковысского повета Владислав Наст:

> «Советами было приказано сдать оружие и военное имущество, для чего по деревням с обысками ездили НКВДисты. Ко мне пришли трое НКВДистов и четыре члена из местного Временного комитета. Приказали собраться всей семье в одной комнате, поставив над нами охранника. Меня же под винтовкой водили по всем остальным помещениям и хозяйственным постройкам, делая в них тщательные обыски. Одни и те же вещи перетряхивали по нескольку раз, не обращая внимания на их сохранность. Надо сказать, что такие обыски повторялись несколько раз. Обыски проводились и у соседей. Некоторых из них арестовывали, но через несколько дней после допросов освобождали. Поводом для ареста обычно являлись лживые доносы беларусов. Так были арестованы соседи Ян Гонсеровский, Михал Вечорек, Саламоньчик и другие. Всех после дознания выпустили» [5].

Вспоминает Мария-Элеонора Гардей, бывшая крестьянка и жна военного осадника из поселения Михайловка, гмины Изабе-[Волковысского повета:

> «Через два или три дня после прихода Красной армии у нас в доме был сделан обыск. Нас всех собрали в одно место под охраной вооружённого солдата. Мужа поставили лицом к стене, грозя расстрелять. Нам объявили, что мы укрываем офицеров из польского войска и оружие. Во время обыска у нас забрали всю домашнюю скотину, много других вещей и съестные запасы на целый год. Забрали с собой в тюрьму моего мужа и двоих других осадников: Голембовского и Длуголенцкого, а также двух моих малолетних детей, которых, однако, видя моё отчаяние, отпустили. Мой муж был к тому же секретарём в Союзе осадников и членом гмины в Изабелине. После обыски производились почти каждый день» [5].

А вот кое-что об отношениях между осадниками и беднейшей частью местных крестьян в одной из деревень соседнего Пружанского повета. Из докладной записки конца 1939 года партийного работника Протоповича на имя секретаря ЦК КП(б)Б Кулагина:

«Отношение крестьян к осадникам исключительно враждебное. Крестьяне готовы в любую минуту ликвидировать всех осадников. Эта ненависть крестьян к осадникам есть результат классовой борьбы в деревне. Но классовая борьба переплетается с борьбой между народами. Абсолютное большинство хозяйств осадников — это кулацкие хозяйства, которые всё время эксплуатировали крестьян. Вся бедная деревня работала на осадников как батраки. Кроме того, при помощи осадников польское правительство проводило политику национального гнёта белорусов. Именно этот общественный и национальный гнёт является результатом ненависти к осадникам.

...Ещё следует дополнить, что крестьяне боятся осадников. В деревне мне рассказали, что ежели у осадников заберут землю, а их самих оставят на месте, то никто из крестьян не возьмёт ни одного гектара земли осадников, так как все они пойдут в Беловежскую пущу, организуют банды и начнут терроризировать крестьян.

Почти во всём повете земля осадников уже поделена, и им оставили по 5 гектаров земли» [28, с. 447].

Но вот что примечательно. В этом же докладе Протопович говорит о том, что бедные крестьяне этой деревни, и не только этой, не желают единолично обрабатывать полученную от советской власти землю, а хотят организовать колхоз. Протоповичу даже приходилось остужать их рвение, объясняя, что, возможно, колхозы и будут создаваться, но не сразу, а через год-другой.

О чём это говорит? Бедняки и батраки не хотели становиться полновластными хозяевами полученной земли. Наслушавшись пропаганды советских агитаторов, они верили, что жизнь в колхозах будет для них малиной. Время полностью развенчало их надежды. И это не вина крестьян, а их беда. Вина лежит на большевиках, сделавших ставку не на лучших земледельцев (по их терминологии — «кулаков», а на безынициативных, малоспособных и просто ленивых). Проводя такую политику, советское государство могло уравнять крестьян только по нижнему уровню — в бедности.

Еще одну категорию «социально-опасных элементов» составили работники лесного хозяйства.

При Польше большая часть лесов принадлежала частным владельцам, только 40 % лесных угодий являлись государственными. Ближайший к Волковыску Замковый лес был государственным. Работники лесного хозяйства подпадали под закон о государственной службе. Нов отличие от других групп служащих, разделявшихся на 12 рангов, их отнесли к самой низшей категории, специально рас-

Осадники Волковысского повета на военных сборах

ширив таблицу до 16 ранга. Это означало, что заработная плата лесных работников была самой низкой среди всех госслужащих. Если служащий 12 класса в 1935 году получал 100 злотых, то лесники — меньше. Однако на самом деле их положение было неплохим. С 1934 года лесные служащие имели право на бесплатные дрова и, в зависимости от должности, бесплатно получали в надел от 5 до 10 гектаров земли. Кроме того, они пользовались служебным жильём, бесплатно пасли скот на государственных землях, имели скидки для проезда по железной дороге.

По мнению руководства органов НКВД, «вина» лесников, объездчиков и других служащих бывшей лесной охраны заключалась в том, что из них якобы готовили кадры диверсантов, шпионов, террористов на случай войны с СССР. Было заявлено, что с этой целью в Гродно, Несвиже, Граево, Воложине, крепости Осовец и других местах служащие лесных хозяйств проходили специальные шестимесячные курсы военной подготовки и переподготовки [92, с. 90]. На самом же деле советская власть опасалась того, что знающие лес как свои пять пальцев лесники станут укрывателями и проводниками партизан.

Установку НКВД о том, что лесники — «враги», довели до сведения командиров и политработников РККА ещё до вторжения на территорию Западной Беларуси. О том, к каким последствиям это приводило, вспоминает сын лесника из-под местечка Россь, Ежи Кветень:

«Отец рассказывал мне о случае, который имел место в сентябре 1939 г. после вступления Советов в Польшу. Между деревнями Станьковцы и Новое Село жители встречали Красную армию, развернув транспарант с приветственным лозунгом. Митинг, организованный на дороге, стоя на танке, проводил советский командир. Отец подъехал к митингующим на велосипеде, и командир обратил на него внимание. Он спросил у собравшихся людей кто это такой, на что ему ответили, что это лесник из панского леса. Командир выхватил наган, угрожая застрелить отца. Крестьяне из Нового Села заступились за него. Тогда командир прогнал лесника, обещая заняться им в скором времени. В тот же день с наступлением ночи, отец с семьёй покинул свой дом, переехав в другое место» [7].

Предусмотрительность лесника Кветеня помогла избежать высылки семьи.

На 1939 год в Белостокском воеводстве насчитывалась 161 осада с 1253 семьями, в Виленском — 318, Новогрудском — 267. Всего — 746. В свою очередь, в Белостокском воеводстве больше всего осад находилось в Гродненском и Волковысском поветах [96, с. 38—39].

15 декабря 1939 года советские власти в Белостоке подготовили справку о количестве усадьб помещиков, хозяйств осадников, получивших землю бесплатно от правительства, а также о хозяйствах, имеющих более 20 гектаров земли по Белостокскому воеводству. По Волковысскому повету это выглядело следующим образом. Помещичьих усадьб — 77, с общей площадью 19.984 гектара. Осадников, получивших землю бесплатно, — 351, с общей площадью 5931,27 гектара. Крестьянских хозяйств, имеющих свыше 20 гектаров земли - 1574 [28, с. 439]. Это те, кто подлежал репрессиям в первую очередь.

Главным палачом беларуского народов 1938-1951гг. был Лаврентий Цанава

19 декабря 1939 года нарком внутренних дел БССР Л. Цанава получил из Москвы директиву о выселении осадников. Она подробно расписывала как провести акцию по выселению семей колонистов и лесников:

«г) оперативная группа направляется в дом осадника с таким рас-

чётом, чтобы прибыть в него с наступлением рассвета. По прибытии і дом осадника, оперативная группа объявляет ему о предстоящем его выселении и разъясняет порядок выселения. При входе в дом, и во время проведения всей операции, оперативная группа принимает все меры предосторожности в целях своевременного пресечения возможного сопротивления или побега осадника или членов его семьи. Представителями органов власти составляется опись имущества, оставляемого в распоряжении местных органов власти.

д) после обыска с целью изъятия оружия и производства описи имущества, осадник и его семья под конвоем вместе с разрешённым к вывозу имуществом, направляются к близлежащим, заранее намеченным станциям железной дороги по определённому графику движения...

ж) для перевозки семьи осадника и его имущества используются его собственные транспортные средства, которые после сдачи семьи осадника в эшелон возвращаются обратно и передаются местным органам власти, принимавшим имущество выселяемого осадника.

7. Операцию по осадникам проводить одновременно по всей территории западных областей Украины и Белоруссии. О дне операции сообщим дополнительно» [95, с. 53-54].

Инструкции продолжали приходить. 25 декабря последовали мнения:

«Когда выясняются предварительные итоги обыска, осаднику (леснику) и всей семье предлагается одеться, после чего объясняется, что по решению правительства они переселяются в другую область (куда — не говорится). Выселяемым разъясняется, что на новом месте жительства им будет предоставлено жильё и возможность работы.

Предлагается собрать веши, разрешённые к вывозу: одежду, бельё, обувь, постельные принадлежности, посуду столовую, чайную и кухонную, вёдра, продовольствие из расчёта месячного запаса на семью, мелкий хозяйственный и бытовой инвентарь (топор, пила, лопата, мотыги, коса, грабли и др.), деньги (сумма не ограничена) и бытовые ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигары), сундук или ящик для упаковки. Общий вес — не более 500 кг на семью» [92, с. 91].

Как увидим дальше, эта инструкция не соблюдалась.

Сохранились архивные документы о том, как происходила подготовка к выселению осадников в Волковысском районе, которые приводятся ниже. Может быть, кому-то из читателей покажется,

что автор слишком много внимания уделяет каким-то осадникам. Подумаешь, выселили всего-то пару сотен семей. Их ведь не расстреляли.

Давайте разберёмся. Прежде всего, представьте себя и свою семью с маленькими детьми и стариками на месте этих людей. Как бы вы себя чувствов&пи, когда к вам домой посреди ночи врывается вооружённая банда и под угрозой оружия требует за один час приготовиться к выселению, не сообщая при этом — за что, куда, в какие условия. Представьте, что вы навсегда лишаетесь всего того, что наживали много лет — своего дома, мебели, скотины, поля, огорода, лишаетесь своих соседей, друзей, всех своих планов на будущее. Это не просто равноценно расстрелу. Мучения, растягивающиеся на недели, месяцы и годы, хуже смертной казни. К тому же многих глав семей военных осадников разлучили с семьями и позже расстреляли.

Все опустевшие поселения осадников стёрли с лица земли. Их разобрали по брёвнышку, не разрешили поселиться в них местным крестьянам-беднякам. Более того, советская власть постаралась навсегда вытравить в душах людей саму память о поселениях осадников. А ведь всё могло быть по-другому. Многие хозяйства осадников в те времена являлись образцами ведения сельского хозяйства, лучше любого колхоза. Они могли стать тем паровозом, который потянул бы за собой остальную деревню. Но советская власть не была заинтересована в свободном труде и потому видела в осадниках только врагов.

Справедливости ради отметим, что 10 февраля 1940 года выселили не всех осадников, а лишь военных. Некоторых гражданских осадников выселили через некоторое время. Большинство оставшихся, которым посчастливилось пережить и первые Советы и немецкую оккупацию, после войны сами уехали в Польшу. Оставаться в «большевистском раю» они не хотели.

Не надо забывать, что выселение осадников и работников лесной охраны было, что называется, пробным камнем перед началом массовых репрессий в Западной Беларуси и Западной Украине. Дальше всё пошло по накатанной колее и в более крупных размерах. Но к расправе с осадниками многие беларусы отнеслись если не с одобрением, то с безразличием, не подозревая, что скоро и для них наступят худшие времена. Писатель Алексей Карпюк в своём последнем интервью газете «Наша слова» (в 1993 г.) вспоминал:

«...Большевики, НКВД вывозили поляков в Сибирь по-страшному. Мало того, поощряли к преступлению беларусов — особенно поддавались Молодые. (...) А что делалось, когда начали вывозить осадников! На такую «работу» брали с подводами беларусов, которые отвозили осужденных к ближайшим станциям. Причины ненависти у людей в следующем. Власть менялась часто. За мою жизнь — шесть раз! И каждый раз одни мстили другим — то поляки так делали, то беларусы. Это уже такая «традиция» [97].

Прочитайте, с какой дотошностью планировалась первая массовая депортация населения в Волковысском повете (уезде).

Из справки по учёту осадников (военных и гражданских), проживавших на территории Белостокской области, по состоянию на 3.01.1940 года:

, «Из мероприятий по выселению семей осадников и сторожевой охраны по Белостокской области. По Волковысскому уезду (повету): всего по уезду учтено семей военных осадников — 395 и гражданских — 190. Семей лесной охраны — 147. Общая численность людей — 4023 человека.

Для удобства операции территориально уезд разбит на три оперативных участка. 1-й участок — станция Свислочь. Там же стоянка эшелона в 26 вагонов. 2-й участок — станция Волковыск Центральный, в трёх километрах от города. Там же стоянка эшелона в 48 вагонов крытых теплушек и 5 вагонов для груза. 3-й участок — станция Зельва — стоянка эшелона в 18 вагонов и 2 вагона для груза. Для удобства конвоирования и сокращения пути гужевого транспорта очень желательно из 48 вагонов 2-го участка и 5 вагонов 1 -го подать на станции Россь и Андреевичи. Этим самым сокращаем путь поездки на лошадях и сокращаем размеры пути.

Организация оперативных троек в этом пункте объясняется следующими соображениями: наличием станций, расположением самих путей в центре участков, которые будут обслуживаться каждой группой, удобством путей сообщения, наличием в этих пунктах помещений для размещения выселяемых перед сдачей в эшелоны, и наличием телефонной связи между пунктами.

Укомплектование оперативных троек производится личным распоряжением начальника областного управления. Всего необходимо будет на первом участке — 89 троек, на втором — 78, на третьем — 58. Мы имеем 306 человек, из них 12 человек выделяется в резерв по два человека в каждой группе и два милиционера. Выделяем по 8 бойцов из взвода. Недостаёт 661 человека. Недостаток людей должен быть восполнен распоряжением начальника ГО НКВД.

Наиболее удалённые пункты уезда: Лысково — 58 км, Пески — 20 км, Свислочь — 45 и другие. Необходимы грузовые автомашины. На месте этих автомашин нет. Нужно получить из дивизии или распоряжением начальника УНКВД. Из уезда все направятся на сборные пункты, где организуется пункт первой помощи. Это объясняется тем, что в этих пунктах есть помещения для формирования колонн, наличие врачей и наличие телефонной связи. А из тех уездов, которые будут находиться ближе, можно посылать прямо оттуда.

Чтобы поднять всю эту кампанию, необходимо 1107 конных подвод, имеется — 598. Недостаёт — 509, которых, считаю, необходимо привлечь за счёт местных жителей распоряжением укома (уездный комитет компартии — *Н.Б.)*. Вооружение для моих людей есть у меня в отделе. Командированных необходимо снабдить.

Связь оперативных групп с тройками и сборными пунктами будет осуществляться при помоши конного связного, присланного туда. Устанавливается дежурство работников связи, которые будут тщательно проинструктированы.

Для обеспечения операции необходимо заготовить уездом директивы, указания по части мобилизации людей, машин и транспорта. Обеспечить средствами уезда, чтобы купить заранее бензин и смазочные материалы.

Необходимо сделать заявки на железной дороге. Точно определить список домашних вещей и вес этих вещей. Определить права начальников участков в той части, чтобы, в случае выявления несоответствия с действительностью и анкетами, можно было заменить одну семью другой (обратите внимание на этот факт! Требовалось выслать заранее определённое количество семей. Если какая-то семья сумела избежать высылки, ее заменяли другой. Иначе говоря, высылали по разнарядке. — *Н.Б.)*. Необходимо включить в состав оперативной тройки первого секретаря укома и заготовить бланки описи имущества.

По учету укома всего было учтено 1074 хозяйства осадников. При проверке этих материалов у нас мы отсеяли 371 хозяйство, которые не попадали под понятие осадников. Когда приехали сюда, мы ещё отсеяли 121 семью осадников по этим же причинам. Для нас являлось критерием то, что мы использовали архивные материалы, списки уездных организаций Союза осадников, материалы агентуры и допроса отдельных лиц, в частности осадников, помещиков, которые продавали землю осадникам и т.д.

Начальник УНКВД Гриднёв» (46, с. 22-23].

/чёт семей осадников и лесников производился под прикры-
гм инвентаризации хозяйственных строений, имущества и животных. Делалось всё в строгом секрете, чтобы население не догадалось об истинных планах «освободителей».

Через месяц план уточняется. В связи с новым административным делением, которое произошло за это время, Волковысский повет превратился в район. В него не вошли многие прежние земли повета. Поэтому списочный состав осадников и работников лесной охраны по Волковысскому району значительно сократился. А уком партии переименовали в райком:

«Совершенно секретно.

Только лично секретарю Белостокского обкома КП(б)Б тов. Игаеву, город Белосток.

Препровождаю план проведения операции по высылке семей осадников и лесной сторожевой охраны по Волковысскому району. Одновременно сообщаю, что упоминаемые в плане приложения составлены при первом экземпляре плана в райкоме КП(б)Б для руководства и использования.

2 февраля 1940 г. город Волковыск.

Секретарь Волковысского РК КП(б)Б Банцырев.

План мероприятий по выселению семей осадников и лесной сторожевой охраны по Волковысскому району.

Подлежит к высылке осадников 170 семей, лесной сторожевой охраны — 47 семей. Всего 217 семей. Согласно отдельных сельсоветов:

Название сельсовета	Подлегающие выселению осадники	Подлегающие выселению работники лесной охраны	Всего
Песковский	48	6	54
Росский	25	10	35
Мстибовский	69	2	71
Шиловичский	8	2	10
Изабелинский	9	7	16
Верейковский	—	8	8
Бискупицкий	11	5	16
Волпенский	—	5	5
Гудевичский	2	2	2
Всего	170	47	217

В дополнение к разработанным планам по изъятию осадников и лесной сторожевой охраны и доставки их к пунктам погрузки провести следующие мероприятия:

1. В помощь оперативным группам, предусмотренным оперативным планом УО НКВД, выделить для оперативной работы 30 человек членов и кандидатов партии и 12 человек комсомольцев, не считая коммунистов и комсомольцев, работающих в НКВД и в милиции. Списки прилагаются (списков в архивном деле нет. — *Н.Б.)*.

2. Наряду с опергруппами по изъятию осадников и лесной сторожевой охраны, создать группу по учёту и сохранности имущества выселяемых хозяйств из числа коммунистов и комсомольцев из местного актива с расчётом 2-3 человека на хозяйство. Одна группа в составе 5 человек. Всего — 106 групп численностью 430 человек. Закреплённые за ними хозяйства прилагаются.

Одновременно они приступают к действиям с опергруппами накануне операции по изъятию. За три-четыре часа провести инструктаж всех товарищей, привлекаемых для работы групп по волостям. Для проведения инструктажа и организации работы групп выделить ответственных работников райкома:

1. Мацко	Песковский сельсовет
2. Куропатенко	тоже
3. Павловец	Мстибовский сельсовет
4. Табаков	тоже
5. Лихачёв	Изабелинский сельсовет
6. Жаркевич	тоже
7. Акулич	Бискупицкий сельсовет
8. Шорник	Шиловичский сельсовет
9. Поживелько	тоже
10. Лапицкий	Верейковский сельсовет
П.Стельмак	тоже
12. Смирнов	Росский сельсовет
13. Гершанок	тоже
14. Бойко	Волпенский сельсовет
15. Выголер	Гудевический сельсовет

3. Указанные товарищи выезжают по волостям за день до начала операции с тем, чтобы обеспечить своевременный сбор и инструктаж групп и организацию их работы. С выезжающими товарищами провести отдельный инструктаж, снабдив их списками групп, за-

креплёнными за ними хозяйствами высылаемых, памятками для инструктажа групп и бланками по учёту имущества. Инструктаж проводят товарищи Банцырев и Griднёв.

4. Для сохранения имущества хозяйств высылаемых осадников ^.И лесной сторожевой охраны организовать по району сборные пункты скота и сельхозинвентаря в следующих имениях:

а) имение Кобыляки, Изабелинского сельсовета.

(Имение Кобыляки — собственность Ежи Ширяева, на 1930 год — 800 га земли. — *Н.Б.)*

Сгоняемый скот, сельхозинвентарь и фураж свозится с хозяйств, высылаемых из Изабелинского и Бискупицкого сельсоветов. Завпунктом выделить тов. Мазаник и в помощь ему тов. Томоль.

б) имение Шевки, Росского сельсовета.

(Имение Шевки входило в состав Росского хозяйства и принадлежало Адаму Броницкому. — *Н.Б.)*

Сгоняется скот, свозится сельхозинвентарь и фураж хозяйств, высылаемых из Росского, Верейковского, Гудевического и Волпенского сельсоветов. Завпунктом выделить тов. Позднякова.

в) имение Мосевичи, Бискупицкой волости.

(Имение Мосевичи собственность Августа и Эмилии Скоковских. В 1930 году имело 400 га земли. — *Н.Б.)*

Сгоняется скот, свозится сельхозинвентарь и фураж хозяйств, высылаемых из Бискупицкого сельсовета. Завпунктом выделить тов. Гончарика.

г) имение Шустики, Мстибовского сельсовета.

(Имение Шустики — собственность Юлиана Толочко, 128 га. — *Н.Б.)*

Сгоняется скот, свозится сельхозинвентарь и фураж хозяйств, высылаемых из Мстибовского сельсовета. Завпунктом выделить Хмелевского.

Во всех вышеперечисленных пунктах установить вооружённую охрану. На сборных пунктах скот и сельхозинвентарь хранить до распределения его во вновь организуемые колхозы и совхозы. Завпунктами подобрать необходимое количество работников для обслуживания пунктов — уходу за скотом, хранения сельхозинвентаря и тому подобное. Перед началом работы пунктов провести инструктаж с завпунктами и их помощниками. Инструктаж проводит тов. Банцырев.

5. Сохранение и использование остального имущества хозяйств высылаемых провести следующим образом:

а) зерновые, крупяные, бобовые культуры и семена трав свезти и засыпать в общественные амбары в семенной фонд. Необмоло-

ченные культуры обмолотить в ближайшие дни и тоже засыпать в общественные амбары;

б) картофель, находящийся в буртах, сохранить как семенной материал, сдав под сохранные расписки местным крестьянским комитетам. Картофель, находящийся в подвалах и теплушках, использовать как продовольственные запасы и на корм для скота;

в) фуражные фонды — сено, солому, клевер, отходы зерна и часть концентратов собрать и свезти в пункты сосредоточения скота;

г) домашние вещи — обстановку, мебель и т.д. передать по описи через местные крестьянские комитеты для использования школам, клубам, избам-читальням, больницам, детсадам и яслям;

д) продукты питания — сало, крупу и т. п., за исключением необходимого запаса на путь следования высылаемых, передать по оценке кооперативным организациям для использования и организации общественного питания. Домашнюю птицу передать по оценке в заготскот;

е) жилые и надворные постройки передать на сохранение местным крестьянским комитетам до особого распоряжения по их дальнейшему использованию.

6. Через командированных в сельсоветы ответственных работников райкома КП(б)Б и райисполкома организовать необходимое количество подвод и рабсилы для сгона скота и свозки инвентаря и фуража в сборные пункты хранения, в перечисленные выше имения, а также свозки зерновых, крупяных, бобовых культур и семенных трав в общественные амбары для обмолота оставшихся еще не обмолоченных культур.

7. Всем выделить по договоренности с командованием политотдела дивизии 120-150 человек агитаторов из числа политработников, коммунистов и комсомольцев в помощь командированным товарищам из районной партийной организации для проведения политмассовой разъяснительной работы по высылке осадников и лесной сторожевой охраны. Инструктаж и прикрепление к населённым пунктам агитаторов провести вместе с командованием политотделов дивизии.

8. Организовать специальную охрану наиболее важных объектов по району: заводы, фабрики, электростанции, ж/д станции, мосты, почты, телеграф и другое. Для чего выезжающим товарищам до начала операции провести проверку состояния охраны указанных объектов и короткие совещания с партийными и хозяйственными руководителями этих объектов. Ни в коем случае не расшифровывать о предстоящей операции до её начала.

9. Все исправные автомашины, находящиеся в ведении районных организаций, мобилизовать на время проведения операции в распоряжение райисполкома для перевозки командируемых товарищей по проведению операции. Осуществление этого мероприятия поручить тов. Дашуку и Смирнову.

По линии райисполкома.

Подготовить к моменту операции по каждому сельсовету необходимое количество подвод для отправки семей высылаемых, перевозки опергрупп и групп по учёту и охране имущества высылаемых. Ответственный тов. Дашук. Разнарядка требуемого количества подвод прилагается.

10. На время проведения операции установить круглосуточное дежурство в райкоме и райисполкоме. Список дежурных прилагается. Перед началом операции провести с привлекаемыми товарищами для дежурства инструктаж. Проводит Банцырев.

11. На время проведения операции установить представление райкому КП(б)Б ежедневной письменной информации через руководителей групп со всех сельсоветов. Передача этой информации производится через надёжных специальных нарочных, которые должны быть подобраны на местах.

12. Через тов. Шорника, начальника связи, организовать круглосуточную бесперебойную работу всех отделений телефонной связи.

Секретарь Волковысского РК КП(б)Б Банцырев.

Председатель Волковысского райисполкома Дашук» [98, с. 37—41].

Как видно из вышеизложенного плана, к операции по выселено мирных семей советская власть подошла со всей ответственэстью. Учли всё до последней мелочи. Обрашает внимание и тот факт, что к преступной акции, помимо силовых органов, привлекались партийные и советские работники, а также комсомольцы. Хорошо видно, что организаторы преступления боялись отпора со стороны местного населения. Поэтому взяли под усиленную охрану важнейшие объекты города и района.

Операция по выселению семей осадников и лесников началась і первых часах ночи 10 февраля 1940 года. Природные условия были асными. Зима выдалась снежная и морозная, как никогда. Многие садовые деревья не выдержали суровых морозов и по весне не возродились. Большой толщины снег в поле и огромные сугробы по бокам дорог не давали возможности совершить побег — как только свернёшь с дороги, сразу завязнешь.

Вид Волковыска в феврале

К сожалению, отпора со стороны жертв не последовало. Оружие у осадников изъяли ещё раньше. Хозяин дома, куда врывались вооружённые представители власти, был просто ошеломлён. Не успевшего со сна сообразить, что к чему, его уже ставили в одном белье к стенке, и под прицелом оружия зачитывали постановление о высылке всей семьи. В таком положении даже топор не сможешь вытащить из-под лавки. Не зная, что ждёт их теперь, и останутся ли они вообще живы, выселяемые люди покидали свои дома и хозяйства с чувством безысходности и обречённости. Ночную тишь разрывали вопли, причитания и плач женщин и детей, выброшенных из тёплых жилищ на лютый мороз. Людские страдания передались домашним животным: выли и лаяли собаки, мычали коровы, тревожно ржали в стойлах лошади. Всё это перемежалось матом и криками НКВДистов, их помощников из числа военных и партийно-советских служащих.

Вот как выглядела депортация глазами тех, кто ее пережил. Вспоминает Ольга Петровна Козлова (Шарук), 1923 года рождения:

> «Наша семья жила в деревне Бискупцы. Отец служил лесником. В семье у нас было двое детей — сестра и я. Когда мама умерла от желтухи, отец взял в дом мачеху с двумя детьми. Вначале я ходила в четырёхлетнюю школу в Бискупцах, а потом оканчивала семилетку в Волковыске. В 1939 году поступила в гимназию имени Стефана Батория. В Волковыск ходила каждый день пешком. Зимой по пути из школы делали снежных баб и ставили возле самой дороги. Конь едет — испугается, думает, что человек. Отец нас ругал за это.

Когда пришли первые Советы, нас повторно перевели в седьмой класс. 10 февраля 1940 г. с началом уроков в наш класс зашёл директор школы и го'ворит мне: «Шарук! Иди домой!» Причины не объяснил, видимо, и сам не знал. Я собралась и пошла. На половине пути встретила две подводы под охраной красноармейцев. В одной из них сидел мой отец с семьёй, а в другой — семья лесника из деревни Тадино. Бросилась к отцу. Охрана приказала мне ехать с ними. Начала плакать и сказала, что никуда не поеду, а пойду домой. Меня силой взяли под руки и кинули в воз. До самого Волковыска плакала и кричала, потом охрипла и перестала.

Привезли на станцию Волковыск-Центральный, где посадили в товарный вагон. Ждали, сидя в вагонах, целые сутки. В вагонах холодно — печек не предусмотрено, а на улице мороз под 30 градусов. Всё это время днём и ночью привозили новых людей. Поезд двинулся только на следующий день после обеда. Ели то, что взяли с собой. Ничего казённого в дороге не давали. Мы как раз перед высылкой закололи кабана, так нам разрешили взять сала всего два килограмма. А что это значит на семью из шести человек! Из одежды разрешили взять только то, что сумели надеть на себя. Ничего для запаса — ни одежды, ни обуви, ни одеял, ни белья» [6].

Так что ни о каких 500 килограммах продуктов и вещей на !мью, дозволенных инструкцией, и речи не было (при следующей сылке разрешали брать на всех не более 100 кг).

Вспоминает свидетель депортаций, житель деревни Малая Розница Волковысского повета Станислав Александрович Ленец, '21 года рождения:

«Осенью 1939 г. возле нашей деревни Рогозница стали палаточным лагерем красноармейцы. В одну из ночей кто-то выстрелил в их сторону. Солдаты мигом окружили Рогозницу, и пошли по хатам производить обыски. В первой же хате застали одетого хозяина. Раз одетый, значит, был на улице и мог стрелять. В него в упор из нагана выстрелил какой-то командир. Думали, всем нам конец. Потом командиры разобрались, оставили деревню в покое, но безвинный пожилой человек поплатился жизнью.

При первых Советах моего отца вместе с семьёй хотели вывезти в Сибирь только за то, что у него в доме был не земляной пол, как у многих, а деревянный. Поэтому отец считался зажиточным, хотя имел всего пять гектаров земли. Уже и соседи к нам приходили, просили отдать им инвентарь, так как было известно о нашей предстоящей высылке.

Сначала забрали ксендзов, полицейских, осадников с помещиками, а потом начали хватать всех зажиточных, на взгляд новой власти, людей. У нас рядом с Рогозницей на той стороне речки Зельвянка жило 18 семей осадников, бывших добровольцев армии Пилсудского — Рончко, Войтик, Косик, Краевские, Подстава, Куровские и другие. Приехали сюда из Мазовии. Получили по 15 гектаров земли. Жили на хуторах недалеко один от другого. Всё строили своими руками — дом, хлев, колодец. Общее название этих хуторов Воля Маршалка — в честь Пилсудского.

10 февраля среди ночи их окружили войска. Приехали на каждый двор с готовыми подводами. На каждый дом по одной подводе. Ночью стоял сильный мороз, звуки в такую погоду разносились далеко. Оттуда доносился плач, вой собак, истошные крики. Стало светлеть, когда через Рогозницу потянулся обоз с невольниками, охраняемый красноармейцами с примкнутыми к винтовкам штыками. Повезли их на станцию Волковыск. Пытался бежать только один из Краевских, но был застрелен охраной. Похоронили его на кладбище в Рогознице.

В покинутые дома осадников посадили бедняков из нашей деревни, перед этим переписав, сколько там у кого какого имущества. Приказали всё это содержать в порядке, пока не заберёт власть. Весной раздали бедноте землю осадников, вывезли всё имущество и скот, но остаться там жить никому не позволили. До войны все строения разобрали: какие перенесли в деревню, какие пошли на дрова. Сейчас на местах хуторов, как памятник поруганной жизни, растут старые одичалые яблони» [6].

О выселении осадников вспоминает Станислав Бабиньский, бывший житель деревни Ятвеск, после войны переселившийся в Польшу:

«В тот день я находился дома в Ятвеске и видел, как это происходило. К осаде подъезжало двое или трое саней с солдатами из НКВД. Мужчинам приказывали садиться в сани и не шевелиться, а женщинам с детьми приказывали паковать личные вещи с продовольствием и укладывать на сани. Остальные вещи шли в доход государства. Везли их на железнодорожную станцию в Свислочь, где загружали в товарные вагоны и везли в нечеловеческих условиях в сильный мороз.

От увиденного кошмара все жители очень расстроились. Помню, люди ожидали массовых арестов осадников, но вывозку их целыми семьями все восприняли как трагическую неожиданность. Предупреждённый нами о предстоящем аресте осадник Гловенко,

а также некоторые другие осадники, после ареста их семей вынуждены были присоединиться к ним, чтобы не оставить в беде. В нашей местности только одна семья Вильк из Карчовки сумела скрыться и перебраться в Литву.

Нашу семью репрессии обошли стороной, так как отец не являлся осадником, хотя и воевал добровольцем в войне 1920 г. против большевиков. Об этом советская власть не узнала. Но с этого дня, как и большинство поляков на восточных землях, думали, что вывозка не минет и нас. Поэтому приготовили запасы одежды и продовольствия, а, прежде всего, насушили на дорогу сухарей» [25, с. 32-33].

Из воспоминаний Яна Виленца:

«Помню, что 10 февраля 1940 г. стоял сильный мороз, но уже с самого утра, когда ещё было темно, на дорогах послышался скрип многочисленных саней. Это в местечко Мижеричи к школе Советы свозили людей. На морозе стояли взрослые и дети, включая грудных детей. Все замёрзли, многие плакали. Это были семьи осадников. Бедных людей среди ночи вытащили из тёплых домов, разрешив в течение 15-20 минут собрать в дорогу кое-что из вещей и еды. В основном это были бедняки. Через некоторое время арестованных впустили в школу. Люди с Мижеричей быстро организовали арестованным еду и тёплые вещи, но постоянно привозили новых несчастных людей. Когда всех собрали, вывели на улицу, посадили в сани и колонна тронулась в сторону Зельвы. Всё это выглядело страшно и не по-людски. Колонну охраняли вооружённые НКВДисты, милиция и собаки. На станции в Зельве их погрузили в скотские вагоны и повезли в неизвестность» [11].

Вспоминает бывшая жительница деревни Лихосельцы (сейчас о Калиновское) гмины Свислочь Волковысского повета Софья рушко, жена лесничего, 1896 года рождения:

«В сентябре 1939 г., когда в Свислочь пришли Советы, политрук произнёс следующую речь: "20 лет вы под панским гнётом жили, и они вашу кровь пили, а сейчас мы вас освободили и разрешаем вам расправиться с ними!"

В тот же час из своих домов вытащили начальника полиции с ещё одним полицейским и привели на площадь, где застрелили. Когда жёны плакали над телами своих мужей, то выродки ногами трупы пинали и не разрешали хоронить двое суток. Арестовали начальника железнодорожной станции, и с поднятыми руками полтора километра вели до Свислочи, чтобы люди на него смотрели.

И такого страху наделали, что почти все чиновники, включая полицейских, лесную стражу и осадников, попрятались в лесу. Некоторые сумели перейти границу, а кого схватили, то часть постреляли, а остальных вывезли в Сибирь.

Голосовать нас заставляли под принуждением. Возле урны для голосования стоял политрук, и кто не хотел голосовать, того Сибирью пугали.

10 февраля 1940 г. мы ещё спали, когда к нам приехали НКВДисты. Поместили нас в угол и поставили над нами солдата с карабином. В наших вещах копались. Ценные вещи, и даже бритву мужа себе в карманы клали. Наконец нам дали 20 минут времени на сборы. Когда мы с пятью детьми в сани садились, то только солнце вставало, и мороз стоял под сорок градусов.

Когда ехали до станции Свислочь, то отморозили ноги и лица. В холодные вагоны нас посадили, а при каждом вагоне охрана стояла.

Пятнадцать дней ехали мы поездом, и наша одежда к стенам вагона примерзала. За всё это время два раза нам давали хлеб и суп. Наше же хозяйство в пользу советской власти забрали.

Последние три дня нашего путешествия нам не дали даже ни одной капли воды и наши дети как собачонки визжали. 25 февраля нас привезли на Урал в город Карабаш. Нас всех из вагонов в клуб согнали и музыку играли, а у нас с горечи сердца рвались. Но плакать нам не разрешали, только музыку слушать велели» [99, с. 308—310].

Разве такое можно забыть или простить? Чем, скажите на милость, действия сотрудников НКВД отличались от действий гестаповцев?

Иногда чекисты хватали по ошибке не тех людей, что были внесены в их списки. Но своих ошибок они не признавали. Из воспоминаний бывшей учительницы в деревне Боблово Волковысского повета Мирославы Ревиньской:

«В деревне Андруши Росской гмины почти все жители носили фамилию Болдак, за исключением двух семей с фамилиями Карниза. Были это два брата. Один из них — Станислав, очень бедный, жил возле леса и имел шестеро малолетних детей. Летом и зимой дети бегали босыми в длинных подпоясанных рубахах. Другой, не женатый брат, проживал на куске земли вблизи Андрушей, наделенной ему как военному осаднику. В ночь на 10 февраля, когда забирали осадников, сани с НКВДистами по ошибке заехали к его брату и забрали его вместе с детьми и женой Софьей. Заведённая репрес-

сивная машина перемалывала людские судьбы без разбору. Транспорт с высланными людьми прибыл в Архангельск. Свою ошибку, совершённую в отношении к безвинным людям, никто из властей не признал».

Далее рассказывает Пожарский, который после войны вернулся з ссылки:

Посадка депортируемых в вагоны

«В 1942 г. я проживал в одном бараке с семьёй Карпызов, состоящей из восьми человек. В начале 1942 г., в связи с организацией польской армии Андерса, нам было позволено выехать в Узбекистан. Ехал в одном вагоне с Карпызами. Поездка была долгой. Свирепствовали голод, тиф, дизентерия и другие болезни. На отрезке железной дороги Свердловск-Караганда первым умер глава семьи Станислав Карпыза. Труп забрала железнодорожная служба. Через некоторое время умерли пятеро детей Карпызы. До места доехали лишь Софья и её старший сын Юзеф» [7].

Сводки с мест о ходе операции по выселению семей осадников и лесников через каждые три часа докладывались в Минск главному чекисту БССР Цанаве. А он, в свою очередь, периодически докладывал в Москву своему начальнику Берии. По состоянию на 22 часа 15 минут 10 февраля 1940 года:

«Оперативная сводка № 4.

1. ...по всем западным областям Белорусской ССР репрессировано 7565 хозяйств с общим количеством 38222 человека, из них погружено в вагоны 3934 хозяйств с количеством 18460 человек.

2. Имели место происшествия. В осаде Колядичи Песковской волости Волковысского уезда Белостокской области осадник Высоцкий Леон Иосифович оказал оперативной группе вооружённое сопротивление. Во время перестрелки Высоцкий убит. Труп передан местным властям. Жертв со стороны оперативного состава нет...

4. Фактов отрицательного настроения населения не зафиксировано» [95, с. 134].

Как видим, массового отпора со стороны выселяемых людей не было. Объясняется такая пассивность и тяжёлыми погодными условиями — зима с сильным морозом, и политической обстановкой — Польша прекратила свое существование как государство. Но, в первую очередь, пассивность колонистов обусловило равнодушие со стороны местного населения. Недаром власти придавали серьёзное значение реакции народа, отражали в сводках настроение коренных жителей. Но местные жители уже сами были запуганы четырьмя с лишним месяцами произвола и насилия советской власти, а потому молчали.

13 февраля Цанава шлёт итоговую сводку:

«Оперативная сводка № 10.

Всего репрессировано и погружено в вагоны 50200 человек, оставлено по болезни — 350, арестовано — 130, сбежало — 35» [95, с. 230].

А вот что сообщал оперативный отчёт по проведённой операции на имя секретаря Белостокского обкома партии Игаева:

«В Зельвенском участке № 13 при приёме на вывозку семьи лесника Павловича, последний, вместо ответа на вопрос: «Имеется ли оружие?», набросился на проводившего операцию оперативника, и пытался отобрать у него револьвер. Между ними завязалась борьба. В это время брат Павловича выстрелил из ружья по комнате, где находился другой сотрудник. После чего подвергшийся нападению оперативник вырвался и произведённым выстрелом ранил Павловича, который был доставлен в больницу местечка Зельвы.

В Волковысском участке № 11 при подъёме осадника Высоцкого Леона, последний набросился на члена оперативной тройки и пытался отнять винтовку. Несмотря на неоднократные окрики, предупреждения и выстрелы вверх, Высоцкий совершил третью попытку напасть на оперативного работника и вступил с ним в борьбу, после чего оборонявшийся милиционер Денисенко произвёл выстрел, которым убил Высоцкого. Труп был оставлен на председателя сельсовета и утром похоронен в присутствии оперативных работников.

Имели место несколько случаев побега, как при операции, так и при конвоировании. Однако большинство этих случаев в настоящее время уже ликвидировано путём поимки бежавших. Имели место случаи, когда в Волковысском районе при конвоировании выселяемых на станцию умерло четыре ребёнка.

Других происшествий зафиксировано не было. Все изъятые семьи были доставлены на станцию погрузки, где под расписку сданы конвоированию» [100, с. 7].

Чтобы иметь более полное представление о том, кого отправляли на муки в Сибирь, приведу личные дела, заведённые НКВД 30 января 1940 года на военного осадника Войтека Якова Валентиновича и лесника Иосифа Корайника.

Семья Войтеков проживала в деревне Теглевичи, Мижеричской волости, Волковысского уезда, Белостокской области.

«Войтек Я.В. родился в 1887 г. в деревне Колочковичи, в уезде Столиница, волости Щетники, воеводство Келецке. Основной род занятий — сельское хозяйство. В польской разведке не служил. В польской армии в 1937 г. служил в пехотном полку рядовым. Зять Куксик Вацлав Иванович проживал вместе с семьёй тестя. Общий состав семьи насчитывал 9 человек:

1. Войтек Я. В. — глава семьи.
2. Розалия — жена, 1887 г. рожд.
3. Сын Иосиф, 1920 г. рожд.
4. Сын Казимир, 1923 г. рожд.
5. Сын Эдвард, 1925 г. рожд.
6. Дочь Стефания, 1929 г. рожд.
7. Дочь Юлия, 1915 г. рожд.
8. Внучка Чеслава, 1939 г. рожд.
9. Зять Вацлав, 1914 г. рожд.

Из хозяйства имел: земли — 11 га, дом — 1 (старый, из одной комнаты, разделенный), гумно — 1, конь — 1, коров — 3, свиней — 2, воз — 1, плуг — 1, борона — 1, спружиновка (конный культиватор) - 1.

При обыске ничего заслуживающего внимания не обнаружено, кроме протокола заседаний членов Союза осадников и одной квитанции (№ 81) об уплате членских взносов.

Лесник Иосиф Иванович Крайник. 1903 г. рождения, деревня Лавриновичи Волковысского уезда, Зельвенской волости. 5 лет служил лесником у одного из княжеских отпрысков, магнатов Сапегов. В польской армии служил в 24-26 г.г. в 3-м кавполку рядовым.

Семья состояла из 4-х душ: жена Леонарда 1921 г. рожд., сыновья — Георгий (1935 г.) и Эдвард (1937 г.), дочь Юзефа, по национальности — белорус.

Земли имел 4 га, сенокоса — 0,15 га, неудобиц — 1 га, лошадь — 1, коров — 1, свиней — 1, дом деревянный, сарай — 1. При обыске компрометирующих и к/р материалов не обнаружено.

Подпись: полковник Айрапетов» [101, с. 48].

Вспоминает жительница деревни Гнезно Волковысского района Алиция Чеславовна Садовская, 1930 года рождения:

> «Возле Гнезно на хуторе жила семья осадника по фамилии Тихоцки, у которого было 11 детей. Жили они бедно и зимою меньшие дети сидели дома, так как не было для всех одежды. Когда их приехали забирать, то на детей накинули старые мешки. В такой «Одежде» их повезли в Сибирь» [6].

Пусть после этого кто-нибудь скажет, что высылали богатых обожравшихся эксплуататоров, пивших кровь из бедных крестьян.

А вот состав еще одной польской семьи осадников, высланных из осады Шауличи Кремяницкой гмины Волковысского повета:

«1. Стихай Юзеф, сын Владислава, 1899 г. рожд. — глава семьи.
2. Стихай Виктория, дочь Яна, 1907 г. рожд. — жена.
3. Стихай Янина, 1924 г. рожд. — дочь.
4. Стихай Зофья, 1926 г. рожд. — дочь.
5. Стихай Владислав, 1932 г. рожд. — сын.
6. Стихай Эдвард, 1936 г. рожд. — сын.
7. Стихай Казимира, 1938 г. рожд. — дочь.
8. Стихай Кристина, 1939 г. рожд. — дочь.
9. Невчав Марианна, дочь Михала, 1852 г. рожд. — теща.
Передал: начальник тройки Горенков.
Принял: начальник конвоя младший политрук Духман.
Ответственный: полковник Айрапетов» [101, с. **49].**

Как видим, высылке подлежали и годовалые дети и 88-летние старики. Всего 10 февраля 1940 года с железнодорожной станции Волковыска было отправлено 1818 человек. Доставили их на станцию Абазерская в Архангельскую область.

Сопровождали эшелон с депортируемыми 23 охранника из 226 конвойного полка под командованием некоего Жарикова [102, с. 144].

20

ВТОРАЯ ДЕПОРТАЦИЯ (15 АПРЕЛЯ 1940 Г.)

.аботы у карателей из НКВД было так много, что родное советское правительство решило его реорганизовать. 30 января 1941 года советские граждане услышали по радио и прочитали *i* газетах Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что огэмный карательный аппарат НКВД разделился на два самостоягьных Наркомата — Внутренних дел, по-прежнему называемый 1КВД, и Государственной безопасности — НКГБ. С этого времени . местах начали действовать параллельно уже два специальных карательных органа.

После высылки осадников и лесников аресты неблагонадёжных и обыски жилищ подозреваемых в чем-то людей не прекращались ни на один день, а вернее сказать, ни на одни сутки. Свое чёрное дело НКВДисты обычно творили под прикрытием ночи. Из дневника Вероники Тресенберг, чей отец Франц Тресенберг являлся инженер-адъюнктом Виленского управления железной дороги, и потому советская власть считала его не человеком, а «социально-опасным элементом»:

«27 февраля 1940 г. в нашем доме был обыск. Искали отца и оружие. К сожалению НКВДистов не нашли ни того ни другого. Все

мы находились в состоянии страха. Обыск проводили 8 человек во всех комнатах и пристройках. Обыск продолжался с 9.00 вечера до часу ночи. Отец в это время ночевал у Петровича, и я на следующий день должна была предупредить его. С того дня он не мог появиться дома и начал скрываться. Прятался у Голговских, а потом в подвале у Пивоварчиков. Для нашей семьи наступили тяжёлые времена — ни хлеба, ни денег. Никого из друзей и никакой поддержки.

19 марта 1940 г. Через две недели ночью нам удалось тайно повидаться с отцом. Выглядел страшно: обросший, глаза испуганные, лицо жёлтое. Передали ему кое-что из еды и вскоре были вынуждены покинуть его, так как за нашей семьёй следили. Расставались со слезами на глазах и болью в сердце» [13].

Между тем, 25 марта 1940 года из Минска в Москву ушло спецсообщение о настроениях населения западных областей республики:

«Проведённую 10 февраля 1940 г. операцию по выселению осадников и лесников из западных областей Белоруссии контрреволюционный элемент использует для создания паники среди широких слоев населения, направленной к организации массового убоя, распродажи скота и другого имущества, для чего усиленно распространяются слухи о предстоящих повторных операциях по массовому выселению польского населения» [95, с. 336].

Как вскоре выяснилось, слухи оказались далеко не беспочвенными. Из директивы НКВД СССР № 892/Б от 7 марта 1940 года о выселении семей офицеров Войска Польского и других лиц, содержавшихся в лагерях и тюрьмах:

«НКВД СССР предлагает к 15 апреля текущего года произвести выселение в районы Казахской ССР сроком на 10 лет всех членов семей, содержащихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии — бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата. [...] Членами семей считать жену, детей, а также родителей, братьев и сестёр в том случае, если они проживают вместе с семьёй арестованного или военнопленного.

...По прибытии на квартиру выселяемых семей оперативная группа производит обыск на предмет обнаружения оружия, контрреволюционной литературы и иностранной валюты, затем объ-

являет членам семьи о предстоящем их выселении и разъясняет порядок их высел'ения.

Недвижимое имущество и торгово-промышленные предприятия выселяемых семей подлежат конфискации. Выселяемые семьи имеют право взять с собой к месту выселения лично принадлежащие им вещи весом не свыше 100 килограммов на каждого члена семьи, включая детей (на самом деле позволяли брать гораздо меньше. — *Н.Б.)»* [95, с. 354].

Всего с территории Западной Беларуси подлежали выселению 8305 семей с общим количеством 27706 человек, из них офицерских семей — 1215, полицейских — 1301, тюремщиков — 127, жандармов — 77, разведчиков — 3041 (!? — *Н.Б.),* помещиков — 520, фабрикантов — 125, крупных чиновников польского государственного аппарата — 270, участников контрреволюционных повстанческих и шпионских организаций — 1629 [95, с. 398].

Польская семья из местечка Мстибово. Вот таких и высылали

О проведении очередной депортации в Белостокской области секретарь Белостокского обкома партии Игаев 11 апреля разослал сообщение № 37 всем секретарям горкомов и эайкомов области. Разумеется, под грифом «совершенно секретно»:

«13 апреля органы НКВД на местах проводят операцию по выселению из Белостокской области семей репрессированных, военнопленных и семей

скрывающихся офицеров, жандармов и так далее. Придавая этой работе исключительно большое политическое значение, областной комитет КП(б)Б предлагает Вам:

1. Немедленно на закрытых заседаниях бюро горкома, райкома заслушать доклад начальника соответствующего горотдела или райотделения, лично просмотреть план выселения, ознакомиться с директивами о контингенте выселяемых и порядке выселения и, в случае необходимости, дать соответствующие указания по плану.

2. Лично возглавьте проведение этой операции, в наиболее ответственные участки пошлите членов бюро райкома.

3. Мобилизуйте необходимое для НКВД количество лучших коммунистов и комсомольцев для участия в операции, которых немедленно направьте в распоряжение РО НКВД.

4. Свяжитесь с командованием частей РККА, расположенных на территории вашего района, и используйте воинские части для усиленной охраны предприятий, городов и порядка в них, для чего необходимо установить усиленный патруль в городе и охрану предприятий. Договоритесь об установлении дежурных частей и в случае необходимости оказания органам НКВД практической помощи. 12 апреля вечером специально по этому вопросу проинструктируйте директоров трестов, предприятий и т.д.

5. В дни 12, 13, 14 и 15 апреля необходимо мобилизовать всю партийную организацию, советский актив на успешное проведение этой операции, и всю организацию держать в исключительной боевой готовности. О ходе операции 13 и 14 каждые два часа информировать областной комитет партии о количестве выселенных семейств, о всякого рода происшествиях и т.д., а 14 к вечеру нарочным прислать подробный отчёт о проведении операции» [15, с. 70—71].

Таким образом, к участию в этом позорном и преступном деянии снова широко привлекли комсомольцев и коммунистов.

О том, как происходила депортация населения Волковыска и района, рассказал в своих воспоминаниях Губерт Шарейко (ныне гражданин Польши). До 1939 года его мать Мария Шарейко работала в школе курьером. Жили бедно, без отца, имея в семье шестеро детей. Их отец Юлиан Шарейко принимал участие в войне с большевиками в 1920 году и умер в 1927 году в возрасте 57 лет. Согласно приведенной выше инструкции, их семья не подлежала выселению, однако была выселена.

После прихода в Волковыск советской власти директора всех учебных заведений получили приказ сдать польские знамёна. Получил такой приказ и Стефан Засада, директор школы, в которой

работала Мария Шарейко. Школьники, воспитанные в духе патриотизма, восхищались красивым знаменем: «С блестящего атласа, по краям обшитого бахромой, величиной с квадратный метр, на красной стороне виднелся вышитый высотой в 40 см орёл с короной, украшенной тремя благородными камнями. Над орлом надпись: «Общественная начальная школа 3-й ступени № 4 в Волковыске». На другой стороне знамени вышита большими буквами надпись: «Пусть живет Родина, которая смотрит на вас с верой и надеждой».

Офицеры 3-го полка конных стрелков с женами.
Мужчин у большевиков ждала пуля, женщин — ссылка

Директор поручил выполнить печальную миссию по сдаче знамени курьеру. Но вместо того, чтобы отнести знамя большевикам, Мария Шарейко принесла его домой, сняла с древка и спрятала в своей квартире. Когда её вызвали в милицию на допрос, сказала, что отдала знамя какому-то милиционеру и упрямо держалась своего. О предстоящей депортации в городе знали все, но Шарейко была уверена, что их бедной семьи она не коснётся.

«Однако неожиданно 13 апреля 1940 г., — вспоминает Губерт Шарейко, — в первом часу ночи, нас разбудил грохот прикладов в

дверь. Грозный приказ «Открывай!» не оставил никаких иллюзий кто это. До сегодняшнего дня помню тот парализующий страх, когда в дом вломились солдаты со штыками на винтовках и в шапках с красными звёздами. Ни о каком бегстве через окно не могло быть и речи. Дом был окружён. Вошёл советский командир, вынул какие-то бумаги и начал по списку вычитывать наши имена и фамилии: мамы — Марии Шарейко из семьи Дзежыц, моих двух старших сестёр — Казимиры и Гонораты, старшего брата Чеслава, меня — Губерта и Анны Супрун — нашей 75-летней тёти. После чего сообщил, что имеем два часа на сборы и будем депортированы в глубь России».

Вот так большевики с присущей им подлостью отомстили семье умершего Юлиана Шарейко за его участие в борьбе против Красной армии. Отыгрались сполна. Марии Шарейко вместе с вещами незаметно удалось упаковать и знамя. Семью погрузили на машину и повезли на станцию.

«Буксуя в снежных колеях, машина медленно катилась по городу. Проезжали мимо костёла. Мама неожиданно встала и, опираясь на кабину грузовика, во весь голос запела: «Божэ цось Полскэн пшэз так личнэ веки...». Потрясённые, мы замерли, ожидая, как среагируют на это солдаты, но уже через мгновение песню подхватили остальные и запели что есть сил. Разбуженные жители выглядывали на улицу из-за оконных занавесок. Машина остановилась, и из кабины выскочил офицер с пистолетом в руке, крича «Замолчать!» Но его крик заглушила наша песня. Пели до самой станции. Потом целых три дня не могли вымолвить ни слова, так надорвали голосовые связки на морозе.

Машина подъехала к самому вагону, и солдаты с платформы выбросили все наши вещи внутрь товарного вагона. Целый день привозили к эшелону людей с разных сторон и размещали в вагонах. Никому не разрешалось выходить, эшелон был окружён охраной. Даже знакомые не могли подойти поздороваться и передать что-нибудь из еды.

В нашем вагоне было 50 человек. Для детей из досок приготовили нары. Не знали мы, сколько времени нам придётся пробыть в дороге и где она закончится. Даже когда на другой день транспорт отправился в путь, питали надежду, что вдруг что-то случится, и Англия с Францией не позволят столько людей вывезти в неизвестность».

Однако никто за них не заступился. Эшелон доставил депортируемых в Казахстан, где Мария Шарейко с младшим сыном и дочерьми находились до 1946 года. Всё это время прятали и берегли школьное знамя. Вытерпев невзгоды и лишения, вместе с ним вернулись из ссылки в Польшу [6].

Аресты людей порой происходили прямо на улице. Группы захвата из НКВД вели себя словно банды уголовников. Вспоминает жительница Мстибово Волковысского района Леонтина Константиновна Леонович, 1922 года рождения:

> «При первых Советах из Мстибово вывезли молодую учительницу Руфину Соколовскую. Её отец работал на железной дороге. Схватили её по дороге в школу, даже не дали зайти в дом и собрать необходимые для высылки вещи, не говоря уже о продуктах на дорогу. Родители не знали, куда она пропала, искали повсюду. Смогла прислать письмо только из Тайшета, что в Сибири. После войны вместе с родителями она выехала в Польшу» [6].

Население Волковыска не оставалось безучастным к этому глумлению над народом. Проезжающие через станцию поезда с неволь-

*Семья помещика Владычанского с гостями.
По мнению большевиков, все эти люди были врагами народа, фашистами, агентами польской разведки, а потому их поголовно вывозили в удаленные районы СССР — на муки и смерть*

никами встречали толпы сочувствующих людей. Вот как описывает такую встречу Ольга Л евчук, бывшая «пассажирка» одного из многочисленных апрельских поездов с высылаемыми людьми:

«Через зарешеченное оконце вагона пробивался внутрь тусклый свет. В вагоне воняло потом и несвежим воздухом. Возле дверей сидел охранник с автоматом. Ехали не останавливаясь. Только время от времени к нашему составу подцепляли вагоны с переселенцами. Приехали в Волковыск. Ещё не остановился паровоз, как рядом с вагонами очутилась толпа людей со священником во главе. Кто-то в вагоне заголосил. В ответ кто-то заголосил на улице в толпе, будто с кого-то сдирали шкуру. Спазматическим плачем зарыдала вся станция. Затем рыдания превратились в мощный гул. Когда эшелон отъезжал, я через щель увидела, как священник крестил вслед отдаляющийся состав» [73, с. 43].

А вот ещё одно свидетельство о том, как местные жители воспринимали происходящее насилие. Вспоминает житель деревни Тимохи Волковысского района Станислав Константинович Садовский, 1927 года рождения:

«Мой отец в 1940 г. однажды пришёл с работы сильно расстроенный, что даже не стал кушать маминой еды. Мама спрашивает:

— Чаму ты не ясl? Што здарылася?

— Каб ты бачыла тое, што бачыУ я, то і ты не змагла б есuі! — и начал рассказывать, что видел. Отец сквозь слёзы рассказывает, а мама слушает и сама плачет.

— Прывезлl цэлы саста? людзей і вакол кожнага вагона па пяць энкавэдзютау пшьнуюць. Людзl так енчьш з зачыненых вагонау — вады npacini. То не дазволш нават падайсш да вагона^ і падаць вады» [6].

Иногда местным жителям все же удавалось дать отпор бандитам в униформе НКВД. Особенно часто это происходило тогда, когда приезжали арестовывать ксендзов. Из воспоминаний бывшей жительницы местечка Порозово Волковысского повета Юзефы Шолкевич:

«В 1940 г. местное НКВД постановило арестовать пробоща римско-католической парафин в Порозове. Жители были готовы к такому обороту, и когда большая группа НКВДистов прибыла в костёл забрать ксендза, охрана из местных прихожан зазвонила в колокол. По этому сигналу к костёлу сбежались люди не только из Порозово, но и соседних деревень. Видела много мужчин вооружённых ви-

лами и косами, насаженными на деревяшку по-косинерски времён восстаний. Территорию костёла и плебании окружила огромная толпа, а женщины зашли в середину и потребовали освободить ксендза. Посрамленные НКВДисты были вынуждены покинуть плебанию. Уходя, грозились прислать для усмирения танки, но больше не вернулись» [7].

Ксёндз Мечислав Малынич, за которого заступились прихожане, всегда отличался независимостью суждений. Ещё при польской власти его в 1935 году арестовали за то, что, будучи ксендзом в Троках (ныне Тракай в Летуве. — *Ред.),* осмелился публично критиковать в костёле перед своими прихожанами действия властей по торжественным мероприятиям, связанным со смертью главы государства Юзефа Пилсудского. После отбытия наказания его перевели в Порозово.

Когда в 1939 году пришли первые Советы, то всю плебанию они заняли под своё правление, оставив ксендзу лишь небольшую комату. Чтобы не встречать этих безбожников, он приставил лестницу к окну и входил в свою комнату через окно. Через неделю, к велиэму удивлению ксендза, начальники покинули плебанию.

Тогда же в апреле 1940 года крестьяне защитили своего ксендза ia Мяновского из Рогозницкого костёла, Волковысского повета, ^огда его приехали арестовывать, то к костёлу сбежалось много жигей Малой и Большой Рогозниц. Некоторые мужчины прибега с вилами, а женщины с ножами, чтобы порезать шины в махине [7].

К высылке готовились многие семьи, но некоторым из них Советы дали отсрочку. Из дневника Вероники Тресенберг:

«15 апреля 1940 г. Второй вывоз поляков и мы упаковали свои вещи, ожидая, что заберут и нас. Но на этот раз Бог смилостивился над нашей семьёй. С тревогой ожидаем, что будет дальше» [13].

16 апреля 1940 года со станции Волковыск было вывезено 1443 человека. Доставили их на станцию Тайнча в Северо-Казахстанской области. Эшелон конвоировали 25 охранников из 236-го конвойного полка НКВД под командованием некого Власова [102, с. 144].

А 15 апреля, сразу же после исполнения мерзкой работы по арееету беззащитных людей и доставке их из своих домов в холодные тюремные вагоны, победители с чувством исполненного долга собрались на первую районную партийную конференцию в Волковыске. В это время ещё стоял эшелон на станции в Волковыске с

депортируемыми жителями. Ещё продолжали рыдать в эшелоне сотни женщин и детей. Как это назвать? Пир во время чумы?

В зале перед первым секретарём райкома Банцыревым, вершителем людских судеб на подвластной ему территории, в креслах бывшего польского кинотеатра «Полония» вальяжно сидели оккупанты, приехавшие сюда выполнять волю диктатора Сталина. Они прибыли распоряжаться человеческими жизнями, прибыли вершить преступления. По сути — все это было мщением польскому народу за позорное поражение Красной армии в 1920 году. Сейчас они отыгрывались не только на мужчинах, но и на женщинах, стариках и детях. Так когда-то поступали дикие варвары, захватывая чужие земли. Сейчас своей победой упивались варвары-большевики.

До революции, как гласят слова их гимна «Интернационал», они «были ничем» и вдруг стали «всем». То есть, выбились из грязи в князи. Они захватили власть и сделали её неподконтрольной народу, ликвидировали все дореволюционные, хотя относительные, но всё-таки свободы: избираемый парламент, печать самых разных направлений, независимый суд, городское и общинное самоуправление, церковь, купечество. Посредством коллективизации все крестьянство большевики превратили в своих рабов. Они физически ликвидировали всех инакомыслящих и сопротивлявшихся «пролетарской диктатуре».

Депортируемыхлюдей перевозили в вагонах для скота

Но, почивая на лаврах, большевики постоянно боялись народного гнева, который мог снова сделать их «ничем». Поэтому для удержания власти они никак не могли обойтись без постоянного всеобъемлющего террора. И вот этот свой опыт они внедряли в «освобождённой» Западной Беларуси.

Первый секретарь райкома Банцырев по поводу репрессий высказался вполне определённо, показав свою ненависть, агрессивность и бескультурье, т.е. показав истинное лицо большевиков:

«Успешное и чрезвычайно быстрое продвижение частей РККА парализовало действия противника и не дало возможности значительной части контрреволюционному фашистскому элементу скрыться за кордон. В связи с чем, на освобождённых территориях западных областей Белоруссии осталось много помещичьего, полицейского, офицерского, белогвардейского и прочего отребья, безусловно проводящего контрреволюционную и подрывную деятельность.

Кроме ксендзовско-поповской клики, находящейся, как известно, на полном услужении польского фашизма, здесь была раскинута широкая сеть полицейской агентуры и военно-фашистских организаций, например, союз резервистов, союз осадников, «Стрелец», харцерство, «Млода весь» и целый ряд других. Вместе с тем на территории Волковысского района существовал филиал так называемого межсоюзного комитета по борьбе с коммунизмом, проводившего большую контрреволюционную деятельность среди населения, и имевшего своё разветвление в ряде населённых пунктов.

Помимо всего того здесь было значительное количество всевозможных контрреволюционных буржуазных националистических партийных группировок, как-то: ППС, Бунд, ОЗН, беспартийный блок, сионисты, эндеки и множество других, разъедавших единство трудящихся масс. Существовавшие организации КПЗБ были насыщены полицейской агентурой, провокаторами, и революционная деятельность их была разгромлена. Следует при этом заметить, что организация КПЗБ настолько была опутана сетью полицейских конфидентов и провокаторов, что польская полиция через их посредство руководила выдвижением на руководящую партработу лиц, состоявших в организациях КПЗБ, создавая, таким образом, кадры провокаторов. Необходимо отметить, что белопольское правительство на протяжении всего своего существования на территории западных областей Белоруссии проводило усиленную работу по полонизации и обращению в католичество белорусского населения.

Во всех волостях на лучших землях насажены военные и гражданские осадники, выходцы из центральных областей, бывшие добровольцы бывшей польской армии периода Гражданской войны, активно боровшиеся против Красной армии. Эта привилегированная каста, опора польского фашизма, при активном содействии полиции, ксендзов и государственных учреждений проводила работу

по ополячиванию населения и разжиганию национальной розни. (...)

Военные и гражданские осадники, а также бывшая лесная и сторожевая охрана в условиях западных областей Белоруссии являлись опорой польской государственности. На них возлагалась задача полонизации белорусского населения и задачи военно-полицейского характера. В настоящих наших условиях военные осадники являлись серьёзнейшей базой диверсионно-повстанческих организаций. Исходя из этого и было проведено мероприятие по очищению освобождённой территории от фашиствующего элемента. Наша парторганизация в этой области провела исключительно большую работу. Подготовительная работа, учёт и непосредственно операция нашими коммунистами проведена в полном соответствии с поставленными требованиями, соблюдением конспирации до начала операции, с отсутствием эксцессов, волынок, побегов.

Насколько необходимо и правильно было решение о проведении очищения западных областей Белоруссии от этого охвостья, с достаточной убедительностью говорит тот факт, что известие о выселении осадников после операции трудящееся население встретило аплодисментами, словами горячей благодарности советскому правительству и товарищу Сталину, а также своим активным участием в операции. Всего по нашему району выслано осадников, лесной сторожевой охраны до 250 хозяйств.

Наряду с положительным проведением операции необходимо отметить и имевшие место существенные недостатки:

а) вследствие невнимательности отдельных коммунистов ускользнули от учёта, а, следовательно, от выселения, некоторые осадники;

б) в некоторых местах в результате неповоротливости наших людей было плохо организовано хранение оставшегося от осадников имущества, уход за скотом и т. п.

Кроме операции по осадникам, недавно нами проведена исключительно большая работа по выселению из района семей репрессированных полицейских, белогвардейцев, офицеров, провокаторов и тому подобного контрреволюционного элемента. Это мероприятие имеет чрезвычайно большое значение в ликвидации контрреволюционных повстанческих и диверсионных очагов и гнёзд, группировавшихся среди этой нечисти. В этой операции, как и в предыдущей, коммунисты нашей организации доказали свою непримиримость к врагам народа и высокое сознание долга члена партии перед великим советским народом, перед вождём прогрессивного человечества товарищем Сталиным» [48, с. 30].

Но борьба с «врагами народа» еще только начинала разворачиваться по-настоящему. Банцырев на партконференции забыл похвастаться ещё одной победой над «врагами». Из телеграммы НКВД БССР № 1583 товарищу Берии о начале операции по выселению проституток:

> «Во исполнение Вашей директивы № 895/Б от 7 марта 1940 г. операция по выселению проституток из западных областей Белорусской ССР начата с рассвета 9 апреля 1940 г. По состоянию на 24 часа 9 апреля 1940 г. репрессировано 306 проституток и 27 детей с ними. Обыском изъято: один револьвер системы «Маузер». Операция продолжается» [95, с. 404).

Через некоторое время оказалось, что проституток осталось го-ю больше, чем выслали. Тогда операцию провели повторно. Как эдится, не обошлось без «перегибов». В проститутки записали немало одиноких женщин молодого и среднего возраста!

Уже после первых депортаций оставшиеся на свободе патриоты начали подпольную деятельность. В нелегальные группы входили не только поляки, но и беларусы. Подпольные организации запасались оружием, писали и распространяли листовки, в которых призывали к сопротивлению оккупантам-большевикам. Однако широкой поддержки эти призывы не находили. В своём большинстве беларуское население не хотело возврата польской власти. К тому же НКВД действовало достаточно успешно, поэтому подполье несло тяжёлые потери. Всего к июлю 1940 года было арестовано 8615 человек [81, с. 75].

Ссыльные в Казахстане возле своей лачуги

В Волковысском районе в подполье действовала антисоветская организация ZWZ — «Звёнзэк Вальки Збройнэй» (Союз Вооружённой Борьбы). Из донесения от 29 апреля 1941 года наркома госбез-

опасности БССР Л. Цанавы об аресте членов ZWZ по Белостокской области:

> «...В Волковысском районе командир «Plewe» находится на нелегальном положении, притом, что в Волковыске организация восстановлена» [103, с. 394-395].

В Волковыске тоже была создана подпольная молодёжная организация «Partyzanka», насчитывавшая 26 членов. В неё входила молодёжь из старших классов. В задачу организации входила подготовка к вооружённому восстанию против советской власти. Организацию раскрыли в марте 1940 года [103, с. 211].

Наряду с арестами действительных подпольщиков НКВДисты фабриковали фальшивые дела, арестовывая ни в чём неповинных людей. Так, в конце 1980-х годов прокуратура Гродненской области рассматривала дело об аресте 16 человек в городе Волковыске. При первых Советах всех их обвинили в следующем преступлении:

> «...под влиянием вражеских настроений против советской власти, поднялись на вооружённую борьбу с ней. Они объединились в контрреволюционную организацию, которая в своих планах стремилась свергнуть советскую власть на территории Западной Белоруссии с помощью вооружённого восстания ради восстановления бывшего польского буржуазного государства. В планы организации входило проведение террористических акций, выявление людей, которые выражали неудовольствие существующей властью, привлечение их в ряды вооружённой оппозиции, подготовка восстания. Члены организации собирали оружие с целью использовать его в дальнейшей борьбе» [104, с. 76-77].

В действительности дело оказалось полностью сфабрикованным. При повторном рассмотрении его в 1989 году Гродненский областной суд оправдал всех осужденных, а их уголовное дело прекратил в связи с отсутствием состава преступления. К сожалению, данное дело хранится в архиве УКГБ Гродно и недоступно исследователям. Поэтому и сейчас невозможно узнать фамилии этих жертв НКВД и их дальнейшие судьбы*.

Вывоз людей производился и между массовыми депортациями, когда возникала необходимость разгрузить переполненные тюрь-

* Обратите внимание на то, как «беларуский отряд чекистов» заботится о сохранении в тайне преступлений сталинского режима даже сейчас, через шесть десятков лет после смерти диктатора и через 20 с лишним лет после исчезновения советского государства! — *Прим. ред.*

мы. Ксёндз Михал Вилневшиц, который провёл в волковысской тюрьме более полугода, вспоминает:

«В конце июня 1940 г. на праздник святых Петра и Павла ранним утром узникам нашей камеры приказали приготовиться в дорогу. Грузовыми машинами нас доставили на железнодорожную станцию и там затолкнули в товарные вагоны по 50 человек в один. На перроне собралась много людей: родные, близкие и соседи узников. Пришли проститься с ними, быть может навсегда. Куда нас повезут, не знали, догадывались, что в Россию. Прощались со своей родиной со слезами на глазах: "Иисус, помни о нас и сделай так, чтобы мы возвратились в Польшу!"

Приехали в Барановичи, где стояли несколько дней, ожидая другие поезда с узниками из Гродно и Ломжи. Здесь нас мучили жара и жажда. Кормили нас сухой солёной рыбой, а воды давали только одно ведро на вагон. Потому со всех вагонов люди кричали: «Дайте воды!!!». Из нашего вагона больше всех кричал крестьянский парень, который до войны перешёл границу из восточной Беларуси в Польшу. Когда пришли Советы, его арестовали и допытывали: "Почему ты удрал от нас?" Проходящий по перрону охранник услышал его крики и сказал: "Запомни, что здесь тюрьма не капиталистическая, а социалистическая и больше воды нет".

Для нас же было непонятным, что человек человеку может жалеть не только воды, но и воздуха, так как в тюрьме не разрешали открывать форточку» [94].

А что здесь понимать? Как уже сказано выше, для большевиков никогда не было народа, состоящего из людей, а только всякого рода «элементы». Одни — свои, другие — враги, но — элементы, а не люди!

21

ДЕПОРТАЦИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Промежуток времени между второй и третьей массовыми депортациями населения составил более года. Однако это не значит, что за это время не было репрессий. Весной 1940 года в глубинные области СССР выслали польских беженцев. По-прежнему тюрьмы были переполнены арестованными.

Во время паспортизации городского населения неблагонадёжным людям власть отказывала в выдаче паспортов, ведь без документа человек никуда не сможет выехать. Из дневника Вероники Тресенберг за 1940 год:

> «5 мая. Вот и май пришёл во всей своей красе. В этот день сдавала документы на советский паспорт. В паспортном столе поинтересовались, где мой отец. И сами же ответили: «Он поручик и потому удрал!» Спросила когда придти за паспортом, а мне ответили: «Как будете нужны — сами к вам приедем!» [13].

К этому времени отец Вероники скрытно перебрался в Слоним, где пристроился на работу у какого-то хозяина. Чтобы как-то прожить, на летние каникулы все трое детей из семьи Тресенбергов вынуждены были идти работать на кирпичный завод:

«12 июня. Тяжёлая работа забирает все силы. Всё время вызывают в НКВД и милицию. С каждым днём всё труднее. С каждым часом отравляют жизнь. Живу только надеждою, которая убывает с каждым днём.

24 июня. Работа тяжёлая и очень плохо оплачиваемая. Мама работает по дому, а брат, сестра и я — на кирпичном заводе. Зарабатываем только на хлеб. Паспортов нам не дают, и неизвестно когда их получим. Да и получим ли их вообще?».

Семью Тресенбергов власти не оставляли в покое, требуя выдачи 1авы семьи:

«4 августа. Вызывали в НКВД, где продержали целые сутки. Портят мои нервы и здоровье, но ничего им не сказала. Ничего от меня не добьются. На их обещания и угрозы была слепа и глуха. "Где отец!?" — всё время повторял следователь. "Не знаю!" — отвечала ему, хотя всего несколько дней назад пешком и без паспорта наведала его в Слониме и передала одежду с бельём».

Вдобавок ко всем невзгодам тяжело заболела мать:

«3 декабря. Состояние здоровья мамы ухудшилось. Не может двигаться, так как наполовину парализована. В доме нечего кушать. Брат вынужден был бросить учёбу и поступить на работу на кирпичный завод. Копает в карьере глину, что совсем не по его детским силам.

13 декабря. Привела доктора Седлецкого и он направил маму в больницу. В больнице её принять не захотели. Не знаю, как ей помочь, куда обратиться за помощью и советом. В доме ни хлеба, ни денег. В хлеву стоит голодная корова, для которой нет ни сена, ни соломы.

24 декабря. С великим трудом устроила маму в больницу. Когда попрощалась с ней и пошла домой, то из-за нахлынувших слёз не видела дороги. Каждый день пешком хожу за несколько километров в больницу проведывать маму».

Указание о составе контингента, подвергшегося последней предвоенной депортации, содержалось в проекте постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о мерах по изъятию контрреволюционных элементов в западных областях БССР, написанном 24 мая 1941 года. В нём постановлялось:

/Обязать органы НКВД и НКГБ БССР/ «арестовать и направить в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества» членов семей: участни-

ков польских националистических организаций, офицеров бывшей польской армии, бывших жандармов, полицейских, охранников и чиновников бывшего польского государства, бежавших за границу [105, с. 40].

Операция по заранее утверждённым планам и спискам была проведена в ночь с 19 на 20 июня 1941 года на всей территории Западной Беларуси и в основном завершилась к 15 часам 20 июня. Всего было погружено в вагоны и вывезено 24.412 человек. Из этого числа на Белостокскую область пришлось 11.905 человек, в том числе:

1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских к-р организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другого к-р элемента — 500 чел.

2. Выселено — 11405 душ. В том числе:

а) членов семей вышеуказанного нами арестованного контингента— 1519 душ;

б) членов семей, приговоренных к ВМН, — 516 душ;

в) членов семей, перешедших на нелегальное положение, — 2918 душ;

г) членов семей, бежавших за границу, — 3924 душ;

д) членов семей арестованных руководителей и активных членов к-р повстанческих организаций, находящихся под следствием, — 1372 душ;

е) членов семей репрессированных помещиков — 47 душ;

ж) членов семей репрессированных жандармов и полицейских — 231 душ;

з) купцов, фабрикантов, торговцев и членов их семей — 409 душ;

и) членов семей репрессированных крупных чиновников и офицеров быв. польской армии — 469 душ [81, с. 75].

Вспоминает бывшая жительница Волковыска Галина Кавецка (Колосовская), 1928 года рождения:

i

«Я 17 лет прожила в Волковыске. Мой отец был вице-бурмистром, и перед войной у нас имелось много земли. Когда пришли советы, отца объявили кулаком и начались наши гонения. Отца и мать арестовали сразу, но евреи и белорусы написали за них прошение и вскоре родителей выпустили. Однако отец каждую неделю должен был отмечаться в НКВД.

В 1941 г. перед началом русско-немецкой войны к нам в дом пришёл волковысский ксёндз-декан и сообщил отцу, что мир с немцами висит на волоске, предостерёг о намечающейся очередной вывозке людей в Сибирь, велев нашей семье скрываться. Мама отослала меня с сестрой к дяде в Хорошево, сама ушла к своей сестре, а отец стал ночевать у знакомых за городом. У нас в доме проживал москаль, капитан, который не знал, где мы находимся.

Последняя вывозка началась в пятницу 20 июня. Мама с сестрой, наблюдая, как вывозили людей, увидели в их числе семью Еченей, у которых ночевал отец. На счастье оказалось, что отец успел скрыться» [5].

Из дневника Вероники Тресенберг:

«20 июня 1941 г. Поезда длинные, длинные. Они плавно двигаются и тяжко сопят. Мы живём в таком месте, где поезда часто останавливаются. Сегодня поднялась рано утром и услышала, как идёт эшелон. Знаю, что это высылают людей в Сибирь. Быстро собралась, и через несколько минут стояла возле путей. Наверное, Бог смилостивился на наши молитвы и эшелон начал притормаживать, пока не остановился совсем. Длинный транспорт вёз бедных изгнанников из Белостока, Вельска и других городов.

Одна из депортируемых крестьянских семей

Люди помогали невольникам, как могли, так как ожидали, что завтра могут вывезти и их. Подала тридцать бутылок воды, но этого оказалось совсем мало — бедные люди в вагонах от жажды умирали. Подавая им воду, покалечила свои босые ноги об острые камни и ободрала руки о гвозди, выступающие из досок, которыми были заколочены окна вагонов. Кроме того, несколько раз получила прикладом винтовки по плечам от охранников НКВДистов. Вагоны были очень высокие, и подать бутылки с водой оказалось тяжело. Невольники ухитрялись просунуть руки через окно и жадно пытались схватить подаваемую им воду. Бедные люди так измучились от жажды, что выглядели жертвами, снятыми с креста. Но не один из них не терял веры и надежды» [13].

Вероника Тресенберг снова оказалась права в своих предчувствиях. Следующей ночью началась депортация людей из Волковыска. Из воспоминаний бывшего жителя Волковыска Збигнева Годзиша:

«3 часа ночи 21 июня 1941 г. Стук в двери и окна будит нашу семью. Мама открыла дверь. Вошли три солдата НКВД. Следует проверка документов, удостоверяющих личность. Назад их не возвращают. Один из НКВДистов зачитывает нам бумагу, из которой следует, что по постановлению Верховного Совета СССР мы переселяемся в другую область. Спрашиваем: «Куда?» На наш вопрос не ответил. Даёт нам время 20 минут на сборы. Ошеломлённые неожиданным известием, хватаем, что попадается под руку. Немного вещей вмещается в сумки, а остальные кладём в мешки. Это, прежде всего продовольствие, одежда и бельё.

Бабушка лежит тяжело больная в кровати. Её тоже хотят забрать. Один из солдат говорит: «Старуха и так подохнет! Не надо её брать!» Прощаемся с бабушкой и братом отца, который помог нам взобраться в машину. По дороге НКВДисты забирают другие семьи. Проезжаем последнюю улицу и въезжаем на товарную рампу железнодорожной станции Волковыск Центральный. Тут уже полно людей с торбами, а вокруг солдаты НКВД с наставленными винтовками. Товарные вагоны для скота уже стоят наготове. Окна в них зарешечены. Телефонная связь протянута под вагонами. На первом и последнем вагонах установлены пулемёты, а везде полно солдат с собаками. На тормозных площадках вагонов стоят охранники НКВД. Солдаты зачитывают фамилии и приказывают садиться в вагон. Нас набивается в вагон около 40 человек. Я залезаю на верхние нары и устраиваюсь возле зарешеченного окна.

Весть о вывозе людей быстро облетела город. На вокзал прибывают родные и знакомые выселяемых. Все стараются подать им пакеты с продовольствием или забытые при быстром сборе личные вещи. Однако охрана допускает к вагонам не всех. Нашему дяде удалось подать нам примус, миску и немного еды. В полдень солдаты закрывают вагоны. Становится жарко и душно. Родственников силою сгоняют с рампы солдаты НКВД» (106].

Вспоминает Станислава Езерская, бывший бухгалтер в городе Волковыске:

«За несколько месяцев до июня 1941 г. пошли слухи о новой массовой вывозке людей, которые подтвердились. 20 июня 1941 г. в 12 часов ночи кто-то постучал в окно. Сердце моё учащённо забилось — спрашиваю: «Кто?». В ответ спрашивают, где хозяин этого дома. Наконец в дом вламываются 4 вооружённых энкэвэдиста: сначала делают обыск, а потом зачитывают приказ о нашем выселении, давая на сборы один час времени. Сердце замерло, руки опустились. С помощью сестры, которой удалось из-за другой фамилии остаться, упаковали вещи.

В 5 часов утра мы уже были доставлены на железнодорожную станцию и помещены в товарный вагон: я, отец мужа и двое малых детей. На станции нас держали около двух суток, всё это время не выпуская из закрытых вагонов, и никому не позволяя к ним подходить и что-либо передавать. Однако часто людям удавалось достигнуть вагонных окон и просунуть в них еду или деньги. Прощание было трудным и невозможно его даже описать: почти полгорода собралось возле путей, плач и причитания заглушали стук колёс отъезжающего поезда.

Путешествие до места назначения продолжалось три недели. Состояние 30 человек, находившихся в вагоне, всё это время было ужасным: вагонов не открывали вовсе, стояла духота. На станциях нам не разрешали ни купить молока для детей, ни набрать воды. За все три недели получили 3 или 4 раза обед и 2 раза воду. Доставили нас в Новосибирскую область, где часть людей разместили по колхозам, а часть в посёлке Рыбинск, где распределили на работу» [5].

Вспоминает гражданин Польши Бенедикт Полубок, семья которого проживала на хуторе недалеко деревни Войдевичи Волковысского повета и тоже подверглась выселению:

«20 июня 1941 г., среди ночи, к нам на хутор приехали на подводах энкавэдисты и приказали всем членам семьи собираться. Отца в белье посадили за стол и не спускали с него глаз, а нам приказали

побыстрее собирать вещи с продовольствием и выносить на подводу. На станции в Мостах отца забрали от нас и увезли в лидскую тюрьму. С началом войны энкавэдисты не сумели вывезти заключённых и заминировали здание лидской тюрьмы, чтобы подорвать вместе со всеми узниками. В спешке минирование произвели плохо, и взрыв повредил только угол здания. Местные жители бросились спасать людей и выпустили избежавших смерти заключённых на волю. Отец вернулся в опустевший дом и жил там всё время один, пока я не возвратился с войны в 1946 г.

Мать и нас, четверо детей, после 32 дней пути высадили из вагонов возле самой монгольской границы. В 1943 г. меня, как старшего сына, мобилизовали в Войско Польское. Участвовал в боях на территории Польши и Германии. Когда возвратился домой, то отца не застал, так как он скрывался от советских властей, которые хотели его арестовать вновь» [7].

Намеченных к высылке людей не оставили в покое даже после начала войны. Вместо того, чтобы воевать с нацистами, военные арестовывали местных жителей. Выходит что те, кто отдавал такие приказы, опасались местного населения больше, чем немцев. Или же по инерции выполняли указания, полученные ещё перед войной. Но ведь для арестов нужно было задействовать не только военных, но и транспорт, в котором в это время остро нуждался фронт.

Одним из арестантов, которого 22 июня 1941 года втолкнули в вагон на станции в Волковыске, был будущий руководитель Польши генерал Войцех Ярузельский. В сентябре 1939 года его семья перебралась из центральных районов Польши в Западную Беларусь недалеко местечка Мстибово Волковысского повета, где почти два года жила в бывшем имении Чернышевского.

22 июня, с началом войны, многие эшелоны с высылаемыми подверглись в пути бомбардировке немецкими самолётами. Вспоминает один из «пассажиров» такого эшелона гражданин Польши Виктор Козловский, бывший учитель средней школы. Как неблагонадёжного, его вместе с женой и дочерью, высылали из родных мест. Утро 22 июня застало их эшелон на станции Волковыск, которую недавно бомбили:

«Вокзал дымил вовсю, но людей не было видно. Я всё надеялся и ожидал чуда. Вскоре развиднело совсем. Близкое шоссе забили колонны военных. По обочине шла людская колонна из женщин и мужчин с узлами в руках или за плечами. Наверное,это были уз-

ники. Отдаляющуюся людскую колонну, построенную в шеренги по четыре человека, по бокам сторожили вооружённая охрана с собаками. Неизвестно, какая судьба ожидала узников, так как их повернули не в сторону станции, а в противоположную сторону по направлению к виднеющемуся лесу» [107].

Узники, которых видели люди из этого эшелона, были из волковысской тюрьмы. В своём исследовании о тюрьмах Западной Беларуси на момент начала войны польский историк Криштоф Попиньский пишет следующее:

> «По архивным данным на 10 июня 1941 г. втюрьме Волковыска, рассчитанной на 150 человек, содержалось 313 узников, а к 22 июня число узников в тюрьме увеличилось почти на 200 человек. По свидетельству местных жителей перед эвакуацией тюрьмы в ней было расстреляно, по меньшей мере, 7 узников. Начальник тюрьмы по фамилии Ладугин сбежал на восток» [108, с. 107].

Житель Волковыска Чеслав Ружанский рассказал автору этих строк, что в день прихода немцев он сам видел во дворе «красной тюрьмы» несколько расстрелянных узников, у которых руки за спиной были связаны колючей проволокой.

К. Попиньский приводит документ, согласно которому начальник волковысской тюрьмы Ладугин вечером 22 июня по телефону информировал своё руководство о приближении немецких войск. Ему было дано указание выводить узников в пешей колонне. В 23 часа он вновь сообщил по телефону, что отправил узников вместе со всем персоналом по направлению к Барановичам [108, с. 115].

Однако Попиньский приводит ещё один документ об эвакуации узников волковысской тюрьмы, сообщающий, что узников вывели из тюрьмы позже:

> «23 июня НКВД приняло решение эвакуировать из Волковыска по железной дороге около 500 человек заключённых. Во время марша с тюрьмы до станции колонна была атакована немецкими самолётами, лётчики которых приняли их за военных. Благодаря минутному замешательству охраны, часть узников разбежалась» [108, с. 20].

Этот факт подтверждают воспоминания гражданина Польши, бывшего жителя хутора Вишневка Изабелинской гмины Волковысского повета Станислава Лашкевича:

«23 июня 1941 г., в понедельник после обеда, из обеих тюрем Волковыска вывели заключённых и под охраной сотрудников НКВД повели к станции Волковыск Центральный. Налетели немецкие самолёты и, увидев бредущую колонну, начали стрелять по ней из пулемётов. Узники стали разбегаться, а охрана открыла по ним огонь из оружия. В первой четвёрке шёл Казимир Стойкий, который получил очередь из автомата в грудь. Чеслав Батко, бывший начальник счётного отдела Волковысского повета, сумел спрятаться во ржи. Домой вернулся только после прихода немцев. Его жену с двумя дочерьми Алиной и Софьей выслали в Казахстан» [7].

Но всё это происходило 23 июня. Кого же тогда видели 22 июня из закрытых вагонов депортируемые жители? И почему их повели не в сторону станции, а в лес? Рассказывает бывший житель деревни Войдевичи, Волковысского повета, а ныне житель Волковыска, Владислав Камельянович Ухналевич, 1925 года рождения:

«Перед самой войной в Волковыске прокатилась волна арестов. Семьи репрессированных должны были под утро 22 июня посадить в вагоны и отправить на восток. Начавшаяся война поломала все планы энкавэдистов.

Арестовали и семью Карпиченко, проживавших неподалёку от городского костёла. Арестовали за то, что при Польше Пётр Карпиченко работал в магистрате каким-то чиновником.

22 июня их доставили на станцию Волковыск Центральный и вместе с другими семьями затолкали в товарный вагон. В семье Карпиченко имелось трое детей — две дочери и сын. Вскоре двери вагона распахнулись и энкавэдисты приказали выйти наружу всем взрослым мужчинам. После этого двери захлопнулись и мужчин под охраной повели в ближайший лес. Выбрав глухое место в сосновом бору, узников расстреляли, а тела их оставили непогребёнными. Видимо, охрана спешила поскорее покинуть Волковыск.

Тяжелораненый Пётр Карпиченко сумел выбраться из-под трупов и добраться до людей. После прихода немцев лечился в больнице, где за ним ухаживал его родной брат Павел, мой будущий тесть. После изгнания немцев и прихода вторых Советов, Пётр Карпиченко, как опасный свидетель, вновь был арестован и выслан в Сибирь, где след его пропал. Ирина Карпиченко, его жена, выжила в ссылке, и после войны вместе с детьми выехала в Польшу. А об её муже с тех пор ни слуху, ни духу» [6].

Таким образом, рядом с Волковыском в земле лежат жертвы советских репрессий, о которых большинство из нас даже не догады-

валось. После войны вернувшиеся палачи постарались скрыть следы своих преступлений, что им вполне удалось. Может быть, со временем тайное захоронение удастся обнаружить.

Однако это не единственные жертвы НКВД. После изгнания немцев уничтожение «врагов советской власти» продолжалось. Теперь они гибли в лагере, созданном на том самом месте, где в годы войны находился лагерь советских военнопленных. Их расстреливали и за стенами тюрьмы по Советской улице, а трупы, осо- не скрывая, хоронили в безымянных могилах на окраине соседнего православного кладбища.

Жертвы депортации

Какова же судьба узников волковысской тюрьмы? Из докладной записки заместителя начальника тюремного управления НКВД БССР лейтенанта госбезопасности Опалева об эвакуации тюрем НКВД БССР начальнику тюремного управления НКВД СССР майору госбезопасности Никольскому (военно-исторический архив, г. Москва) следует:

> «Начальники тюрем г. Слоним Сокоушин и тюрьмы г. Волковыск Ладугин из Белоруссии сбежали. О судьбе личного состава и заключённых тюремному управлению ничего не известно. Причём Сокоушин присвоил денежные суммы тюрьмы, а ценности заключённых раздал надзирателям. О его злоупотреблениях было сообщено начальнику Особой инспекции НКВД БССР» [Ю9|.

А вот что далее происходило с депортируемыми людьми. Из воспоминаний Виктора Козловского, эшелон которого отправился на восток со станции Волковыск 22 июня:

> «А нас везли всё дальше и дальше, без воды для питья, без доступа свежего воздуха, среди вони от битком набитых людей и от остатков еды, которые издавали различные запахи. Доехали до Зельвы. Перед мостом через реку Зельвянка рельсы делали поворот,

и тогда я увидел весь наш эшелон. Он состоял из 40 товарных вагонов с забитыми окнами. Считая в среднем по 80 человек в вагоне, в нём насчитывалось более трёх тысяч человек. Возле самого моста на эшелон налетели немецкие самолёты. Следуя друг за другом, начали бросать бомбы. На бомбёжку заходили несколько раз, одновременно стреляя из пулемётов. В это время поезд остановился, и вся охрана побежала прятаться в росшую неподалёку рожь. Люди всё это наблюдали через щели в вагонах. Когда пули застучали о крышу вагона, все приготовились к смерти. Прижавшись втроём друг к другу, накрыли головы подушкой и ждали попадания бомбы.

Не всем суждено было выжить после такого налёта. Много погибло под пулемётным огнём и бомбами, а те, кто пробовали убегать из разбитых вагонов, были застрелены засевшими во ржи охранниками.

(Напрашивается вопрос: «Так кто из убийц безоружных людей был подлее и безжалостнее?» Если немецкие лётчики обстреливали и бомбили, не ведая, кто в вагонах, то охранники НКВД заведомо знали, в кого они стреляли. — *Н.Б.)*

Через пару часов транспорт сформировали снова. Уничтоженные вагоны скинули на обочину, а убитых закопали во рву возле путей. В последующие дни без медицинской помощи умирали раненые, отмечая пройденный эшелоном путь безымянными могилами. За Зельвой немецкие самолёты пролетали высоко над нами, минуя нас. Только ночью начался настоящий ад.

Эшелоны продвигались на восток медленно, один за другим, как бы выходя на какой-то парад. На крышах и буферах нашего поезда полно было советских беженцев. Те, что не могли зацепиться в эшелонах, шли по обе стороны путей с торбами, узлами, чемоданами, часто неся малых детей на руках. Этих советских людей прислали на западную территорию вслед за Красной армией в 1939 г., и сейчас они удирали от немцев. Все желали как можно быстрей вернуться обратно до матушки России, натешившись жизнью в Западной Беларуси.

Такое столпотворение поездов было заманчивой целью для немецких самолётов. Днём самолёты-разведчики определяли места скопления. Светлое время бомбардировщики использовали для более срочной работы, а ночью наступала очередь эшелонов. Звук бомб, крики людей, призывы о помощи слышали несколько ночей. Никто ие надеялся выбраться живым из такого пекла. Разбитые вагоны, скинутые с помощью жердей с рельс, лежали вдоль путей колёсами вверх и на боку, а с окон и дверей виднелись руки, ноги и

головы мёртвых, но из уцелевших вагонов формировали новые составы и они двигались к станции Столбцы.

На этой, когда-то польской приграничной станции, наш эшелон задержался дольше. В вагоны доставили свежий хлеб и разрешили двум человекам из каждого вагона под охраной сходить к водокачке за водой. Носили вёдрами, банками, у кого что было, только чтобы успеть напоить жаждущих людей, которые не видели её двое суток. За Столбцами немецкие самолёты показывались часто, а советских так мы и не видели» [107].

Эта последняя депортация жителей Западной Беларуси и Западной Украины на самом деле планировалась как очередная. Последующим депортациям помешала начавшаяся война, которая в свою очередь вызвала депортации целых народов: поволжских немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, кабардинцев и балкарцев, крымских татар, месхетинских турок. Но это уже другая история.

22

В ССЫЛКЕ ИХ ЖДАЛИ ГОЛОД И СМЕРТЬ.

В какие места высылали наших земляков, и что с ними там происходило? Обычно людей привозили в необжитые места, оставляя там без всякой помощи.

Вспоминает бывший житель Волковыска Эдвард Сетко-Серкевич:

«Перед началом войны в 1939 г. я работал в качестве практиканта лесного хозяйства в Главном лесничестве Бяла (Беловежская Пуща), в 18 километрах от г. Хайнувки и на таком же расстоянии от г. Беловежа. По административной принадлежности главное лесничество относилось к повету Бельск Подляска Белостокского воеводства.

В феврале 1940 г. прошла первая депортация в Сибирь. На наш лесной кордон ночью явились энкэвэдисты и приказали собираться лесничему и его жене. Сам я ночевал в другом доме, где жил объездчик с семьёй. Я быстро оделся и побежал на станцию, чтобы уехать в Волковыск, где жили родители. Вот так я избежал первой депортации, но вместе с семьёй попал в третью по счёту, — 20 июня 1941 г., накануне начала войны между немцами и русскими.

В Волковыске я работал в «Райтранспите» в должности бухгалтера, до самого дня, когда был депортирован с родителями и сестрой в посёлок Рыбинск, Верхне-Кетского района Новосибирской

области. В этом посёлке находился механизированный лесопункт. Здесь нас, и молодых, и пожилых послали валить лес и весной сплавлять его по притоку Оби реке Кеть в Колпашево. Там брёвна вылавливали, строили из них плоты и отправляли в Томск, где была железная дорога и лесопильные заводы.

Нас погрузили в товарные вагоны, по сорок-пятьдесят человек в каждом. Девяносто вагонов тянули два паровоза. Всё зарешечено, никакого туалета, даже самого примитивного, только двойные нары из досок по обе стороны от входа, вторые двери заколочены и в них проделана дыра взамен туалета.

Везли нас три недели, за всё время только два раза принесли обед — в Куйбышеве и Новосибирске. Каждый день по два ведра воды. Это на завтрак, а умыться нечем. Нам сказали так: «Приедете — тогда умоетесь».

Нас выгрузили в посёлке Белый Яр (на реке Кеть), а потом перевезли на лодках в посёлок Рыбинск и на другой день послали всех до единого на работу. Только пожилых, старше шестидесяти лет, не заставляли работать, а детей, начиная с тринадцати лет, не говоря о шестнадцатилетних, гнали на лесоповал. Конечно, детей ставили на вспомогательные работы. Нам объявили, что мы являемся ссыльными и без разрешения нам никуда уезжать нельзя. Документы у нас отобрали. Так действовало НКВД, чтобы не оставлять никаких следов. И мы половину июля, август и часть сентября работали в качестве бессрочных ссыльных.

В сентябре (1941 г. — *Ред.)* приехал представитель польского посольства из Куйбышева вместе с начальником местного НКВД. Всех поляков созвали на собрание. Доверенным лицом стал пан Швойницки, 65-летний пенсионер-железнодорожник, а я стал его заместителем на Верхне-Кетский район. Там нас было около полутора тысяч поляков и небольшое число украинцев из предыдущих депортаций» [110, с. 5-12].

Позже находившегося в ссылке Эдварда Сетко-Серкевича по сфабрикованному энкэвэдистами обвинению арестовали и осудили. Освободился он только в конце 1955 года.

Красноречивый пример мучений в ссылке наших земляков — судьба семьи лесника Шарук, высланной в феврале 1940 года из деревни Бискупцы Волковысского района. Рассказывает Ольга Петровна Козлова (Шарук):

«Из Волковыска ехали в холодных, неотапливаемых вагонах. Не доезжая Барановичей, поезд остановился на высокой насыпи. Охрана открыла вагоны и разрешила выйти оправиться. Я перед

этим сговорилась с тремя хлопцами о побеге. Как только нас выпустили на улицу, мы скатились по крутому снежному откосу вниз и притаились, ожидая, пока тронется поезд. Но когда все влезли в вагоны, то ответственные за вагоны конвойные проверили людей по списку. Обнаружили из нашего вагона пропажу троих человек. Объявили, что поезд не тронется, пока беглецы не вернутся. Иначе расстреляют их семьи. Пришлось вставать и лезть по откосу наверх в свой вагон. В Барановичах во всех вагонах охрана приказала сделать дырки в полу для отправления естественных надобностей и всю дорогу наружу никого больше не выпускали. Даже не интересовались, живой ты или нет.

За время пути до Архангельска в нашем вагоне никто не умер. Кормили в дороге один раз в сутки. В Архангельской области разгрузили среди тайги. Здесь нас ожидали пустые бараки, в которых до этого жили вывезенные с Дона казаки. Тех из них, кто сумел выжить, переправили в другие места. Сразу после размещения всех взрослых отправили валить лес. Мои отец с матерью пилили деревья, а я топором обрубала сучья и ветки. Отец жалел меня, не зная, что предпринять, ведь мне ешё не было 17 лет. Наконец, пошёл в управление и соврал, сказав, что меня записали неправильно — на два года старше. Там то ли поверили, то ли пожалели, но переписали мой год и освободили от непосильной работы. Я начала ходить в школу, куда ходили меньшие дети. Хотя русского языка не знала, но мне всё давалось легко.

Кушать давали баланду, изготовленную из сушёной рыбы с картошкой и добавлением муки. Получали на каждую семью отдельно. По литру на человека. Чтобы обмануть голодный желудок, добавляли в обшую пайку столько же кипяченой воды. Сюда же кидали красный перец в виде порошка, которого здесь каким-то образом оказался большой запас. Баланду давали два раза на день — утром перед работой и вечером после работы. Получали и хлеб. Тем, кто работал в лесу, давали по 400 граммов, остальным — по 200. Хлебную пайку полностью получали утром. Отец нас уговаривал:

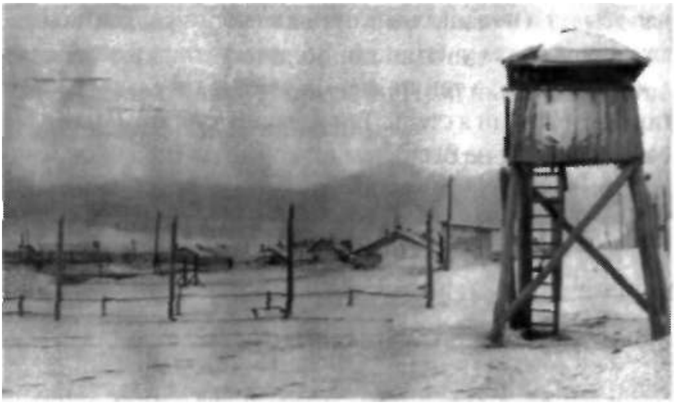
— Детки! Не ешьте весь хлеб сразу! Оставьте на вечер!

Я была шустрая девка. У нас на территории лагеря имелась конюшня, где иногда случался падёж коней, и конюх загодя убивал доходягу, чтобы мясо употребить в пищу. Выпрашивала у конюха это мясо — всё добавка к рациону. Правда, мясо приходилось варить целый день, однако конское мясо нас и спасало от смерти.

Зимой 1941/1942 г.г., когда уже шла война, нас погрузили в эшелон и повезли в Казахстан на работу в колхозы. Из-за войны там сказалась нехватка рабочих рук. Где-то через сутки езды поезд оста-

новился на каком-то глухом разъезде. Вблизи не было никакого жилья. Машинисту объявили, что дальше поезд не пойдёт. Назад тоже не пускали. Так мы среди тайги очутились в блокаде. Охраны на этот раз с нами не было, но бежать некуда — замёрзнешь. В нашем вагоне находилось 42 человека. В вагонах стояли чугунные печки, и мужчины ходили в лес по дрова. Воду добывали, растапливая снег. Запаса еды в дорогу нам не выдали, поэтому сразу же начали голодать. Так без еды простояли 11 дней. Люди начали умирать. Под конец все с трудом передвигались.

Через 11 дней на соседнем пути остановился военный эшелон, в котором вместе с солдатами везли лошадей. Воинский эшелон простоял целые сутки. Военные ничего из еды нам не дали. Солдаты вычищали из-под лошадей навоз. Вместе с ним на снег выкидывали просыпанный овёс. Люди собирали этот овёс по зёрнышку. Я его лущила от шелухи, а моя младшая сестра насобирала целую горсть и съела вместе с шелухой.

Так выглядели советские лагеря

(Куда же подевалась хвалёная гуманность советского солдата? Даже если эти люди были для них «врагами народа», то при чём здесь дети? Не накормить умирающих детей — преступление. Мяса одной зарезанной лошади хватило бы, чтобы спасти сотню человеческих жизней. Но лошадь в Красной армии ценилась дороже людей. Зато потом, в Берлине, воздвигнут памятник советскому солдату со спасённой немецкой девочкой на руках. — *Н.Б.)*

Умерших на разъезде людей начальство нашего эшелона выносить из вагонов не разрешило. Им трупы были нужны для отчётности. Показать, что никто не убежал. После того, как уехал воинский эшелон, нас, так и не покормив, повезли дальше. Мы же не знали,

сколько придётся ещё ехать и, боясь разложения трупов и эпидемии, выбрасывали мёртвые тела своих родных на ходу поезда. Так голодные ехали ещё несколько суток до самого Челябинска. По пути в Челябинск в нашем вагоне от голода умерло 22 человека. Больше половины. Такая же смертность была и в других вагонах. В Челябинске полумёртвых отца с сестрой выносили из вагона, как и многих других, на носилках. Я выпрыгнула, чтобы последовать за ними в больницу. Ноги мои от слабости подкосились, и моё тело повалилось плашмя на ледяную землю. При ударе разбила в кровь лицо. Мужчины подняли меня и внесли обратно в вагон.

Так я больше никогда не увидела своих родных. Скорее всего, они умерли в больнице Челябинска. Но сколько потом ни писала туда, мне даже не ответили. До сих пор не знаю, где похоронены отец с сестрой.

Когда привезли в Казахстан, мы не могли выйти без посторонней помощи из вагонов, до того все обессилели. Со станции в колхоз нас везли на подводах, и в пути я отморозила два пальца на ноге. В колхозе работала учётчицей. Во время уборки зерновых принимала хлеб на току, а так на ферме учитывала молоко. На зимовку скотину отправляли в степь. Там я варила кушать. Вскоре всех коров порезали, так как не было чем их кормить. В колхозе жили в примитивных домиках по две семьи. Здесь тоже голодали. Летом по степи искали норки сусликов и лили в них воду. Зверьки выскакивали оттуда, а мы их ловили и убивали на мясо.

Когда освободили Беларусь, пошла к председателю колхоза просить документы на выезд. Он предлагал остаться, так как не хватало работников. Одни малые и старые в колхозе остались. Всех мужчин, способных носить оружие, забрали на войну. Уговорил меня. Уехала уже после уборки, зимой. Вернулась домой в декабре 1944 г. вместе с мачехой и её двумя детьми.

В Бискупцах вышла замуж и доживаю свой век. До сих пор передо мной никто не извинился за то, что пришлось пережить по вине советской власти. Когда нашу семью насильно вывозили, в доме оставались две коровы, пара свиней, пять овечек, куры и много разного имущества. Советская власть всё прибрала. Отдавать же долги эта власть не хочет. Никто ни о какой компенсации и не заикался» [6].

Ольга Петровна Козлова умерла в 2003 году, так и не дождавшись ни извинения за свои страдания, ни компенсации за отнятое имущество.

По подсчётам беларуского историка Александра Хацкевича, с октября 1939 по 20 июня 1941 года в западных областях Беларуси было репрессировано свыше 125 тысяч человек. Из них депортировано более 120 тысяч. Это без учета военнопленных польской армии [81, с. 75—76]. Однако, надо полагать, это не точные цифры.

Условия транспортировки высылаемых людей во время дальней дороги были ужасными. Депортированные находились в антисанитарных условиях, ощущали острую потребность в пище и медицинской помощи. Поэтому многие из них не доехали до конечных станций. В служебной записке Берии на имя Сталина от 1 мая 1944 года отмечалось, что в процессе довоенной депортации поляков в восточные районы страны умерли 11.516 человек. Причины не указывались. Как и проценты от общего количества вывезенных [111, с. 51].

Советская власть и её репрессивные органы в Западной Беларуси за неполных два года натворили столько зла, что когда сюда пришли новые оккупанты (гитлеровцы), поляки поначалу радовались тому, что наконец прекратились репрессии. Немецкое начальство с удовлетворением докладывало в Берлин:

Ссыльные женщины на валке леса

«Польская часть местного населения оказывает содействие казням, проводимым полицией безопасности, донося, где находятся еврейские, русские и польские большевики» [111, с. 271].

Впрочем, скоро поляки поняли, что нацизм и коммунизм одного поля ягоды. Как говорят в народе, хрен редьки не слаще.

Когда после начала войны для Сталина и его подручных наступили тяжёлые времена, под угрозой оказалось само существование СССР, Президиум Верховного Совета СССР 12 августа 1941 года принял указ об амнистии «всех польских граждан, содержащихся ныне в заключение на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях».

Теперь поляки понадобились Сталину в качестве союзников в борьбе против общего нового врага — германского нацизма.

Кто же, кроме высшего большевистского руководства во главе со Сталиным, творил злодеяния в отношении неповинных людей? Почему-то принято считать, что непосредственные исполнители террора лишь выполняли приказы «сверху» и потому не виноваты. Но ведь нацистским преступникам никакого снисхождения в связи

Здание волковысского староства, где разместился НКВД.
23 июня 1941 года здесь от немецкой бомбы погибло много чекистов

«исполнением приказов» никто не давал. Вот и выходит, что и в ССР после XX съезда партии, осудившего пресловутый «культ личности Сталина» (1956 г.) и в новой, якобы демократической России существовал и продолжает существовать двойной стандарт. Нацисты (служащие гестапо, СД, зондеркоманд) — преступники, коммунисты (служащие НКВД и МГБ) — ни в чем не виноваты.

Для осуществления массового террора в огромной стране советскому партийному руководству требовалась целая армия исполнителей, требовались палачи и садисты, которых в нормальной стране изолировали бы от общества. Во всяком случае, их и близко не подпустили бы к службе в органах государственной безопасности, следствия, в местах лишения свбоды. При большевиках они, наоборот, получили широкие возможности для применения своих преступных склонностей. Уничтожение большевиками «тормозов» традиционной морали и религии позволило выплеснуться наружу всему сатанинскому, что до поры дремало в потаенных уголках их душ. Да и в «верхах» большевистской власти смогли удержаться лишь те, кто давно утратил (а может быть, никогда не имел) моральных устоев. Честных, порядочных и совестливых людей эта власть не терпела и избавлялась от них.

Ещё Ленин внушал своим последователям: «Нравственно всё, что служит делу победы коммунизма». Его установка стала путеводной для всех поколений большевиков (или коммунистов, как они любили называть сами себя). А Гитлер поучал соратников и подчинённых: «Я освобождаю вас от химеры, называемой совестью». Разве смысл не один и тот же?!

Вообше при всякой диктатуре главным назначением спецслужб является защита главного диктатора и сохранение его режима, используя с этой целью террор против своего народа. Ниже приводятся данные о некоторых энкавэдистах, служивших в 1939—1941 г.г. в Волковыске. Все они прямо причастны к массовым репрессиям в Волковысском районе в предвоенный период, все они — преступники:

Тарасов Михаил Петрович, заместитель начальника горотдела НКВД, 1900 г. рождения, русский, образование среднее техническое. В органах НКВД с 1938 г.

Дегтерев Прохор Андреевич, начальник 2-го отделения НКВД, 1915 г. рождения, русский, образование среднее. В органах НКВД с 1939 г.

Чернонебов Николай Васильевич, начальник экономического отдела НКВД, 1903 г. рождения, русский, образование низшее.

Русев Аркадий Андреевич, начальник следственного отдела горотдела НКВД, 1912 г. рождения, образование среднее, в органах НКВД с 1939 г.

Пилюгин Федор Сергеевич, начальник 3-го отделения горотдела НКВД, 1911 г. рождения, русский, образование высшее.

Басоргин Иван Семенович, следователь НКВД, 1908 г. рождения, русский, образование среднее.

Бараненко Михаил Петрович, старший оперуполномоченный НКВД, 1908 г. рождения, украинец, образование низшее.

Васильев Григорий Владимирович, оперуполномоченный НКВД, 1917 г. рождения, русский, образование среднее [29, с. 215].

Долинский Михаил Иванович, оперуполномоченный НКВД, 1918 г. рождения, русский, образование среднее.

Криков Александр Сергеевич, оперуполномоченный НКВД, 1915 г. рождения, русский, образование среднее.

Логинов Павел Дмитриевич, старший оперуполномоченный НКВД, 1914 г. рождения, русский, образование высшее.

Орилин Павел Андреевич, оперуполномоченный НКВД, 1914 г. рождения, русский, образование среднее.

Руденко Иван Андреевич, младший следователь НКВД, 1916 г. рождения, украинец, образование низшее.

Судник Тихон Тимофеевич, оперуполномоченный НКВД, 1911г. р., беларус, образование низшее [48, с. 307].

Всего здесь названы 14 чекистов. Это не все, но кое-какие выводы сделать можно. По национальности — 11 русских (78,5 %), двое украинцев, один беларус. По уровню образования — двое, с высшим, семеро со средним, пятеро с низшим.

Многих из них на второй день войны настигла смерть, когда немецкая бомба прямым попаданием в здание НКВД погубила около 40 «чекистов», собравшихся на совещание. Как не подумать, что это была Божья кара?!

ИСТОЧНИКИ:

1. Туронак Ю. Мадэрная псторыя Беларуси В1пьня, 2006.
2. В Западной Белоруссии. Газета «Часовой» № 246 (5 декабря 1939 г.). Интернет сайт http://dtzkyyy.livejournal.com/16490.html
3. Bzowski Z. J. Notatki konnego strzelca. Pax, 1981.
4. Стариков Н.В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. СПб., 2008.
5. Архив центра «Капа» в Варшаве.
6. Архив автора, жителя города Волковыск Николая Быховцева.
7. Архив Витольда Карпызы в музее города Гожув Велькопольский (Польша).
8. Stach W. Lata wojny i okupacji (1939-1944). Рукопись. Архив В. Карпызы.
9. www.shtetinks.jewishgen.org/svisloch/index.htm. Emanuel Goldberg. SVISLOCH UNDER SOVIET RULE, 1939-1941. Toronto, 1983.
10. Albin Horba. Wspomnienia. Archiwum Archidiecezjalne w Biatymstoku.
11. http://pomorski.regiopedia.pl/wiki/wrzesien-1939-czerwiec-1941-fragment-wspomnien-jana wilenca.
12. Chustecki J. Bylem sottysem w latach okupacji. VN&rszawa, I960.
13. Дневник Вероники Тресенберг. 1939—1942 г.г. Копия в архиве автора.
14. Млечин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004.
15. Гродненшина накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939—1945 гг.). По документам гродненских архивов. Гродно, 2005.
16. История Второй мировой войны 1939-1945. Том 3. М., 1974.
17. PamiQtniki polak6w na wschodzie. T 2. Warszawa, 2006.
18. Bisping A. Nasze Massalany. Warszawa, 1992.
19. Cygan W. Kresy w ogniu. Wojna polsko-sowiecka 1939. Warszawa, 1990.
20. Чарныш А. Вызваленне. Архив Военно-исторического музея. Волковыск.
21. Wierzbicki M. Polacy i iydzi w zaborze sowieckim. Warszawa, 2007.
22. Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2004.
23. Dziennik dzialan bojowych frontu Biatoruskiego we wrzesniu 1939 roku. Warszawa, 1998.
24. Grzelak C Wrzesieh 1939 na Kresach. Warszawa, 1999.
25. Babinski S. Wspomnienia z gimnazjum im. Romualda Trauguta w Swistoczy. Архив В. Карпызы.
26. Военно-исторический интернет-сайт www.militera.lib.ru.
27. Военно-исторический интернет-сайт www. hrono. Ru.
28. Zachodnia Biaiorus" 17.9.1939.-22.6.1944. Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. Warszawa, 1998.
29. Беларуская нацыя: уз'яднанне. Верасень 1939 г. — чэрвень 1941 г. Зборн1к дакументау і матэрыялау. Мшск, 2004.
30. Кшга «Памяць». Зэльвенсю раён. Мшск, 2003.

31. Silwanowicz S. Polski ruch opora w Wtfkowysku i okolicach w latach 1939-1941 // Kresowe stanice, 2001, № 3.
32. «Ты з заходняй, я з усходняй нашай Беларусь..». Верасень 1939 г. — 1956 г. Дакументы і матэрыялы. Кипа 1. Верасень 1939 г. — 1941 г.
33. ГАООГО. Ф. 6195. О. 1. Д. 12.
34. Петровская О.В. Деятельность Красной армии среди населения Западной Белоруссии в 1939-1941 г.г. // Западная Беларусь и Западная Украина в 1939—1941 г.г.: люди, события и документы. Сборник. СПб., 2011.
35. Назаусёды разам. Мшск, 1999.
36. Татаренко А. Недозволенная память. Западная Беларусь в документах и фактах: 1921 -1950-е годы. // http://hetman.by/article/l853#attachments
37. Шайдицкий. На службе Отечества. Сан-Франциско, 1963.
38. Свиридович С. Время далекое, время близкое. // Газета «Знамя Октября». 29 июня 1939.
39. Домашний архив жителя города Волковыск Вячеслава Качука.
40. Задаля В. Ваукавысю варыянт. Гродна, 2001.
41. Карпюк А. Развгганне з шкшямь Гародня-Вроцлау, 2008.
42. Polacy — Zydzi — Bialorusini — Litwini na рбгпоспо wschodnihc ziemiach Polski a wladza Radziecka (1939-1944). /Red. M. Gnatowski, D. Bockowskl/. Bialystok, 2005.
43. ГАООГО. Ф. 15.0. 50. Д. 5.
44. Токць С. Аргашзацыя савецкай уладай аптацыйна-прапагандысцкай работы у Беластоцкай вобласщ у" 1939-1941 г.г. // Bialoruskie Zeszyty Historyczne, № 13, Bialystok, 2000.
45. Okupacja sowiecka na Bialostocczyznie 1939-1941: propaganda i indoktrynacja. Biatystok, 2001.
46. ГАООГО. Ф. 6195. On. 1. Д. 92.
47. Данилов И. Записки западного белоруса. Минск, 2007.
48. ГАООГО. Ф. 15. Оп. 50. Д. 3.
49. Трофимчик А. Политика по реорганизации школы и антисоветские настроения в ней на территории, присоединённой в 1939—1949 г.г. к БССР. // Bialor6skie Zeszyty Historyczne, № 27, 2007.
50. Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Том 2. 1928-1941 г.г.
51. ГАООГО. Ф. 6195. Оп.1. Д. 399.
52. ГАООГО. Ф. 6195. Оп.1. Д. 11.
53. Шенталинский В. Расстрельные ночи. // Журнал «Звезда», 2007, № 4.
54. Sleszyriski W. Wiadze szkolne i kadra pedagogiczna w sowieckim modelu os\viaty... //Bialor6skie Zeszyty Historyczne. № 16, 2001.
55. Яцкев1ч С. Пагптыка савецюх улад адносна нацыянальнага школьнщтва У Заходняй Беларуа 5* 1939—1941 г.г. // Bialor6skie Zeszyty Historyczne, № 14, 2000.
56. ГАООГО. Ф. 15. On. 50. Д. 6

57. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 769
58. ГАООГО. Ф. 15. Оп. 50. Д. 4
59. Кшга «Памяць». Ваукавысю раён. Шнек, 2004
60. ГАООГО. Ф. 6195. Оп.1. Д. **132**
61. Gnatowski M. Sowietyzacja i rusyfikacja polnocno-wschodnich ziem 2-j Rzeczypospolitej (1939-1941). Biarystok, 2003.
62. Псторыя Беларусь Том 5. Мшск, 2006.
63. ГАООГО. Ф. 15. Оп. 50. Д. 7.
64. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 8.
65. ГАООГО. Ф. 15. Оп. 50. Д. 10.
66. ГАООГО. Ф. 15. Оп. 50. Д. 11.
67. Осокина Е.А. Кризис снабжения 1939—1941 гг. в письмах советских людей. // Интернет-сайт www.fedy-diary.ru/?p=2496
68. Газета «Заря», 1940, № 1.
69. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 88.
70. НайдзюкЯ. Беларусь учора і сёння. Менск, 1993.
71. Летопись Хорошевичской церкви. Копия в архиве автора.
72. Кузняцоу І. Палггычныя рэпрзеи у" Беларуа у 1939-1941 гадах // Bialor6skie Zeszyty Historyczne, № 13, 2000.
73. Пакаленне вайны. Беласток, 2003.
74. Газета «Заря», 1940, № 43.
75. http://www.iremember.ru/index.php7searchword
76. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 88.
77. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 13.
78. Посох Л. Наш исторический выбор / «Знамя Октября». 16 сентября 1989 г.
79. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 6.
80. ГАООГО. Ф. 15. Оп.50. Д. 14.
81. Хацкев1ч А. Арышты і дэпартацьн у заходшх абласцях Беларуи (1939-1941гг.) // Беларуси пстарычны часогпс, 1994, № 2.
82. Erlich B. Zydowskie dziecko \terszawy. >№rnszawa, 2006.
83. Poczobut A. A donosiciel prosit o wybaczenie // Magazyn Polski, 2006, № 6.
84. Иоффе Э.Г Страницы истории евреев Беларуси. Минск, 1996.
85. ГАООГО. Ф. 15. Оп. 50. Д. 8.
86. Милиция Гродненщины. Страницы истории. Гродно, 2002.
87. ГАООГО. Ф. 15. Оп. 50. Д. 9
88. http://www.ipn.gov.p1/portal/pl/758/l2449/BORZYM_Wladyslaw.htmlArchiwum Kurii Metropolitalnej w Krakowie.
89. Jasiewicz K. Zaglada polskich Kresow. Vferszawa, 1997.
90. Filipowicz M. Zbrodniaw Zelwie. Instytut pami^ci narodowej, biuletyn NR 12(47),gradziert2004.
91. Польское подполье на территории Западной Беларуси и Западной Украины 1939-1941 г.г. Варшава-Москва. 2001.

92. Xaiuceein A. Арышты і дэпартацып у заходшх abласцях Беларус1 (1939—1941 гг.) // Беларуси пстарычны 4aconic, 1994, № 1.
93. СандаловЛ.М. Пережитое. Москва, 1966.
94. http://nowogrodczyzna.com/zyciorys.htm
95. Депортация польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Warszawa-Москва, 2003.
96. Wilk Z. Osadnicy wojskowi w ziemi Warkowyskiej //Goniec Kresowy, 1995, № 1.
97. Карпюк А. Не буду гаварыць за палякау. / Газета «Наша слова», 1993, №28.
98. ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 93.
99. «Wczerdziestym nas z Matko na Sibir zeslali». Polska a Rosja 1939-42. Res-Publika, 1989.
100. ГАООГО. Ф. 6195. On. 1. Д. 94.
101. Паулау Я. Драматичны лес польскк асаднкау // «Беларуская мшуушчына», 1994, №4.
102. Deportacje polakdw z polnocno-wschodnich ziem... Warszawa, 2001.
103. Gnatowski M. Niepokorna Biarostocczyzna. Biarystok, 2001.
104. Сноп С. Асабл1васщ дзейнаси1 судовых органа^ СССР на тэрыторьй Заходней Беларуа у 1939-1941 г.г. // Bialoruskie Zeszyty Historyczne, № 13, 2000.
105. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956). /Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин/. Москва, 2008.
106. Nasz KoSciol, Nr 116 z grudnia 1997.
107. Kozlowski W Najdluzsza droga. Biatystok, 1998.
108. Popinski Krzysztof i in. Drogi Smierci. Karta. Warszawa, 1995
109. www.poisk.slonim.org/register.php
ПО. Воспоминания сибиряков. Том 3. Варшава, 1990.
Ш. Сямашка Я. Арм1я Краёва на Беларусь Мшск, 1994.

Приложение

ОБЪЕДИНЕНИЕ БЕЛАРУСИ в 1939 году и «ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Анатолий Трофимчик

Последствия пакта Молотова — Риббентропа, признанного мировым сообществом «преступным сговором», применительно к Беларуси многие авторы считают справедливыми. При этом они не обращают внимания на тот факт, что акция Советского Союза в сентябре 1939 года противоречила подписанным им же международным документам, в том числе договору о ненападении с Польшей*. Да и сам пакт Молотова — Риббентропа шел вразрез с предыдущими советско-польскими договоренностями «не принимать участия ни в каких соглашениях явно враждебных другой стороне».

Аргументы Москвы в том духе, что Польша уже не существовала, а ее правительство не подавало признаков жизни, по международному праву были неправомочными для прекращения действия советско-польских договоров. Российский исследователь С.З. Случ объясняет:

> «...государство продолжает существовать в смысле международного права даже тогда, когда оно временно не обладает центральной властью, поскольку оно представляемо не только своим центральным правительством, но и всеми его органами. ...Даже захват противником всей его территории... сам по себе не прекращает существования побежденного государства...» [1].

Вдобавок к тому, СССР подпадал под определение агрессора по Лондонской конвенции 1933 года, которую сам же подписывал (более того, именно проект Советского Союза был взят за основу при определении агрессии)*.

Из журнала «Беларусю пстарычны агляд», том 16, 2009, сш. 1 (30).
Перевод и редакция А.Е. Тараса, с сокращениями

* Этот договор был подписан 25 июля 1932 г. Протокол от 5 мая 1934 г. продлил его действие до 1945 г.

* Статья 2-я этой конвенции квалифицировала агрессию как «вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства». А приложение к 3-й статье утверждало, что никакой акт агрессии не может быть оправдан такими обстоятельствами, как «внутреннее положение государства» или «недостатки, приписываемые его управлению». — *Прим. ред.*

В целом, своим вторжением в Польшу СССР нарушил как минимум пять международных соглашений, подписанных им самим*.

Советская историческая наука однозначно оценивала поход Красной Армии как освободительный (перечень публикаций превратился бы в объемный, никому сегодня не нужный историографический справочник). Современная беларуская историография, за некоторыми исключениями, не влияющими на общую картину, не отказалась от советской оценки — исходя из соображений «исторической справедливости объединения». Типичной для большинства беларуских историков (особенно старшего поколения) является позиция, представленная в современной отечественной энциклопедии:

> «Воссоединение Западной Беларуси с БССР — акт исторической справедливости, ликвидации насильственного и грабительского раздела Беларуси по условиям Рижского мирного договора 1921 г.» [2];
>
> «Важнейшим результатом» советско-немецкого договора от 23 августа 1939 года для Беларуси является «исторически справедливое событие в жизни беларуского народа — воссоединение Западной Беларуси с БССР» [3].

Не избежали этого штампа даже авторы относительно либеральной, демократической и деполитизированной коллективной монографии по истории Беларуси**. Здесь можно приводить бесконечный ряд примеров.

Отметим, что данный тезис восходит к политической аргументации периода Второй мировой войны и принадлежит он имецно советской стороне. Так, прокоммунистический Союз Польских Патриотов, созданный на территории СССР в апреле 1943 года по инициативе И.В. Сталина, заявил о законности «стремлений бела-

* Эти соглашения: 1) Договоре мире с Польшей от 18 марта 1921 г. (Рижский трактат);

2) Протокол от 29 февраля 1929 г., подписанный представителями СССР, Польши, Эстонии, Латвии и Румынии, запрешавший применять силу в качестве инструмента для решения спорных вопросов между участниками соглашения;

3) Лондонскую конвенцию от 3 июля 1933 г.;

4) Договор о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г. и Протокол о его продлении от 5 мая 1934 г.;

5) Советско-польское соглашение о гарантиях государственной границы от 9 июня 1938 г. — *Прим ред.*

•* См.: Псторыя Беларуси Том 5. Беларусь у 1917-1945 г. / Гал. рэд. М. Касиюк./. МIНСК, 2006, с. 455,468.

русов и украинцев к национальному воссоединению» [4]. Понятно, что в русле кремлевской политики выступало и руководство БССР снова и снова повторяя тезисы об «исторических правах», «справедливости как в историческом, так и этнографическом отношении», «законном и справедливом желании беларуского народа»...

Все это дало свои плоды: советская историческая наука с легкостью подхватила политическое обоснование, сделала его настолько сильным стереотипом, от которого по сей день не может избавиться историографический официоз Республики Беларусь. Многие ученые-историки то ли забывают, то ли не понимают (а может быть не хотят понимать), что наука не должна зависеть от политической конъюнктуры, что задачей науки как раз и является непредвзятый анализ исторических процессов.

Другое дело — специфика самого исторического периода. Известно, что в Советском Союзе больше, чем в любом другом государстве, все стороны жизни не только общества, но и индивидуума, должны были подчиняться идеологическим установкам Кремля. Научный анализ таких процессов невозможно деполитизировать, полностью исключив из них политические аспекты. Главное для науки — не примешивать к исследованию подоплеку дня сегодняшнего, что превратило бы ее /науку/ в публицистику, а историков — в конформистов или диссидентов (в зависимости от их общественных взглядов).

* * *

В связи с понятием «историческая справедливость» хочу отметить, что понимание этого понятия субъективно. Оно целиком зависит:

1) отличной позиции того или иного автора (политической, методологической), а также от его социального и этнического происхождения,

2) от конъюнктуры (социальной, научной), которая, безусловно, определенным образом влияет и на эту личную позицию.

Именно от личной позиции определенного субъекта и актуальной конъюнктуры зависит определение того или иного исторического момента.

Но как же определить этот момент и кому его определять? В свое время, еше в 1906 году, российский профессор-лингвист Иван Бодуэн де Куртенэ по поводу «исторических прав» (в данном случае польских помещиков на Беларусь, но нам важен сам принцип) писал:

> «...историческим правам отдельных национальностей место в архиве истории. Ссылками на исторические права можно, если угодно, обосновать восстановление людоедства, рабства, крепостничества, самодержавия и т.д. Нельзя, конечно, отрицать историю, но источником для практического решения политических вопросов может быть один только современный исторический момент» [5].

Если задуматься над понятием «историческая справедливость», то мы поймем, что кроме этой существуют и другие ее виды.

> «Осмысление справедливости в истории политической мысли дает нам два принципиально разных подхода к решению этой проблемы. Первый подход сформировался в рамках классической (античной) парадигмы политической философии, и связан прежде всего с именами Платона и Аристотеля. Классическая мысль понимает под справедливостью такой социальный и политический порядок, который ориентирован телеологически — на обретение блага в рамках совместного существования людей.
>
> Прямо противоположную трактовку справедливости дает политическая философия классического либерализма, представленная в первую очередь именами Гоббса, Локка, Руссо и Ребра. В трудах этих мыслителей справедливость начинает трактоваться как функция индивидуальной свободы, причем свободы, понимаемой формально — как защита неотчуждаемых прав.
>
> Иначе говоря, классическая мысль дает нам этическую трактовку справедливости (в основе которой — идея блага), а современная мысль — правовую трактовку (основанную на свободе)» [6].

Очевидно, что в нашем случае мы имеем дело с этической трактовкой, которая уже давно стала анахронизмом. Нарушение международного права со стороны Москвы и Берлина сегодня тоже никем не оспаривается. Что до СССР, то даже если исходить из понимания справедливости, предложенного советской стороной, его действия вызывают много вопросов. Причины отчасти видятся в самом отношении советского руководства к понятию справедливости в историческом развитии:

> «Вопрос о борьбе... нужно рассматривать не под углом зрения справедливости, а под углом зрения политического момента, под углом зрения политической потребности партии в каждый данный момент» (из выступления И. Сталина на заседания исполкома Коминтерна 22 января 1926 г.).

Руководство СССР изображало вторжение своих вооруженных сил на территорию Польской республики как помощь кровным братьям в Западной Беларуси и Западной Украине в деле освобождения от национального и социального угнетения. В рамках ленинской теории такая трактовка оправдывала эти действия, так как они якобы не попадали под понятие аннексии [7], несмотря на захват 51,4 % территории польского государства. Фактически главные большевистские теоретики пришли к следующему контрапункту своей идеологии: справедливо то, что им выгодно.

В действительности, освобождение и объединение разделенной Беларуси (как и Украины) было для Кремля далеко не главной задачей. А.П. Сальков справедливо отметил, что «воссоединение белорусского и украинского этносов в рамках национальных государств» явилось «побочным, хотя и необыкновенно важным результатом реализации советских геополитических целей» [8].

Луч света на реальное отношение советского руководства к проблеме воссоединения беларуского народа проливают следующие факты:

(1) Западная Беларусь была присоединена как территория, весьма отличавшаяся от изначального понимания. Сами большевики после Рижского договора определяли этнографическую территорию Беларуси, оказавшуюся в составе Польши, в 98.815 кв. км с 3,2 млн. населения [9]. Беларуские деятели из Западной Беларуси оценивали ее пространство в 107.000 кв. км [10]. А советская академическая наука руководствовалась уже послевоенным положением вещей и декларировала территорию Западной Беларуси в 92 тыс. кв. км, но при этом включала в ее состав все четыре воеводства «крэсов северно-восточных» (Белостокское, Виленское, Новогрудское, Полесское), которые занимали намного большую площадь [11].

Нынешняя академическая наука Республики Беларусь не включает в состав Западной Беларуси территорию западнее Белостока (так называемый Ломжинский регион) и район Камня-Коширского в Украине [12]. Так, в «Атласе псторьц Беларуси (2004 г.) — приложении к шеститомной «Энцыклапедьц псторьп Беларуси — сказано: «общая площадь 113 тыс. кв. км, население 4,6 млн чел» (с. 106). Если вычесть из этой цифры площадь и население Белостокской области БССР (20,9 тыс. кв. км и 1 млн 368 тыс. чел.), получим 92,1 тыс. кв. км и 3 млн 232 тыс. человек.

(2) Напомню, что до подписания советско-немецкого договора «О дружбе и границе между СССР и Германией» (это произошло в

ночь с 28 на 29 сентября 1939 г.), не было конкретных планов относительно дальнейшей судьбы Западной Беларуси и других земель Польской республики, занятых Вермахтом и Красной Армией.

(3) СССР захватил и те земли, которые никогда не считались Западной Беларусью (Ломжинщина). Первоначально (по соглашению с немцами от 23 августа) планировалось вообще занять земли почти до Варшавы! При проведении и уточнении демаркационной советско-немецкой линии территория, включаемая в БССР, по-прежнему рассматривалась как разменная в контексте политики европейского масштаба*. Так, посол Германии в Москве Вернер фон Шуленбург вспоминал:

> «Господин Сталин лично говорил мне в то время, что он готов сделать уступки на севере пограничной линии, там, где она проходит через Белоруссию» [13];

(4) Виленский край, принадлежность которого к Западной Беларуси с 1923 и до осени 1939 года не ставилась в Москве под сомнение, был подарен Летуве в качестве «троянского коня».

Но если быть последовательными, то большевики должны были отдать Летуве намного большую часть Беларуси, отобранную у Польши, нежели один только Виленский край. Ведь по мирному договору между РСФСР и Летувой, подписанному в 1920 году, северо-западная часть Беларуси вместе с городами Вильня, Гродно, Лида, Браслав, Поставы и другими относились к Литовской Демократической Республике [14].

А по Рижскому договору вопрос о принадлежности спорных между Польшей и Летувой территорий подлежал решению исключительно этими двумя государствами [15], то есть Москва не имела к этому вопросу никакого отношения.

(5) Бывший член Политбюро ЦК ВКП(б) и бывший заместитель председателя Совнаркома СССР Л.М. Каганович спустя много лет прямо сказал, что одной из первоочередных задач Кремля было «прибрать к рукам» государства, отнесенные по пакту с Германией к сфере интересов Советского Союза [16].

Если бы Москва действительно руководствовалась тем, что Рижский мирный договор несправедлив, то она автоматически реанимировала бы линию Керзона — этнографическую польско-беларускую границу, рекомендованную в июле 1920 года Верховным сове-

* Переговоры военных представителей сторон по вопросу установления демаркационной линии состоялись в Москве 20-21 сентября 1939 г.

том Антанты (то, что при установлении послевоенных границ в Восточной Европе вернулись именно к линии Керзона, подтверждает нашу мысль).

Однако большевистская Россия вместе с нацистской Германией в 1939 году сделала то же самое, что и в 1921 вместе с возрожденным польским государством, а именно — разделила земли соседа*. Но если в 1921 году заключался мирный договор, то в 1939 начиналась большая война в Европе. Что лучше для людей, мир или война? На Беларуси поныне популярен базовый критерий — «лишь бы не было войны».

(6) Более того, в связи с подготовкой Советского Союза к наступательной войне, на территории Западной Беларуси и Западной Украины предполагалось создать польскую административную единицу, к которой могли быть присоединены захваченные Германией земли Польской республики (с этой целью даже началась подготовка к созданию польских «красных легионов») [17]. То есть, Беларусь по-прежнему рассматривалась как предмет политических манипуляций, как одно из средств очередной стратегической кампании.

* * *

Итак, объединение Беларуси, хотя и явилось косвенным (или вторичным) результатом в контексте международных событий, было ими детерминировано. Раздел страны по Рижскому договору не означал прекращения развития беларуской национальной идеи. Наоборот, он стимулировал ее дальнейшую эволюцию. А развитие национальной идеи вело в перспективе именно к воссоединению беларуской нации.

Однако это воссоединение стало делом рук не самих беларусов, а внешнеполитической имперской силы. Потому слияние двух частей одного народа не столько результат внутренней национальной эволюции (хотя и этот фактор сыграл свою роль, подготовив соответствующую почву), сколько был обусловлен самой логикой исторического процесса. Эта логика заключается в тем, что геополитические результаты Первой мировой войны, оформленные в виде версальско-вашингтонской системы, оказались непрочными. Мно-

* В связи с этим кажется вполне обоснованным суждение атамана Полесской Сечи (Украинской повстанческой армии) Тараса Бульбы (Боровца): поляки, начиная с Риги 1920 г. так долго торговали чужими землями то с Москвой, то с Берлином, что в итоге Польша сама стала немецкой и московской колонией (Бульба-Боровець Т. Армия без держави. Слава и трагед1я украТнського повстанського руху. Спогади. Вшншег, 1981, с. 66).

гие государства (в первую очередь Германия и СССР) стремились к перестройке мира согласно своим геополитическим целям [18].

Поэтому государствообразующий процесс в Беларуси, прерванный в межвоенный период, закономерно получил продолжение во время очередной глобальной войны (в результате которой БССР, помимо консолидации, стала одной из учредительниц ООН), а последствием «холодного» противостояния между капитализмом и социализмом (иногда называемого Третьей мировой войной), явилось образование суверенной Республики Беларусь.

Следовательно, на риторический вопрос Юрия Туронка — «существовала ли бы сегодня беларуская нация после всех межвоенных и послевоенных испытаний, если бы не произошло ее воссоединение, если бы Западная Беларусь продолжала оставаться в границах Польши?» [19] можно ответить следующим образом. Беларусь должна была объединиться, а вот обстоятельства этого объединения сложились так, что в результате Второй мировой войны беларусы пострадали более, чем какой-либо другой народ Европы. Объединение произошло, ибо в 1921 году произошло разобщение, которое шло вразрез с поступательной эволюцией нациотворения беларусов. В обоих случаях (и в 1921, и в 1939 годах) к событиям прямо причастен советско-российский империализм, сначала в компании со Второй Речью Посполитой, затем — с Третьим Рейхом.

Уместно также подчеркнуть, что 17 сентября 1939 года — это дата освобождения (по советской терминологии), но ни в коем случае не объединения, так как руководство СССР в то время само еще не знало, будут ли «крэсы северо-восточные» входить в одну республику. Сейчас известно, что обсуждался план создания трех «государственных» формирований в виде советских республик: Польши, Западной Украины и Западной Беларуси.

В юридическом смысле поворот к тому варианту, который наконец осуществился — и Беларусь объединилась, начался 28 сентября 1939 года, когда между СССР и Германией был заключен очередной договор о дружбе и границе, предусматривавший новую линию разграничения на польской территории и сфер влияния в Летуве, тогда еще остававшейся суверенным государством [20]. Только 29 октября Народное собрание Западной Беларуси приняло декларацию о вхождении ее в состав БССР. 2 ноября 1939 г. эту «просьбу» официально удовлетворил Верховный Совет СССР, и лишь после этого, 14 ноября, продублировал Верховный Совет БССР.

Нелегитимность, недемократичность выборов в Народное собрание (о чем свидетельствуют многие доступные теперь мате-

риалы) [21], а и потом в советы разных уровней, не очевидна разве только тем беларуским историкам, которые остались в плену советских идеологических установок. Странно выглядят позиции таких ученых, которые, с одной стороны, заявляют о почти стопроцентной активности электората, а с другой (желая показать катастрофически низкий уровень образования «западников») — говорят о том, что неграмотность беларусов в «панской Польше» доходила до 70 % (по крайней мере на Полесье). Каким же образом, хочется спросить у этих исследователей, могли совершить обдуманный выбор люди, не умевшие читать? Ответ в данном случае один: их рукою на выборах водила власть.

В свое время В.И. Ленин потому и задумывал политику полной ликвидации неграмотности, обосновывая ее необходимостью политического просвещения масс, ибо понимал, что иначе не охватить массы большевистским влиянием и тем более — не добиться от них сплошной поддержки. Но он же и предупреждал, что «скачками здесь завоевать можно меньше всего, особенно среди масс, стоящих на низком культурном уровне» [22], что «мы ни в коем случае не должны спешно нести коммунистические идеи напрямую в деревню», «поспешность и размашистость наиболее вредны» [23]. Таким образом, даже логика советского вождя опровергает реальность бумажных показателей поддержки советской власти на выборах в Западной Беларуси.

Очевидность этого факта признают и некоторые официозные историки Беларуси. Отмечается, например, что около 400 тысяч человек высказались против кандидатов в депутаты или не приняли участия в голосовании в Народное собрание [24]. Голосование против и неучастие в выборах можно считать подтверждением определенной нелояльности к властям.

Вышесказанное означает, что формальное объединение Беларуси произошло только почти через два месяца после «освобождения». А реальное еще позже, фактически только после войны, ведь сначала через старую границу не разрешали свободного передвижения. «На старой границе имелись свои погранотряды. Это была большая сила» [25]. Население обрело возможность пересекать бывшую советско-польскую границу только при немецкой оккупации, до которой сохранялось довоенное состояние с жестким контролем границы. Летом 1941 года, уже после нападения Германии на СССР, местных жителей, решившихся на бегство, не пропускали на советскую сторону советские же пограничники! Уместно процитировать в этой связи дневник одного еврея:

«Как велико было горе тех, кто все же достиг советской границы! Здесь по всей линии границы стояли пограничные войска НКВД и угрожали застрелить каждого, кто намеревался пересечь границу. Пропускали только тех, кто имел специальный пропуск или билет коммунистической партии. А так как пропусков нигде нельзя было получить — в воскресенье все учрежденья были закрыты, а в понедельник всюду уже была суматоха, — то число тех, кому удалось пройти дальше на восток, было крайне незначительным. Огромная масса людей должна была вернуться обратно. Их положение было ужасно. Идти обратно означало наверняка попасть в руки немцев, захвативших уже оставшееся пространство, а идти дальше почему-то не позволяли советские пограничные войска...»

И еще одно свидетельство:

«Пока была советская власть, Западная Беларусь (в 1939-1941 г. — *А. Т.)* была изолирована от всего мира. Даже граница между Восточной и Западной Белоруссией была закрыта и местным жителям запрещалось пересекать ее. (...) Только после захвата Белоруссии немцы открыли границы, и мы могли навестить родственников - как на востоке, так и на западе» [26].

Обращает на себя внимание тот факт, что поначалу многие западнобеларуские национальные деятели (в частности, Беларуская христианская демократия и ее печатный орган «Kryniсa») тоже расценили события осени 1939 года как историческую справедливость [27]. Однако при этом надо отметить два принципиальных обстоятельства:

1) оценивался не юридический, а прежде всего политический и этнический аспекты;

2) генезис понятия «историческая справедливость» у советских и многих современных историков восходит к ленинско-сталинскому политическому дискурсу и к суждениям национальных сил Беларуси причастности не имеет.

И, наконец, последнее. Руководство Польской республики считало этнические беларуские земли за Бугом органической частью Польши и тоже объясняло необходимость их инкорпорации «историческим правом» [28]. Как видим, эта позиция методологически тождественна советской, — расхождение заключается не в империалистической форме, а в содержании того, что каждой из сторон хотелось бы исторически «осправедливить».

Таким образом, если попытаться следом за советскими и просоветскими историками осмыслить феномен «исторической справед-

ливости», то ни с правовой, ни с моральной, ни с исторической точки зрения события вокруг 17 сентября 1939 года нельзя назвать справедливыми. Акт 17 сентября — 2 ноября 1939 г. надо признать *формально объединительным ДЛЯ* Беларуси.

Нужно также скорректировать коннотацию термина «объединение», получившего в советской интепретации исключительно положительную окраску для того исторического момента. Во-первых, объединение было далеким от демократического, оно планировалась в сверхсекретных условиях и узким кругом представителей Третьего Рима и Третьего Рейха.

Во-вторых, его проводили совсем не те стороны, которые объединялись: беларусов объединили, не спрашивая согласия, и только потом (post factum) инсценировали «народное» собрание. Как и в 1921 году при разделе Беларуси, ее представителей не просто проигнорировали при осуществлении якобы объединительного процесса (а на самом деле колониального захвата), — они даже не знали о его подготовке и после 17 сентября могли только предполагать о дальнейшей судьбе Западной Беларуси.

Таким образом, интефация произошла путем *присоединения* западной части беларуских земель (советский аналог «аншлюса» Австрии), по образцу действий нацистской Германии в 1937-38 г.г. Думается, что использование в данном случае именно термина «присоединение» позволяет конкретизировать историческую суть этого неоднозначного события. 17 сентября не происходил акт объединения двух частей беларуского народа. Объединение произошло в результате этого акта.

Уместно отметить, что современные украинские историки, говоря о «насильственных методах» «присоединения западной части украинских земель к Великой Украине в рамках Советского Союза», справедливо отмечают, что объединение «было самым важным шагом в формировании украинской соборности» [29]. «Однако это событие, — цитируем другого украинского историка, — принесло украинцам не меньше страданий, чем полякам» [30]. В аспекте обоих моментов корректно видеть такое же (а в деле консолидации даже большее) значение тогдашних событий и для располовиненной Беларуси. Тогдашняя драма беларусов и украинцев заключалась еще и в том, что на насильственно присоединенной территории сразу же началась реализация жестокого сценария социальной революции, прокрученного почти за два десятка лет в БССР. Его результат был тождественным — советизация и русификация.

Любопытно, что «официальная» историческая наука Беларуси иногда уже отходит от тезиса об исторической справедливости, говоря следующее:

> «Действия советского руководства *если нельзя оправдать,* то можно правильно понять, исходя из сложившейся реальной политической ситуации» [31] (курсивнаш. *—А.Т.)*.

Как видим, автор уже допускает возможность неоправдания действий советского руководства (неоправдания «исторической справедливости»?!).

Однако, пытаясь «выкрутиться», он говорит о «понимании» политико-исторической логики тех действий («можно правильно понимать»!). А разве все другие моменты исторического процесса можно (разрешается) понимать неправильно? Думается, автор цитаты загоняет себя в тупик квазинаучных размышлений, явно сужая возможности выбора руководством Советского Союза политического курса и не учитывая мнения применительно к развитию тех событий главного автора этого курса — Сталина. Согласно же Иосифу Виссарионовичу, война открывала перед СССР «широкое поле деятельности для развития мировой революции»:

> «В интересах СССР — Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения обеих сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени. (...) Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население» [32].

Сталин хорошо понимал истинное значение подобных «мирных» договоров, так как еше в 1925 году он вспоминал прецеденты заключения таких актов, например, между Германией и Австрией, между Францией и Россией, что привело к развязыванию Первой мировой войны; последний /договор/ к тому же имел и секретный протокол (!), предусматривавший военную взаимопомощь против Германии [33].

* * *

Признавая объединительный для Беларуси аспект в событиях осени 1939 года, некорректно говорить об «освобождении Красной

Армией» Западной Беларуси и тем более о «справедливости» этого акта, тем самым признавая справедливость агрессии. События 1939 года были не более справедливыми, чем дележка Беларуси в 1918—1921 годах. И сентябрь 1939 не прибавил в истории справедливости, ибо зло нельзя искоренить злом. Оно от этого только увеличивается. А оценка тех или других социально-политических явлений в историографии должна быть адекватна системе ценностей современной цивилизации и не зависеть от научной или политической конъюнктуры.

По Ж.-М. Доменаку, «история... это прежде всего способ, согласно с которым культура трактует прошедшие события, чтобы на этом основании анализировать свою современность и планировать будущее». Поэтому осмысление политических процессов в Беларуси и вокруг нее четко показывает отношение авторов к нормам международного права, к праву народа на национальное самоопределение, к истории беларуской государственности, к тому, на какие исторические идеалы следует ориентироваться нашей нации в своем развитии.

Источники цитирования

[1] Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре — декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // «Отечественная история». 2000, № 5, с. 46—58.

[2] См.: Горбач А., М1хнюк В. Уз'яднанне Заходняй Беларуа з БССР // Энцыклапедыя псторып Беларус1 (ЭГБ). Том 6. Кн. I.MJHCK, 2001, с. 571.

[3] Снапкоусю У. Савецка-германсюя дагаворы // ЭГБ. Том 6. Кн. 1, с. 194.

[4] Цит. по: Вялиа А.Ф. На раздарожжы. Беларусы і паляю у час перасялення (1944-1946). Мшск, 2005, с. 20.

[5] ЦИТ по: Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921, с. 51.

[6] Канарш Г.Ю. Понятие справедливости в истории политической мысли (античная традиция и классический либерализм) // «Философские науки», 2006, № 2, с. 142.

(7] Вот что писал Ленин: «Аннексией нельзя назвать всякое присоединение «чужой» территории, ибо социалисты, вообще говоря, сочувствуют устранению границ между нациями, сближению и слиянию наций, образованию более крупных государств. Ясно, что аннексией нельзя считать всякое нарушение status quo: это было бы величайшей реакционностью и насмешкой над основными понятиями

исторической науки. Ясно, что аннексией нельзя считать всякое насильственное, военное, присоединение, ибо против насилия, если оно применяется в интересах массы населения и в интересах прогресса человечества, социалисты возражать не могут. Ясно, что аннексией можно и должно считать лишь присоединение территории вопреки воле ее населения. Другими словами, понятие аннексии неразрывно связано с понятием самоопределения наций» (Ленин В.И. ПСС. Том 27. М., 1973, с. 462-463).

Но при этом нельзя забывать о том, что логику и мораль вождя большевиков характеризуют следующие его слова: «Плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблимостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» (Ленин В.И. ПСС. Т. 36. М., 1974, с. 504). Чем этот тезис отличается от позиции Сталина?!

[8] Сальков А.П. Проблема принадлежности Западной Белоруссии и Западной Украины в советско-англо-франко-американских отношениях (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.), с. 19.

[9] ЛадысеУ У. Рыжеи дагавор 1921 года і палгтыка юраунщтва Савецкай Расіі па эксперту рэвалюцьи // Biuletyn Historii Pogranicza. 2001, №2, с. 38.

[10] Хваля М. Заходняя Беларусь. Яе абшар, люднасць і натуральныя багацщ // «Наш палетак». 1932, № 1, с. 12.

(11] Хауратов1ч І. Заходняя Беларусь//Бел. СЭ. Том4., 1971, с. 533—535.

[12] Хауратов1ч И. Заходняя Беларусь // ЭГБ: Том 3,1996, с. 421.

[13] СССР — Германия. 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июль 1941 г. // Интернет.

[14] Мирный договор между Россией и Литвой. 12 июля 1920 г. // «Спадчына», 1993, № 5, с. 48-55.

[15] Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой // «Спадчына», 1993, № 4, с 15.

[16] См.: Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре — декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // «Отечественная история». 2000, № 5, с. 46-58; № 6, с. 10-27.

[17] Dobski S. Miedzy Berlinem a Moskwa. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939-1941. Warszawa, 2007, s. 600.

[18] См.: Наджафов Д.Г. Советско-германский пакт 1939 года: переосмысление подходов к его оценке // Интернет.

[19] Туронак Ю. Мадэрная история Беларуси. Вильня, 2006, с. 816.

120] Документы внешней политики СССР. 1939. Том XXII: Кн. 2: Сентябрь — декабрь. М, 1992, с. 135-136.

[21] См.: ХоМіМ С. Беларуская скарбы Гувера // «Спадчына». 2003, № 4-5, с. 69.

В декабре 1940 г. на выборах депутатов в местные советы власть не только навязывала своих кандидатов, но и отклоняла выдвинутых от народа. В Столинском районе таких оказалось аж 76 (Памяць: Пст.-дакум. хротка Столшскага р-на. Мшск, 2003, с. 181). С тех пор на некоторых избирательных участках какое-то время сохранялась надпись: «Оставьте одну фамилию, а оставшиеся вычеркните». «Это удивляло, смущало, возмущало избирателей» (См.: Памяць: Пст.-дакум. хротка 1ванаускага р-на. Мшск, 2000, с. 152).

[22] Ленин В.И. ПСС. Том 37, 1974, с. 464.

[23] Цит. по: Жыжак С. Лавще момант: леншская спадчына //„ARCHE». 2004, № 4, с. 94.

[24] Каваленя А.А. Моладзь заходн1х абласцей Беларуа напярэдадш і у пачатку Вялйсай Айчыннай вайны // Заходш рэпен Беларус1 вачыма псторыкау і краязнауцау: зборюк навук. артыкулау/. Гродна, 2006, с. 15.

[25] Литвин А. Как это было // «Неман». 1991, № 6, с. 160.

[26] Обе цитаты по: Татаренко А. Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах: 1921-1954. СПб., 2006, с. 245-246, 332.

[27] Туронак Ю. Мадэрная псторыя Беларусь с. 504.

[28] Цит. по: Ладысеу У. Да пытання напыянальна-тэрытарыяльнага адзшства беларусюх зямель у 20-я гады //Этнасапыяльныя і культурныя працэсы J заходн1м рэпёне Беларус1: псторыя і сучаснасць: Матэрыялы (...) канферэнцьй/. Гродна, 1998, с. 104.

[29] 1стор1я Украши: нове бачання / Пщ ред. В.А. Смолш/. Кшв, 2000, с. 338.

[30] Гетьманчук М. Ризький догов1р и трагед1я Полыщ в 1939 рощ //1939 piK в юторичшй дол1 УкраТни и украшшв. Матер1али М1жнародно)' науково'1 конференци 23-24 вересня 1999 р./ Льв1в, 2001, с. 119.

[31] Ладысеу^ У. Ваенна-пал1тычны фактар у вырашэнш праблемы адз1нства беларускай нацьи у пачатковы перыяд II сусветнай вайны (метадалаг1чны аспект) // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняу. Матэрыялы (...) семшара/. Мшск, 2004, с. 11.

[32] Цит. По книге: Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939—1954) / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович и др./ Гродно:, 2004, с. 104-105.

[33] См.: Сталин И.В. Сочинения. Том 7. М., 1952, с. 274-276.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Николай Иванович Быховцев родился 25 февраля 1954 года в Вол ковыске, там же в 1970 году закончил среднюю школу. В 1973 году после завершения учебы в Минском электротехникуме связи был призван на срочную службу в ряды советской армии.

После воинской службы заочно получил высшее образование. Всё это время работает связистом.

Много лет работает в архивах и библиотеках в поисках информации по истории Волковыска и Волковысского региона в XIX—XX столетиях. С 2001 года начал публиковаться в частной газете в Волковыске. С 2007 года издает краеведческий журнал «Ваукавышчына». По состоянию на лето 2012 года вышли 24 номера.

Книга «Первые советы» сначала была опубликована отдельными статьями в этом журнале.

k

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

БЫХОВЦЕВ Николай Иванович

ПЕРВЫЕ СОВЕТЫ
(ВОЛКОВЫСЧИНА: СЕНТЯБРЬ 1939 - ИЮНЬ 1941)

Редактор *А. Е. Тарас*

Подписано в печать 10.08.2012. Формат 60 х 90 '/,₆ .
Гарнитура NewionC. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд, л. 16,9. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 200 экз.

Институт беларуской истории и культуры (г. Рига).

Типография фирмы «Полиграфист».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.